

№ 2 (38) 2020

Берега



Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ



НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"



Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Июнь 2020 № 2 (38)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Евгений Журавли – поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев – секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Валентин Курбатов – член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Дата выхода номера в свет: 30 июня 2020 года. Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка – Елена Балантаева

Корректурa – Валентина Куртяк

Отпечатано в типографии «Страж Балтики»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе – *курсивом*, плюс фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии

- Беседа Андрея Коробова-Латынцева** с луганским философом Виталием Даренским
«...со времени Ивана Киреевского сова Минервы уже перелетела из Европы в Россию» 4

Проза

- Юрий Серб.** *Счастливые. Трилогия. Книга 1. Венок неудачнику. Продолжение.*
Начало в № 4 (34)-2019, № 5 (35)-2019, № 6 (36)-2019, 1(37)-2020 11
- Александр Чумиков.** *Непал. Винтажный роман. Часть 2. Начало в № 1 (37)-2020* 32
- Николай Стародымов.** *«Я – Доперст». Повесть* 64
- Александр Ралот.** *Хозяйка Званки. Рассказ* 77
- Владимир Белоголов.** *Речка. Рассказ* 82

Поэзия

- Елена Заславская.** *Стихи* 85
- Вадим Терёхин.** *Стихи* 87
- Елена Александренко.** *Стихи* 90
- Владимир Шугля.** *Шестое чувство. Стихи* 93

Берега Памяти

- Геннадий Сазонов.** *Яблоки небесные. Рассказ* 95
- Елена Бойченко.** *Мои воспоминания о войне* 99
- Сэда Вермишева.** *Память* 104
- Олег Лузанов.** *Зайка. Рассказ* 105

Берега юбилеев

- Ювеналий Калантаров.** *Чехов и мы, прости Господи! Отрывок из книги. К 160-летию А. П. Чехова* 108
- Наталья Советная.** *«В житейском море ко Христу прибиться...» О творчестве Г. Иванова, к 70-летию* 115
- Людмила Яцкевич.** *Не скудному мирскому слову узорить отчие гроба... О языке поэмы В. Дворцова «Ермак». К 60-летию В. Дворцова* 120

Берега истории

- О. Георгий Бирюков.** *Прусское поместье Гланды Камбилы* 124
- Григорий Блехман.** *Ностальгия со знаком вопроса* 140

Берега культуры и искусства

- Елена Лебедева.** *Шаляпин в Биаррице и Сен-Жан-де-Люзе* 154

Берега Новороссии

- Нина Ищенко.** *Пространство памяти в литературе Донбасса* 164
- Андрей Чернов.** *Призыв к духовной мобилизации Русского мира* 166
- Галина Чудинова.** *Художественная диагностика войны в Донбассе* 169

Берега новых книг

- Лидия Довыденко.** *Судьба землян. О книге Сергея Пылёва «А за окном – человечество...»* 172
- Эяна Суодене – поэт и философ** 176

Мир без границ

Берега Германии

- Антонина Шнайдер-Стремякова.** *Мини-тюри* 179
- Виталий Винтер.** *Степной разноцвет. Рассказ* 187

Берега Италии

- Алла Геленидзе.** *Лучше быть здоровым. Рассказ* 191

Берега Литвы

- Лайма Дебесюнене.** *Не только о «Покровах»* 200

Бережок

- Вениамин Гумаров.** *Сказки* 203

Наши друзья

- О приобретении и подписке на журнал** 206

Приглашаем к дискуссии

Беседа Андрея Коробова-Латынцева с луганским философом Виталием Даренским*

«...со времени Ивана Киреевского
сова Минервы уже перелетела из Европы в Россию»



Андрей Коробов-Латынцев: Виталий Юрьевич, Вы как представитель Донбасса, конкретно Луганской Народной Республики, лучше других ориентируетесь в обстановке. Расскажите, как обстоят дела с философией в Донбассе?



Виталий Даренский: К сожалению, Донбасс не относится к числу старых культурных регионов, по сравнению даже, например, с соседними Харьковом и Ростовом. Высшие учебные заведения здесь появились только в советское время, когда философии, строго говоря, не существовало. Она, конечно, ещё существовала в лице отдельных чудом выживших дореволюционных мыслителей, но на студенческую аудиторию выхода не имела. Но на Донбассе не было даже и таких. Ситуация немного изменилась к 1970-м годам, когда среди людей с советским образованием стихийно стало пробуждаться философское мышление. Причём чаще всего это происходило не с выпускниками философских факультетов, а с гуманитариями других направлений. (Впрочем, «технари» также философствовали – обычно в форме научной фантастики в ключе С. Лема и братьев Стругацких.) Это и понятно: специалисты по «марксизму-ленинизму» – это изначально не философы, а идеологи. Это принципиально разные способы мышления, но если философ при необходимости может стать идеологом, то идеолог философом – почти никогда. Идеолог исходит из готовой доктрины, а философ её создаёт. Кроме того, исходные тезисы марксизма таковы, что они в корне уничтожают саму возможность философского мышления, в лучшем случае порождая некий

симулякр, но чаще просто опускаясь до полного варварства мысли. Но тем большего уважения заслуживают люди, которые стихийно и «подпольно» становились философами в советское время, – эти люди совершили настоящий духовный подвиг...

АКЛ: Кого бы конкретно Вы назвали из донецких философов в этот период?

Виталий Даренский: В Донецке очень ярким философским явлением можно считать филологическую школу М. М. Гиршмана – В. В. Фёдорова, которая уже в явной форме явилась в 1980-е годы. Мне посчастливилось общаться с обоими её основателями – кстати, прямыми учениками М. М. Бахтина – уже в 1990-е годы, когда я здесь учился на истфаке, но реально я туда заходил редко, поскольку каждый день занимался самообразованием в библиотеке. В библиотеке ДонНУ были редкие издания – например, «История как предмет логики» Г. Г. Шпета, а дипломную я писал по историософии Н. Н. Кареева по книгам 1890-х годов, которые до меня за целых сто лет явно никто не читал – у них были склеенные многие страницы. На них стоял штамп «Харьковского Императорского университета», а потом они попали сюда.

АКЛ: Но ведь М. М. Гиршман и В. В. Фёдоров – это всё-таки филологи...

Идеи Донецкой филологической школы выходят далеко за рамки филологии и эстетики – по сути, в них спонтанно возродилась классическая герменевтика, которой в СССР вообще не было.

* Беседовал Андрей Коробов-Латынцев (Москва – Донецк) – кандидат философских наук, автор книги «Русский рэп. Философские очерки» (Санкт-Петербург: Реноме, 2016).

В концепции литературного произведения как «художественной целостности» М. М. Гиршмана оно понимается как «приобщение образного единства эстетического бытия к единственности событийного свершения реальной личности, её живого и живущего сознания... на основе приобщённости к этим глубинам первоначал бытия и первоосновам словесного творчества». А в концепции «поэтического мира» В. В. Фёдорова художественное произведение – «это не только реакция на это драматическое состояние мира, а это... поиск... аналога того движения, того события, которое должно завершить и мир – не созданный автором, а реально существующий». Но ведь и «приобщённость к глубинам первоначал бытия», и «событие, завершающее мир», – это категории не литературные, а экзистенциальные и онтологические, то есть сугубо философские.

В 1991 году я купил в Москве книгу «Литературное произведение. Теория и практика анализа», а вскоре в Донецке обнаружил её автора – М. М. Гиршмана. Я читал и его более ранние работы по интерпретации отдельных стихотворений Пушкина, Баратынского и Тютчева. В 1990-е годы он стал заниматься философией диалога – традицией, идущей от М. Бубера до Э. Левинаса. Я тоже много занимался философией диалога в сотрудничестве с известным киевским философом В. А. Малаховым. И уже в 2000-е В. А. Малахов мне говорил, что на философских конференциях он общается с М. М. Гиршманом и считает его лучшим знатоком «философии диалога» на всём русскоязычном пространстве. Об этом же свидетельствует и его небольшая, но сильная книга «Очерки философии и филологии диалога» (2007).

В свою очередь, Владимир Викторович Фёдоров, как мне кажется, осуществил ещё более фундаментальный прорыв из области филологии в область метафизики. Суть онтологии, которую он разрабатывал, выражена в названии одной из его работ: «Мир как Слово». В. В. Фёдоров исходил из понимания «словесности» как «коренного качества мироздания (Космоса)», а всё разнообразие форм существования есть разнообразие проявления этого качества. В своей книге «Поэтический мир и творческое бытие», которая вышла в Донецке в 1994 году, он прямо писал о том, что «Слово есть внутренняя форма всех существований», то есть это не что иное, как возвращение к библейской онтологии в рамках современного дискурса.

Донецкая филологическая школа – это уже десятки авторов, и всем им свойственно бахтинское понимание филологии, во-первых, как особой формы философствования; во-вторых, как рефлексии не только над литературными текстами, но и над самим Бытием как Словом. Это уникальный феномен, который, несомненно, имеет мировое значение, хотя ещё мало известен.

АКЛ: А из философских современников кого бы Вы выделили?

Виталий Даренский: Из современных философов Донецка наиболее известен Дмитрий Евгеньевич Муза – и как историософ, и как историк русской философии, и как очень редкий в наше время тип не просто философа-профессионала, но философа-личности. Этот тип, который в предшествующую эпоху наиболее ярко был явлен в А. Ф. Лосеве и М. К. Мамардашвили, особенно ценен, поскольку именно он реально продолжает живую философскую традицию, а не просто «профессионализм» в знании текстов, который чаще всего сочетается с убожеством собственной мысли. Характерно, что Донбасс оказался родиной сразу трёх православных историософов нашего времени – это М. Н. Назаров (род. в Макеевке), А. С. Панарин (род. в Горловке) и Д. Е. Муза из Донецка. Я это объясняю тем, что Донбасс – это не этническая территория, а русский имперский регион по своему происхождению и судьбе, и поэтому здесь вообще людям свойственно мышление всемирно-исторического масштаба. Особенно это бросалось в глаза во времена Украины по контрасту с представителями не только хуторских западных регионов, но и Киева. Людям, которые себя идентифицируют как «украинцы», всегда свойственно то, что я называю «менталитетом гетто», – они всегда замкнуты в своих примитивных местечковых интересах и на этом уровне пытаются судить о мировых процессах. Выходит это у них очень комично.

АКЛ: Вы сказали о философии в Донецке. Но ведь Донбасс – это и Донецк, и Луганск.

Виталий Даренский: В Луганске в советское время философии не было. Единственный, кого можно упомянуть, – это профессор Д. А. Жданов, который был ректором того университета, в котором я сейчас работаю, и покончил жизнь самоубийством в 1986 году. Он ввёл понятие «протоформа мышления» для обозначения тех ранних форм мысли, которые предшествуют понятийному, но уже выполняют его функции. Концепция хорошая, мы её «воскресли» в 2000-е годы, писали на эту тему статьи. Например, я показывал, что диалог происходит на уровне протоформ, а на уровне

строгих понятий он невозможен, поскольку они всеми понимаются по-разному. Это противоречит общепринятой точке зрения, но подтверждается исследованиями реального диалога. Д. А. Жданов был весьма известен в СССР, публиковался в Москве, а монография его выходила в Харькове. Итог его жизни был такой же, как у Э. В. Ильенкова, и был связан с экзистенциальным кризисом, то есть с бессмысленностью атеистического мировоззрения. Его последняя публикация была о возможности внеземного разума, что весьма характерно: он пытался найти выход хоть в иллюзорной трансценденции.

С 1989 года в Луганске в нашем университете стали собираться почти каждую неделю заседания философского Монтеневского общества. Я в них участвовал с 1997 года и сделал там до 2005 года почти 70 докладов. Формат их такой, как в Древней Греции: в дискуссии участвуют все, кто пришёл, – по четыре вопроса автору по кругу, потом все выступают со своим мнением по теме. Это очень хороший тренинг. Из наших «монтеневцев» вышло несколько ярких философов, известных на Украине. Например, А. И. Ерёменко, автор сильной историософии, которая изложена в его двухтомнике «История как событийность». Потом он сбежал на Украину, живёт в Одессе и враг ЛНР – это пример того, что умение писать философские тексты само по себе, увы, ещё не является признаком большого ума и нравственной зрелости. (Есть и российские примеры того же рода – А. В. Ахутин и др.) Другим ярким луганским автором является маркузианец А. И. Атоян, создатель целого направления – «Социомаргиналистики», которая изложена в его книге с таким же названием и в других публикациях. Но по большому счёту он не философ, а идеолог «левого» толка. Общаться с ним было поучительно, чтобы увидеть этот тип «левого» мышления в чистом виде.

АКЛ: Я бы хотел поговорить также о вопросе, который для философского пространства всегда был и остаётся актуальным, а для нынешней ситуации в Донбассе и в России в целом тем более – вопросе о смысле войны. Скажите, повлияла ли война на состояние философии в Донбассе? Что в этом смысле можно сказать о философии на Украине? До войны и после. И вообще, существует ли собственно украинская философия?

Виталий Даренский: Вы задали сразу три вопроса, и на них лучше всего ответить в обратном порядке – по мере нарастания серьёзности вопросов.

«Собственно украинской философии» не существует. В наше время на Украине имеет место эпигонская рецепция модных западных направлений, а также остаются некие реликты советского марксизма. Во всём этом нет ничего специфически украинского. В культурном отношении Украина – это типичная страна «третьего мира»: здесь, с одной стороны, есть реликты традиционной народной культуры, а с другой – погоня за модой, которая идёт с Запада. В таких условиях ничего ценного здесь возникнуть не может, в том числе и в философии. Украинское философское пространство я знаю очень хорошо, в своё время я ездил на десятки конференций, множество авторов знаю лично. Есть здесь интересные философы, которые формировались ещё во времена «перестройки», но уже среди более молодых поколений господствует эпигонство. С точки зрения исторической традиции «украинская философия» – это конструкт, созданный в своё время Д. И. Чижевским, а в 1990-е годы оформленный в учебнике В. С. Горского. В «украинскую философию» обманом и контрабандой записали всех авторов, начиная ещё с Древней Руси, которые родились на территории нынешней Украины. Правда, ни один из них «украинцем» себя не считал и даже не знал этого слова. По этой логике самым первым «украинским философом» должен считаться скиф Анахарсис. Всё это просто фальсификация, и не более того.

АКЛ: До войны, когда я бывал на Украине, ещё в аспирантские времена, как-то раз на конференции в Могилянке был доклад о древнеукраинской философии, которой больше тысячи лет или даже несколько тысяч лет, там автор иногда менял свои показания...

Виталий Даренский: О философии на Украине я уже сказал – это вторичность и эпигонство у Запада. Оригинальные философы на Украине – это только те, кто является продолжателями традиций русской философии. Так, в Киеве подлинным философом был В. А. Малахов, но в 2015 году он эмигрировал в Израиль. В. А. Малахов по стилю и глубине мысли – на уровне философов Серебряного века, и, несомненно, через десятилетия о нём уже будут писать как о классике нашего времени. Я очень рад, что с ним много общался, и мы до сих пор переписываемся. Во Львове есть сильный философ В. Л. Петрушенко, в Дрогобыче – В. С. Возняк. Парадоксально, но в Дрогобыче проводились до последнего времени очень хорошие конференции по философии Серебряного века.

В Полтаве такие же конференции по русской философии организовывал Г. Е. Аляев. Всё это именно русские философы, живущие на Украине, и они являются там единственными представителями живой философской традиции. Можно назвать всего около полутора десятков сильных русских авторов на Украине.

АКЛ: Давайте перейдём к центральному вопросу: о влиянии войны на философию в Донбассе и на Украине?

Виталий Даренский: Как повлияла война на состояние философии на Донбассе и на Украине в целом? На саму философию никак не повлияла, но вызвала более чёткое разделение на три группы. Эпигоны Запада – все как один агрессивно поддерживали «майдан»; русские авторы в основном заняли нейтральную позицию, дабы не подвергнуться репрессиям. Философы самого Донбасса – активно участвуют в идеологической войне, развивая идею Русского мира.

Но идеология – это факультативное занятие, оно не имеет к философии прямого отношения, а является общественным служением. А собственно в рамках философской проблематики 2014 год действительно актуализировал вопрос о смысле войны. Как оказалось, здесь мы имеем большое наследие философов Серебряного века, которые много писали на эту тему в период Второй Отечественной войны 1914–1917 гг., то есть ровно за сто лет до нас. Этот вопрос о смысле войны лишь на первый взгляд частный историософский и этический вопрос, но на самом деле он оказывается вопросом синтетическим, который «стягивает» в себя все предельные смыслы, с которыми работает философия. Ведь поскольку на войне жертвуются человеческие жизни, то автоматически предполагается, что есть смыслы и ценности более высокого порядка, чем индивидуальная человеческая жизнь. А если таких смыслов и ценностей нет, то война изначально абсурдна, бессмысленна и не может иметь никакого оправдания. Абсурдно воевать за какое-то «светлое будущее», если меня в этом «светлом будущем» не будет вследствие моей гибели. Лучше уж самое худшее будущее, но зато я останусь живым. Да и кто вообще может знать, какое будущее лучше? Не было ни одной войны в истории, об итоге которой не жалели бы и сами победители. Тем самым, бессмысленны любые попытки оправдать войны какими-то чисто земными и прагматическими целями. Человеческая жизнь всегда перевесит эти цели, делая их ничтожными. Оправдание войны может быть только религиозным, то есть должно исходить из высших, вечных смыслов и ценностей, которые превышают ценность земной жизни человека. (А если, например, война ведётся «ради будущего детей» – то это тоже квазирелигиозный мотив: это языческое идолопоклонство перед «родом».) В конечном счёте война оправдана только в том случае, если она ведётся за что-то вечное, бессмертное и святое, а отнюдь не за какие-то земные выгоды. Для русских в этом никогда не было проблемы – они всегда воевали за Русь Святую, то есть за земное отечество Церкви Христовой. Русский воин – это всегда воин Христов и мученик, поэтому его участие в войне – это подвиг, смывающий все земные грехи. Даже в период Великой Отечественной войны народ воевал вовсе не за безбожный СССР, а по-прежнему за Россию – Святую Русь. А те, кому христианская совесть не позволяла воевать за безбожное государство, переходили на сторону врага, считая его меньшим злом. Это была страшная трагедия всего народа, которая до сих пор ещё не понята и не осмыслена по-настоящему. Вот какие глубокие и страшные смыслы несёт в себе философия войны, особенно в тех случаях, когда ею занимается русский православный философ.

АКЛ: Мне хотелось бы также успеть поговорить о Вашей новой книге «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века». Вы там пишете о таком популярном тезисе, как «смерть философии». Я процитирую: «Этот тезис вполне справедлив для посткультуры, но для культуры он является тем вызовом, на который она должна дать Ответ. И именно русская философия как приоритетный для данной работы предмет и материал исследования наиболее ярко показывает примеры таких ответов» (с. 13). Что такое ответ философии вообще и русской философии в частности?

Виталий Даренский: Можно сказать, что философия всегда находится в состоянии своей «смерти», это её нормальное состояние. В том смысле, что философия, в отличие от науки, – это мышление, которое каждый раз начинает заново, с «нуля», и поэтому должно исходить из того, что в актуальном состоянии философии как бы ещё нет. С другой же стороны, философское мышление оказывается глубоко архаичным, это буквально «первомышление» о началах всего сущего, которое лежит в основе самого человеческого сознания. Это странный парадокс: философия всегда возника-

ет «заново», как нечто всегда новое, а с другой – всегда является «вечным повторением подобного», тем же вопрошанием о началах – оно и создаёт то внутреннее очарование философии, которого не имеет наука и которое очень похоже на очарование поэзии. Если внешне философия похожа на науку в качестве рационального дискурса, то внутренне философия сродни поэзии и искусству. Она не «исследует», как наука, а творит смысл, как поэзия. Философию можно определить как вид искусства – как «художество мысли», или точнее, как искусство вопрошания о предельных смыслах. Мне кажется, это самое точное определение.

Исторически философия возникла как некий компенсаторный механизм культуры в секуляризирующемся обществе. Когда впервые «не сработал» ритуал, дававший цельное посвящение в смысл и устройство мироздания, когда прекратились обряды «инициации» с передачей священных знаний и мистического опыта, люди остались с «голым» вопрошанием о смысле бытия, не имея опыта для ответа на этот вопрос. Вот из этого «голового», беспомощного вопрошания и родилась философия. Точнее, она не только родилась когда-то до нашей эры, она продолжает рождаться и сейчас в душах и умах многих людей, которые оказываются экзистенциально брошенными в это навязчивое состояние предельного вопрошания. И философскому вопрошанию не может помочь никакая наука, сколь бы развитой она ни была, потому что философия спрашивает совсем не о том, о чём нам говорит наука. Наука даёт знание эмпирических фактов и законов, объясняющих связь этих фактов между собой, но ничего и никогда не сможет сказать о смысле всего существующего и о том, почему мир вообще таков, каков он есть, и вообще почему он есть, ведь его могло бы и не быть. Научное мышление с точки зрения философии выглядит крайне наивным и инфантильным – ведь, действительно, это только очень маленькие дети интересуются лишь фактами, но ещё не интересуются их смыслом. Если, например, физик с умным видом объясняет происхождение мира «большим взрывом» или чем-то другим – это вообще не важно, какая теория является модной в данный момент – то, с точки зрения философа, физик здесь вообще не понял сути вопроса. Философия – это совершенно иной тип знания, и оно основано на неэмпирическом опыте. Отец Павел Флоренский писал, что философия Платона является рациональной экспликацией того опыта, который люди получали в ходе Элевсинских мистерий. То есть философия – это особая экзистенциальная технология, позволяющая получить тот же опыт без участия в массовых мистериях, но переживая эту мистирию в себе. Позже, фактически повторяя его мысль, П. Адо определил философию как вид «духовного упражнения». В предельной форме это происходит даже в форме «экстазиса» (то есть изменённого состояния сознания, при котором ум отрывается от чувственного опыта и созерцает вечные идеи непосредственно) – как в «Федре» или потом в рефлексивных медитациях Плотина. Но может и не вызывать таких предельных состояний, но суть дела от этого не меняется.

АКЛ: Абсолютно с Вами согласен! Я думаю, что русская философия в XX веке и веке нашем потому так и привлекает к себе все народы, что ей удалось создать какой-то свой особый вид такого вот духовного упражнения...

Виталий Даренский: Русская философия возникла в уникальный исторический момент – когда западная философия «выдохлась» в силу секуляризации сознания и утраты базового опыта. Эту историческую точку зафиксировал И. Киреевский, когда писал, что Шеллинг – это тот мыслитель, который появляется раз в тысячелетие. Он имел в виду «позднего» Шеллинга, который пытался вернуть философию к первичному мистериальному опыту, без которого она не может существовать, как дерево с подрубленными корнями. Надо отдать должное Западу, там многие продолжают работу «позднего» Шеллинга даже до сих пор, хотя господствующая тенденция западного мышления, продолжающая по наивности называть себя «философией», на самом деле давно не имеет к ней никакого отношения. Там появлялись ещё гении вплоть до М. Хайдеггера, Г. Марселя и М. Бубера, но всё-таки со времени И. Киреевского сова Минервы уже перелетела из Европы в Россию. Поразительно, насколько это сразу же поняли русские мыслители. П. Я. Чаадаев изложил в письмах 1835 года к Александру Тургеневу самые радикальные «славянофильские» тезисы, о которых у нас, к сожалению, мало знают. Поэтому я немного процитирую наизусть: «...у нас другое начало цивилизации», – пишет П. Я. Чаадаев, а дальше ключевой тезис такой: «Роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская

миссия началась». Ретроспективно он оказался прав во всём, но особенно в философии: действительно, русская философия в своих высших достижениях всегда была радикально другой, не европейской, вся её сила была именно в её «другом начале». «Европейским» в России было лишь эпигонство, не представляющее большой ценности.

В моей книге и русская философия, и русская культура в целом определяются как «пост-оксидентальные», то есть изначально развивавшиеся как пост-европейские, как рефлексия на Европу, преодоление её, а вовсе не «заимствование» и не «эпигонство», как до сих пор думают многие. Сами пост-оксидентальные качества и элементы можно классифицировать по-разному, но важно понимать саму их суть и исток. Это возвращение к тому первоопыту культуры, который сохранился в России благодаря аутентичной христианской традиции – Православию, а также её уникальному неевропейскому историческому опыту. То, что П. Я. Чаадаеву на первый взгляд показалось в России странным и даже страшным, затем, на втором шаге рефлексии, он понял как, наоборот, величайшее её достоинство и преимущество. Идеологи русофобии любят выпячивать только тот первый шаг его мысли, полностью замалчивая её следующий шаг и её итог. Если же говорить конкретно о философии, то в России самым ценным является то, что не имеет никаких аналогов в Европе и представляет собой возвращение к мистериальным основаниям мышления и культуры на основе православного духовного опыта. Я насчитываю в русской философии XIX–XX веков около трёх десятков гениальных мыслителей – это больше, чем во всей Европе этого же периода вместе взятой. Естественно, этого факта не увидят те, кто мыслит внутри западной традиции, – но об этом и не стоит особо беспокоиться: мы живём в своей великой традиции и давно уже не нуждаемся в каких-то заимствованиях извне. В XIX веке в России философия родилась заново из народного духовного опыта – так же, как когда-то в Древней Греции она родилась из мистериального духа Элевсинских и других культов. И покуда жив этот источник нашего опыта, русская философия будет мощно развиваться.

АКЛ: П. Адо писал о философских упражнениях. О том, что, например, написание статей – только лишь одно из упражнений в философии. Какие упражнения для Вас наиболее приоритетны?

Виталий Даренский: Главное философское упражнение – это особая направленность самой жизни человека, которая проявляется во всём, в первую очередь в его поступках и характере. Эту направленность можно назвать устремлённостью к смыслу. Если такая направленность есть и сопровождается рефлексией, «поиском себя», то человек – философ, даже если он ничего и не написал. Таких людей достаточно много, по крайней мере у нас. Проблема лишь в том, что обычно эти люди философии не знают, почти ничего не читают и поэтому мыслят дико и примитивно. К счастью, многие из них находят смысл там, где его и нужно в первую очередь искать – в вере и в Церкви.

В наше время культурное пространство, и пространство философии в том числе, страшно захламлено откровенно дегенеративными вещами. Поэтому, как это ни странно, в наше время необразованный с виду «простец» обычно бывает умнее и философичнее начитанного человека, поскольку последний начитался вовсе не классиков, которые развивают сознание, а того, что «модно» и только оглушает человека. Мне в жизни очень повезло в том, что я формировался не в среде интеллигенции, которая начиталась всякой модной, но бездарной ерунды, а среди обычных людей, которые мыслят просто, но по существу.

АКЛ: А профессиональные занятия философией, ведь это тоже упражнения в философии...

Виталий Даренский: Заниматься философией «профессионально», то есть писать тексты самому и систематически изучать тексты, написанные другими, – это очень специфическое занятие. Для большинства тех, кто этим занимается, это в первую очередь удачный выбор «хобби, за которое ещё и платят деньги». Обычно такие авторы быстро находят свою комфортную «нишу» (то есть определённое направление философии в качестве своего «мировоззрения») и создают свою частную концепцию как некий «бренд», по которому автора знают на пространствах философских журналов. Но я отношусь не к этому типу, а к другому, намного менее комфортному – философа без специализации и без узкого «бренда». Кроме того, я пишу работы культурологические, филологические и исторические, а также публицистику. Также и в области художественной литературы я пишу и стихи, и прозу. В Союз писателей России покойный В. Н. Ганичев меня принимал как

поэта, и как поэт я занимал первое место на всероссийском конкурсе в 2017 году. Такой «универсализм», образец которому задали наши классики В. С. Соловьёв и А. Ф. Лосев, тоже ведь нужно кому-то продолжать – хотя бы для того, чтобы показать, что он, во-первых, ещё возможен, а, во-вторых, отнюдь не означает дилетантизм.

Второе философское упражнение для всех людей без исключения – это чтение философских текстов, для этого ведь они и пишутся. Речь, правда, идёт не столько о современных философских монографиях, которые не всем доступны из-за своего специфического языка, но о книгах классиков – от Платона до позднего А. Ф. Лосева. В русской философии был свой гений сочетания глубины и простоты – Н. Бердяев. На Западе неким аналогом ему можно считать Алена и Х. Ортегу-и-Гассета. Умение излагать философию для всех – это особый дар, который бывает очень редко. Люди с техническим мышлением философствуют в форме чтения «научной фантастики» в стиле С. Лема; «читающая публика» – в форме чтения стихов и прозы. Наша задача в том, чтобы кто-то читал и философские тексты просто «для души». В XIX веке так массово читали А. Шопенгауэра, в XX веке – О. Шпенглера. В наше время так никого не читают, и это свидетельствует в равной степени и об упадке философии, и о примитивизации самой интеллектуальной среды. Во времена классиков – от Античности до Серебряного века – на выступления философов приходили толпы слушателей. Философы умели говорить и писать для всех, и философией интересовались люди самых разных профессий. Сейчас ничего подобного нет. Философ вынужден приспособливаться под узкую аудиторию «профессионалов» – либо тоже философов, либо других гуманитариев, например, политологов, культурологов и т. д., – а не говорить и писать просто для людей, взыскующих смыслов в нашем бессмысленном мире.

Поэтому можно сказать, что популярность философии – это один из признаков возрождающейся культуры. Пока этот признак не наблюдается, – а это значит, настоящего возрождения русской культуры нет. Но мы должны выполнить долг своего призвания, иначе его и не будет никогда. Этому стоит посвятить свою жизнь.

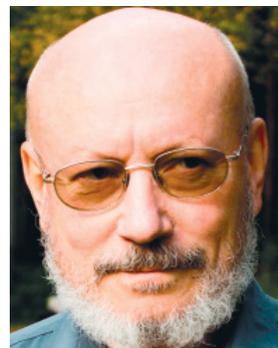
АКЛ: Виталий Юрьевич, спасибо Вам за беседу!



Проза

Юрий Серб

Лебедев Георгий Александрович (Юрий Серб) родился в Ровенской области (УССР) 17 апреля 1944 года. Окончил филологический факультет Ленгосуниверситета (ныне СПбГУ), прозаик, член Союза писателей России. Прозаические произведения Юрия Серба печатались в журналах: «Литературная учёба», «Северная Аврора», «Аврора», «Берега», «Медный всадник», «Родная Ладога», в сетевых изданиях: «Русский переплёт», «Топос», «МолОко», «Русская народная линия», «Филград». Публицистика Ю. Серба, посвящённая главным образом вопросам защиты отечественного языка и культуры, появляется на различных Интернет-сайтах на протяжении ряда лет. Сопредседатель Общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград» (<http://petrograd.livejournal.com/>). Вёл колонку «Рцы Слово Твердо» на сайте «Российский писатель» в 2012/13 гг. Книги: «Годовщина прошлой листвы» (1995), рассказы; «Солнце вдоль проспекта» (2009), роман; «Страна Эстремагвай» (2010), «Речка Нача» (2012), повести; «Статьи. Стихи» (2013); «Площадь Безумия» (2016), роман; «Стихотворения» (2018). Член Высшего творческого совета СП России. Живёт в Санкт-Петербурге.



Счастливые

Трилогия

Книга 1. Венок неудачнику

Продолжение.

Начало в № 4 (34)-2019, № 5 (35)-2019, № 6 (36)-2019, № 1(37)-2020

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Чудесный, всюду вхожий Ардальоновъ зналъ и философа Красова, и книжнаго маньяка Свѣтова, но тѣ только слышали другъ о другѣ, а между собой *не перестыкались* (Салабинъ поймалъ себя на этомъ словечкѣ городской интеллигенціи, которое – и которую – недолюбливалъ). Свѣтовъ каждому пріятелю внушалъ, что тотъ у него – единственный, и рѣдко у него встрѣчались двое гостей; исключеніемъ бывали только дни рожденія Свѣтова, но и въ этомъ случаѣ приглашенія и сборъ гостей распредѣлялись на двѣ, а то и три разныя даты: будній день-субботу-воскресенье. Впрочемъ, это выяснилось позднѣе: «совсѣмъ потомъ-потомъ». И званый день рожденія онъ устраивалъ отдѣльно для женщинъ и для мужчинъ.

Однажды зимой неотложка отвезла Свѣтова въ больницу на сѣверный конецъ города; свои причиндалы онъ держалъ теперь наготовѣ и съ просьбой къ Салабину «взять ключи...» не обратился, но призвалъ къ себѣ въ больницу свою престарѣлую подругу Людмилу Ивановну, одну изъ телефонныхъ своихъ жертвъ. Та пожаловалась на скользкую дорогу, на отѣкшія ноги, но Свѣтовъ её пристыдилъ – и ободрилъ, сказавъ, что существуетъ такой Геннадій Серафимовичъ Салабинъ, который можетъ её сопроводить, взявъ подъ руку; а телефонъ у него такой-то...

Людмила Ивановна согласовала съ Салабинымъ время, дату, и эта поѣздка состоялась. По дорогѣ она рассказала исторію своего знакомства съ Свѣтовымъ: они повстрѣчались на юбилейной сходкѣ у памятника Сергѣю Александровичу въ Таврическомъ саду, гдѣ женщина присутствовала по праву и долгу землячки, односельчанки Есенина.

– Я родомъ изъ села Константинова! – сказала Людмила Ивановна Салабину.

Павель Свѣтовъ обратилъ на себя ея вниманіе роскошной гривой сѣрыхъ волосъ изъ-подъ по-

этически заломленного берета и своей манерой перебивать выступавших, когда тѣ ошибались въ датахъ и фамиліяхъ. Такъ они и познакомились: Людмила Ивановна восхитилась его эрудиціей – при этомъ указавъ на его невоспитанность.

Ея встрѣча со Свѣтовымъ была предначертана на небесахъ, Салабинъ въ этомъ не сомнѣвался – ещё не зная, что его собственное знакомство со Свѣтовымъ тоже даромъ ему не сойдѣтъ. Вотъ только зачѣмъ Салабину знакомство съ Людмилой Ивановной? – вопросъ оставался безъ отвѣта.

Поджидавшій ихъ въ больницѣ Павелъ картинно вскинулъ руки къ потолку, расцѣловался съ Людмилой Ивановной, принялъ изъ рукъ Геннадія пакеты и обмѣнялся съ нимъ рукопожатіемъ. Больше въ памяти Салабина не сохранилось ничего: только щебетъ Людмилы Ивановны на долгомъ обратномъ пути съ грохотомъ метро и гололёдомъ тротуаровъ.

Въ отличіе отъ Свѣтова, у Красова былъ всего одинъ недостатокъ: какъ всякій преподаватель, лишённый аудиторіи студентовъ, онъ любую тему норовилъ развернуть въ цѣлую лекцію, при этомъ уклоняясь въ безчисленные отступленія. Всѣ остальное въ Красовѣ можно отнести къ достоинствамъ: искренность, горячность, безкорыстіе, отрешённую скромность... Последнее качество помѣшало ему войти въ учёную номенклатуру, но не убавляло его способности притягивать приключенія на собственную голову – какъ и оцѣнивать по достоинству докторовъ и академиковъ.

– Мамардашвили, конечно, философъ съ мировымъ именемъ, но дрейфъ въ сторону постмодернистскаго эстетизма былъ ему присущъ...

А Батищева либеральная энциклопедія замалчиваютъ, потому что онъ совершилъ непростительный, съ ихъ точки зрѣнія, поступокъ – пришѣлъ къ Православію...

Салабинъ вѣритъ всѣмъ оцѣнкамъ, которыя даётъ Красовъ. Во-первыхъ, онъ вѣритъ Красову. А во-вторыхъ, ихъ оцѣнки совпадаютъ...

* * *

Красовъ позвонилъ и передалъ Салабину напоминаніе кн. Рославлева объ очередной традиціонной встрѣчѣ.

– Онъ тебѣ, конечно, самъ перезвонить, а я его упряждаю: не забудь... Само собой, Ирины тоже касается.

Салабинъ сморгнулъ...

– А ты заинтересованъ будто?..

– Возможно, не я, а Рославлевъ.

– Похоже, она занята въ этотъ день.

– Это дѣло ваше.

«Врядъ ли она упустить... – думаетъ Салабинъ. – Дата вѣдь была согласована...»

– А гдѣ встрѣчаемся?

– На выходѣ из метро «Звенигородской». Время какъ всегда.

– Ты чѣмъ-то раздражёнъ? – спрашиваетъ Салабинъ.

– Я пью! Мой задушевный другъ умеръ, почти годъ назадъ, а мнѣ даже не сообщили!

– Сочувствую!.. Онъ не питерскій?

– Да въ Подмосковьѣ! Физикъ-теоретикъ, голова свѣтлѣ-ѣ-ѣйшая!.. Мы были, въ университетѣ, не разлей вода, пока его не захомотала одна баба. А онъ её – люби-и-ль! А она: «Пойду за тебя, но чтобъ ни моего брата, ни твоего друга въ моёмъ домѣ не было!» Ей нуженъ былъ рабъ! Онъ и сталъ рабомъ! Мы-то всѣ трое были свободные, весёлые люди... Она смекнула, что мы не ко двору, помѣха въ его порабощеніи. При ней онъ капли въ ротъ не бралъ, хотя съ ума не сошѣлъ отъ этого рабства своего... Такъ она же сама пила! – представляешь?! Онъ могъ позволить себѣ выпить, когда она сама уже подъ столъ валилась...

– И отъ чего онъ?..

– Отъ инсульта. Да и она черезъ три мѣсяца за нимъ отправилась.

– А дѣти есть?

– Сынъ. Тоже учёный. Въ Сибири гдѣ-то.

– Да! – произнёсъ Салабинъ. – Что тутъ сказать? Ничего не скажешь... Не у всѣхъ такія жѣны, какъ у тебя.

– Моя Вѣра – это ангелъ! Ангелъ!

И Дмитрій умолкъ, чтобъ не жаловаться... Иначе сталь бы говорить о дочкиномъ поколеніи, о ея максимализмѣ – и вообще о «крутизнѣ» молодыхъ...

Рославлевъ всегда выбиралъ для встрѣчъ мѣста рядомъ съ зеленою парка, гдѣ можно было бы подышать, поговорить, гуляя по аллеямъ, а спустя какое-то время всё отправлялись трапезничать. Поэтому мѣста, облюбованныя лѣтомъ, часто повторялись и зимой. Сейчасъ же было почти лѣто.

Ирина, словно не замѣчая Салабина съ Красовымъ, просіяла въ сторону Рославлева:

– Здравствуйте, князь! Какъ поживаете?

– Согласно протоколу, душенька, согласно протоколу!

– Ничего не поняла! – расхохоталась Ирина. – Какому протоколу?..

– Сионскихъ мудрецовъ!.. – пояснилъ Красовъ. – Здравствуйте, Ирина Анатольевна!

– Ой, здрасте! Всё равно не поняла! Какихъ мудрецовъ?..

– Ой, проехали! – въ тонъ Иринѣ откликнулся Салабинъ.

Ирина с нимъ не поздоровалась, чѣмъ создавалось впечатлѣніе, будто съ нею Салабинъ встрѣчалъ разсвѣтъ. Ну и пусть.

– Господа! – воскликнулъ Красовъ. – А вы знаете, что такое СКР?

Всѣ молча уставились на него.

– Салабинъ, Красовъ, Рославлевъ! – продолжилъ онъ. – Не обезсудьте, Пётръ Николаевичъ, что вы тутъ на третьемъ мѣстѣ, дѣло въ томъ... это же аббревиатура, у которой важный смыслъ...

– Гмъ! – задумался Салабинъ. – Сторожевой корабль... Но какой въ этомъ смыслъ?

– Корабль?.. Это тоже неплохо! А вы что предложите, князь?

– Я пасъ! – развёлъ тотъ руками.

– Слѣдственный комитетъ Россіи! – съ нѣкоторымъ пафосомъ произнёсъ Красовъ.

Рославлевъ и Салабинъ переглянулись.

– Дружище, – вздохнулъ Салабинъ, – пока мы готовимъ обвинительный актъ, подрастѣтъ поколѣніе ЕГЭ, которое уже не сумѣетъ его понять.

– И даже читать не захочетъ, – добавилъ Рославлевъ. – По докладу ООН, русскіе первоклашки по-прежнему впереди всѣхъ по способностямъ и развитію, но къ окончанію школы опускаются на сорокъ первое мѣсто.

– Ужась! – воскликнули одновременно Красовъ и Салабинъ.

– Что и требуется этимъ людишкамъ наверху, – спокойно, безъ пафоса подытожилъ князь.

Въ поискахъ утѣшенія Салабинъ обвѣлъ глазами свѣжую зелень сада. Къ его удивленію, здѣсь было немало каштановъ, а ещё распускались липы и мѣдно-красные клёны. «Директоръ парка – молодець!» – сказалъ себѣ Геннадій. Но это не отмѣняло того, что со школой было дѣло швахъ.

– Ну-съ, друзья, пойдѣмте къ трапезѣ! – пригласилъ князь.

...Что касается меню, это не имѣетъ всемірнаго значенія. И тосты роли не играютъ, если даже ихъ произносили...

Рославлевъ говорить:

– Русскіе всегда задавали сакраментальные вопросы: кто виноват? что дѣлать? Но теперь эти вопросы – риторическіе. Теперь мы спрашиваемъ: «Чѣмъ же всё это кончится?!»

– Сакраментальные – это что такое? – спросила Ирина.

– Роковые! – отвѣтилъ Красовъ.

– Священные, – сказалъ Салабинъ.

– Насущные, – уточнилъ князь.

Всѣ мужчины согласно кивнули.

– Не пойму, зачѣмъ тогда непонятки прибавлять? – поѣжилась Ирина.

– Всѣ дѣло въ томъ, милая Ирина Анатольевна, что учёныхъ людей стало ужъ черезчуръ – ихъ гораздо болѣе, чѣмъ просто умныхъ... Учёнымъ надо чѣмъ-то выдѣляться.

– Примѣрно вчетверо больше, чѣмъ умныхъ! – горячо подтвердилъ Красовъ. – Я былъ научнымъ редакторомъ въ БАНѣ – насмотрѣлся на нихъ...

– Вчетверо? Можетъ быть... Но это въ гуманитарныхъ, а не въ естественно-техническихъ... – вслухъ предположилъ Салабинъ.

– Это вряд ли! – усомнился Красовъ. – Антропология – наука точная. Всѣхъ пассіонаріевъ – процента три-четыре, а мыслящихъ – не больше десяти... Такъ что изъ образованныхъ, я думаю, умныхъ – каждый четвёртый, независимо отъ профессіи.

– Ну вотъ, постановили и рѣшили! – ударила въ ладоши Ирина, притомъ не безъ колкости.

– А хорошо быть, навѣрное, ни тѣмъ ни другимъ! – задумчиво проговорилъ Салабинъ.

– А ты у насъ – и то и другое? – ласково улыбнулась Ирина.

Салабинъ попытался смѣнить тему:

– Интернетъ крикомъ кричить: власть продаётъ Россію, преслѣдуетъ русскихъ и тѣхъ, кто мыслить по-русски! Но никакого сопротивленія нѣтъ и не предвидится!.. Пассіонаріевъ повыбивали, пересажали, и кто съ организаторскимъ даромъ – тѣхъ въ первую очередь, теперь не знаемъ, куда и что...

– Съ конспираціей было дѣло дрянъ у пассіонаріевъ! – вспыхнулъ Красовъ. – У генерала Рохлина былъ только мобильный телефонъ, постоянная прослушка, а онъ неосторожно имъ пользовался... А всѣ, кто послѣ него, были тоже какъ на ладони...

– Ой, давайте не будемъ о грустномъ! – умоляюще воскликнула Ирина.

Салабинъ накрылъ ея руку ладонью:

– Помолчи, прошу тебя!..

Красовъ закипѣлъ:

– У тѣхъ-то людоедовъ конспирація поставлена отлично! Всѣ въ тайнѣ рѣшаютъ, а потомъ объявляютъ своей партійно-списочной Думѣ и рассказываютъ телевизору, какъ объяснять ихъ безобразія народу. А что у насъ? – одни дискуссионные клубы да круглые столы: заходи – не хочу!..

Ирина осторожно вызволила руку...

– Такъ вотъ, господа, не станеть ли предлагаемый СКР подобіемъ такихъ дискуссионныхъ клубовъ – по сути, бесполезныхъ? – спросилъ Рославлевъ.

– Есть одна причина, почему не станеть, – быстро отвѣтилъ Салабинъ. – Мы единомышленники, среди насъ нѣтъ засланцевъ.

– Но этого мало! – отвѣтилъ Рославлевъ. – Наши выводы, за пределами нашего круга, не будутъ имѣть ощутимыхъ послѣдствій.

– Геннадій Серафимовичъ ихъ будетъ излагать въ своихъ статьяхъ! – съ полупоклономъ произнёсъ Красовъ.

– А я, если что пойму, сообщу въ «Одноклассникахъ», – скромно добавила Ирина.

– Прекрасно! – съ тонкимъ сарказмомъ подхватилъ Рославлевъ. – Это то, чѣмъ занимаются въ Съѣти такъ называемые диванные полководцы – пикируются другъ съ другомъ, подъ недреманнымъ окомъ Большого Брата.

– А развѣ вы не говорили, Пётръ Николаевичъ, что вернулись не куда-нибудь, а въ растерзанную Россію, въ обречѣнную, просто чтобы въ эту землю лечь? Простите, что я объ этомъ...

– Да, говорилъ. Но больно же бездѣйствовать!

– Ну, нѣтъ среди насъ генераль-полковника – такого, чтобы могъ генсека едросовъ арестовать! Нѣту! И какъ намъ быть? – понизивъ голосъ до шѣпота, проскрежеталъ Красовъ.

– Ни маршалъ Ахромѣевъ, ни ГКЧП этого не сдѣлали, – проговорилъ негромко Салабинъ.

– И сдѣлать не могли, – парировалъ Красовъ. – Величія не хватило.

– Какого величія? – спросила Ирина.

– Величія души. Самопожертвованія. За звѣзды на погонахъ умирать готовы, а за Родину – нѣтъ.

– Дмитрій, ты клеветишь! – испугался Салабинъ.

– Нѣтъ, не клеветишь! Я много думалъ о нашей арміи, каждый день думаю. У офицера изъ нищей деревни – а выслуживаются въ основномъ такіе – я сынковъ генеральскихъ въ расчѣтъ не беру... у такого офицера нѣтъ признанія гражданскаго достоинства, онъ приученъ ѣсть глазами начальство. Оно, начальство, и есть для такого офицера – Родина. Вотъ въ чѣмъ бѣда. Онъ бѣдъ Отечества не видитъ, онъ дорожитъ своимъ довольствіемъ и дрожитъ отъ страха быть уволеннымъ безъ пенсіи.

– Да, ты мнѣ рассказывалъ, – кивнулъ съ убитымъ видомъ Салабинъ.

– Да развѣ не вездѣ офицеры таковы? – спросилъ Рославлевъ.

– Въ Турціи были буйные до нѣкоторыхъ поръ... – вспомнилъ Салабинъ. – Даже у нѣмцевъ полковникъ Штауффенбергъ съ генералами...

Ирина явно заскучала отъ обострившейся дискуссіи.

– Простите, господа, – она съ видимымъ удовольствіемъ всегда произносила это слово, – господа, но мнѣ кажется, мы нарушаемъ регламентъ. Или я не права?

– Вы всегда послѣдуете вовремя, дорогая Ирина Анатольевна! – вздохнулъ князь.

– Такъ что остаётся? Выходить на улицы? – спросилъ Салабинъ. – Были уже «русскіе марши» – всё безъ толку.

– Остаётся ждать, когда клонетъ жареный пѣтухъ! – поднялъ плечи Красовъ.

– Кого онъ клонетъ? Горби былъ съ ускореніемъ, а Медвепутъ – постепенный... Температура медленно растётъ, лягушка сама не замѣтитъ, какъ будетъ сварена!..

– Ой! – воскликнула Ирина. – Мы что, за этимъ сюда пришли? Мужчины, эти ваши актуальныя новости – вотъ! – она показала на горло. – Давайте говорить о вѣчномъ!..

– Это о чёмъ же? – спросилъ Салабинъ. – О любви?..

– Вотъ именно!

Глаза у Рославлева сверкнули – а можетъ, даже увлажнились:

– Да о любви – не всё ли уже сказано?

– Любовь... любовь... – пробормоталъ Красовъ. – Теперь что только не назовутъ этимъ словомъ! Съ этимъ же словомъ лепятъ на столбахъ номера телефоновъ и ценники. Это похоже на патриотизмъ у президента. Онъ считаетъ, что это идея, и её надо выучить. Но мы-то знаемъ, что это чувство!.. И это – чувство любви!

– А для Виннеръ-Пуха – идея, потому что онъ юристъ! – замѣтилъ Рославлевъ.

– Пошедшій въ юристы, по его же словамъ, чтобы попасть въ КГБ! – ѣдко вставилъ Салабинъ.

– Такъ ещё въ Средніе Вѣка, – возвысилъ голосъ Красовъ, – равнины призывали своихъ идти въ лѣкаря и въ юристы! И вотъ теперь имѣемъ, что имѣемъ!

Ирина обезкураженно переводила взглядъ съ одного мужчины на другого.

Глаза Ирины округлились: она подумала о неизбежной старости.

– ...потому что, – продолжилъ князь, – потому что мы живёмъ въ безумно перегруженномъ мірѣ... Чѣмъ перегруженномъ? Информацией, тёмной энергіей, ядами, ложью – всё это копится до извѣстнаго предѣла, намъ не извѣстнаго, то есть до неизбежнаго конца. Такъ уже было не разъ на Землѣ... Всевѣды, астрологи, палеонтологи, астрофизики и ясновидцы сходятся въ томъ, что сейчасъ на Землѣ существуетъ второе или третье человѣчество и мы находимся на порогѣ, можетъ быть, четвёртаго... Дѣло не въ порядковой цифрѣ, а въ томъ, что когда-то былъ Всемирный Потопъ, теперь ожидаютъ Всемирнаго Пожара...

– Ну какъ тутъ не выпить! – воскликнулъ Красовъ и сталъ разливать вино по бокаламъ.

– Ахъ, до чего застольныя рѣчи хорошія!.. – простонала Ирина.

– Вы пѣйте, пѣйте, господа!.. – ободрилъ её Рославлевъ. – А я продолжу, съ вашего позволенія... Замѣчали ли вы, какія лица сейчасъ у младенцевъ отъ года и старше?.. Раньше въ Россіи, рассказы-ваютъ, да и гдѣ угодно – было много капризныхъ, упрямыхъ, истеричныхъ дѣтей. Теперь я такихъ не вижу! Вообще! Я вижу чудныхъ созерцателей – спокойныхъ, любопытныхъ, изучающихъ... Они уже будущему человѣчеству принадлежатъ – тому, которое уцѣлѣетъ для будущей жизни, послѣ того какъ... – тутъ Рославлевъ, будто принимаясь, пошевелилъ ноздрями, – какъ скончается міръ ФРС Америки и российскихъ уголовнокомандующихъ... Англосаксы ничуть не меньше... даже больше криминальны, но якобы освящены вѣковой исторіей своихъ преступленій!.. М-да! только дѣло въ томъ, что міръ всё болѣе сливается, интегрируется въ одну нераздѣлимую мерзость – и тѣмъ приближаетъ свой конецъ. Но въ глазахъ у младенцевъ, въ изучающемъ взглядѣ ихъ я вижу будущее человѣчества, зародышъ будущей жизни, которая достойна уцѣлѣть. А мы съ вами, мои любезные, уйдёмъ – и останемся, если угодно, только въ памяти у Создателя... въ картѣ памяти Его компьютера...

– Краснó сказано! – воскликнулъ Красовъ, пряча своё смущеніе. – Кому ещё краснаго?..

– А вы, Дмитрій Михайловичъ, надѣюсь, приготовите къ слѣдующей встрѣчѣ вашъ альтернативный докладъ, представите ваши возраженія.

– Мнѣ нечего возразить вамъ, Пётръ Николаевичъ, – старательно-членораздѣльно произнёсъ Красовъ. – Я могу о прошломъ разсуждать и... о причинахъ настоящаго съ будущимъ, то есть новой смѣны человѣчества... но возражать, будто ея не будетъ, – не могу.

Остатокъ вечера и застолья, впрочемъ – недолгій, прошёлъ по преимуществу въ молчаніи. Умы переживали услышанное, желудки усваивали поглощаемое, Красовъ твёрдой рукой разливалъ... Только князь почти не прикасался къ ѣдѣ и не отставалъ только въ питіи.

* * *

– Эге!.. – сказалъ Красовъ, выражая общее чувство, когда всѣ вышли въ вестибюль и увидѣли ливень за стеклянной дверью.

Красовъ съ Рославлевымъ зашептались: у нихъ не было съ собой зонтиковъ.

– А я – съ зонтикомъ, умница Ирочка! – похвалилась Ирина.

Салабинъ смотрѣлъ молча, и она встрѣтила его взглядъ.

– Пу пѣс хоріс агѣпи, сты нѣхта сты врохі? – нараспѣвъ произнёсъ Салабинъ, глядя въ сѣро-голубые глаза бывшей ненаглядной (или такъ ему думалось).

– Досталъ уже со своимъ греческимъ! – бросила въ сердцахъ Ирина.

– Когда?! Я съ тобой по-гречески не баловался!

– Но всѣмъ извѣстно, чѣмъ ты увлекаешься!

Подошли Красовъ и Рославлевъ.

– Мы съ Дмитриемъ Михайловичемъ попутчики, сейчасъ вызываемъ такси, а васъ съ Ириной Анатольевной можемъ доставить къ ближайшему метро.

– Спасибо большое, Пётръ Николаевичъ, но до ближайшаго мы ужъ какъ-нибудь не промокнемъ, и зонтъ есть у насъ! – нѣсколько съ обидой проговорила Ира.

– Спасибо, князь, но мы рѣшили тоже ѣхать на такси, – сказалъ Салабинъ, съ телефономъ наготовѣ.

Такъ опять произошла имитация соединѣнности Ирины и Салабина. Красовъ и Рославлевъ откланялись.

Въ машинѣ онъ и она сидѣли молча, глядя передъ собой или въ затылокъ водителя.

На улицѣ Фѣдора Углова, то бишь – пока Ленсовета, они вышли оба, поскольку Салабинъ думалъ возвращаться на метро, а «Звѣздная» – вотъ она, рядомъ.

– Чтò я тебѣ хочу сказать, безъ свидѣтелей, – произнесла Ирина, глядя въ сторону. – Не настоящая твоя любовь!

Онъ коротко глянулъ на неё, потомъ сталъ смотрѣть вдоль ея улицы – словно тамъ надѣялся найти отвѣтъ.

Ирина топнула ногой, отошла на два шага и оглянулась:

– Молодой человѣкъ, вы идёте или не идёте?!

Салабинъ пошёлъ на этотъ зовъ, какъ приговорѣнный.

Въ квартирѣ, когда за нимъ защёлкнулся замокъ, онъ съ глупѣйшимъ видомъ спросилъ:

– А гдѣ Юля?

Ему на губы легла ея ладонь, затѣмъ она стала разстѣгивать ему рубашку...

.....

...Всѣ было будто бы не съ нимъ, а съ кѣмъ-то притворившимся, что онъ Салабинъ. Ирина была тоже не Ирина, а кто-то дерзкая, хохотавшая, пищавшая... щипавшая его подъ своё мяуканье и хохоть... Потомъ онъ провалился въ сонъ, но и въ сонномъ мозгу дрожація химеры продолжали пляску тѣней.

Подъ утро онъ сталъ одѣваться... Ирина похрапывала во снѣ. Когда-то онъ жертвовалъ недѣлями ради одной ночи или дня съ ненаглядной, теперь же міръ перемѣнился и не стоилъ ломаного гроша.

Крадучись, какъ воръ, онъ пошёлъ къ выходу, отжалъ язычокъ замка и вышелъ на площадку лестницы. Снаружи удерживать защёлку было нѣчѣмъ: она оглушительно лязгнула.

Не успѣлъ онъ свернуть на ступени, чтобы ссыпаться внизъ, какъ дверь опять распахнулась, въ проѣмъ показалась взлохмаченная голова Ирины и хрипло пропѣла строку изъ давней пѣсни:

– Не настоящая у нихъ любовь!.. Ха-ха-ха!

И дверь захлопнулась.

* Куда ты пойдёшь безъ любви да въ дождливую ночь? (греч.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Снова дождь; подь этимъ дождёмъ идутъ Красовъ и Салабинъ.

– Въ современномъ городѣ чиновникамъ хорошо! – продолжаетъ своё Салабинъ. – Но чиновникъ... онъ и въ Африкѣ чиновникъ!

– Бездумной, заученной неправды, о которой ты, Гена, говоришь – у насъ на каждомъ шагу... Вотъ, казалось бы, разумный публицистъ и патриотъ... И что онъ пишетъ? «Почему мы играемъ по правиламъ Запада?» Это *мы* играемъ?! Это они играютъ! Они!

– Только людямъ надо сказать, кто такіе *они*.

Едва переступивъ свой порогъ, онъ слышитъ трель телефона и нисколько не сомнѣвается: это Свѣтовъ.

* * *

Свѣтову нужно, чтобы Салабинъ пріѣхалъ и далъ ему совѣтъ по поводу письма отъ Марочкина изъ Америки. Это имя упоминалось всегда мимоходомъ: давній пріятель Свѣтова, ещё до *perestroiki* эмигрировавшій по галахическому* праву, а теперь профессоръ русскаго слова въ американскомъ университетѣ. Салабинъ же, въ свою бытность въ негосударственной Гуманитарной академіи, видѣлъ этого Марочкина, посѣтившаго академію въ качествѣ заморскаго *русскаго писателя*.

Когда-то, въ концѣ страшныхъ 90-хъ, Марочкинъ выдѣлилъ Свѣтову двѣ тыщи баксовъ на первое изданіе перваго толстаго тома Николая Клюева, коего Свѣтовъ былъ составителемъ и комментаторомъ, такъ что въ жизни Павла этотъ Марочкинъ былъ человѣкомъ не случайнымъ и даже значительнымъ. Теперь, однако, Свѣтовъ лелеялъ на Марочкина обиду: однажды, когда Виталій позвонилъ изъ-за океана (а звонилъ онъ таки частенько), то на замѣчаніе Павла – что жъ ты, молъ, не пріѣзжаешь? – отвѣтилъ кратко – «а къ кому пріѣзжать-то?». Это при томъ, что здѣсь похоронена мать эмигранта и здѣсь же онъ самый – Павелъ Свѣтовъ, «другъ твой ситный, чѣртъ побери!» Но это восклицаніе достаётся Салабину – вмѣсто Марочкина.

– Я прочту его письмо, – говоритъ Свѣтовъ. – Вотъ послушай!..

Марочкинъ сообщаетъ, что вышелъ на пенсію и переѣхалъ на крайній западъ Штатовъ, въ Сіэтлль, – это во многихъ отношеніяхъ выгодноѣ для жизни, для покоя и для сочинительства. Далѣе онъ дѣлится семейными новостями, замужествомъ дочери, своимъ избраніемъ въ какой-то общественный совѣтъ русскоязычной общины и другими лѣстными для него событіями.

– Хотя бы для проформы спросилъ: а ты-то какъ, Паша? – трясётъ гривой Свѣтовъ и вперяетъ въ Салабина испепеляющій взоръ.

– Помнится, ты что-то говорилъ о его какомъ-то комплексѣ, переживалъ онъ отчего-то... – скребётъ затылокъ Салабинъ.

– Да, онъ признавался, когда бывали мы взаимно откровенны, что его еврейство – это его проклятіе, пока онъ въ Россіи...

– А! Ну, понятно, быть русскимъ тамъ, среди эмигрантовъ – конечно же, проще!..

– Какъ ты думаешь, что ему отвѣтить?.. И отвѣчать ли вообще?

Салабинъ удивлённо пожимаетъ плечами.

– Тебѣ написано, тебѣ и рѣшать!

Свѣтовъ съ минуту сопить, потомъ объявляетъ:

– Не буду ничего отвѣчать! Рѣшено! Тема закрыта!

Присутствіе Салабина, хотя бы молчаливое, стало Свѣтову катализаторомъ для созрѣвавшего рѣшенія.

Забѣгая вперёдъ, надо сказать, что тема «тѣсенъ міръ» не исчерпывалась только тѣмъ, что у Салабина тоже хранилась визитная карточка Марочкина. Очень скоро на питерскомъ Международномъ книжномъ салонѣ онъ сведётъ знакомство съ хозяйкой одного издательства, Любовью Иннокентьевной, и когда принесётъ ей свою рукопись, та объявитъ, что отдаётъ её на судъ «питерскому критику, съ которымъ сотрудничаетъ» – Павлу Свѣтову.

* Галаха (*ивр.*) – правило опредѣленія полноцѣнности еврея по этнической несомнѣнности его матери.

– Ну, не знаю, насколько он критик, – неосторожно высказался Салабинь, – что книговед и буквовед – это да!

Но только годь или два спустя выяснилось, что Любовь Иннокентьевна работала в издательствѣ той самой академіи и вѣ то самое время, когда преподаватель англицаго языка и французской фонетики Салабинь слушал там лекцію профессора Марочкина, изъ которой ничего не запомнил.

* * *

Россійская имперія обвалилась за отсутствіемъ консервативной культурной политики, особенно вѣ части политики інформаціонной. Советскій Союзъ рухнулъ изъ-за ханжества верховъ, боязни правды и отсутствія *отечественной* культурной политики – когда превозносился интернаціонализмъ для русскихъ. А сами интернаціональные товарищи, коихъ не успѣлъ поубить товарищ Сталинъ, успѣшно создавали дефицитъ *ширпотреба* (слово это сочинили тоже они) и нашептывали отвращение къ существующему строю.

Теперь осыпается *россійская федерація* – по причинѣ, вѣ первую очередь, антикультурной политики режима. Какъ говорить нашъ Салабинь, транслитерируя Пучина, вѣ *россійской федераціи дзюдо, пива и футбола* культура исчерпывается футболомъ, пивомъ и дзюдо. Плюсъ явная слабость прѣзидента къ художественной гимнастикѣ. Правда, ходъ времени неумолимъ – мы всѣ старѣемъ, особенно прѣзидентъ: велико и тяжело ты, бремя отвѣтственности, – да и бремя безотвѣтственности бываетъ не легче!

Конечно, дѣло не в одной швидкультурной политикѣ власть имущихъ; читатель, особенно страдающій отъ невыплатъ заработной платы или размѣнявшій пятый десятокъ и обивающій пороги вѣ поискахъ работы, справедливо возмутится: всё зло вѣ экономической политикѣ!.. И это почти справедливо: *почти* всё зло... Но начиналось обрушение всегда одинаково: со сдачи врагу отечественной культуры, языка, інформаціонныхъ средствъ.

Но уже и тутъ проявилъ себя прогрессъ: если послѣдній царь былъ достаточно наивенъ, советскіе правители – достаточно малокультурны, то постсоветскіе – откровенно антикультурны. Постмодернъ, съ одной стороны, и содержательные смыслы, съ другой – это антиподы, какъ говорить философъ Красовъ, *по опредѣленію*.

Сначала оглушаютъ мозги, потомъ очищаютъ карманы. Потомъ снимаютъ съ жертвы показанія – и умываютъ руки вѣ судѣ. А судей теперь не выбираютъ, теперь ихъ назначаетъ гарантъ народного счастья!

– Какъ ты сказалъ? – спрашиваетъ, будто очнувшись, Дмитрій Красовъ. – Дзюдо, распила и футбола?..

Онъ хочетъ расхохотаться, но не получается. А Салабинь молча признаѣтъ, что съ распиломъ оно крѣпче, чѣмъ просто съ пивомъ. Съ пивомъ – это **kulturpolitik**, а съ распиломъ – полный альбацъ!.. или абзацъ... оба слова – отъ этихъ, отъ пришельцевъ, доbermanовъ-снѣтчеровъ.

Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, они блуждаютъ по Елагину острову. Но вотъ объ этомъ лицѣ, котораго, можетъ, и не существуетъ вовсе, возникъ, по опредѣленію Красова, «базаръ», вѣ которомъ приняла вдругъ заинтересованное участие Ирина Анатольевна.

«Какъ она узнала о собраніи? – недоумѣваетъ Салабинь. – Не отъ меня, это точно. А отъ кого? Кто ей позвонил? Не иначе – Рославлевъ. Питаетъ слабость?..»

Сказка Салабина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Позвонилъ Красовъ и спросилъ Салабина, слышалъ ли тотъ о несчастіи, постигшемъ ихъ дальняго знакомаго – успѣшнаго доктора философіи. Нѣтъ, отвѣтилъ Салабинь.

Отъ женщины изъ философскаго кружка, посѣщаемаго Ардальоновымъ и даже иногда докладчикомъ Красовымъ какъ докладчикомъ, Дмитрій узналъ, что у профессора Пустозея умеръ сынъ – утонулъ на отдыхѣ за границей.

– Боже!.. Я зналъ этого Колю школьникомъ, когда мы были съ Пустозеемъ сосѣдями!

– А вы были сосѣдями?

– Да, на Долгомъ озерѣ, въ лихіе 90-е.

Съ тѣхъ поръ Николай, по примѣру отца, тоже защитилъ диссертацию и сталъ доцентомъ философской кафедры. На отцовской ли кафедрѣ, они не знали. И теперь вотъ – на тебѣ...

– Онъ вѣдь былъ крепкимъ, спортивнымъ парнемъ... – продолжалъ Красовъ, – вмѣстѣ съ папой ходилъ на тренировки...

Ихъ бесѣда перешла къ разрозненнымъ, распавшимся воспоминаніямъ: какъ странно... неужто... а и въ самомъ дѣлѣ – неисповѣдимы пути...

Черезъ день-другой Красовъ позвонилъ съ уточненіемъ: младшій Пустозей умеръ не теперь, а пять лѣтъ назадъ – отъ инфаркта во время купанія.

И Салабинъ вдругъ ощутилъ ударъ внезапнаго прозрѣнія – сумбурная мозаика прошлаго, какъ въ калейдоскопѣ, скинулась въ картину закономерностей, а высказать ихъ – нѣмѣть языкъ: они превосходятъ тебя и твоё пониманіе... Больше они съ Красовымъ не пускались въ разсужденія: всѣ извѣстныя мелочи и подробности встали каждая на законное мѣсто.

Будущій успѣшный профессоръ Пустозей пріѣхалъ штурмовать науку изъ лѣсостепной российской глубинки; оттуда философія представлялась ему особенно престижной и плѣнительной. Въ эпоху советской утопіи эта дисциплина относилась къ числу идеологическихъ, и потому провластно номенклатурныхъ.

Салабинъ впервые увидѣлъ Пустозея въ старомъ Домѣ писателей на Шпалерной, во дворцѣ Шереметева, куда привлѣкъ его советскій прозаикъ Егоръ Гамовъ, – Домъ писателей, само собой, былъ имени Маяковского. Тогда совсѣмъ ещё нестарый профессоръ Пустозей былъ цѣннымъ для Гамова участникомъ семинара, поскольку умѣлъ оформлять практическія рекомендаціи наставника Гамова въ звонкія формулы учёности – съ привлеченіемъ діскурса, корреляцій и цитатъ отъ Альбера Камю до Декарта и Гуссерля.

Спустя годы, Салабинъ узналъ уже отъ Красова, какъ аспиранты-философы добывали себѣ пропитаніе, работая операторами газовыхъ котельныхъ и дворниками въ музеѣ Петропавловской крѣпости. Операторами брали питерскихъ, а дворниками – иногороднихъ. Тутъ же вспомнился Салабину фельетонъ, читанный въ «Ленинградской правдѣ», – о судебной тяжбѣ за жилую площадь, предоставленную Петропавловской крѣпостью бывшей женѣ профессора Пустозея съ ея дочерьми... э... дочерьми, стало быть, и профессора тоже. Ко времени этой публикаціи Салабинъ и Пустозей уже были товарищами по кружку Егора Гамова. И новую семью профессора Салабинъ зналъ уже по-сосѣдски, о прежней и слыхомъ не слыхалъ, поэтому никакихъ между ними словъ на тему фельетона не прозвучало.

А нѣсколько лѣтъ спустя рассказали Салабину исторію одного юбилейнаго банкета... Исторія эта дошла до него, поскольку знатная часть гостей банкета относилась къ тѣсному міру городскихъ графомановъ. Одинъ такой ораторъ, величая юбиляра, не преминулъ сообщить присутствующимъ, что онъ лично уже всего достигъ, получилъ всѣ мыслимыя званія, о которыхъ мечталось, издалъ столько-то книгъ съ золотымъ обрѣзомъ, изъ коихъ двѣ уже стоятъ въ Кремлѣ у перваго лица – короче, жизнь удалась, чего онъ искренне желаетъ и «нашему дорогому юбиляру» – и на этой доброй нотѣ ораторъ хлопнулся замертво у микрофона... Чего только въ жизни не бываетъ! Только юбиляромъ-то былъ не кто другой, какъ профессоръ Пустозей. «Развѣ это не знакъ?» – спросилъ тогда себя Салабинъ, выслушавъ эту исторію.

По-сосѣдски бывая у Пустозеевъ, онъ даже разъ или два послужилъ учёной мадамъ Пустозей переводчикомъ и оформителемъ англоязычныхъ анкетъ и писемъ. Дама была специалистъ по «русскому» декадансу, официально извѣстному какъ «Серебряный вѣкъ русской поэзіи» (а у Салабина съ Красовымъ – подъ именемъ «серебристой плесени»), и ей предстояла поѣздка въ одинъ азіатскій университетъ для чтенія курса лекцій. А теперь выясняется, что Коля Пустозей погибъ пять лѣтъ назадъ; выходитъ, профессоръ Пустозей, надписывая недавно Красову и Салабину свой послѣдній романъ, уже былъ осиротѣвшимъ отцомъ. Салабина окатило ощущеніе неправдоподобія... Ему казалось невозможнымъ писать что-либо въ родѣ той книги, которую получили они съ Красовымъ, послѣ *такого прикосновенія судьбы*.

– Жена говорить, что романъ такой же невразумительный, какъ и его названіе, – сказала Красовъ. – Самъ я ещё не читалъ.

– А я пытался, но продолжать не буду, – отвѣтилъ Салабинъ. Его удивляло, что человѣкъ, получивъ отъ провидѣнія подзатыльникъ, пишетъ нелѣпую ахинею (это ещё ладно! – допустимъ, это бѣгство отъ дѣйствительности), но рѣшается издавать её за счётъ субсидіи изъ городского бюджета (и это пусть!) – но ещё заботится уснастить обложку хвалебными глупостями отъ городскихъ пустозвоновъ – полуписателя-полурокаера, графомана-блогера и кого-то ещё изъ прошлыхъ знакомцевъ Салабина... И разъ ужъ пошёлъ о Пустозее разговоръ, то Красовъ сообщаетъ, что Пустозей лишился кафедры (больше не завѣдываетъ).

– Либеральная лафа прохудилась! Въ «герценовскомъ университетѣ» были кафедра философіи – это разъ, и кафедра *философіи человека* – это два! Какъ тебѣ это нравится? А теперь человѣчью философію ампутировали!

И Красовъ беззвучно колышется въ смѣхѣ. А въ Салабинѣ поселяется тревожное удовлетвореніе – оттого, что онъ кое-что понялъ про земныя наши судьбы: изъ того знанія о насъ, что бытуетъ въ иныхъ временахъ и пространствахъ.

* * *

– Рославлевъ ведётъ перепись всѣхъ – хотя врядъ ли всѣхъ! – преступленій режима, но хочетъ, чтобы кто-то въ родѣ тебя придалъ его матеріаламъ связную литературную форму...

Салабинъ удивлённо посмотрѣлъ на Красова:

– И гдѣ это можетъ пригодиться? Не въ Гаагскомъ же трибуналѣ!

– Я согласенъ, что въ небесномъ трибуналѣ всё и такъ извѣстно, всё учтено. Но человѣкомъ движетъ интуиція, предчувствіе: авось и у насъ оно сработаетъ, авось и мы доживёмъ и увидимъ. Хотя на землѣ совсѣмъ не тотъ к.п.д. судопроизводства!

– Я зналъ людей, одержимыхъ идеей неотвратимости суда... Мой отецъ былъ изъ такихъ. Одни собирали и копили выпуски «Огонька» Коротича, умножавшаго грѣхи сталинизма; другіе вели учётъ преступленій перестройки... А была ещё такая советская мода: строить школу или домъ пионеровъ – закладываютъ въ краугольный камень капсулу съ торжественнымъ посланіемъ къ потомкамъ. Вотъ и съ этимъ матеріаломъ, я думаю, такой же будетъ эффектъ. Допустимъ, что это мы и есть СКР, но судебной власти у насъ нѣтъ и службы исполненія наказаній тоже нѣтъ.

Красовъ вздохнулъ:

– Ну, смотри самъ. Лично я этой просьбѣ Рославлева сочувствую. Человѣкъ утѣшается тѣмъ, что ляжетъ въ родную землю при любыхъ обстоятельствахъ – браннымъ тѣломъ или сизымъ пепломъ, но, пока судъ да дѣло, онъ сидѣть сложа руки не можетъ...

«Да нѣтъ ни суда, ни дѣла!» – сказалъ себѣ Салабинъ, а вслухъ возразилъ:

– Да, мы всѣ дѣлаемъ что-то своё, но нѣтъ человѣка – Гермогена, Минина или Пожарскаго, кто сдѣлалъ бы необходимое для всѣхъ...

– Человѣка – нѣтъ пока... – и Красовъ поднялъ палецъ къ потолку: – Но есть Тотъ, Кто...!

И лицо философа было такимъ, что Салабинъ невольно посмотрѣлъ вверхъ, куда указывалъ Красовъ...

Принявъ эти слова въ качествѣ напутствія, Салабинъ взялъ матеріалы Рославлева, соединилъ со своими и принялся за работу. И вотъ что получилось.

* * *

А ничего не получилось – и не могло получиться, кромѣ разрозненныхъ мыслей безъ опредѣлённаго рѣшенія и тѣмъ паче безъ приговора.

Началъ Салабинъ издалика, какъ заправскій дилетантъ и диссертантъ, изъ которыхъ складывается современный бюрократъ – и почти тѣмъ же канцелярскимъ слогомъ:

«Прогрессъ человѣчества осуществляется тайной беззаконія и Божьимъ долготерпѣніемъ – черезъ смѣну цивилизацій, чередой катастрофъ. Говорятъ, что планета сейчасъ наканунѣ пятой смѣны человѣчества. Въ семидесятихъ годахъ XX вѣка англосаксонская цивилизація подошла къ своей

гибели, но сумѣла обманомъ, блефомъ и подкупомъ сдѣлать своимъ доноромъ Русскую Евразію – тѣмъ самымъ на четверть вѣка отсрочила свой конецъ. Англосаксонской мы называемъ её условно: съ наименьшимъ основаніемъ её можно считать левантинской или, по духу торгашества, левантинско-карфагенско-финикійской».

«Мантра античныхъ римлянъ, что “Карфагенъ долженъ быть разрушенъ”, въ духовномъ смыслѣ не осуществилась; отъ Карфагена только физически остались одни руины. Тогда сроки четвертаго человѣчества ещё не были исчерпаны, а крайнюю мерзость и метастазы капитализма мы наблюдаемъ только сейчасъ. Поэтому переломъ, или кризисъ, или крушеніе міра – уже смотреть намъ безъ пощады во всѣ глаза.

Но горе тѣмъ, черезъ кого это наступитъ, какъ сказано въ Писаніи. Объ этихъ-то мёртвыхъ душахъ и поговоримъ...»

Нѣкто подъ оперативнымъ псевдонимомъ «Горби», геростратъ изъ геростратовъ, до сихъ поръ неподсуденъ – ради Страшнаго Суда Небеснаго...

Тотъ же, кому отъ Горби перешли усечённые бразды и осквернённые регалии... какъ и послѣдовавшій за нимъ *бичъ Божій*...

Но приступъ тошноты помѣшалъ Салабину продолжить... Да и вертѣлась вокругъ, дразнилась, какъ моль, и ускользала изъ рукъ простая знаменитая заповѣдь: «Не судите, да не судимы будете!..»

И вспомнилось Салабину, какъ форумчане «Русскаго Неба» молились о концѣ этого постъ-Ельцина, наступившаго на раздавленное Отечество, какъ самъ Геннадій мечталь-изобрѣталь способности расправы съ этимъ двуликимъ Янусомъ. Съ пьедестала ханжества насъ опрокинули въ яму цинизма, и всталъ надъ ямой новый силуэтъ, почти свѣтлый ангелъ, съ плѣткою въ рукѣ и пѣньемъ изъ косога рта...

Геннадій отвергъ первоначальный планъ излагать біографію силуэта – то есть перечислять всѣ преступленія его противъ случайной родины и противъ чуждаго ему народа: это будутъ всего лишь цифры уничтоженныхъ фабрикъ и заводовъ, закрытыхъ школъ и больницъ и, какъ утверждалъ покойный Борисъ Абрамычъ, взорванныхъ домовъ; ему стало интереснѣе проникнуть въ шкуру этого существа и воспроизвести его мысли, страхи и мелкіе, какъ онъ самъ, расчёты.

Поэтому не столь важно выяснять, за что силуэтъ, представлявшій собою номенклатурную тѣнь и не имѣющій видимыхъ свойствъ, былъ отчисленъ въ резервъ той организаціей, погоны и «корочки» которой носилъ: узнавъ его невидимыя свойства, мы всё поймёмъ... Да и такъ ли ужъ они невидимы? Когда Салабинъ проникъ во внутренній мірокъ изслѣдуемаго силуэта, онъ содрогнулся отъ ледяного нечеловѣческаго холода... и готовъ былъ оплакать эту падшую душу.

Какъ – онъ жалѣеть не погубленную Родину, а ея врага и губителя?! Не сѣдитъ его – а жалѣеть?..

Но развѣ Ты не съ Россією, нашъ Богъ Всемогущій? Развѣ не по Твоему попущенію пришѣлъ сей супостатъ? Развѣ мы не заслужили его появленіе? Не безъ нашего ли соучастія сотворёнъ сей кумиръ?

А съ такъ называемымъ народомъ всё просто и всё схвачено. Главная опасность – это русскіе, когда свободны и организованы. Но ни того, ни другого у нихъ не будетъ. Мы не позволимъ. Ха-ха... Гайдаръ обмолвился – и пресса сообщила, что въ новой Россіи *у русскихъ нѣтъ перспективы*... Всѣ схавали – не подавились. Ошибки Николая Второго я не повторю, СМИ будутъ у меня въ кулакѣ, оппозиція – на довольствіи... Не ты, Борисъ Абрамычъ, меня ставилъ, не ты – и что мнѣ дѣлать, не диктуй.

И народъ, точнѣе – населеніе, меня не знаетъ; послѣ Горби съ Кашпировскимъ умъ народа за разумъ электората зашѣлъ – умъ за разумъ зашѣлъ и, дастъ Богъ, оттуда не выглянетъ.

Кто правъ – народъ или рейтингъ? Вопросъ риторическій: смотря кому – кого и что поручишь.

Партію пенсионеровъ упразднили, но реально она существуетъ. Господь её сокращаетъ, но Онъ же её и пополняетъ. Мнѣ это не переиграть; даже если повыситъ пенсионный возрастъ, то вырастетъ только безработица... Анъ нѣтъ, не только: бюджету облегченіе! и Олигархикамъ на молочишко...

Подсчитаемъ – и сразу послѣ выборовъ повысимъ... Возрастъ имѣю въ виду. Да такъ, чтобы

задѣлать резервь на попятный. Начнётся бурление, выскажутся мои совѣтники изъ оппозиціи (такіе для стабільности нужны) – и добрый мудрый царь подкорректируетъ Гоздуму. Надо почаще говорить «мы»: намъ нельзя, мы должны и т. д. Непопулярныя рѣшенія – хорошій способъ создавать «резервы» для «улучшенія»... Въ советское время такъ и говорили: *есть ещё резервы*, т. е. недостатки. Вотъ Валентина Шепетинко въ Питерѣ распорядилась, втихую, чтобы медики не спасали семидесятилѣтнихъ и старше... Молодчина! Дай Богъ ей дожить до Андрѣя Первозваннаго, котораго ей обязательно вручу! Теперь въ Москвѣ пусть окармляетъ (или окормляетъ? – спрошу у патриарха*) СовФедъ! Умница, заслужила!

Правовое государство, правовое государство... Короче, морозили глупость несусвѣтную. *Государство и право* – это цѣлая отдѣльная дисциплина на юрфакѣ. Это практически тождество, недаромъ пишется через **и**. А произносится черезъ губу. Но это совсѣмъ другая исторія...»

– Это не совсѣмъ то, чего я ожидалъ, – сказала Салабину и Красову Рославлевъ. – Но, несмотря ни на что, читать было интересно. Больно, горько – но какъ будто въ нутро подслѣдственного заглянулъ!

Онъ перевёлъ духъ, поднялъ глаза на собесѣдниковъ и спросил:

– Какъ, по-вашему, что важнѣе для любой страны: внутренній рынокъ или внѣшній?

– Оба!

– А въ нашей теперешней ситуаціи?

– Внутренній! – не колеблясь, отвѣтилъ Салабинъ.

– Почему? – удивился Красовъ.

– Потому что внутренній рынокъ – это простой народъ, имѣющій деньги, чтобы покупать... Миллиардеръ купить яхту, акціи, имѣніе – но не въ нашей странѣ, а за границей. И налогъ тамъ заплатить. А нашъ человѣкъ покупаетъ всё нужное здѣсь и поддерживаетъ нужную намъ промышленность. Нашъ человѣкъ финансируетъ развитіе собственной страны.

Отдавая наканунѣ Рославлеву текстъ своей «сказки», Салабинъ сказалъ:

– Я забылъ вписать сюда одинъ сакраментальный вопросъ, который хранится въ Интернетѣ и у меня въ памяти съ 2005 года: *Есть ли трагедія у Путина?* По какому-то поводу задавалъ его одинъ публицистъ, мнѣ думалось, что по темѣ «она утонула»... Оказалось – нѣтъ, по вопросу невыплаты зарплатъ въ регионахъ: президентъ высказался въ томъ смыслѣ, что «никакой трагедіи, конечно, здѣсь нѣтъ», но призвалъ подчинённыхъ обращать на это вниманіе.

– Да только возъ и нынѣ тамъ! – откликнулся Рославлевъ.

Салабинъ вздохнулъ:

– Боюсь, не доживу я до конца «вашингтонскаго конценцуса»...

Рославлевъ увидѣлъ въ этомъ простую игру словами – и ничего не возразилъ.

*Хотя могу и не спрашивать!

Страна Уа

Но гдѣ ты, настоящая война, а не мышинная возня непризнанных вождей между собою? Даже на Донбассѣ, сказываютъ, только люди и смерти настоящія, а война – не настоящая.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ни одна уважающая себя ворона не уронитъ свой помѣтъ на человѣка – чего не скажешь о голубяхъ. Да и форму одежды вороны блюдутъ неукоснительно, не то что голубиная шантрапа – нахальная, лѣнивая, пресыщенная, пестро одѣтая...

– Потому и живутъ эти голуби только въ городѣ, – продолжаетъ мысль товарища Красовъ. – Иждивенцы! Но дикіе голуби совсѣмъ другіе. Горлицы, по-моему...

Оба сидятъ въ зелёномъ углу на берегу Славянки и нѣжатся на солнышкѣ.

– Мнѣ антивирусъ устроил сюрпризъ, – мѣняетъ тему Салабинъ. – Обѣщаль оптимизировать систему, просканировалъ её – и выдалъ: «Ваша копія Windows не прошла провѣрку на подлинность. Щёлкните *здѣсь* – получите свѣденія о подлинномъ продуктѣ».

– Я въ этомъ не разбираюсь, – признаётся Красовъ, немало удивляя Салабина. – А у дочки компьютера почти всегда... э... разстроень.

– Жаль! – говоритъ Салабинъ. – Ты бы обучился – и мы пересылали бы другъ другу интересныя свѣденія, колоссально экономя телефонные расходы.

– Да, конечно! – отвѣчаетъ Красовъ безъ видимаго энтузіазма.

Онъ вышелъ въ этомъ году на пенсію, которая смѣхотворно мала: изъ-за частыхъ паузъ въ преподаваніи, изгоняемый съ кафедръ, онъ подрабатывал на шабашкахъ и не накопилъ приличнаго офиціального стажа. Спасаетъ жена; она ещё работаетъ, и вообще – добытчица: въ домѣ до весны не переводятся заготовки изъ ягодъ и грибовъ...

(Тутъ Салабинъ не можетъ отдѣлаться отъ ощущенія, будто онъ уже это «гдѣ-то видѣлъ»: его родная мать – такая же добытчица, кормилица, заботчица, и его отецъ – кабинетный большевикъ-пенсіонеръ, стратегъ и мыслитель...)

– А я всякій разъ отвѣчаю этому Виндовзу, точнѣе – Майкрософту: «На то она и копія, чтобы не быть подлинной! Ты что – не понимаешь, дурень?» Написали бы хоть *экземпляръ*, а не копія – было бы ещё туда-сюда!

– А вотъ скажи мнѣ, – проситъ Красовъ, – что такое *интерфейс*? Реклама съ этимъ словомъ – она меня достала!

– Это взаимосвязь... скажемъ, двухъ устройствъ, или связь пользователя съ устройствомъ... Вообще – обратная связь.

– Такъ это же вредительство въ чистомъ видѣ! – вскипаетъ Красовъ. – Порча языка!

– Чисто птичій языкъ! – соглашается Салабинъ. – Что говоритъ, если я, филологъ-англистъ, не всегда понимаю ихъ чирикание! Они съ каждымъ обновленіемъ технологий изобрѣтаютъ новую терминологию. Наше слово *настроить*, *приспособить* имѣло въ англійскомъ два или три эквивалента изъ латыни, такъ Майкрософту съ Гугломъ показалось мало: появилось новшество – *customize*. Но это уже не просто *настроить*, *приспособить* – а настроить подъ себя, подъ свои привычки... А если вспомнить, что исходное *custom* – это не только старофранцузское *custom* (обычай), но стало у англосаксовъ ещё и таможней – *customs*, то мнѣ пришлось поднапрячься, чтобы эту ихъ подлость раскусить.

– Да, не всякая птица долетитъ до середины Днепра... И не всякій уважающій себя политолухъ способенъ обойтись безъ трэнда или кластера... – задумчиво произноситъ Красовъ. И Салабинъ въ тонъ ему говоритъ:

– Ваша копія президента не прошла провѣрку на подлинность...

Красовъ утвердительно фыркаетъ. Потомъ спрашиваетъ:

– А тебѣ оно чѣмъ-нибудь грозитъ – это предупрежденіе Майкрософта?

– Не знаю. Быль одинъ показательный случай, какого-то учителя осудили за использование пиратской копии Windows – то ли условно, то ли на годъ общаго режима... Но если что, я имъ скажу, что принципиально подвергаю Майкрософтъ санкціямъ за сотрудничество съ людодѣдами въ Пентагонѣ.

– Правильно!

– Знаешь, у меня двѣ новыя поговорки завелись. Ни одинъ уважающій себя президентъ не говоритъ народу правды...

– А настоящій – её и знать не хочет!

– А гдѣ они, настоящіе...

– Настоящій – въ смыслѣ нынѣшній...

Салабинъ пристыженно краснѣетъ.

– Россіи нуженъ Земскій Соборъ! Я, напимѣрь, не требую выборовъ Царя – это ужъ какъ Соборъ!..

– Согласенъ! У меня стихи объ этомъ есть...

– Прочитай!

– Ну, я же не настолькоъ поэтъ, чтобы самовлюбленно заучивать свои стихи... и потомъ декламировать.

– А вторая пословица?.. («Не вторая, а другая!» – молча думаетъ педантъ и зануда Салабинъ.)

– Даже истина въ устахъ у лжеца становится ложью.

– Умри, Денись, лучше не напишешь! «И это всё – о нёмъ...»

Минуту сидятъ молча.

– Давно насъ Пётръ Николаичъ не приглашаетъ... – раздумчиво произноситъ Красовъ.

– Да сколько жъ можно? Такъ и разориться недолго.

– Ну нѣтъ... онъ часть своихъ капиталовъ сумѣлъ отбить. Такъ мнѣ кажется.

– А всё же намъ честь пора знать. Вотъ бы скинуться да самимъ его пригласить!

– Не-е... Это намъ не по зубамъ.

И Красовъ снова излагаетъ состояніе семейныхъ красовскихъ финансовъ и своё мѣсто при женѣ-кормилицѣ.

– А у князя что съ семьёй?

– Да я не особенно въ курсѣ. Только понялъ, что разваломъ семьи ускорился его бросокъ въ Россію.

– У него сынъ?

– Ажъ въ Канадѣ. Католическій попъ. Вотъ угораздило, да?

– А его бывшая?

– Щеголяетъ титуломъ *русской принцессы* на Британскихъ островахъ и, такъ сказать, благотворительствуетъ. Это всё, что я знаю.

По кривой усмѣшкѣ Красова понятно, что «благотворительствуетъ» произнесено въ кавычкахъ.

– Стоитъ услышать про Британію, какъ начинается болѣть – что всегда болитъ! – говоритъ Салабинъ.

– А что болитъ?

– Да всѣ подлости міра...

– А какъ же ты выбралъ специальностью англійскую филологію?

– Тутъ своя исторія. У насъ былъ учитель англійскаго, котораго вся школа терпѣть не могла: ученики не любили англійскій, а всѣ училки шипѣли на нашего англичанина – за то, что ухаживалъ за скромной библиотечаршей. И всегда онъ держался особнякомъ, къ нему никто не подходилъ, и мнѣ его было жалко. А языкъ англійскій у него былъ хорошій. И я рѣшилъ: пусть хотя бы я стану у него учиться! Была у насъ отличница – она не въ счётъ, ей всё учить положено, а я сталъ налегать на иностранный... И за то время, пока не выжили Виктора Семёныча изъ нашей школы, я успѣлъ войти во вкусъ... не просто англійскаго, а вообще языковъ. И такъ нечаянно выбралъ себѣ біографію.

– Или судьбу! – поднялъ брови Красовъ.

Салабинъ молча пожалъ плечами.

– А моя біографія – Полтава, сады, желаніе учиться въ Ленинградѣ и, навѣрное, фактъ рожденія на Философской улицѣ въ Днѣпропетровскѣ... Слободки по окраинамъ Полтавы, куда не стоило ходить

одному, украинська мова в руской школі, которую я сдавал на экзаменах за счёт декламации наизусть Тараса Шевченки, и черта осёдлости...

– Какая черта осёдлости?

– Это моё позднее открытие: студентом я узнал, что моя Полтава находилась в черте осёдлости. Я был поражён!

– Ну-ка, ну-ка!..

– Да, это факт! Пока жил там, я ничего не видел: одноклассники – просто одноклассники... Но когда через тридцать лет приехал на встречу выпускников, увидел целый альбом иллюстраций...

– Ну, и Питер наш – тоже колоритное место! – усмехнулся Салабинь.

– Ещё бы!.. Как-нибудь расскажу тебе, откуда ноги растут!

– Хорошо, потом! – запротестовал Салабинь. – Не отвлекайся!

– Там-то, на банкете выпускников, я и пострадал!.. – сказал Красов без всякого надрыва, спокойно и буднично. – Но придётся мне начать издали, иначе будет непонятно...

В интересах нашего читателя и с целью сдать долгую историю короче, мы подсушим рассказ Красова, изложив его в сокращении.

Школьные годы навсегда запечатлываются в душе человека, и Красов не был исключением. Повествуя о Полтаве, о школе, о местных обычаях, климате и нравах, он частенько повторялся, но Салабинь с этим безропотно мирился. Красов учился в русской школе, но рядом были несколько *окраинских* (слово принадлежит не Красову, а Салабину). Из десяти выпускников русской школы до девяти каждый год успешно поступали в высшие заведения Москвы, Ленинграда и других городов большой страны, а выпускники украинских школ куда могли поступить? – куда им идти? – только на факультеты искусственной окраинской *мови та літератури* и пестовать свой занесенный национализм...

– Нации не существует, – вмешался Салабинь, – откуда же национализм?

– Об этом как-нибудь отдельно скажу... В Полтаве вузов было больше, чем в Днепрпетровске или Николаеве. Она была тоже заповедником окраинской интеллигенции, хотя родилось украинство в Киевском университете, издало свой первый крик в 1860 году в лице группы польских студентов, объявивших себя украинцами. В полтавском климате украинству было хорошо. Это же здесь отставной капитан Котляревский на местном диалекте пародию на виргилиеву «Энеиду» и тем положил базис будущей мовы древних укровь...

Красов рос в средней чиновно-интеллигентской среде, потому и был отдан в русскую школу, из которой не только девять десятых поднимались до вузовских аудиторий, но в этой же среде (что осозналось Красовым лишь по приезде в Полтаву через три десятка лет) две трети учащихся имели отношение к давно упразднённой *черте осёдлости*.

– Для нас тогда это не имело никакого значения! – сказал Красов. – Мы были так воспитаны, что этого не видели. Правда, когда бывал я в гостях у одноклассников, что-то меня могло удивлять, но я внимания не обращал...

Таким образом, почти весь класс Красова состоял из отпрысков местной советской знати, тогда как его отец был скромный агроном и директор МТС.

Все в классе были друг другу приятели, но двое мальчишек вскоре сильно невзлюбили Красова.

– Я, конечно, помню их фамилии, но пусть они, для наглядности, будут Паркинсон и Альцгеймер. И я уже задним числом сообразил, за что они меня возненавидели... Однажды зимой приближали в столовую с улицы и сели за стол против меня. Закадычные друзья. У одного папа – чин в КГБ, у другого – зав облздраотделом. Я на них смотрю – невоздержный мой язык! – и говорю остальным обседающим: «Вот посмотрите на них: что у них общего?»

А имел я в виду только то, что они обедают, сидя в шапках. Не знаю, что они вообразили, но ненависть у них появилась ко мне просто магнетическая!..

Вот эти-то приятели, считает Красов, спустя три десятка лет отравили его на банкете одноклассников.

* * *

Красовъ женился *по-настоящему* почти сорокалѣтнимъ. До той поры, по его словамъ, бѣсы крутили его по жизни, и отъ себя мы добавимъ, что былъ онъ чѣмъ-то похожъ на странствующаго философа древности – или на Григорія Сковороду. Какъ ни странно можетъ показаться, но именно философія спасла Дмитрія отъ паденія въ бездну безвѣрія и, стало быть, порока. Подобно Сковородѣ, котораго «міръ ловиль, а я не поймался», Красовъ тоже избѣжалъ печальнаго конца. Салабинъ, впрочемъ, думалъ, что дѣло не только въ философіи: ангель-хранитель вызволялъ изъ передрыгъ нашего Красова. Самъ же Дмитрій считалъ себя везучимъ. Одна и та же истина находитъ разныя выраженія.

Ещё въ первое посѣщеніе его Салабинымъ Красовъ показалъ гостю множество фотографій собственнаго дѣтства и юности, родителей, друзей, прекрасной Полтавы. Очень многія полтавчанки желали сфотографироваться вмѣстѣ съ Красовымъ, а одна изъ нихъ, когда портретъ Дмитрія помѣстили въ витрине городского фотоателье, сама сфотографировалась на фонѣ этой витрины и подарила фото Дмитрію.

За періодъ службы въ артиллеріи Красовъ дважды воспользовался офицерскимъ отпускомъ, чтобы объѣхать всѣ любопытныя мѣста «Страны Совѣтовъ», и всякій разъ посѣщаль берега Невы, городъ своей «альма матеръ». Бывая въ ресторанахъ, онъ попадалъ въ поле зрѣнія бывшихъ офицерскихъ жёнъ изъ заполярныхъ гарнизоновъ, которыя не вынесли убійственной скуки тамошней жизни и теперь проживали немалые алименты въ родномъ мегаполисѣ. Женщины могли рассчитывать на сочувствіе холостого офицера, знавшаго не понаслышкѣ о гарнизонныхъ службѣхъ и бытѣ, – и онѣ не обманывались. А предложить сочувствующему офицеру подумать о фиктивномъ бракѣ легче, чѣмъ несвѣдущему, почѣмъ фунтъ лиха. Къ тому же грань между фикціей и реальностью, какъ учить историографія, достаточно зыбкѣ.

Разъ или два, но прошёлъ и этотъ путь Красовъ, теряя волю, потомъ получая *вольную*, поочерѣдно снимая жильѣ, затѣмъ работая въ БАНѣ, потомъ преподавая философію инфантильнымъ созданіямъ, водя туристовъ по острову Валааму или окрашивая высотныя конструкціи.

Онѣ и на «гражданкѣ» заколачивалъ немалыя деньги, но они у него не держались. Ибо не было очага и не было хозяйки. Денежному пассажиру везло въ поѣздахъ на зоркихъ попутчицъ, и онѣ охотно заглаживалъ крючокъ.

Одну жутковатую исторію Красовъ повѣдалъ двумъ товарищамъ – коллегѣ-философу и Салабину... Попутчица оказалась, ни много ни мало, танцовщицей изъ труппы Большого театра, а Красову предстояла пересадка в Москвѣ. Всѣ одинъ къ одному. И вотъ, гдѣ-то въ Черѣмушкахъ, она подводитъ нашего героя к огромному окну на лѣстничной площадкѣ и велитъ ему глядѣть вдоль наружной стѣны:

– Ты похвалялся, что высотникъ, альпинистъ и прочая, а слабѣ перебраться по щелямъ среди кирпичей до моей форточки? – а то я нечаянно ключи въ квартирѣ захлопнула!

– Оказалось, – рассказываетъ Красовъ, – что въ тѣ времена у меня стальные были пальцы! Добрался до форточки ея, въ комнату залѣзъ, ключи нашёлъ и жильѣ у ней недѣлю... Но это не вся ещё исторія...

– Конечно, не вся! – понятливо кивнулъ успѣшный докторъ философіи.

– ...на прощанье она мнѣ устроила «экскурсію по Москвѣ». И везётъ меня – на кладбище!

Ведётъ меня, ведётъ – и вижу я череду могильныхъ надгробій съ датами: никто не старше тридцати лѣтъ... «Твои предшественники! – говоритъ мнѣ она. – Только пальцы у нихъ послабѣе...»

– Да она... сатанистка! – громко прошепталь Салабинъ. – Она сатанистка!

Красовъ кивнулъ. Коллега-философъ не могъ ничего сказать.

– Она сказала, когда я прижалъ её, что только такимъ способомъ получаетъ удовлетвореніе. Значитъ, да – сатанистка!

Возможно, это и стало той послѣдней каплей, что побудила Красова жениться *по-настоящему*.

За Вѣрой Николаевной былъ Красовъ какъ за каменной стѣной, хотя и принято такое говорить наоборотъ: за мужемъ какъ за каменной стѣной. Но это, какъ говорится, чтѣ кому Богъ даётъ. Ему даль Богъ разумъ, чтобы выбрать хозяйку, способную и любовно подтрунивать надъ нимъ, и выхаживать его во время болѣзни, и не ревновать его къ загадочной наукѣ философіи. А бывали съ Красовымъ и чудеса, бывали искушенія... Хотя и тутъ не обошлось безъ поѣздовъ. И это тоже надо знать, чтобы понять, какъ могла профессія уберечь Красова отъ безвѣрія.

* * *

Однажды подарил кассиршѣ въ супермаркетѣ пятнадцать тысячъ...

– Советскими?!

– Ну да, советскими... Какъ бы не такъ. Это было новое время, не къ ночи будь помянуто. Короче, всѣ деньги достаю, тысячу кассиршѣ, получаю сдачу съ тысячи, бутылку беру, а четырнадцать тысячъ бросаю на кассу... Хватился на слѣдующій день. Ну что – посмѣшилъ въ универсамѣ новую смѣну.

– Пьянка до добра не доводитъ!..

– Ну да.

– А разскажи, какъ ты въ храмѣ дьякономъ служилъ? И гдѣ это было?

– Это совсѣмъ отдѣльный случай, и къ пьянкѣ не относится. Жена съ дочкой, уже восьми лѣтъ, были въ Торóпцѣ, а я поѣхалъ къ нимъ. Денегъ взялъ съ собой немеряно – всѣ, что заработалъ на Валаамѣ... И зачѣм?

– Чтобъ квартиру не ограбили?

– Не знаю. Я часто дѣлалъ необъяснимые поступки, которые выходили мнѣ бокомъ. Но я везучій, и ты сейчасъ увидишь... Только сѣлъ въ поѣздъ, только выѣхали изъ Питера, проѣзжаемъ этотъ... М-металлострой, какъ влетаетъ въ оконное стекло булыжникъ – не то чтобы мнѣ въ лобъ, но осколками мнѣ лобъ таки посѣкло... Кровь, шумъ, тарарамъ... Но считай, что цѣль остался. На радостяхъ беру у проводницы бутылку водки – ну и всѣ деньги засвѣтилъ... Лицо умылъ, случай отмѣтилъ, тамъ ещё мужики нашлись. Къ ночи спать ложусь, а всѣ деньги – тамъ и рубли, и нѣмецкія марки – въ паспортѣ сую подъ подушку. А что стóитъ паспортъ вытащить изъ-подъ подушки у пьянаго? И дальше начинается фантазмагорія. Я съ вопросами къ тѣмъ мужикамъ, а они меня недолго слушали... я прыгаю съ поѣзда и ломаю себѣ рѣбра вдоль позвоночника... а прыгаю на полпуті до Торóпца, безъ денегъ и документовъ... Ну, дошѣлъ я до станціи, прошусь къ проводницѣ на другой поѣздъ, повѣрила мнѣ она, впустила безъ денегъ, говорилъ же я, что везучій... Черезъ полдня доѣхалъ до Торóпца, гдѣ ждутъ меня, встрѣчаютъ – а меня нѣтъ... Жена звонитъ сосѣдкѣ въ Питерь, та говоритъ: я его посадила на поѣздъ, дальше не знаю! Что Вѣрѣ остаётся думать? Полдня проходитъ, въ четыре часа прибываю... Я просто идти не могу, поломаны рѣбра – я этого не знаю, но скорости нѣтъ... А храмъ въ Торóпцѣ старинный, XIV вѣка, Успѣнія Богородицы, иду я...

– Ещё до встрѣчи съ родными?

– Ихъ я повидаль, успокоилъ, теперь иду въ храмъ – онѣ туда же собираются.

– Ты не къ врачу, а въ храмъ?

А что тамъ врачъ можетъ сдѣлать? Выходные дни... Я не ходилъ къ врачу, пока в Питерь не пріѣхалъ! А болитъ – ну чтó, болитъ... Поболитъ – перестанетъ. Это былъ августъ, Успѣніе, и въ этотъ день разъ въ году служить архіепископъ Тверской и Кашинскій... Прихожу я – храмъ ещё закрытъ, а дорожка цвѣтами усыпана. Я думаю: что такое, неужели меня такъ встрѣчаютъ? И подходит ко мнѣ молодой діаконъ и спрашиваетъ: вы всю церковную службу собираетесь стоять? Въ общемъ, да, говорю. Тогда къ вамъ порученіе такое: дадимъ вамъ роль дьякона безъ словъ, ничего страшнаго, рядомъ будутъ другой дьяконъ и староста, подскажутъ... Даютъ мнѣ дьяконскую ризу, я надѣваю – и долженъ, значить, когда золотыя врата откроются, вынести чашу для причастія, пока архіепископъ руки помоетъ, но самое страшное, что, по канону, я буду въ самомъ концѣ нести огромную икону Богородицы во главѣ крестнаго хода! А икона – не всякому нынѣшнему нести! Она старше самага храма! Тутъ подумать страшно – не то что уронить, а хотя бы споткнуться!

Пронѣсь, однако, отъ начала до конца. Болѣтъ – кажется, болѣло, но не помню, а въ Питерь за недѣлю срослось. А когда потомъ рѣбра ломалъ – представь себѣ, тянулось долго.

– Икона срастила! То есть Богородица!

– Да! Но у медиковъ своя исторія, съ бесплатной медициной. Къ травмапункту – отъ метро «Елизаровской» ѣхать часъ, потомъ ещё блужданія, и вдобавокъ – перелома не находятъ! Когда вызвали врача на домъ – онъ видитъ переломъ невооружѣннымъ взглядомъ: разъ опухоль, значит переломъ! Самъ вызвалъ ко мнѣ скорую и срочно къ рентгенологу: три ребра оторвались отъ позвоночника, недалеко отъ шеи. Потомъ, когда рвались, то уже на другомъ мѣстѣ. Кстати, гдѣ срослось, тамъ больше не сломается. Ломается въ другомъ мѣстѣ.

– Да, да, это какъ сварка.

– Какъ сварка, да. Потомъ дважды ломаль, но всё въ другомъ мѣстѣ. Я, кстати, в раннемъ дѣтствѣ былъ весь переломанъ! Откуда я только не леталь, это особая тема. Въ шесть лѣтъ меня намотало на колѣсную ось арбы, но молодыя косточки легко восстанавливаются... Въ лѣтнее когда поступаль, спросили: откуда шрамы? «Съ велосипеда упаль!»

– Да, про жену и дочку не сказалъ!.. Онѣ въ церковь пришли – а папа опять пропаль! И вдругъ, наконецъ, глазамъ не вѣрятъ: растворяются врата – и онѣ выходятъ на амвонъ!.. Теперь – вспоминають!

* * *

– А разскажи подробнѣе, какъ тебя въ храмѣ бѣсъ ломаль, – помнишь, бабка тебя въ алтарь посылала?..

– А я тебѣ говорилъ?..

– Въ общихъ чертахъ. Это тамъ же, въ Торóпцѣ, было?

– Нѣтъ, это въ Питерѣ здѣсь, въ Спасо-Преображенскомъ... Я случайно въ тотъ разъ оказался въ храмѣ: товарищу на одной выставкѣ дали приглашеніе на праздникъ, а я рядомъ стоялъ... видать, что человекъ я приличный, съ дьяконской бородкой – и я беру, мнѣ любопытно, и попаль... ох, и крутило меня моё любопытство!..

– А ты ещё былъ не воцерковлѣнъ? Это какой былъ годъ?

– Почему? Начнѣмъ съ того, что я крещѣнный!.. и въ возрастѣ около десяти мѣсяцевъ, потому что я апрельскій, а крестили меня – ещё снѣгъ лежалъ. Воцерковленіемъ спасѣнъ, хорошо это помню. Когда меня окунули, я вдругъ повеселѣлъ – смотрю: снѣгъ блестить, солнце свѣтитъ; мать меня развернула, а я какъ засмѣюсь! Она чуть въ обморокъ не упала: увозила трупъ, а получила живчика...

– А почему какъ трупъ?

– Что-то стали покидать меня силы... Я всё время засыпаль и грудь не браль, терялъ сознание... Такое и сейчасъ временами бываетъ: уходятъ силы – и всё... На ноги не встать, руку не поднять, изъ ванны не вылѣзти... Ну вотъ, попаль я туда, въ Спасо-Преображенскій... Причащеніе идѣтъ, и я причастился, а тамъ сидѣлъ архіерей на покоѣ, то есть въ отставкѣ, и онѣ меня подозваль и далъ яичко. И вотъ, съ частицей тѣла и крови Христовыхъ, проникъ въ меня дьяволь...

– Какъ?! Развѣ можетъ онѣ – съ частицей Тѣла и Крови?..

– Такъ если человекъ оказался не готовъ, если онѣ внутренне не христіанинъ, то въ такую минуту достаѣтся онѣ дьяволу, и вмѣсто благодати – овладѣваетъ имъ бѣшенство!.. У меня и до этого было, въ этомъ же храмѣ: такъ же я причастился, выхожу на вѣтеръ – и со мной непонятно что творится: хочется бить, крушить, стрѣлять, убивать хочется – ненависть къ міру! То есть: принялъ святое причащеніе, будучи не готовъ – въ душевномъ искушеніи.

– Но ты же отстоялъ службу?

– Да, да, да...

– И молился же!

– Да, конечно. Но – безъ сокрушенія сердечнаго, безъ чистаго искренняго помысла. Во-первыхъ, Бога не обманешь, а, во-вторыхъ, тебя ещё дьяволь стережѣтъ. И вотъ, подходитъ ко мнѣ старушка – божій одуванчикъ и говоритъ: мнѣ, дескать, бабкѣ, въ алтарь ходить нельзя, а ты сходи, милочъ: тамъ передъ образомъ, слѣва отъ входа, свѣча погасла: ты зажги! У меня вопроса не возникло: откуда бабкѣ сіе вѣдомо? Иду! Несу свою свѣчку, зажигаю тамъ погасшую, выхожу изъ алтаря черезъ лѣвый выходъ и утыкаюсь въ стѣну и на ней рубильникъ: всѣ люстры храма на нѣмъ! А руку мнѣ такъ и крутить, выворачиваетъ: выруби свѣтъ! А понимаю, что нельзя, что это святотатство!.. Но рука сильнѣе меня, не удержать... И я, чтобы кощунства не допустить, до крови кусаю себѣ руку. Оглядываюсь – а старецъ-архіерей смотритъ и подзываетъ... Да, именно, меня уже съ укушенной рукой подозваль, послѣ укуса... и тогда яичко далъ... «Всѣ видѣлъ, говоритъ, какъ тебя бѣсъ ломаль!..»

– Но ты вѣдь былъ въ алтарѣ постороннимъ! Можно такъ въ алтарь входить?

– Въ большихъ соборахъ есть обширный алтарь и малый алтарь. Малый – это святая святыхъ, тамъ не быть никому, кромѣ священника. А въ большемъ допускается... И я со свѣчкой вошелъ, а вышелъ черезъ боковую дверь – и упѣрся въ этотъ рубильникъ, и начало меня тянуть... Я послѣ этого боялся ходить къ причащенію безъ подготовки, безъ покаяннаго канона.

– Да, – мечтательно вздыхает Салабинь, – насколько разными бывают дороги ко Христу!

– А у философов не только дороги, но и способы. Тот вприпрыжку, а тот – ползком!

Есть путь волхвовъ, а есть – пастуховъ! Волхвы, ты знаешь, пришли поклониться младенцу Иисусу, так как обладали знаниемъ. Простые пастухи поклонялись Христу, потому что имѣли вѣру. Философскій путь – «разумѣю, дабы увѣровать». Это Пьеръ Абелярь. Ансельмъ Кентерберійскій: «вѣрую, дабы уразумѣть» – и это совсѣмъ не лишено смысла! Не лишено!.. То есть сначала надо выработать отношеніе къ міру – и тогда тебѣ многое станетъ понятно. Не пустая это фраза. Наконецъ, Тертуллианъ: «вѣрую, ибо абсурдно». Хотя въ контекстѣ это гора-а-здо сложнѣе! Ибо сказано, что Христосъ умеръ и воскресъ – для обыденнаго сознанія это нереально и абсурдно, но я – вѣрую! Потому что, если посмотрѣть на исторію христіанства, въ это можно только вѣрить... какъ и въ Россію. Сколько уже было сказаній «о гибели Русской Земли!» Исторія христіанства, да и само христіанство – мистично! Мистика – она выходитъ за предѣлы разумнаго...

– Мистика – это тайна. Переводъ съ греческаго.

– Да. Соотношеніе мистическаго и разумнаго очень тонко. Гегель просто говорилъ: мистическое, или разумное – черезъ запятую... Онъ ихъ не противопоставлялъ. А другіе, наоборотъ, противопоставляли. Ну, конечно, если логику понимать, какъ её понималъ Фома Аквинскій, то есть формальную логику, то, дѣйствительно, съ мистикой она несомѣстима. Но если логику понимать діалектически – вотъ какъ Генрихъ... какъ Гегель понималъ – тогда это, наоборотъ, совпаденіе противоположностей... Его спросили: что такое безконечность? Отвѣтъ: это мѣсто, гдѣ сходятся параллельныя прямыя. То есть – то, что превосходитъ нашъ земной опытъ и нашу земную логику, даже наши земныя представленія, Verstand... Очень интересное слово: и разсудокъ, и представленіе. А вотъ Vernunft, разумъ – это уже нѣчто близкое къ мистикѣ, гдѣ совпадаютъ противоположности; какъ это происходитъ, объяснить нельзя. Принять какъ гипотезу? Для Канта это была гипотеза, а для Гегеля – реальность. Напримѣръ, есть интересный споръ объ онтологическомъ доказательствѣ бытія Бога. Суть его въ чёмъ? Если есть понятіе Бога – какъ чего-то высшаго, то откуда оно могло появиться, какъ не отъ Самаго Бога? Ну не можетъ низшее придумать Высшаго! Просто такая логика. И Кантъ возражаетъ такимъ образомъ (тутъ Красовъ иронически хмыкаетъ): есть понятіе кошелька, которое включаетъ въ себя понятіе денегъ, но это не значить, что въ кошелекѣ обязательно есть деньги...

– Съ какой стати? – возмущается Салабинь. – Понятіе кошелька свободно отъ понятія денегъ!

– ...то есть изъ понятія, по Канту, не вытекаетъ бытіе. На что Гегель возразилъ не менѣ остроумно, даже болѣе остроумно, говоря такъ: если бы Кантъ со своими деньгами оказался гдѣ-нибудь на дикихъ островахъ и попытался разсчитываться съ туземцами этими деньгами, о которыхъ они не имѣютъ понятія, то его деньги оказались бы такой же пустотой, какъ пустой кошелекъ. Для того чтобы что-то было, о нёмъ должно быть понятіе...

– Какъ о долларѣ въ XXI вѣкѣ!

– ...потому Гегель и считалъ, что есть совпаденіе бытія и разума: то, что есть, уже и разумно, а то, что разумно, – оно обязательно должно быть...

– Такъ вѣдь это доказательство бытія Божія! – воскричалъ Салабинь. – Высшій Разумъ творить и править міромъ!

– Да, Гегель въ этомъ убѣждёнъ! Ну, онъ же вершина классической философіи. Всѣ, что пошло послѣ него, тамъ... Кьеркегоръ...

Но здѣсь Красовъ почему-то скомкалъ и замолчалъ свою рѣчь. Онъ заговорилъ о типахъ мышленія:

– Существуютъ три типа: художественное, или мифъ; научное; діалектическое. Это, кстати, признаютъ почти всѣ; это же дѣленіе приводитъ и Бертранъ Рассель...

(Салабинь удивился этому имени, но не подаль вида. Б. Рассель въ школьные годы Салабина мелькалъ въ новостяхъ газеты «Правда».)

– ...единственно вѣрнымъ онъ считаетъ научное, т. е. «позитивное»: проверенное опытомъ, научно доказанное. Онъ, естественно, позитивистъ. Насчётъ діалектическаго – говоритъ: оно очень логично и красиво по своему построению, но не соответствуетъ дѣйствительности. А парадоксально-художественное, идущее отъ апостола Павла... апостоль Павелъ, Августинъ, мистики, Бѣме... Кьеркегоръ, даже экзистенціалисты... это мышленіе Рассель вообще не принимаетъ... Это не мышленіе!..

«Знаменитые британскіе учёные! – усмѣхнулся Салабинь. – Ну и молодцы!»

- ...это игра слов, художественные парадоксы...
- Потому что ему это непонятно.
- Да, это ему непонятно. Онъ написал книгу «Почему я атеистъ» или «Почему я не вѣрю въ Бога»... Какъ сказалъ Соболевъ, «потому что дуракъ!» – и Красовъ коротко хохотнулъ.
- Кто сказалъ? – весело спросилъ Салабинъ.
- Да одинъ знакомый.
- А... Я хочу уточнить: ты говорилъ, что Марксъ – младогегельянецъ и онъ же атеистъ...
- Говорилъ... Такъ онъ и не могъ быть другимъ. Если онъ іудаизма не принималъ и написалъ работу противъ евреевъ – «Къ еврейскому вопросу»... Книга достаточно крутая, Булгаковъ её страшно критиковалъ: «какъ онъ могъ пойти – да не противъ абы кого, а противъ еврейскаго народа?!» Я про философа Булгакова, а не писателя...
- Да, да, да... А на комъ тотъ Булгаковъ былъ женатъ?
- Ты правъ, это интересный вопросъ!.. Но я хочу концептуально вернуться къ работѣ Маркса... Онъ пишетъ, что евреи борются за эмансипацію, за освобожденіе, но сами же и создали этотъ міръ порабощенія, капитализмъ они же и создали. И поэтому эмансипація евреевъ возможна какъ эмансипація *отъ евреевъ*, онъ прямо такъ и сказалъ.
- Кто сказалъ?
- Марксъ, въ одной изъ раннихъ своихъ работъ, въ одной-единственной. В дальнейшемъ онъ менялся, атеистомъ онъ такъ и остался... Такъ вотъ Булгаковъ, была у него книга – подборка о евреяхъ, издана, естественно, евреями... и вотъ онъ пишетъ, ругаетъ Маркса, хвалитъ евреевъ, и что онъ пишетъ въ 1922 году, когда вышла эта книга?.. «Какъ же могло случиться, что лучший изъ народовъ міра, создатель Библии, создатель вѣры, могъ такое сотворить съ Россіей?!» Плачь ребёнка какой-то!.. Читаешь – и просто стыдно. Ты что, ничего не понималъ въ восемнадцатомъ году? Всѣмъ людямъ уже въ восемнадцатомъ было всё ясно.
- И что за лепетъ: создатель Библии, создатель вѣры?.. Не Библии, а Ветхаго Заветъа, и какой такой *вѣры*?
- До какой степени были запачканы мозги російской интеллигенціи! Неграмотныя бабки уже всё понимали въ восемнадцатомъ году! Бердяевъ понималъ, Флоренскій понималъ... Хотя Флоренскій мягче выражался... Но этотъ... якобы мыслитель!.. Такая у него влюбленность, на грани помѣшательства – никакъ не можетъ понять этотъ свой «величайшій народъ», почему онъ такъ обошелся съ Россіей!.. Такъ сильно зомбированъ, ну очень сильно зомбированъ!..
- Когда Красовъ волновался и вскипалъ, то явственнѣе ощущалась его шепелявость изъ-за недостающихъ зубовъ – и, какъ ни странно, отъ этого рѣчь его звучала ещё убѣдительнѣй; во всякомъ случаѣ – для Салабина.
- Самъ-то русскій!.. И сынъ священника, самъ священникъ!..
- «А по браку-то – можетъ, и не русскій!..» – иначе сформулировалъ уже прозвучавшій вопросъ Салабинъ.
- ...Какъ можно было такія слова писать?! Похвала, похвала, а тутъ такой вопль одинокаго въ пустынь... ммм... Что тебѣ доказывать въ двадцать второмъ году?! Въ 22-мъ году уже двадцать миллионъ было погублено!.. Потомъ объ этомъ почему-то замолчали, а въ нашемъ школьномъ учебникѣ сказано, что гражданская война обошлась намъ въ двадцать миллионъ народу – не считая, не счита-а-я потерь на отдѣлившихся территорияхъ... Это только погибшихъ на основной территоріи, не считая Финля-я-ндіи, Приба-а-лтики, Польши!.. А тамъ потери были относительно небольшія!.. Вотъ эта война красныхъ и бѣлыхъ финновъ – она была эпизодомъ!.. А въ Польшѣ – что тамъ было въ Польшѣ? – никакой междоусобицы бѣлыхъ съ красными не было, была рѣзня поляками русскихъ солдатъ и священниковъ... А потомъ она продолжилась какъ геноцидъ русскихъ красноармейцевъ послѣ похода Тухачевского... Съ плѣнными они вели себя... хуже, чѣмъ у Гитлера въ концлагеряхъ!..
- Да, да, да... – перебилъ Салабинъ Красова. – Но погибшіе въ польскомъ плѣну красноармейцы должны считаться погибшими на основной территоріи, по-моему, такъ...
- Ну да, собственно...
- А что касается поляковъ – ну какая жъ тамъ могла быть потеря среди польскаго населенія?.. въ гражданской войнѣ въ Россіи?
- А, ну да... Съ бандеровцами – это уже позднѣе... Съ тридцать девятого, сорокового – и дальше...

– Воть-воть...

Подобныя собесѣдованія были дороги обоимъ пріятелямъ, но особенно дорожилъ ими Красовъ, недобравшій преподавательства и вниманія аудиторій по винѣ идеологическихъ отдѣловъ партійнаго руководства. Возможно, потому и распался...

* * *

И вотъ красавецъ мужчина полтавчанинъ Красовъ, счастливо женатый питерецъ, прибываетъ въ городъ своей юности по вызову инициаторовъ юбилейной встрѣчи одноклассниковъ. И съ первыхъ шаговъ и рукопожатій слышитъ отъ Паркинсона и Альтгеймера удивлённый возгласъ по поводу своей молоджавости:

– А ты, чертяка, прекрасно сохранился!.. Не помочь ли тебѣ постарѣть, до неприличія такому молодому!

А глаза Маняши Ратнеръ, школьной любви Красова, красноречиво подтверждаютъ сказанное Паркинсономъ. Только она уже давно не Ратнеръ – послѣ замужества, развода и жизни въ Германіи. И выглядит она, несмотря на пролетѣвшіе тридцать лѣтъ, почти какъ въ юности Салабина. Вдвоёмъ они гуляютъ въ Корпусномъ паркѣ, пока устроители канителются съ выборомъ ресторана для банкета: то одинъ ресторанъ отвергается, то другой... Наконецъ рѣшено, что всё идутъ въ еврейскій ресторанъ, гдѣ чудесно подаютъ рыбу «фишъ». Красову, погружённому въ чарующее прошлое, всё равно: онъ плѣнёнъ, онъ въ плѣну, онъ полтавскій плѣнникъ, и съ восторгомъ повинуется, когда Маня, хлопнувъ по сидѣнью рядомъ съ собой, приказываетъ: «Сюда садись!» Онъ не замѣчаетъ, что его сосѣдство съ Маней косо воспринимается Мишкой Соколовскимъ, но когда возвращается изъ туалетной комнаты, то видитъ, что Соколовскій сѣлъ на его мѣсто и авторитетно внушаетъ что-то Манѣ, а та его слушаетъ, потупивъ голову. «Такъ вѣдь есть свободныя мѣста!» – предвосхищаетъ Соколовскій протесты Красова. Маня головы не поднимаетъ, и Красовъ, со словами «чѣртовъ Шекелевскій», уходитъ въ дальній конецъ стола.

Разсказывая Салабину объ этомъ съѣздѣ одноклассниковъ, Красовъ обмолвился объ очевидной причинѣ обработки Маняши кагалнымъ делегатомъ: сынъ ея имѣлъ хорошую полтавскую квартиру, а Маня владела двумя: въ Кѣльнѣ и въ Полтавѣ.

– На самомъ дѣлѣ это ангель-хранитель тебя спасъ! – возразилъ другу Салабинъ.

– А отъ бѣды не спасъ! – отвѣтилъ на это Красовъ. – Меня же отравили!

Мать Красова ещё была жива въ Полтавѣ – и она привела пошатнувшаго сына въ разумъ: у тебя жена и маленькая дочка, не глупи! Не грѣши!

Видимо, изъ-за ангела и не полезъ онъ въ драку съ Соколовскимъ... А рыба «фишъ» была безвкусной и даже нѣсколько странной; до Питера Красовъ доѣхалъ почти здоровымъ, но цѣлую недѣлю только и дѣлалъ, что бѣгалъ въ туалетъ... Гемоглобинъ его упалъ сразу на сорок пунктовъ, и съ той поры онъ сталъ тучнѣть и терять зубы. Одинъ изъ отравителей былъ на банкетѣ въ рангѣ члена медицинской и косметологической академій – и здравствуетъ сейчасъ, хотя его сообщникъ давно похороненъ въ Штутгартѣ. Сообщникъ, прежде чѣмъ умереть отъ рака, прислалъ черезъ третьихъ лицъ письмо Красову – письмо иносказательное, но съ покаянной интонаціей, что только укрѣпило Красова въ его подозрѣніяхъ.

– А ты обратилъ вниманіе, – круто мѣняетъ тему Красовъ, – что обстрѣлы Донбасса укропитеками перестали упоминаться по телевизору?

– Я не смотрю телевизоръ, пользуюсь Интернетомъ и видео въ Ютьюбѣ... Но ничуть не удивлёнъ!.. Когда нашъ «національный дилеръ» общалъ въ послѣдній разъ, что «людей Донбасса въ обиду не дадимъ»?

– Передъ послѣднимъ своимъ переизбраніемъ.

– Значить, у него опять въ резервѣ этотъ «козырь».

Продолжение следует

Проза

Александр Чумиков



Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессорала». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е». Эта полижанровая трилогия вышла в 2020 году отдельной книгой в издательстве «Питер». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

Непал

Винтажный роман

ЧАСТЬ II

ИЗ РОДА ШАКЪЯ

Продолжение. Начало в журнале 1 (37)-2020

ПРОЛОГ

Дорогая Маша

В промежутке между СССРовским и постсоветским временем на шоу-небосклоне восходила звезда певицы Маши Распутиной. Среди самых популярных её песен значилась «Отпустите меня в Гималаи!». Казалось бы, мне-то что? Пусть хоть на Северный полюс просится! Художественное, так сказать, самовыражение. Но песня почему-то залегла в глубине сознания, а, когда я впервые попал в Гималаи и странствовал там целый месяц, песня почему-то стала проситься наружу; то и дело звучала в ушах. Наверное, неспроста певица (автор текста – именно Маша) песню сочинила, видно, искренне верила, что в тех краях существует заправдашняя нирвана. «Эх, Маша, Маша», – подумал я и решил написать ей письмо.

Чтобы содержание письма было понятным тем, кто песню не слышал, а также тем, кто, страшно сказать, знать не знает и саму исполнительницу, приведу небольшие цитаты. Итак, Маша сама сочинила и поёт:

*...Отпустите меня в Гималаи
В первозданной побыть тишине,
Там раздеться смогу догола я,
И никто не пристанет ко мне...*

Это припев. А есть ещё куплеты, среди них такой:

*...Там всё забуду и из мира выйду,
Где стадо терпеливых дураков
Страдает от инфляции и СПИДа
И верит до сих пор в большевиков.
Хоть родом я из скромного посёлка,
Где нас учили жить по Ильичу,
Быть не желаю безотказной тёлкой
И дойной быть коровой не хочу...*

Короче говоря, написал письмо. Вот оно:

«Многоуважаемая Маша!

Хотел бы сообщить Вам, что, вкладывая столько чувства в исполнение песни “Отпустите меня в Гималаи”, Вы сильно заблуждаетесь. Дело в том, что значительная часть огромного массива Гималаев расположена на территории королевства Непал, где мне недавно пришлось провести около месяца. Страна эта не слишком большая, но численность населения значительна, а средняя его плотность достигает ста двадцати человек на квадратный километр. Причём эти самые Гималаи до двух-трёх, а где-то и до четырёх тысяч метров над уровнем моря так распаханы и освоены (рисовые поля, пастбища для скота и проч.), что раздеться догола без последствий, – а такое желание высказывается в песне, – Вам никак не удастся: сей акт, бросив рубить бамбук и долбить камень, будут в массовом порядке созерцать любознательные аборигены вкупе с заморскими туристами. Последние, сами понимаете, воспользуются биноклями и подзорными трубами.

Правда, раздеться можно и в джунглях, но там Вы рискуете получить занозу или подвергнуться нападению диких зверей. Выше трёх-четырёх тысяч метров оголение тоже вряд ли разумно: холодно, знаете ли, снег-с, ветер-с.

Вы заблуждаетесь и в финансовом отношении – это когда пишете, что желаете покинуть страну, где всякие дураки страдают от инфляции. Поберегитесь, Маша! наших тут уже много. И если мы в своём отечестве вслед за рублём сумели обеспечить инфляцию доллара, то неужто Вы полагаете, что падение курса маломощной непальской рупии нам не по зубам? Да раз плюнуть!

А в большевиков тут, представьте, верят, причём с каждым днём всё сильнее. Характерно, что и вера эта крепнет прямо-таки по российской схеме. Так, после апрельской революции девяностого года права короля Бира ограничили в пользу многопартийности и прочих демократических завоеваний. Но почему-то с приходом демократии кушать стало хватать не всем, а спустя ещё годик на стенах деревенских домиков появились серпы с молотками, а на парламентских выборах победили коммунисты.

Хочу также сказать Вам по секрету, что быть “безотказной тёлкой”, а также “дойной коровой” в королевстве Непал весьма почётно! Не понимаете Вы, Маша, своего счастья: коровы и приравненные к ним тёлки являются в Непале священными животными, их здесь никто и пальцем не трогает. Да, петуху, козлу, барану и даже бычку на религиозном празднике вполне могут публично смахнуть голову, но тёлке – ни-ни!

Не уезжайте в Гималаи, дорогая Маша! Раздевайтесь где-нибудь в российском Приэльбрусье. Заранее прошу простить за некоторые вольности, но Вы как человек открытый и принципиальный должны меня понять: хотел как лучше...»

ГЛАВА I

Пальцы

– Ну, если вы ждёте продолжения, – будем продолжать. Под это дело, я думаю, можно выпить коньяка...

Морис достал бутылку «Мартеля», от одного вида и запаха которого у советского человека начинало учащённо биться сердце. Название «Мартель» я если и видел, то в кинофильмах или книгах зарубежных авторов.

Кстати, чекист никуда не делся. Он сидел и слушал Мориса, всё менее внимательно. Видно, бдительно жаждал уловить что-нибудь антисоветское, да откуда в нашем разговоре антисоветское? Чекист скучал. Даже слов «Франция», «Европа», «Советский Союз», способных насторожить зашифрованного члена группы, не произносилось. В принципе, антисоветчиной можно было считать мой пиетет к французскому коньяку, который я никогда не пробовал. Но, похоже, что «рыцарь плаща и кинжала» был в этом смысле тоже скрытым антисоветчиком. Предвкушая удовольствие, я спросил:

– Неужели во время экспедиции вы тоже пили «Мартель»?

– Да, во время экспедиции мы тоже пили коньяк – этот или другой, уже не помню. Хотя в Непале в то время продажа алкоголя находилась под запретом. Но у нас... Я знаю несколько русских выражений на эту тему. Так вот: «У нас с собой было!» Но пили мы коньяк позже, гораздо позже. А пока...

Морис налил нам в статусные пузатые бокалы граммов по тридцать легендарного напитка. Сам сделал вежливый глоточек. Мы тоже хотели смотреться вежливыми, знавшими о хороших манерах, но уж больно вкусно показалось. Не одним махом, конечно, тянули как могли, но где-то за минуту свои ёмкости осушили. Морис налил ещё. Эта доза, в растягивание которой мы вложили всю возможную силу воли, ушла минуты за три. Хозяин, видимо, хорошо всё понимал, поэтому предложил нам не стесняться и ухаживать друг за другом самостоятельно. «Help yourself», как говорится.

И продолжал рассказ:

– На определённом этапе всякая этническая и религиозная экзотика, о которой я вам уже рассказывал, закончилась и начался собственно альпинизм. То есть экзотика в книжном смысле не завершилась, но для нас она ограничивалась камнями, льдом, снегом, ветром, холодом, и со стихией приходилось постоянно бороться. Описать это поэтически для меня невозможно, поэтому дальнейшее изложение будет глубоко прозаическим.

Штурмовым стал наш пятый лагерь на высоте семь тысяч пятьсот метров, куда мы добрались вдвоём с Луи и сопровождающей нас двойкой шерпов...

Вспомнив поговорку о том, что любой солдат мечтает стать генералом, я спрашиваю Мориса:

– Наверное, шерпы тоже мечтали стать первыми покорителями Аннапурны?

Мэр смеётся и возражает:

– Не любой солдат мечтает стать генералом. В начале своей карьеры каждый шерп – просто носильщик, имеющий сверхзадачей зарабатывать денег. Да, он не прочь вырасти в сирдара: проводник больше получает и меньше несёт груза – в ряде случаев только свои вещи, поскольку ему доверена руководящая функция. Но не каждый портер и даже сирдар мечтает стать покорителем престижных вершин.

На высоте семь тысяч пятьсот мы, сагибы (так непальцы называли участников экспедиции), вместе с шерпами с большим трудом, одышкой и перерывами расчистили площадку от снега и льда. Я обратился к сирдару Анг-Таркэ:

– Завтра мы с Луи собираемся взойти на вершину. Ты сирдар и самый опытный из шерпов. Мы будем рады взять тебя с собой.

– Спасибо, сэр.

– Это будет наша общая победа. Пойдёшь с нами?

– Я очень признателен, сэр, да. Но... мои ноги начинают мёрзнуть. И я предпочитаю вернуться в лагерь. Если можно...

Честно сказать, мы с Луи удивились, тем более что трудности, ожидающие впереди, пока никак не прогнозировались:

– Конечно, как хочешь...

– Спасибо!

Вот так... с мечтами о «генеральском звании»!

Ночь прошла не просто без сна – ночь состояла из мучений: снег наваливал на палатку так, что, казалось, она нас раздавит. Мы ворочались и толкали стены палатки, пытались избавиться от душающего снежного груза. А когда удавалось, полотнища палатки начинали хлопать, хрупкий домик трясло и возникало ощущение, что нас вот-вот унесёт. Мы хватались за стойки палатки, вполне понимая, что это никак не может помочь. Ну а что делать?

Когда наступил рассвет, осталось одно желание: скорее уйти из этого проклятого места. Надо бы попить чаю... Я оглядываюсь по сторонам: кто вскипятит чай? Смешно! Как будто вокруг десять человек. А нас только двое. И ни один из двоих не хочет заниматься чаем. Это и понятно: значительные усилия требуются даже на то, чтобы вытащить самого себя из спального мешка и достать оттуда же ботинки. Они стали твёрдыми как дерево. Я сумел всё-таки зашнуровать ботинки, а Луи просто плюнул и кое-как заправил шнурки внутрь. Надо чаю... А вообще-то зачем? Ни есть, ни пить не хочется. Обойдёмся без чая!

Вы спрашиваете про рюкзаки? Конечно, мы укладываем рюкзаки. Я помещаю туда тубик сгущённого молока, несколько кусков нуги. Так всегда принято у альпинистов. А как же? Закусить на вершине! Засовываю пару носков. Аптечку. Пробую кинокамеру. Не работает! Какого ж чёрта я её сюда тащил? Хорошо, что хоть фотоаппарат не замёрз и действует. Рюкзаки в итоге получились лёгкими, потому что почти всю одежду мы напялили на себя. Естественно, пристегнули кошки. Вышли.

Погода? Погода ясная, солнечная, чудесная, если бы не жуткий холод. Ну, так. Идём около семи часов. И оказываемся на вершине...

– Выглядит слишком просто. Пошли и пришли?

– Нормальный человек всё равно не поймёт – сколько ни рассказывай о простом или сложном в альпинизме. Ладно, если вам любопытно, буду объяснять «на пальцах». Хотя пальцев у меня нет.

Склон, по которому мы лезем, покрыт фирном. Знаете, что такое фирн?

– Да, знаю, это спрессованный снег – очень плотный, но ещё не лёд.

– Верно. Но фирн здесь присутствовал в виде корки, она то и дело проламывалась. И, провалившись, наши ноги барахтались в мягком пушистом снегу, что сильно замедляло движение. Первому идти заведомо труднее, поэтому мы периодически менялись: один прокладывает путь, а спутник идёт след в след.

Про дикий холод я уже говорил, и добавить нечего: он не оставлял нас и во время ходьбы. Луи поступал очень рационально: периодически снимал свой незашнурованный ботинок и разминал пальцы ног руками – его преследовала мысль о возможном обморожении. Потом, когда ботинки немного размякли при ходьбе, он всё-таки завязал эти злополучные шнурки.

А что происходило с сознанием! Каждый из нас погружался в свой собственный, как бы отделённый от других мир; мозги затуманивались. При этом я чётко понимал, что «крыша» может конкретно поехать в любой момент, она уже частично поехала, и надо что-то с этим делать. Самое лучшее, на мой взгляд, считать: скажем, прикинуть в подёрнутом пеленой мозгу, сколько шагов осталось пройти до очередного ориентира – и считать их. Окажется меньше – чудесно. Получится больше – ну и что? Значит, прогноз расстояния в шагах придётся скорректировать. Или думать постоянно про те же шнурки! Вознести их в ранг самого важного и мысленно развязывать, завязывать...

Звуки приглушены, уши словно заложены ватой. Когда я наблюдаю Луи со стороны, всё происходит в рамках реальности: вот я – здесь, а вот он – там. Но я и себя наблюдаю со стороны и анализирую собственные движения как движения другого человека. Ловлюсь на том, что подсказываю что-то другому себе, и другой «я» выполняет. А потом он подсказывает мне, и первый «я» поступает так, как он сказал.

Тут перед нами встала скальная стена. Штурмовать её в лоб мы никак не можем: верёвку оставили в палатке, чтобы уменьшить вес, да и сил для серьёзного лазания нет. Значит, надо пытаться обойти стену, но как, мы пока не знаем. Внезапно Луи хватает меня за руку и хрипло спрашивает:

– Если я не пойду дальше и вернусь, что ты будешь делать?

А мне уже не то чтобы всё равно, но я для себя решение принял.

– Я тебя понимаю, Луи, – говорю ему. – Ты можешь возвращаться, это твоё право. Но я пойду и один. Не переживай: ты сделал всё что мог, и теперь не надо никаких жертв.

Думаю, что Луи нуждался в каком-то эмоциональном толчке: раздели я желание спускаться, мы бы так и сделали. Но я высказал другое намерение, и он сразу же поддержал его:

– Тогда я иду с тобой!

Мы начинаем искать обходные пути вокруг скалы и, к счастью, натываемся на кулуар. Вы знаете, что такое кулуар?

– Это большая щель в стене.

– Да. Это щель. Она может быть и крутой, и не очень. В нашем случае кулуар оказался довольно широким и возможным для обычного, без технических приспособлений прохождения и, что самое приятное – если такое слово здесь вообще уместно – более пологим, чем сама стена, хотя всё равно приходилось задействовать при передвижении и ноги, и руки. Ногами и ледорубами бьём ступеньки в твёрдом снегу и обледенениях, а руками цепляемся за скальные выступы.

Удачно прошли кулуар и вышли на гребень. Финальный, предвершинный? Хотелось бы верить. Но в горах видимость обманчива. Вот кажется, что пройдём метров сто по гребню и увидим вершину. Но... в гребне вдруг появляется непроходимый провал; обходим его, а там уже другой гребень, за ним – ещё один... Так может продолжаться сколько угодно. Но, обойдя очередного «жандарма» – так называется зримое возвышение, «столб» на самом гребне, мы вдруг видим прямо перед нами, в конце гребня, небольшую площадку. Но это не провал, поскольку выше... ничего нет!

Это вершина. Восемь тысяч семьдесят пять метров. Первый в мире восьмитысячник, покорённый человеком.

– Вы так намучились, что, наверное, и это восприняли «со стороны» и без «поэзии»?

У Мориса на лице возникает почти потусторонняя улыбка:

– Мы испытали восторг. Жаль, что очень короткий, может быть, минутный или меньше. Но это ощущение перебило все остальные. Как прекрасна теперь станет жизнь! Даже если она завершится прямо сейчас – не важно. Цель жизни достигнута, и ничего лучшего в ней быть не может. Словами «надо спускаться» меня «разбудил» Луи. Но как я могу спускаться, если не сделаны снимки?

Предложу читателю лирическое отступление о снимках. Все «заточены» на вершинные фото. А как же: надо запечатлеть такой важный шаг в своей жизни! А если это не восьмидесятичник, а семь, шесть, пять и так далее тысяч метров? Разницы нет, хоть бугор или, как говорят альпинисты, «пузырь», потребовавший тем не менее значительных усилий, – а запечатлеть надо!

Другой вопрос, что ты будешь снимать? С большой вершины чаще всего ничего не видно кроме льда, снега, камней, самих восходителей. Аналогичный вид получится и существенно пониже. Но это не имеет значения для радостных покорителей пика! Мы там были – и баста!

На вершине надо оставить свидетельство своего пребывания. Если есть камни, из них сооружают тур, а в каменную пирамидку кладут специальную капсулу или простую консервную банку с запиской. Чтобы, когда «другие придут, сменив уют на риск и непомерный труд», твою записку сняли и подтвердили: они туда точно забрались!

Можно затащить и попробовать закрепить на вершине фабричную или самодельную табличку; если есть камень, то шлямбурными крюками прибить её прямо к поверхности, и табличка сохранится надолго; если лёд, то забить штырь, а к нему привязать флажки. Когда нет ни того ни другого, то, что бы вы ни оставляли, через непродолжительное время природа сделает своё дело, и следов пребывания человека на вершине не останется. Но снимки-то сохранятся!

После Мориса и Луи остались снимки, сделанные тем самым незамёрзшим фотоаппаратом. Перед спуском Морис произвёл судьбоносные, самые важные нажатия заветной кнопки, которые делают даже раненые, обмороженные; даже отчётливо сознающие, что очень скоро их не будет в живых. Но они покорили эту вершину! Морис достал со дна рюкзака скомканный, пропитанный многими жидкостями, начиная от растаявшего снега и кончая потом и засаленными продуктами, французский флаг и несколько вымпелов. Привязал символику к ледорубу и поднял его над головой. Они с Луи поочерёдно щёлкали фотоаппаратом. А материальные свидетельства пребывания? Ах да, они оставили тубик от сгущёнки...

– Надо спускаться! Давай, давай скорее! – уже почти закричал Луи.

– Вы обморозились во время восхождения и фотографирования?

– Нет. Мы просто сильно замёрзли. И начали очень быстро спускаться, даже запыхались и согрелись. Мы надеялись, что холодная трагедия вроде бы близится к завершению, но сильно ошибались: она продолжилась, причём как-то неожиданно, мистически, без влияния природных катаклизмов.

В какой-то момент я останавливаюсь, снимаю рукавицы и развязываю рюкзак. Зачем? Сам не знаю... Вот оно – «поехавшая крыша». Рукавицы скользят и катятся вниз по склону. Провожая их взглядом и понимаю, что происходит что-то ужасное...

Совершенно очевидно, что нужно быстрее спускаться к палатке. Вторая связка восходителей из нашей группы должна быть там. Мы почти бежим. Но наползают облака, небо приобретает грязновато-серый цвет, поднимается пронизывающий насквозь ветер. Найдём ли мы палатку при такой плохой видимости? Но вот я вижу её. Даже две! Это значит, что Лионель и Гастон здесь! Как они обрадуются! Обе палатки поставлены входом друг к другу. Внутри задвигались, услышав меня. И показалась голова Лионеля.

Вскоре он жмёт мои ладони и... улыбка исчезает с лица товарища:

– Морис! Твои руки!

К тому времени я уже не чувствовал пальцев, а когда увидел палатки и друзей, то и вовсе забыл о них. А теперь посмотрел: пальцы мертвенно-белые, с фиолетовым оттенком. И твёрдые...

Я ещё не сказал вам, что Луи потерялся. Вроде бы шёл всё время впереди меня, но где же он теперь? Мы сильно обеспокоились. И тут услышали крик «Помогите!». Оказалось, что в тумане Луи проскочил палатку, потом увидел её снизу, закричал, а когда Лионель вышел на крик, поскользнулся и пролетел ещё сотню метров вниз по склону. Видно, как он пытается встать и беспомощно карабкается вверх.

Лионель с бешеной скоростью глиссирует по наклонной снежно-ледовой поверхности и вскоре достигает Луи. Тот лежал неподвижно, с бессмысленным взором, без ледоруба, без шлема, без рукавиц, с одной кошкой. И только повторял: «У меня отморожены ноги! Веди меня вниз! Жак (так звали нашего врача, который в это время находился в предыдущем лагере) спасёт меня!» Лионель убеждает Луи, что это невозможно, что надо подниматься в палатку. Он рубит ступени, а Луи ползёт следом на четвереньках...

Что же дальше? Друзья прекрасно понимают, что мы оба обморожены. Состояние рук уже оценили, надо посмотреть ноги. С большим трудом снимаем ботинки, и опасения подтверждаются: ноги сильно распухли. Лионель и Гастон начинают хлестать нас по пальцам верёвкой. Постепенно конечности оживают, но при этом возникает мучительная боль. Друзья бьют верёвкой теперь по живому!

Снег валит как и в предыдущую ночь. Опять хватаемся за стойки, снова каждое движение даётся с трудом. По-прежнему нет желания готовить чай. Но Лионель мужественно разжигает примус и кипятил воду. Это происходит довольно быстро. Почему быстро? Потому что на высоте в семь пятьсот жидкость кипит при температуре где-то шестьдесят градусов. С жадностью хлебаем горячую водичку. Дальше бред – сном это назвать нельзя.

– Вторая связка, наверное, тоже собиралась сделать восхождение на Аннапурну?

– Разумеется, собиралась. Но ребята, конечно же, отказались: только последний эгоист бросит товарищей в беде в таком раздразе. Тем более что наше состояние к утру значительно ухудшилось. Я уже не мог одеться сам. С Луи было ещё сложнее: его распухшие ноги не влезали в ботинки, и пришлось их надрезать. Собравшись и бросив палатки – зачем они теперь, вверх уже точно не пойдём, – двумя связками начинаем движение. Ледорубы только у двоих: я уже говорил вам, что ледоруб Луи улетел при падении. А я потерял свой и того раньше.

Снег, туман, ветер, ничего не видно, но как-то спускаемся. Выходим на вроде бы знакомую грядку сераков – это такие большие ледяные глыбы, движемся от одного серака к другому в надежде найти путь к следующему лагерю. В конце концов понимаем, что ошиблись с ориентирами и заблудились. И что темнеет, скоро наступит ночь. Так что же, провести её на семитысячном склоне? Нереально, это верная смерть!

Надо рыть пещеру в снегу. Гастон, не мешкая, приступает к выкапыванию ледорубом ямы и... проваливается, исчезает в снежной дырке. Ужас! Трещина! Вы представляете, какой глубины может быть трещина? И десять, и пятьдесят, и сто метров! В первое мгновение мы думаем о самом плохом. Но вскоре – это один из редких моментов весьма условного, но всё же везения в драматической эпопее злополучного дня – выясняется, что мы легко отделались. Трещина оказалась неглубокой, и более того: она представляла собой почти готовую, пусть и забитую снегом пещеру. Это было чудом. Потому что такую пещеру мы ни за что бы не выкопали. Поочерёдно прыгаем в проделанный Гастоном «лаз» и благополучно приземляемся.

Но радость длилась недолго. Да, пурги уже нет. Но есть собачий холод! Есть сырость – стены пещеры «слезятся». Есть сосульки, занимающие пространство и мешающие нам разместиться. Обламываем их и попутно сосём кусочки льда: мы давно уже ничего не пили.

Надеваем на себя все имеющиеся в запасе вещи и прижимаемся друг к другу. Вы ведь знаете, наверное, что телесная теплота при этом суммируется. Лионель и Гастон лихорадочно растирают свои руки и ноги, мы с Луи тоже пытаемся делать какие-то движения, но сил нет... Немного оправившись, друзья переключаются на нас.

Оцепенение, темнота, тягучее время. Но я за последние сутки смирился с тем, что скоро конец. Не конец ночи или дня, а конец вообще, финал человеческого существования... Однако в отверстие наверху постепенно проникает свет, темнота сменяется сумраком, и мы понимаем, что приходит очередное утро. Вяло, будто в замедленном темпе готовимся к выходу. Но тут возникает странный звук, похожий на нарастающее шипение. Звук усиливается, приближается, летят искры снега, он превращается в поток, и – вот она плата за нежданное вчерашнее везение – в пещеру сходит лавина, ослепляющая, засыпающая нас, проникающая сквозь одежду. Нас заваливает. Сейчас снова можно пошутить, что нам повезло, хотя тогда было не до шуток. А удача – ха-ха, «удача»! – заключалась вот в чём: нас завалило не полностью, а примерно по пояс, правда, все вещи остались под снегом.

Шок! Но мы живы и дееспособны. Лионель и Гастон бросаются копать снег в поисках вещей. И тут выясняется, что они ослепли – в темноте это не ощущалось. Вчера на спуске оба сняли очки – и вот... Мы знаем, что зрение должно восстановиться, но когда это произойдёт?

С большим трудом откапываем из-под снега ботинки и вещи друг друга. Но Луи не находит свою обувь и вылезает из пещеры... босиком. А я нашёл, но что толку: ботинки не налезают на распухшие ноги.

Наверху Луи, наверное, немножко сбрендил: он бегаёт босиком по снегу и весело кричит: «Хорошая погода! Хорошая погода!» Ясно, что он схватил «глюки». Я не кричу и не останавливаю его, меня охватило безразличие. Силы уже несколько раз должны были иссякнуть, но сейчас точно конец. Мысленно настраиваюсь на медленный уход в потусторонний мир. Что ж, прекрасная смерть для альпиниста, совершившего такое восхождение.

Говорю Лионелю и Гастону, чтобы шли вниз, у них остаётся шанс. Но друзья не соглашаются. Лионель с повязкой на глазах, ощупью разрезает ботинки и кое-как втискивает в них мои ноги. Я сижу на снегу, а товарищи обсуждают, какой путь с горы лучше выбрать. В этот момент мы видим идущего снизу по снежному склону человека. Опять счастье! Как мало нужно, чтобы перейти от ожидания близкой смерти к столь же непоколебимой уверенности в том, что печальный конец откладывается!

Это Марсель! Он приближается, хватая меня в объятия: «То, что вы сделали, – дьявольски прекрасно!» Вскоре к нам подходит и партнёр Марселя по связке – Жан. Узнаём, что их палатка находилась в двухстах метрах от нашей пещеры...

Морис замолкает, а потом деликатно интересуется:

– Может, вам достаточно острых ощущений? Ведь это далеко не завершение эпопеи.

– Продолжайте, пожалуйста. Я хорошо понимаю вас: спускаться с обмороженными руками и ногами непросто.

– Если бы сложности ограничились этим, я бы чувствовал себя счастливым вдвойне.

– Неужели случилось что-то ещё, помимо обморожений?

– К сожалению, случилось. Прошло много лет, но ни одного мгновения тех прекрасных и жутких дней я забыть не могу. Видно, умру с этим...

Да, ситуация начинала складываться неплохо, если, опять же, не принимать во внимание наших обморожений. В какой-то момент появились и шерпы. Они забрали у нас вещи и помогли спускаться. Потеплело. Стало даже жарко! Снег размягчился, и мы проваливались по колено. Зато погода вновь стала великолепной, и вокруг расцветали изумительные краски!

Но когда мы преодолевали крутой склон, сверху покатился маленький комочек снега. Он постепенно вырастал в размерах, и вдруг раздался как будто артиллерийский выстрел – это склон треснул и начал «ползти». Прямо под ногами образовалась трещина: сперва маленькая, она быстро расширялась, а колоссальный участок склона ниже трещины «уходил» вниз. Меня подхватила нечеловеческая сила. Спутники исчезли из виду. Лечу через голову, кувыркаюсь и ударяюсь разными частями тела. Верёвка, соединяющая меня с шерпами Айлой и Саркэ – они тоже катятся по склону, обиваются вокруг шеи; чувствую, она меня задушит. Теряю сознание и вновь прихожу в себя. Наконец останавливаюсь.

Я вишу над пропастью головой вниз; верёвка держит за шею и левую ногу. Прилагаю невероятные усилия, переворачиваюсь, вылезаю на карниз и падаю на снег. Наши связки пролетели по склону где-то сто пятьдесят метров. Окажись мы ниже треснувшей части склона, нас бы похоронило в лавине, а так остались живы, пусть с ушибами и царапинами.

Должен обратить ваше внимание и на такой момент. Вспоминая подъём к вершине, я как-то не уделял внимания тому, что мы поднимаемся вверх вовсе не по нахоженной тропе, а по фирну с ледяной коркой. То есть имел место «обычный» скально-ледовый альпинизм очень серьёзной категории сложности. Забивались крючья, навешивались верёвочные перила, осуществлялась страховка. Иногда кто-то из нас срывался – слава богу, не слишком проблемно, и тогда страхующий закреплял верёвку, а потом вытягивал её, помогая слетевшему подняться.

То же самое происходило и при спуске. С огромной разницей: я был с «деревянными» ногами и такими же негнушимися руками. Дохожу до страховочного крюка на скальной стене. От него вверх идут перила. Ведь спуск вниз отнюдь не означает равномерное понижение – это сложный рельеф,

и за спуском может следовать нежелательный, но неизбежный подъём. В этом случае за верёвку нужно ухватиться и, придерживаясь, продвигаться вперёд. Но мои окаменевшие руки не могут держать верёвку. К тому времени мне нашли одну рукавицу, а на вторую руку я намотал шарф. Вынужденно снимал то и другое, чтобы перила не проскальзывали. Стараюсь обернуть верёвку вокруг кистей. Но они распухли и растрескались, большие клочья кожи отделяются от рук и остаются на перилах по мере того, как я их перебираю. Обнажённое мясо имеет ярко-красный цвет, верёвка испачкана в крови – от такого зрелища меня мутит. Максимум, чем могу себе помочь, – это не полностью отрывать куски кожи: предшествующие несчастные случаи научили меня, что следует тщательно сохранять эти лохмотья, тогда рана заживёт быстрее.

Так мы добираемся до лагеря II. Врач Жак здесь. Я отдаю себя в его руки, потому что больше не способен ни на что...

– Но вы только что шли, страховались. Наверное, после отдыха силы хотя бы частично возвращаются?

– Организм человека очень сбалансированный, но одновременно коварный. Какую помощь могли оказать мне товарищи на высоте семь тысяч метров? Конечно, они молодцы, растирали мои руки и ноги, поили чаем, поддерживали. Но тащить меня вниз они бы не смогли при всём желании – себя бы донести. Организм это чувствовал, поэтому и жил, и меня заставлял жить и действовать – другого варианта не предполагалось. Остановка движения означала верную смерть.

Во втором лагере организм почувствовал, что мне помогут. И я вместе с ним расслабился, а точнее, отключился. Вообще-то так бывает всегда с людьми, которые борются за жизнь до последнего, сверх всяких физиологических возможностей, описанных в теории. Я имею в виду сильных людей.

А со слабыми людьми выходит печальнее: они умирают сразу, без борьбы. Короче говоря, организм в целом, а в первую очередь то, что мы называем умом и духом, на вашей стороне. Но только до тех пор, пока вы готовы трудиться и помогать ему. Вот такая философия умного организма...

В палатках лагеря II условия не такие страшные, как выше. Хотя до реального комфорта очень далеко: высота здесь шесть тысяч метров. Но мы акклиматизированы для неё. Суется шерпы, готовят еду. Холод есть, но не такой изнуряющий, в мешках относительно тепло, палатки не оседают под снегом, кошмары погоды позади. Но руки и ноги... Не только у меня и Луи проблемы с конечностями, а ещё у четверых, что были наверху. Но у тех травмы, как говорится, не смертельные.

Жак осматривает меня и выносит «оптимистичный» вердикт:

– Я думаю, что левую кисть придётся ампутировать. Но нет, не целиком, а наполовину! Надеюсь, что удастся спасти последние фаланги на правой. Если всё пойдёт хорошо, у тебя будут не такие уж плохие руки. Что же касается ног, боюсь, что необходимо отнять все пальцы, но это не мешает тебе ходить. Сначала будет трудновато, но постепенно привыкнешь, я тебя уверяю...

– Жак делал мне артериальные вливания. Не пробовали? – усмехается Морис.

– Бог миловал.

– Удовольствие ниже среднего. Это уколы в бедренную и плечевые артерии, в пах, в сгибы локтей. Но мы радовались! Чему? А тому, что из лагеря I прибыли медикаменты.

Жак не сразу попадает в артерии. Никакого наркоза нет. Я не представлял себе такую нечеловеческую боль. Тело било судорогами, я кричал. Потом то же самое с ногами. Наконец процедура заканчивается. Я чувствую тепло внутри – прекрасно, значит, уколы «пробили» омертвевшую плоть. Но тепло очень слабое – и это печально. Погружаюсь в полубред-полусон...

В экспедиционном грузе припасены специальные конструкции, из которых сооружаются сани. Трёх пострадавших повезут на санях, двое могут идти с посторонней помощью, четверо совершенно здоровы. Нам предстоит пройти километры ледника, спуститься со скальных стен, обойти или пересечь бесконечные морены и осыпи, переправиться через реку и преодолеть перевал высотой четыре тысячи метров. Время пути совпадает с периодом муссонных дождей.

Марсель вполне бодр, он размещает четырёх шерпов вокруг саней, и процессия трогается. Мы крепко привязаны к саням – на случай того, что они перевернутся. Предосторожность оправдала себя: сани несколько раз действительно опрокидывались. На сложных участках число шерпов, сопровождающих каждые сани, увеличивается...

Да, забыл сказать, что офтальмия – снежная слепота, настигла и меня. Поэтому при переходе в лагерь I и после в палатке я находился с повязкой на глазах и ничего не видел, а только чувствовал.

Чтобы заглушить непрерывную боль, я просил спутников говорить о том, что происходит вокруг. И они рассказывали...

Повествование самого Мориса становится тягостным, мэр, пусть и прошло больше четверти века с тех дней, не слишком весел. Стараясь как-то разбавить эту обстановку, я спрашиваю:

– Никак не дождусь, когда вы поведаете о победном распитии коньяка!

Морис выходит из печального состояния и по-детски хохочет:

– А вот, представьте себе, распивали! Вы попали в точку и вовремя! Видно опытного человека! В лагере I мы впервые отпраздновали успех. У нас осталась банка деликатеса – курица в желе. Мы разделили эту банку на всю команду и открыли заветную бутылку шампанского. И коньяку отхлебнули из фляги по глотку.

После этого опять уколы. Снова трудное – нахождение артерии. Опять жуткая боль. Я рыдаю и корчусь в спазмах. Вся палатка в крови...

Очередная сложная ночь. Но потом всё-таки утро. Утро – оно всегда утро! С моих глаз снимают повязку, и я счастлив. Вновь думаю о том, как мало человеку надо для счастья. При этом совершенно не обязательно делать ему лучше: наоборот – надо сделать хуже. А потом вернуть на место! И человек будет абсолютно счастлив. Вы согласны?

Пожалуй, я согласен. В последующей жизни я много раз был счастлив в очень разных и порой не совсем приятных ситуациях. Потому что вспоминал крылатую фразу Мориса.

– Когда мы достигли базового лагеря, подтянулись носильщики. Они поочередно несли нас в плетёной корзине на своей спине и на носилках. Опускаю подробности перехода, который и дальше не был простым, и возвращаюсь к своим травмам. Когда мы дошли до тёплого солнца и травяных площадок, у Жака появилась возможность осмотреть раны более тщательно. Зрелище открылось ужасное: у меня стала гноиться нога, руки выглядели устрашающе. Сквозь бинты сочился гной с омерзительным тошнотворным запахом.

За эти дни я потерял двадцать килограммов веса. Лихорадило, температура тела постоянно держалась в районе сорока, мне абсолютно не хотелось есть, товарищи силой впихивали в меня куски пищи...

Наконец спуск по сложному рельефу благополучно закончился: вокруг нас расстились поля риса, маиса, банановые деревья. Стоит жара. Мы идём по долине, по хорошей тропе. И вскоре Жак приступает к следующему этапу «лечения», невозможному на высоте, в холоде и грязи. Однажды, когда мы с Луи, расположившись на зелёной лужайке, испытывали некоторое, пусть и мимолётное, удовольствие от жизни, доктор появился со своим ящиком, одновременно чудодейственным и страшным. Достав ножницы, он срезал куски мёртвой ткани. Закончив эту, менее болезненную по сравнению с уколами, операцию, Жак загадочно произнёс:

– Давайте-ка посмотрим...

– На что?

– Тебе смотреть не обязательно.

Я отворачиваюсь, а Жак производит какие-то действия с моими пальцами. Внезапно меня крочит от острой боли, и я вскрикиваю.

– Поздравляю! Первая и крайне необходимая ампутация прошла чрезвычайно успешно. Мизинец! Жак протягивает мне отрезанный палец.

– Ты хочешь сохранить его на память? Это возможно!

Хранить чёрный, сгнивший мизинец? Вот уж сокровище! Не вижу в этом никакого смысла.

В ходе последующего путешествия я ежедневно лишаясь одной-двух фаланг на руках или ногах. Заметьте, без наркоза.

Иногда Жак оперирует в бедном непальском жилище, иногда у обочины дороги, в неизбежной пыли, подчас рядом с рисовыми болотами, несмотря на сырость и пиявки; под дождём, под зонтиком, который держит носильщик.

На покрытые гноем повязки садятся тучи мух, в ранах появляются черви...

Максимум, о чём я мечтаю, – хорошая больница с современной операционной, массой медикаментов и бинтов, которые бы постоянно менялись. А главное, чтобы хватало ваты. За последнее время у нас осталось очень мало ваты, хотя Жак использует все мало-мальски пригодные куски. Медицинский спирт кончился, и иглы приходится дезинфицировать в моём одеколоне...

Когда-то этот драматический пеший переход должен был закончиться. И он завершился, когда мы опять перебрались из Непала в Индию. Загрузились в поезд и поехали вновь в сторону непальской границы, такие уж здесь маршруты. Мы обязательно должны попасть в Катманду, где для нас готовят настоящий королевский приём. В грязном и примитивном поезде Жак продолжает свои операции – режет прямо в купе. На остановке сопровождающие нас шерпы открывают дверь вагона и веником выметают находящееся на полу. Среди прочего мусора выгребается значительное число пальцев разных размеров. Те индийцы, что оказываются поблизости от вагона, остолбенело смотрят на происходящее.

В Горакпуре прощаемся с шерпами. Кроме заработанных денег, они получили щедрый бакшиш и личное снаряжение восходителей, представляющее для них большую ценность. И не только для них: даже для Европы это снаряжение в то время считалось ультрасовременным, мы же очень тщательно готовились к путешествию. Шерпы, конечно, довольны, что разделались с такой трудной экспедицией. Но на их лицах, как мне кажется, написана неподдельная печаль. Шерпы поочередно приходят прощаться со мной, складывают руки вместе, медленно кланяются, прикладываются лбом к моей одежде.

Наш багаж перебрасывается на вокзал, откуда поезд идёт через границу. Это очень смешной и единственный поезд в Непал. И железная дорога смешная: узкая колея, протяжённость всего непальского полотна составляет несколько десятков километров. К тому же нам предстоит перемещаться на товарняке...

ГЛАВА II

Три года

Вспоминаю Володю-младшего и его мечту о Гималаях, Непале, Эвересте. Я по жизни замечал: если есть мечта, вот такая сильная мечта, вот спишь, а мечта во сне снится; говоришь о чём угодно, но разговор всё равно переходит на мечту – такая мечта сбывается! Многие скажут: а у меня была мечта и не сбылась... Думаю, что, скорее всего, это не мечта, а желание, может, и большое, но всё-таки желание. Ну, самое банальное: мечтаю, чтобы у меня появился воз денег! Это не мечта. Зачем тебе воз денег? Купил бы это, это и вот это? Нет, не мечта.

Один мой товарищ мечтал купить самолёт. «Для чего ему собственный самолёт?» – думаете вы, и я вместе с вами задаюсь тем же вопросом. Но для него вопрос заключается в том, чтобы стать пилотом собственного самолёта. Сложностей с реализацией такой мечты сколько угодно! Но человек мечтал и купил самолёт Ан-2, «кукурузник», – где-то у кого-то, б/у и полуразваленный. Но мечта двигала дело вперёд: парень и летательный аппарат починил, и документацию выправил, и ангар в области снял, и полетел!

А деньги нужны? Как же без них! И деньги появлялись у «лётчика», и все уходило на ремонт и обустройство самолёта; ничего не оставалось на новую квартиру и поездки в тёплые края. Он квартиру и морской отдых тоже хотел, но не так остро, без мечты, с тусклым желанием. А мечтал о другом, и оно сбылось.

Я после этих странных встреч: ну, вы, надеюсь, ещё не забыли – с Морисом, Тенцзином, Дипом – сильнее и сильнее мечтал о Непале. Эти люди рассказывали о разном: один – о горах, другой – о буддизме, третий – о доблестных воинах-гурках. Рассказы производили завораживающий эффект, тянуло посмотреть, почувствовать, испытать...

Больше всего о Непале я думал, конечно, в горах, куда больше и больше вписывался. Про альплагерь «Узункол» помните? Про Юру – сочинителя песен, двух Володей, шаровую молнию. Но Юра, к сожалению, умер, а с Володей я виделся иногда, но совсем не в горах, а на альпинистских тусовках в Москве.

Но однажды произошло следующее. На кавказских стенах я вообще-то дошёл до первого разряда и уверенно двигался в сторону камээса (кандидата в мастера спорта) по альпинизму. На одной из встреч Володя-старший, услышав мой рассказ о кавказских восхождениях, воспринял это как само собой разумеющееся дело и приземлил мои подвиги в своей традиционной манере: «А ты чо, всё по Кавказу? Это ж пройденный этап! Пора Азию осваивать!» И поведал мне про альплагерь «Алай» на

Памире, в Киргизии, который Володя сам открыл несколько лет назад и работал там начальником учебной части – начучем. Это главный человек в лагере, именно он организывает, разрешает или запрещает все без исключения выходы на маршрут. И я приступил к освоению Азии.

А год какой случился на дворе? Э-э-э, в том-то и штука. Год будь здоров какой – тысяча девятьсот восемьдесят девятый! Потом уже стало ясно, что это за год, а за ним два следующих, а дальше целиком «лихие девяностые», когда мы летели в тартарары. Падал, рассыпаясь по дороге, союз нерушимый республик свободных – огромная и великая страна СССР. Вместе со страной как государственным устройством будто разваливалось окружающее пространство: и природное, и рукотворное, и сами люди. Возможно, в столь глобальных обобщениях есть доля мистического, но я не мистик, и о заоблачном говорить не стану. Но вот происходившее конкретно в альпинизме пришлось наблюдать воочию. Наблюдал и в «развале» участвовал.

Дело в том, что в советском альпинизме никакой самостоятельности не допускалось, контроль за восхождениями осуществлялся очень строгий. Соответственно, все сколько-нибудь трагические случаи на восхождениях тщательнейшим образом фиксировались, разбирались и заносились в статистические столбцы. Нет смысла в них копаться, но скажу одно: за многие предыдущие годы бывали, разумеется, у горовосходителей и травмы, и смерти, но весьма немногочисленные. В эти же три года люди посыпались гроздьями...

Собирались мы в «Алай» вшестером, что считалось лучшим вариантом: можно ходить тремя двойками, или двумя тройками, или чередоваться на маршруте. Но сложилось так, что половина участников по разным причинам «отвалилась», и мы прилетели в город Ош втроём. О, чудесный город Ош в Киргизии! Долгие годы спокойный, по-азиатски привлекательный и весёлый. У нас так и начиналось, просто и весело, – снова вспомним Юрину песню:

*...Отправлены разные грузы,
И ошский базар взял нас в плен –
Шурпа, помидоры, лепёшки, арбузы,
Салол с белладонной, пурген...*

Жадное поедание фруктов, разбавление плодовой трапезы настоящим ядрёным кумысом из бурдюков с плавающим жиром, и в результате расстроены животы – какая ж радость? Ну, во всяком случае не трагедия, а когда «салол с белладонной» и туалет под кустом или в виде сортирной дырки поблизости, то вспоминать и подавно весело.

Но почему в Ош? Потому что там находилась альпбаза, где предстояло затариться продуктами, бензином, палатками, снаряжением. Поскольку «Алай» – не лагерь в обычном понимании этого слова, а в общем-то «чистое поле», точнее большая поляна в горах. Не то что магазинов, и селений-то поблизости не просматривалось. Поэтому мы заполняли целые грузовики «Уралы» всем необходимым и выдвигались в горы.

Приключения, сначала просто неприятные, подкрадывались незаметно и постепенно. Оправившись от умопомрачительных фруктов и «цапающего» за мозги хмельного кумыса, мы с облегчением вздохнули и неспешно, с толком и расстановкой, загрузили свой «Урал». Вечером, уже в сумерках, двинулись в путь: предстояло ехать ночь и к середине следующего дня добраться до нужной поляны. Сидели в кузове среди рюкзаков, мешков, коробок, пакетов и беспечно дремали. А по поводу чего переживать? Абсолютно никаких щекочущих нервы ситуаций в ближайшие дорожные сутки не предвиделось.

В каком-то попутном селении водитель остановил машину: мол, надо залить соляжкой большую пустую бочку, которая стояла в кузове рядом с продуктами и снаряжением. Ну, раз надо, заливай. Сквозь дрему мы услышали нехарактерное журчание и почувствовали острый бензиновый запах. Посветили фонариком и – бля-а-а! – соляжка заполнила бочку и перетекала через край. На водилу заорали чёрным матом все сидевшие в кузове, человек десять. А он отвечал: «Ща-ща, ребят, всё будет нормально». И правда, стало на первый и не очень светлый взгляд нормально: соляжка больше не лилась, под ногами не хлюпало, вещи не залило, и мы мало-помалу успокоились и опять провалились в сон.

Следующий день выдался хорошим, солнечным; «Урал» въехал в предгорья, где росли абрикосы. Не только абрикосы, но впечатлили именно они, поскольку плоды можно было, не спрашивая ни

у кого разрешения, срывать и есть. Теперь фруктовым объеданием занимались без опаски, поскольку первая «туалетная» волна миновала.

На одной остановке мы даже искупались в аутентичном арыке, на другой – попили чаю из пиал и с лепёшками в кишлачной чайхане. Потом повторно, уже в горной части маршрута, выпили чаю в юрте гостеприимного чабана, и так помаленьку добрались до искомого места. Разгрузили продукты, палатки, спальники и ничего особенного не заметили: шёл, правда, солярочный запах от брезента и, наверное, от какого-то рюкзака, но это можно как-то перетерпеть: через некоторое время запах на свежем воздухе должен выветриться.

Масштабы трагедии, самой безобидной по сравнению с будущими, стали ясны после первой готовки пищи. Солярой пропахли *все* продукты; в непропитанном бензиновом запахе состоянии осталось только то, что находилось в жестяных консервных банках, и куриные яйца. Как же так? Элементарно, Ватсон! Стоял, например, холщовый мешок с сахаром. Солярка его немного, совсем чуть-чуть снизу подмочила, но дальше поползла по кристаллам сахара вверх, пока не пропитала весь мешок. Последующую смену мы пили чай и кофе либо несладкий, то есть без использования сахара, либо с сахаром и... нефтяными разводами. То же самое произошло с картошкой, крупами, хлебом.

Не лучше обстояло дело с одеждой и рюкзаками: провоняли насквозь. Мы пытались отмачивать вещи в ручье – благо погода стояла ясная, жаркая, и материя быстро высыхала. Но запах не исчезал.

Однако не зря великий психолог Фёдор Михалыч Достоевский констатировал, что «ко всему-то подлец-человек привыкает». И мы привыкли, и спали на нефтяных пятнах, и ели суп и кашу с нефтяным привкусом. И как лакомством наслаждались простой и не пахнущей ничем водой из протекающего мимо ручья.

Про Достоевского я вспомнил не случайно. Вскоре мы приступили к восхождениям, сначала попроще, а потом посложнее. Через неделю после заезда предстояло пройти серьёзный маршрут на пик имени упомянутого писателя – этот маршрут шёл в зачёт на камээсов. Одну нашу ущербную тройку вместо положенной двойки, четвёрки или шестёрки на такое восхождение никто бы не выпустил, поэтому пришлось хлопотать. В итоге нам добавили трёх «чужих», таких же, как и мы, «недоукомплектованных» ребят из Новосибирска. В общем, вышли шестером.

По ходу маршрута предстояло пройти фирновый, с наледями склон. Он очень длинный, наверное, метров семьсот-восемьсот, и довольно крутой, есть высокий риск «поехать». Поэтому идём на «кошках»; для незнающих – это такие конструкции с зубьями для привязывания к ботинкам и хождения по льду. В дополнение к «кошкам» следовало пользоваться верёвками: на сложных участках положено связываться в двойки или тройки и страховать друг друга: последовательно – где покруче; одновременно, в движении, – где поположе.

Но сибиряки – смелые и бойкие ребята: зачем связываться? Сколько времени уйдёт! Склон, мол, несложный, быстро проскочим и без связок. Признаюсь, что, в принципе, и мы особо не возражали: если постоянно «вязаться», маршрут можно до ночи вообще не пройти, а заночевать на пятитысячной вершине или в холодном месте возле неё совершенно не хотелось.

Сознавая потенциальную опасность, каждый двигался самостоятельно и аккуратно, но одного из новосибирцев такое «ползание» не устроило: он то обгонял (это по фирну-льду!) группу, то возвращался, молодецки наблюдая наше «черепашье», по его словам, перемещение. И вот видим тревожную, но пока не опасную сцену: парень поскользнулся, сел на задницу, поднялся – уф, слава богу! Но он опять заскользил и упал уже на спину. Перевернулся на живот, пытаясь зарубиться ледорубом, да неудачно, и поехал вниз. Набирая скорость, пролетел мимо нас, совсем близко, можно прямо рукой дотянуться. Но как ты его ухватишь? Скорость уже такая, что со стопроцентной гарантией тоже покатишься вниз.

Всё больше разгоняясь, цепляясь по пути за камни, теряя рюкзак, ледоруб, перчатки, шапку, летел сибиряк вниз метров пятьсот, пока, как говорится, не скрылся за поворотом. Мы, сами теперь пренебрегая правилами безопасности, бросились вниз, на спуск, стараясь двигаться максимально быстро. На попадавших по пути и вмёрзших в лёд камнях виднелись следы крови. Разговаривать друг с другом было некогда и не о чем, а в мозгу вертелось: «приплыл» новосибирец, убится о камни или улетел в трещину...

Но вот он! Лежит, в крови, в раздербаненной одежде, но дышит и даже находится в сознании.

Подхватились снести парня в более пологое место и там подготовить к транспортировке в лагерь. А он закричал, да как! Переноска оказалась невозможной: любое прикосновение причиняло боль, сибиряк заходился в крике и судорогах. Пока ломали голову над ситуацией, солнышко начало припекать и по склону пошли камни – находиться здесь стало проблемно. Потихоньку, максимально осторожно оттаскиваем пацана с крутого склона. Впятером еле протащили раненого метров на двадцать в сторону от камнепада: и нести неудобно, и парню сильно некомфортно, может запросто умереть от болевого шока.

От места, где мы находились, до лагеря вниз, без поклажи, быстрым темпом добираться часа два. Определили и послали «гонца» за подмогой, а сами пытаемся обустроить пацана как-то поудобнее, напоить чаем. А он в полубессознательном состоянии, стонет только. Пять часов «куковали». А раненый то придёт в сознание и начнёт бормотать, то отключится, что и лучше – только бы не умер!

Через пять с лишним часов прибежали человек тридцать «спасов» со специальными носилками – «акьями». Вкололи пострадавшему обезболивающего, понесли в лагерь. Там поставили диагноз: сотрясение мозга, множественные ушибы и сложные переломы. Отправили парня на родину в Сибирь, а что уж там дальше происходило – не знаю...

В альплагерях существовал железный порядок, в соответствии с которым подобные случаи без внимания, мягко говоря, не оставались. Вот и сейчас назначили комиссию, затеяли «разбор полётов». Случившееся характеризовали ожидаемо: мы не придали значения, пренебрегли, проявили халатность и так далее. И вынесли решение: нас пятерых за нарушение правил безопасного восхождения дисквалифицировать и до конца сезона к сложным восхождениям не допускать. А ходить на «новичковые» вершины – только позориться...

И вернулись мы в Ош. Не повезло, да? Нет, повезло! Здесь опять юмор, правда, не юморок, как в случае с фруктовым перееданием или даже с пролитой соляжкой, а реальный чёрный юмор. Который заключается в том, что мы не оказались здесь – не в горах, а именно в Оше – годом позже. В разгар следующего летнего сезона, в девяностом, в городе происходила резня: в борьбе за «справедливость» местные узбеки убивали киргизов, и наоборот, а заодно и других, что попадались под руку. Число жертв, по разным данным, доходило до десяти тысяч человек...

Стоп! А где же Непал?! Где гималайские вершины? Где священные огни? Где трудолюбивые шерпы? Придётся подождать. Русские народные сказки оставили нам традицию троекратного повторения желаемого. И я уже сказал про *три* года. Но пока впереди маячил только второй из трёх, девяностый, – один из триады «разваливающихся».

«Прокол» мы, разумеется, не позабыли. Восприняли его как суровый, но полезный жизненный урок и стали готовиться к следующему горовосходительному лету. Памятуя рекомендацию покорять Азию, мы с другом Толей «намылились» в альплагерь «Артуч», что живописно расположился в загадочном, далёком, жарком, горном Таджикистане. Но Володи наши, а вместе с ними и Юра и в этих краях не раз засветились, об этом и сегодня напоминает ещё одно Юрино сочинение:

*Я сердце оставил в Фанских горах,
Теперь бессердечный хожу по равнинам,
И в тихих беседах, и в шумных пирах
Я молча мечтаю о синих вершинах...*

И мы проследовали в Фанские горы. И даже в очередной раз обожравшись фруктами в Душанбе и безудержно рыгая два последующих дня, сердце сразу там и оставили. Фигурально выражаясь. Некоторые другие впоследствии, о чём будет сказано позже, оставили натурально. А пока ликвидировали авитаминоз и выдвинулись из «Артуча» в заданную местность, на стены и вершины в районе чудесных Кули-Калонских озёр. Пару дней обустроивались и тренировались по-лёгкому, высоко не забираясь.

Днём стояла сильная жара, и мы периодически окунались в очень холодную, прямо ледяную, несмотря на лето, озёрную воду. Ничего необычного: озеро наполнялось водой, текущей из ледников, и температура в нём выше, думаю, плюс двенадцати не поднималась. На берегу я периодически видел совсем юного, наверное, недавно окончившего школу или студента-первокурсника, тонкого, белобрысого, молчаливого мальчика Петю. Он жил в соседней палатке и обладал, видимо, альпинистскими способностями, поскольку уже закрывал какой-то разряд. Петя не купался, а только

подходил к воде, садился на камень и, задумавшись, созерцал окружающее пространство – утром и вечером. От созерцания созерцающего Пети у окружающих просыпались добрые романтические ощущения, отличные от бытовых забот и даже мыслей о грядущем суровом восхождении. Потому что, как, помнится, говорил Морис, не только Аннапурны хороши и красивы.

В связку Петю определили с ребятами постарше, возрастом за двадцать, более опытными. Один из «опытных» жил с нами в домике «Артуча». И в разговорах славен был (а звали его, кстати, тоже Слава) своей «крутизной». Выглядело (и всегда выглядит) это примерно так:

– Хер ли тут делать, ходить не дают!

Перевозу: не дают совершать восхождения так часто, как ты хотел бы.

– Хер ли страховаться – там идётся легко!

Речь о следующем: участок, где есть опасность для здоровья, а то и для жизни и где необходима страховка, «крутой» считает для себя пустяковым. Парень пока не «наелся» лично тем, что мы «кушали» в прошлом году в «Алае». А чужой опыт, как известно, в зачёт не принимается. Вечная иллюзия: это другие болеют, стареют, попадают в нехорошие ситуации, умирают. А я-то почему должен? Я из другого теста! Но, к сожалению, всегда выходит, что из того же...

В общем, пошли они тройной связкой: «крутой» Слава, созерцатель Петя, а третьего по имени не помню. Предстояло пройти стеной маршрут верёвок в двадцать. Опять поясню. Стена – она ж не буквально стена, на ней углы, уклоны разных градусов. Вот первый из связки прошёл участок до скального выступа или углубления – «ступеньки» или «платформы»; набил «станцию», а это три скальных крюка, закрепил верёвку и принимает следующего. Пришёл второй – принимает третьего, а первый лезет дальше вверх. Первому, лидеру, идти сложнее остальных, но и престижнее. И первым, естественно, шёл Славик.

Когда позади осталось примерно десять сорокаметровых верёвок, он на очередном участке не удержался – оступился, или камень из-под ноги «ушёл», или ручная зацепка оказалась ненадёжной, кто ж теперь скажет, но сорвался и полетел вниз. Срыв как таковой не смертелен, если техника восхождения правильна: для того и бьются три крюка на «станции», чтобы сорвавшийся долетел до неё и чуть ниже – сколько ниже, зависит от того, как много верёвки успеет выбрать страхующий, а потом зафиксировался. Само собой, не обойтись без ушибов, максимум – переломов, но жив почти наверняка останешься. Однако Славик-то бил на «станциях» не по три и даже не по два, а по одному крюку, и то не слишком надёжно. И когда он «отлепился» от скалы, крюк на «станции» выскочил, и дальше они запорхали уже вдвоём со сдёрнутым мальчиком Петей, по пути захватив и третьего. О чём говорить? В сложившемся раскладе чудес не ожидалось никаких, итог был закономерен: упали к подножию стены три тёплых, но безжизненных мешка с костями...

Извините, что не слишком возвышенно опишу происходившее после падения, но в горах логика глубоко житейская. Упали они «удачно», в том смысле, что не надо было организовывать спасательные работы и сгонять кучу людей, чтобы спустить пацанов вниз: они и так внизу, спасателям не нужно трудиться. Руки-ноги переломаны настолько, что, несмотря на мертвенную скованность тела, легко сгибались и разгибались, так что «паковались» ребята нетрудно. Завернули их в спальники и ждали вертолёт, он прилетел через два дня. К этому времени в телах уже завелись маленькие белые опарыши...

Попрощались с товарищами и... что? Что-что – продолжили сезон. Смерть, конечно, трагедия, но если ты занимаешься альпинизмом, то должен думать о возможной гибели. Хотя слухи о массовых смертях в этом виде спорта, а точнее, выбранном образе жизни – чистый миф. Погибают немногие, и девяносто процентов – из-за пренебрежения правилами безопасности, которым в альплагерях тщательно обучают. Но годы шли особые...

Через неделю автономно выдвинулись компактной группой из восьми человек в совсем отдалённый район, на расстоянии целого дня пути. Предстояло сделать два-три восхождения и вернуться в базовый лагерь. Наша четвёрка успешно, с полным соблюдением правил, взошла на заданную вершину и возвратилась на бивуак. Стали ждать вторую четвёрку и собираться в обратный путь. Сидим, кочегарим примуса, готовим чай для победителей вершин и вдруг видим: двое бегут от подножия горы со всех ног, даже обвязки с крючьями с себя не сняли. Подбежали и, запыханные, сообщают:

– Там Серёжа с инструктором Сашей в связке шли, и камень на них полетел. Саша увернулся, а Сергей – нет.

– И что?

– Поранило его. Насколько серьёзно – пока неясно, но передвигаться не может. Саша послал за подмогой.

– Высоко?

– Нет, пара верёвок от начала маршрута...

Ну, мы идти готовы мгновенно, да с «бонусом»: инструктор Толя – врач, и мой товарищ по связке – тоже Толя и тоже врач, а с профессиональной медициной, понятное дело, лучше, чем с доморощенными навыками. Подхватились, только единственную из всех восьмерых девочку Оксану у палаток оставили, и выдвинулись на «спасы».

Две верёвки пролезли быстро, достигли места трагедии. Там вот что произошло: на обвязке у альпиниста пристёгнуты крючья, в том числе ледовые, поскольку на горе встречаются участки со льдом. Ледовый крюк, или ледобур, – это такой титановый винт диаметром где-то в сантиметр, а длиной в двадцать сантиметров. И вышло так, что камень, чиркнув Сергея, – он даже отстранился от прямого удара, развернул ледобур и загнал в тело... Надо сказать, что в данной истории техника безопасности ни при чём, просто случился тот самый один эпизод из тысячи, когда кроме красивой и пустой фразы «так звёзды сложились» и добавить нечего.

Парень в полусознании, кровотечение не останавливается, хотя йод и бинты мы, ясное дело, захватили. Спускать раненого ночью затруднительно. Стали ждать хотя бы минимальной видимости, кипятить примус, который тоже притащили с собой, и пытаться поить Сергея чаем. Что ещё прикажете делать в холодную, неудобную, бессонную ночь? Да не дождался он утра: истёк кровью и умер...

Опять придётся отвлечься от альпинистской романтики и «приземлиться». Раненого нести по горам очень трудно, поскольку ему больно – я уже рассуждал об этом подробно, когда упоминал «Алай» в Киргизии. А мёртвого перемещать легче, потому что человек теперь ничего не чувствует. Спустили Сергея со стены. И снова «везение»: инструктор Саша знал место, где, укрытая камнями, с прошлых заходов лежала акья. Достали акью, упаковали Сергея, связались с основным лагерем – рации-то у нас были, и в исправном состоянии.

Вертолёт больше не сулили. Почему? Так я же говорил: девяностый год на дворе! Улетел вертолёт в другое место, поломался, бензина нет – да что угодно! Бардак по всей трещавшей по швам стране вширь и вглубь! Обещали прислать живую силу – она же бесплатна. Провизия у нас к тому времени кончилась, заварили горного чабреца. Ах, какая прелесть, да? Чудесно, слов нет, если бы к нему ещё сахарку, каши с маслом, бутербродик с колбаской. А одна трава вызывает только более сильный голод.

Короче, попили кипяточку и тронулись в путь.

Напоминаю: нас было первоначально восемь. Оксану оставили у неубранных палаток со скарбом. Погибший Сергей, стало быть, лежал в акье. Остаётся шесть носильщиков. Поверьте: без смены, по пересечённой местности – где осыпи, где скалки, где речки – это очень немного. На «обычных» «спасах», то есть тех, когда маршрут преодолевается без техсредств, задействуют хотя бы по три смены. А «необычные» – это которые равносильны восхождениям и где рельеф таков, что передвигаться приходится с крючьями и страховкой. Тогда человек тридцать живых и бодрых нужно на одного ушедшего в другой мир.

Два дня шли, для ночёвки использовали одну двухместную палатку. Мало? Нормально! От дождя и ветра можно укрыться и вшестером: без особого комфорта, сидя или полулёжа, но, как гласит народная мудрость, в тесноте, да не в обиде. А седьмому, Сергею, палатка больше ни к чему.

Потом встретили посланных на помощь ребят. Тех набежало много, они притаранили консервы, сухари и вывалили в кучу – мы сразу накинулись на еду с голодухи. А что, колени дрожали без калорий, в горах ведь чувствуешь себя подобно автомобилю: кончается бензин – тарыхтит, кончился – остановился, залили – поехал. Аналогичное происходит с человеческим организмом в спорте. Мы ели, а одновременно подвигали ногами поближе к себе лежавшие на земле продукты, на всякий случай...

Настроения продолжать сезон больше не было. Вернулись на озёра, собрали вещи, добрались до места, где ходят машины, и на попутке достигли узбекского города Пенджикент. В темноте нашли какую-то полянку с растительностью, разбили по привычке палатку, развели огонь, перекусили и легли спать. Разбудили нас голоса и звук автобуса. Выглянули из палатки – батюшки! Мы в центре площади на городской клумбе. Рядом автобусная остановка, возле неё толкаются люди...

Дальше – обыкновенная дорога в Москву, многократно усугублённая проблемами девяностого, уже, надеюсь, понятно, какими. В Самарканде, в шикарной с виду чайхане, увидели в меню слово «плов» и решили заказать по две, нет – по три порции. Чайханщик печально улыбнулся: «Сделаем. Но мяса, простите, нет...»

В Москве я увиделся с Володей – теперь младшим, и поделился с ним неудачами двух летних сезонов. За одиннадцать лет после истории с шаровой молнией Володя в дополнение к званию мастера спорта СССР получил ещё одно – «снежный барс». Так называется человек, покоривший четыре семитысячные вершины Советского Союза, а их у нас столько и было. Вот какой состоялся разговор:

– Это всё потому, что в стране полная жопа, – говорит Володя. – И станет только хуже. В азиатские республики лучше вообще не соваться, там резня началась. Но есть один положительный момент: согласовывать зарубежные поездки теперь гораздо легче. Я уже сделал разведку и в следующем году собираюсь на серьёзное восхождение.

– Неужели в Гималаи, в Непал?

– Ну да! И приглашаю тебя с собой. Команда сейчас формируется.

– А на какую вершину? – После советского восхождения на Эверест в восемьдесят втором информации о Гималаях прошло много, и в названиях ключевых пиков я более-менее ориентировался.

– На Аннапурну.

– Восьмитысячник? На который Морис ходил?

– Да, а за сорок лет после него и многие другие. – Володя произнёс это буднично, спокойно, а у меня, как в басне Крылова, «в зобу дыханье спёрло».

– Но моя подготовка уровнем ниже твоей, да и опыта высотных восхождений нет.

– Я тебя не агитирую и не обнадеживаю. Пройдёшь сколько сможешь. Мы же будем ставить промежуточные лагеря и «челночить» между ними. Решишь, что хватит, и вернёшься назад...

Прошёл год и ещё немного. Наступило лето чудовищного девяносто первого. Если Володя называл «жопой» ситуацию годичной давности, то подобрать адекватное слово для нынешнего периода вообще не представлялось возможным. Но у нашей группы уже были куплены билеты в Катманду, что сглаживало гнетущее настроение. Мы, команда матёрых альпинистов с одним нематёрым, а именно мной, только и делали, что обсуждали будущую поездку. И тут грянуло девятнадцатое августа.

Случившееся в этот и последующие два дня не стану описывать совсем. Хотя если задать моим детям, родившимся чуть до и чуть после девяносто первого, вопрос «А что происходило в нашей стране в те дни?», они, не сразу и нехотя, почесав «репу», ответят: «Ну... это – типа революция». То есть молодёжь уже не знает о тех годах и не заморачивается даже и революцией. А значит, можно бы и рассказать. Но у нас не историческая хроника, и написано по этому поводу довольно, и вообще речь идёт про Непал.

Впрочем, ладно, чтобы не делать тайны из нежелания делиться впечатлениями о так называемом «путче», воспроизведу два ключевых момента.

Первый: «революция» нам была неинтересна. Чтобы перевести это на язык более художественный, стоит вспомнить, что в конце восьмидесятых в СССР впервые напечатали «алкогольную» поэму «Москва – Петушки». В девяностом её автор, Венедикт Ерофеев, умер. То и другое стимулировало ажиотажное внимание и к произведению, и к личности творца. Так вот, я случайно оказался рядом, когда в последний год жизни писателя его спросил голландский журналист: «Почему вы здесь, в СССР, не занимаетесь политикой?»

Венедикт ответил прямо про нас: «А почему вы в Голландии не занимаетесь альпинизмом? Потому что у вас самая большая высота – двадцать семь метров».

Понятно-нет? Нам было наплевать на ГКЧП. Однако и на защиту Белого дома мы идти не собирались. Мы не любили Горбачёва. А также Ельцина. Всё это вместе взятое мы считали малыми, недостойными внимания высотами.

Второй момент. Мы не раз видели конкретную смерть и связанные с ней проблемы близко и, возможно, поэтому за судьбу глобального мироздания, связанного всё-таки с жизнью, не переживали.

Образуется! Сильнее беспокоились о том, не прикроют ли нам в силу каких-нибудь непредсказуемых революционных обстоятельств вылет в Непал. Не прикрыли. На этом об августе девяносто первого – извините, всё!..

Зажмуриваю глаза от дурной яви и – вот я, вот я, превращаюсь в... ! Мы в Катманду, в аэропорту короля Трибхувана.

ГЛАВА III

Кумари

Катманду, площадь Дурбар. Что, тот самый революционный девяносто первый и «сбытие мечт»? Нет, попозже лет на девять, в течение которых я приезжал в Непал неоднократно. С чем же связаны подобные скачки во времени?

Знаете, если бы я начал вспоминать о не наступившем будущем, это могло бы показаться странным. Хотя, с точки зрения Белой королевы из «Алисы», такое тоже не исключено, если имеешь «важную» память. Но и обычная память вполне позволяет перебирать прошлое. И почему она обязательно должна делать это, как говорят англичане, *step by step*? Память в состоянии расставить кубики оставшегося за плечами опыта в любой последовательности, равно как установить между ними любую связь.

Итак, площадь Дурбар – священное место в Катманду. В каждое посещение Непала я обязательно бываю здесь. Смотрю на старинные индуистские храмы, на скульптурные изваяния, на многочисленных голубей и собак, а больше всего на людей. На торговцев, продающих местный антиквариат: колокольчики, свитки с мантрами, медальоны, статуэтки. Под антикварный имидж они нередко пытаются загнать туристу какого-нибудь не лишённого оригинальности божка, сказав, что ему тысяча лет. На самом деле божок отлит из гипса три дня назад и для правдивости «состарен».

Под историю «косят» и многочисленные самостийные экскурсоводы. Они либо пересказывают то, что и так написано в продающихся здесь же буклетах, либо на плохом английском языке плетут истории-небылицы. Вот один из «гидов» начинает впаривать мне что-то невнятное про изображение четырёхрукой Кали. Дружище, что ты несёшь? От француза Мориса я узнал о «чёрной богине» гораздо больше, чем от тебя!

А вот «садху», исполняющие роли святых людей. Когда первый раз их видишь, внешность сильно сбивает с толку: вроде йоги, или иные аскеты, или мудрецы; бородатые, разрисованные, в амулетах – выглядят очень экзотично и убедительно. Ну, святые и святые – разбираться, что ли? Однако простое наблюдение позволяет понять суть образа и без глубоких разборок. Гляжу: набивает «святой» косячок, затягивается, получая явное и совсем не аскетичное удовольствие, и «улетает»... Дай-ка я его сфоткаю! Ан нет, за бесплатно не проходит: как ни подойди, как ни ухищрайся, а театрализованный садху отворачивается от камеры и показывает жестами, что надо дать монетку или бумажку.

Теоретически они могут быть святыми людьми, хотя последние так себя не ведут. А также паломниками, монахами и просто бомжами. Роднит «садху» попрошайничество – «небесное» или «земное», активное или пассивное. Оно всегда не бесполезно, поскольку подают обязательно, на всякий пожарный. А вдруг «садху» настоящий и нашла на тебя неожиданную гадость? Вот и кладут у кого что есть: кто посостоятельнее – купюру или мелочь, а победнее – скромную горсть риса.

Я не занимаюсь разоблачением индуистско-буддистских «чудес». Отнюдь! Делюсь для того, чтобы стало понятно: ряженые «садху», доморощенные экскурсоводы, «антикварные» торговцы не являются тем уровнем, через который познаются действительные чудеса. Хочешь углубляться – углубляйся по-настоящему, с реальными посвящёнными, которые находятся совсем в другом месте. А нет, так просто ходи, смотри, лови недлинные обрывки речей и куски рисованных или печатных текстов.

С таким настроением я подошёл к деревянному дому в несколько этажей, явно старинному. Возле дома толпилось особенно много людей, а возле узкого входа во двор продавали открытки с портретом маленькой красивой девочки, причудливо одетой и раскрашенной. Я вошёл вглубь двора, где также увидел кучу любопытствующих, причём они регулярно смотрели вверх, на закрытое ставнями окошко. В какой-то момент (как оказалось, счастливый, потому что ждать по-

добного можно было долго и уйти, так и не дождавшись) окошко распахнулось, и в нём появилась девочка с открытки. Она оглядела толпу, поводила головкой и слегка улыбнулась. Враз защёлкали кнопки звучных камер, а на беззвучных гаджетах пальцы азартно застучали по экранам и... явление завершилось: ставни захлопнулись, и девочка исчезла.

Любозытие вывело меня из состояния ленивого позёвывания и поглядывания по сторонам, и я поспешил узнать, кто и что это было. Мне пояснили, что девочка – живая богиня Кумари, она всегда находится в этом доме в окружении и под присмотром многочисленной челяди и периодически выглядывает в оконце, чем очень радует публику. Потому что считается: если увидел Кумари, то ждёт тебя счастье.

Продолжая пребывать в состоянии циничного восприятия «волшебной» действительности, я поинтересовался у компетентных непальцев, можно ли, прошу прощения, за определённую мзду сделать так, чтобы девочка выглянула дополнительно – не стоять же здесь целый день. Мне ответили, что да, это можно устроить.

Значит, Кумари? Живая богиня? И теперь светит счастье? Ну, ладно, бы-ва-а-а-ет...

Я уехал из Катманду по своим «восходительным» делам, о которых в этой части распространяться не буду. На этот раз дела сложились не слишком сурово, не очень оригинально, но вполне приемлемо. Товарищи остались в горах, чтобы сделать второй в этом сезоне «клайминг», а я добрался до той части местности, где с трудом и без комфорта, но удаётся проехать на внедорожнике в обратный путь. Договорился с водителем, загрузил рюкзак в старинный джип, и с утра мы выехали: до Катманду оставалось около двухсот километров.

Но «ралли» в сваренном из металлических углов автомобиле продлилось немного, километров тридцать. Мы плотно застряли: с гор сошёл сель, заваливший часть домов в деревне по ходу движения и перекрывший дорогу. Что делают в таких случаях в Непале? Те, кому положено, подгоняют технику и занимаются расчисткой затора. Сколько времени? Сколько понадобится. А путешественники? Путешественники ждут, потому что никаких объездов чаще всего нет, а пешком в обход, через горы добираться почти гарантированно придётся дольше, да и физически гораздо сложнее. Но быстрого решения проблемы не обещалось: сель прошёл серьёзный, и ждать «зелёного света» мне в итоге пришлось два с половиной дня.

Благодарить судьбу за то, что рядом оказался приспособленный дом, – это не про Непал. В туристско-альпинистской стране почти любое жилище может принять путника. Скромно, но со всем необходимым. То есть хозяева сготовят тебе пищу и предоставят комнатку или закуток для ночлега. Строение, где я остановился, и формально представляло собой гест-хаус, или «лоджи», – скромную гостиничку для тех, кто по любым причинам не успел добраться до более комфортных условий. Бросил вещи, поел и стал скучать.

Таких, как я, здесь собралось ещё пять человек, все непальцы: семейная пара, двое мужчин и девушка, или скорее молодая женщина. Пары общались внутри себя, а девушка тоже явно скучала, и мало-помалу мы начали обмениваться фразами. Через какое-то время традиционные идиотские вопросы («where are you from?» и «first time in Nepal?» – с её стороны и «born in Nepal?» и «do you like living in this country?» – с моей) иссякли, но мы не прекратили разговор и даже расширили его диапазон. Я заметил, что женщина – она представилась как Рашмила – немного скованна, будто стесняется чего-то, но явно хочет продолжить общение. Диалогу всё и способствовало, так как в этом – да и любом другом – лоджи комфортно уединиться просто негде: для обогрева и приёма пищи существует одна общая комната, она же своеобразная столовая и кают-компания. И если ты не хочешь сидеть здесь, у света и огня, то остаётся твоя личная маленькая комнатка с единственной мебельной принадлежностью – койкой, где кроме как спать делать нечего.

В первый вечер за чаем мы дошли до обсуждения гор и другой природы Непала, а потом коснулись интересной для Рашмилы темы образования. Я не сразу понял, почему её это интересовало, и разобрался только позднее. Она раскрывалась всё больше, но в первом часу ночи остальные путники улеглись спать, а хозяева давно спали – у них принято ложиться рано, и мы пожелали друг другу приятных сновидений.

Завтрак, опять скука, хождение взад-вперёд вдоль дороги и вокруг лоджи. Возникло желание пройтись побольше и посмотреть на язык села, но очевидцы сказали, что до него далеко, и от про-

гулки я отказался. Думал о Рашмиле, о том, что она нездешняя, не из окрестных селений: и одета не так, и английский приличный.

Подсел, предложил познакомиться поближе и начал с вопроса, который напрашивался: откуда ты? из какой провинции, города, деревни? Она ответила, что из Катманду, а я представился москвичом, что женщину очень удивило: про Москву Рашмила слышала, но русских до этого не встречала и о нашем брате не имела никакого представления. И даже «наводящие» фамилии «Горбачёв», «Ельцин» и термин «перестройка», знакомые многим непальцам, не вызвали у неё никаких ассоциаций. Продолжая сыпать отечественными персоналиями и аббревиатурами, я наконец удовлетворился, услышав живую реакцию «а-а-а!» в ответ на слова «Ленин» и «СССР».

За обедом продолжили перекидываться фразами, а вечером расположились рядом с печкой, и завязался нормальный разговор. Чувствую, что общаться она не против, но снова, как и вчера, сдерживается. И спрашиваю совсем в лоб:

- А ты вообще кто по жизни?
- Тебе правда интересно?
- Правда.

Она взвешивает что-то про себя и, наверное, внутренние весы склоняются к тому, что беседовать со мной можно, так как вреда я ей не принесу. К тому времени Рашмила припомнила, что СССР – самая большая страна в мире. Уточнила, что даже больше, чем Индия. Стало быть, я, вероятно, начал восприниматься как уважаемый представитель великой державы. Помолчав, Рашмила ответила на мой вопрос:

- Я... Кумари.

Всякого ожидал, даже того, что в девочке Кумари из дворца на площади Дурбар и вправду есть нечто волшебное. Но вот что эта молодая женщина тоже Кумари... Их, в принципе, сколько, дюжина? Или больше, как индуистских богов? И что Кумари делает на этой дороге, если должна быть в своём божественном домике? Может, девушка сумасшедшая? С иронией, но стараюсь казаться серьёзным, произношу:

- А может, ты – богиня Кали?..

Сказал я это, что называется, с бухты-барахты, потому только, что слышал про богиню Кали. И был ошарашен реакцией Рашмилы:

- Кумари связана с богиней Таледжу Бхавани – это ипостась многоликой богини Кали-Дурги...

Я потихоньку прихожу к пониманию, что девушка в здравом уме, а моя ирония выглядит как неуклюжая попытка показать своё знание индийско-непальского небесного контекста. Неудобно даже, это явно не моё поле для сомнений и дискуссий, остаётся вежливо слушать...

- Но Кумари называют живой богиней?
- Да, называют, это так и есть.
- То есть ты – богиня?

– Сейчас нет. Но я была богиней. Таледжу вселяется в тело Кумари, а потом покидает его. Как только наступает... первая кровь...

Какая кровь? Я чувствую, что соприкоснулся с чем-то, выходящим за пределы нормального понимания действительности. И недоумеваю, и хочу верить одновременно. Искренне признаюсь, что ничего не понял и прошу прояснить подробно, тем более что мы никуда не спешим.

– Есть легенда про короля Джаяпракаш Малла, последнего правителя династии Малла. Вернее, много легенд. Они гласят, что король тайно встречался с покровительницей своего рода богиней Таледжу, но богиня запрещала ему рассказывать об этих встречах. Но о них стало известно, и Таледжу обиделась на короля.

В каждой версии легенды почему-то упоминают, что король играл с богиней в кости. Не думаю, что это ключевой момент, и сама склоняюсь вот к какой версии. Да, они во что-то играли в... королевской опочивальне. При этом король восхищался обликом Таледжу и признавался, что она превосходит красоту его жены. Казалось бы, чем же богиня недовольна? Но многое становится понятно, если принять во внимание, что жена короля узнала о встречах, слова в свой адрес и возмутилась. Что касается богини Таледжу, то она, в свою очередь, рассердилась на короля и сказала Джаяпракашу, что если он хочет увидеть её снова, то должен найти Таледжу в образе маленькой девочки, чей облик богиня примет. И король пошёл искать девочку... Эта традиция соблюдается и по сей день.

– И что, король правда ходит и ищет девочку? И находит?
– Я же говорю: это легенда. И король не ходит и не ищет. Но другие, высшие буддийские монахи – духовные учителя ваджрачарья и астрологи, ищут. И находят. И богиня Таледжу существует.
– А как искатели узнают, что перед ними именно та девочка?
– Они не знают этого точно. Но есть несколько признаков. Начнём с того, что девочка должна происходить из рода Шакья...

Шакья? Я вспоминаю, что о роде Шакья мне говорил Тенцин двадцать лет назад.

– А, Шакья! Будду звали Будда Шакьямуни, так?

– Так. И я из рода Шакья – Шакьямуни.

– Значит, можно сказать, что ты родственница Будды?

– По клану Шакья да, но по прямой линии – нет. Будда, когда он ещё назывался принцем Сиддхартхи, женился на девушке Яшодхари из знатного индийского рода. У них родился сын Рахула. Позже он стал монахом и не имел детей.

– Но ты, наверное, была далеко не единственной в этом роде девочкой в то время? Я знаю, что непальские семьи часто многодетные.

– Да, это тоже верно. Но девочку выбирают из более узкой ветви Шакья. Семья будущей Кумари должна принадлежать к касте барэ – ювелиров клана Шакья. И народу невари, причём на протяжении трёх поколений. Однако нас всё равно отобрали много. Тех, кто подходил и по другим признакам.

– Вот как! По каким же?

– От девочки ожидалось идеальное от рождения здоровье. Большие и выразительные глаза. Безупречные зубы. Звонкий голос. Длинные тонкие руки – обязательно с мягкой, нежной кожей и без единой родинки, бородавки или шрама. Чёрные волосы – прямые и завивающиеся на правую сторону.

– Прошу прощения! А если волосы завиваются не на правую сторону, девочку не возьмут в Кумари?

– Вообще-то подобных признаков более тридцати, на недостаточную выраженность какого-то из них можно закрыть глаза. Но нельзя игнорировать главное.

– А что является главным?

– Девочка должна быть неполовозрелой. Это как раз гарантировано, поскольку отбор претенденток ведётся среди детей от трёх до пяти лет. И от «женских условностей» девочки пока избавлены. Сложнее другое: даже намёк на любую ссадину или царапину, из которой когда-либо могла идти кровь, лишает претендентку шансов, а для действующей Кумари сразу означает конец карьеры. Нужно, чтобы девочка никогда не теряла кровь, – это главное. Само слово «кумари» в переводе с санскритского означает «девственница».

– В конце концов отбирают одну?

– Нет, отбирают несколько. А дальше начинают «копать» под родителей. У легенды, которой я поделилась, есть дополнение. Когда король играл с богиней Таледжу и перед тем, как его жена об этом узнала, в опочивальню вползла красная змея. Матери будущей Кумари обязательно должна сниться красная змея...

– А если несколько матерей скажут, что им снилась красная змея?

– Наверное, и такое возможно. Но и здесь отбор не заканчивается. Гороскопы отобранных девочек обязательно сравнивают с гороскопом короля: они должны совпадать. Процедура сверхважная, её проводят специальные придворные астрологи! Когда гороскоп не совпадает, девочка точно выбывает из дальнейшего «конкурса»...

Гороскопы! В разговоре я не придавал им особого значения, несмотря на то что это один из ведущих признаков попадания в сонм потенциальных Кумари. Я просто не предполагал, насколько большую значимость в Непале придают гороскопам. Огромную значимость! Узнать о гороскопических нюансах и колоссальной роли астрологов предстояло совсем скоро, но не здесь и не от этой девушки...

– Значит, процесс отбора заканчивается на гороскопе?

– В общем, да. Про дальнейшее придумано много небылиц. Якобы, последних выбранных девочек подвергают испытаниям на смелость: запирают на ночь в древнем дворце Хануман Дхока на площади Дурбар – здесь до конца XIX века проживала королевская семья. Рядом располагают

головы сотни жертвенных животных, время от времени в помещение врываются люди в страшных масках и пугают девочек. И самая смелая из них наутро становится Радж Кумари. Но это сказки, во всяком случае со мной такого не происходило.

После обряда тантрического очищения будущую богиню на белых простынях переносят во дворец Кумари Гхар в Катманду, где она постоянно обитает. Это тот самый деревянный дом с внутренним двориком, где побывал и ты.

– Итак, тебе удалось удачно пройти испытания и стать Кумари?

– Да.

– Ты сказала про «будущую богиню». То есть выбор по многочисленным признакам не означает, что ты уже богиня?

– Нет, конечно. Потому что дух богини Таледжу вселяется в девочку постепенно, по мере того, как над ней проводят обряды посвящения. Это принесение в жертву домашних животных в присутствии Кумари. Это работа с внешностью: особый порядок укладки волос, облачение в ярко-красное платье, покрытие ступней красной пудрой. На лоб наносится «огненный глаз» – символ особой духовной силы. В таком обличье Кумари сажают на трон и надевают на шею ожерелье в виде змей. Каждый раз, когда ожерелье касалось моей шеи, я отмечала перемены в сознании. Я действительно чувствовала, что начинаю овладевать божественными способностями.

– Но ты же человек. Ты оставалась человеком и одновременно становилась богиней, будучи Кумари?

– Повторяю: я *сейчас* человек. И *была* человеком до четырёх лет, пока меня не посвятили в Кумари. Но восемь лет во дворце являлась богиней, сверхъестественным существом. Да, девочкой, но в которую вселилась богиня, если тебе так удобнее понимать. Знала, чувствовала и не сомневалась в том, что я и есть богиня.

– Как вообще строилась твоя жизнь во дворце?

– Кумари окружена служащими. Они обязаны выполнять все её желания и ненавязчиво подсказывать особенности выполнения ритуалов. Эти люди не имеют права приказывать Кумари и даже давать прямые указания – только мягко направлять. Окружение несёт ответственность за её туалет, одежду и украшения, организацию приёма посетителей и другие церемонии.

Я иногда играла с допущенными во дворец детьми – но только из своей касты, то есть с принадлежащими к народности невари. Ко мне приходили родители, но ритуал предусматривал такие посещения лишь по какому-то официальному поводу. Им отводилась роль обычных посетителей и категорически запрещалось давать советы и вообще заниматься моим воспитанием. Им даже не разрешалось остаться на ночь в моём дворце...

Попробую описать тебе обычный день своей жизни. Я просыпалась сама, никто не имел права меня будить. Спускалась в собственную ванную, куда никто не должен заходить, принимала туалет. Потом женщины расчёсывали мне волосы и туго затягивали их на затылке. Так туго, что виски постепенно почти облысели. Рисовали жирные стрелки под глазами.

Далее приходил монах, чтобы сотворить утренний ритуал покрытия моих ступней красной пудрой. Параллельно мне делались подношения риса и цветов, читались мантры и совершались мудры – тайные знаки руками. Всё, что от меня требовалось в такие моменты, это сидеть неподвижно. Я не испытывала при этом никаких ощущений. Я просто привыкла к ритуалам как к некоторой неизбежности.

Завтрак – тоже своеобразный ритуал. После завтрака приходил учитель. Тут стоит обратить внимание на следующее: считается, что Кумари не должна посещать школу и вообще получать какое-нибудь серьёзное образование, потому что богиня изначально является всезнающей. Поэтому чему именно учил меня приходящий преподаватель, я не понимаю до сих пор...

Весь оставшийся день посвящался играм, у меня было много игрушек и телевизор. Я принимала посетителей, туристов и паломников, в отведённые для них часы. А в другое время следовало периодически появляться в окошке дворца, чтобы радовать толпившихся в ожидании. Мне это делать тоже никто не приказывал, но не появляться неудобно, чтобы люди не разочаровывались.

– Как ты сказала, богиня Кумари обладает божественными способностями. Значит, она умеет творить чудеса?

– Да, приходили люди, молились, и я могла исполнить их молитвы.

– Они просили о чём-то?

– Посетителям не позволено просить прямо, – считается, что Кумари всё понимает одним взглядом. И реагирует. Её поведение трактуют так: если Кумари кричит при вашем появлении, то ожидается серьёзная болезнь или смерть; когда она дрожит – грозит тюремное заключение; когда хлопает в ладоши – следует бояться короля; когда она подбирает остатки предложенной еды – возникнут денежные потери. Если же Кумари остаётся спокойной и бесстрастной во время аудиенции – посетители уходят в хорошем настроении: это означает, что их просьбы будут удовлетворены. Может, так и есть, но я никаких решений не выносила. А люди так или иначе давали понять, чего хотят. И я иногда интересовалась, что происходило потом...

Однажды меня две недели подряд ежедневно посещала женщина с больным ребёнком. Я не знаю, что с ним произошло, но он не мог ходить. Я сидела на золотом троне, а женщина располагалась у моих ног. Она молилась и лила воду на мои ступни, собирала её руками, пила сама и поила ребёнка. Через две недели ребёнок поправился.

В другой раз попросил аудиенции молодой журналист, которого тошнило кровью. Это началось после того, как он опубликовал статью обо мне. Ничего особенного журналист там не написал, но получилось, что его фотография оказалась на газетной странице над моей. Я даже не знала о статье, но, видимо, это оказалось достаточным оскорблением для богини Таледжу, чтобы наслать на журналиста болезнь. Недуг отступил, когда он приехал со всей своей семьёй и сделал подношение с просьбой простить...

Чудесным могуществом наделял меня и серебряный обруч «нага» – один из атрибутов Кумари: я не ощущала ни голода, ни жажды, ни жары, ни страха. За все годы я ни разу не плакала и не болела. Правда, часто грустила от одиночества.

На протяжении восьми лет я служила своей стране, участвовала в церемониях, помогала больным детям. Живая богиня имела доступ к тайным мантрам, которые могут произносить только посвящённые. Некоторые из них я буду повторять до самой своей смерти.

– А могла ли Кумари выходить за пределы дворца?

– Она покидает дворец только в связи с особыми ритуалами и церемониями. Это происходило тринадцать раз в год. При этом Кумари не имеет права касаться земли за пределами дворца, и её несут в золотом паланкине, поскольку ноги Кумари полагаются священными. Даже король целует эти ноги, когда раз в год приходит просить у неё благословения. Такое случается в праздник Индра Ятра. В этот день король прибывает в храм для совершения индуистского ритуала пуджи, и богиня Кумари на глазах у многотысячной толпы благословляет его тилакой – ставит красную точку на лбу. Это означает, что королевская власть имеет божественную природу и что она продлевается на годичный срок, до праздника в будущем году.

– Жизнь Кумари во дворце рано или поздно заканчивается. Когда и как это происходит?

– Кумари теряет божественное присутствие всегда неожиданно, чаще всего при первой менструации. Но это может быть связано и с выпадением зуба с заметным выделением крови, и при болезни, связанной с кровопотерей. И Кумари становится такой же, как и простые смертные.

– То есть тебе вдруг говорят «до свидания», и ты внезапно понимаешь, что уже не богиня?

– Нет-нет, Кумари никто не прогоняет, и богиня внутри неё не исчезает немедленно, преобразование происходит очень плавно. Начинается подбор новой Кумари, а старая остаётся на этот период во дворце, проходит через определённые ритуалы и слагает с себя божественный статус.

– Она возвращается к родителям? Кумари, наверное, скучала по ним?

– Скучала? Восемь лет... Стыдно признаться, но в тот день, когда перестала быть богиней и меня забрали обратно, я свой изначально родной дом просто возненавидела – за то, что он стоит не особняком, а рядом с другими; за то, что здесь нет своего закрытого пространства; за то, что это не дворец.

Моя собственная семья стала чужой, и я не понимала, почему должна трапезничать с этими людьми за одним столом. Годы, проведённые во дворце, ассоциируются не только с роскошью, но и с уединением.

Не могу сказать о сильных переживаниях по поводу того, что больше не богиня. Скорее, мне оказалось трудно расстаться с той семьёй, которая окружала меня каждый день и стала родной, и заново вписаться в кровную семью. Я ведь не помнила жизнь до четырёх лет, и, хотя родители и сёстры на-

вещали меня, привыкнуть к жизни с ними оказалось непросто. Я не представляла, как можно делить с кем-то ванную или спальню. Ужасно трудно осваивались простейшие бытовые вещи: я отвыкла выходить на улицу, самостоятельно одеваться, мыть посуду.

Ну и, наконец, основная проблема. Внезапно выяснилось, что в свои двенадцать лет я абсолютно безграмотна. Визиты учителя носили чисто символический характер, они никак не заменяли школьное обучение, и мне предстояло нагнать шестилетнее отставание по всем предметам. Далеко не каждой бывшей Кумари такое по силам, да и по желаниям. Государство платит Кумари после «отставки» пенсию в рупиях в эквиваленте около ста долларов в месяц, на эти деньги у нас можно прожить. Вот они и живут...

– А существует вариант, например, выйти замуж и просто заниматься семьёй, воспитанием детей?

– Этому мешает очередное суеверие. В народе считают, что тот, кто женится на Кумари, должен умереть через полгода от кровавого кашля – чахотки, раз уж всё тут замешано на крови. Впрочем, большинство Кумари – а их, ныне живущих, семь – вышли замуж.

– А ты?

– Я тоже хочу выйти замуж и обязательно выйду, когда появится любимый человек! Но начать, единственная из всех Кумари, решила по-другому. Я отчётливо поняла, что теперь вновь стала обычным человеком, и решила побеждать в себе прежнюю обожествлённую Кумари. Мои предшественницы не умели даже читать! А я пошла в один класс с пятилетним братишкой. Через два часа уроков лишилась сил и не понимала ни слова из того, что говорил преподаватель. Мне не давался ни один предмет – ни английский, ни математика, даже элементарный алфавит.

А сейчас... сейчас я учусь в университете на программиста. Уже немножко работаю по специальности. И выучила язык.

– В каком же году ты перестала быть богиней и ощутила себя равным со всеми человеком?

– В девяносто первом. Мне уже двадцать...

Я сразу вспомнил свой девяносто первый. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, необходимость принимать решение и определяться со своей дальнейшей судьбой. Мы с товарищами, как помнит, надеюсь, читатель, в качестве старта новой, постреволюционной жизни выбрали поездку в Непал. В это же время Рашмила пошла в первый класс, не стесняясь своего возраста и преодолев недавнее привилегированное состояние. Мы бежали от мирских сует, а она, понимая их неизбежность, встраивалась, совершенно не оглядываясь на опыт предшественников...

На следующий день дорогу очистили от селя. Я разбудил водителя, который с удовольствием спал и никуда не торопился, сел в свой допотопный джип и предложил Рашмиле подвезти её до Катманду. Но она – казалось бы, чем ещё можно удивить после такого ошеломляющего рассказа – поразила меня опять.

– Спасибо, у меня есть друг, он и поможет добраться!

Подумалось, что, наверное, поблизости таился реальный возлюбленный Рашмилы, о ком она лукаво говорила как об ожидаемом. Но я ошибался. В сарае стоял совсем новенький, вымытый и блестящий никелем мотоцикл. Рашмила улыбнулась, поблагодарила за общение и приняла боевую стойку байкера.

Я восторженно:

– Послушай, а как ты попала сюда, на эту дорогу?

– Это покажется тебе немножко смешным. Знаешь, когда я была Кумари и меня в праздники носили по городу, я встречала разных животных: жертвенных коз и быков, обезьян, даже слонов. А по телевизору видела и других. Больше всех мне понравился носорог. Их много в национальных парках Непала, но в Катманду, конечно, нет. Я ездила в парк «Читван», чтобы увидеть настоящего, живого дикого носорога.

– Тебе удалось встретить носорога?

– Да, я очень довольна!

Рашмила выкрутила газ, мотоцикл затарахтел и пошёл в разгон. Больше мы не виделись. А с носорогами пришлось столкнуться довольно скоро.

ГЛАВА IV

Охота

*...И к самолёту подадутся слоны,
И опахалами замашет Тибет,
И как царица этой древней страны
Ты не позволишь больше плакать себе.
И распрямив безукоризненный стан,
Ты поплывёшь с невозмутимым лицом,
И всё, что было, позабуду я сам
Как сон, как сон, как сон...*

Так красиво поёт Олег Митяев. Правда, совсем к самолёту слонов не подадут. Надо ещё километров двести проехать по дороге типа «не хайвэй», что займёт часов восемь, и окажешься в национальном парке Читван. В парке всё заточено под wild nature – дикую природу. Деревянные хижины под соломенными крышами – прямо натуральная «дикость» снаружи, а внутри, правда, и комфортный туалет, и душ, и кондиционер, и широченная кровать под балдахином, чтобы защищать от возможных насекомых. Хотя пробраться им сюда весьма трудно: на окнах и дверях расположены защитные сетки. На улице симпатичные пеньки вдоль дорожек – тоже «дичь», но с электрическими лампочками внутри, которые с наступлением темноты вспыхивают, когда проходишь рядом.

По вечерам зажигают настоящий костёр, готовят барбекю и затевают национальные пляски. Танцоры одеты в яркие костюмы под старину, недавно сшитые в мастерских Катманду или Покхары.

Но вокруг – реальные джунгли, с птицами, обезьянами, парнокопытными; рядом река с рыбами и даже крокодилами... И вот тут-то слоны и обитают, даже дикие. Я еду на домашнем слоне. Слон, а точнее слониха, ещё ничего – сорок пять лет (а слоны живут до ста). Зовут Сантал Кали. Легко преодолевает склоны, русла ручьёв, ломает ветки деревьев, продираясь сквозь джунгли. Найти и увидеть со слона обезьяну или «дир» – оленя – это не круто. Круто обнаружить тигра или носорога. Вот их мы ищем.

Погонщик насторожился. Он умело управляет слоном, имея, правда, железную палку с острым крюком на конце – на тот случай, если животное плохо выполняет приказы «рулевого». Орудие иногда работает: скажем, слон неудобно, по мнению погонщика, остановится, и тогда получит укол и без возражений двинется дальше. Нам предстоит узнать, что, если слон не захочет подчиняться, он легко отберёт эту жалкую палку, сбросит погонщика, разнесёт всё вокруг и вприпрыжку убежит в нужном ему самому направлении. Но пока сытый и адекватный слон спокоен и грузно преодолевает несложные для него препятствия.

Мы видим, как в кустах что-то шевелится. Из ямы поднимается огромная бронзовая туша. Она с неудовольствием смотрит на Сантал Кали и неторопливо идёт в сторону. А мы за ней. Не отрывая взгляда от торчащего рога, который прячется за травой, деревьями, а потом появляется вновь. Нашли! Непальцы именуют зверя «райно», а по-нашему он зовётся носорогом.

Ночью в хижине горит керосиновая лампа. Электричество тоже есть, иначе как же действуют кондиционер и современный автоматический туалет? Но основной свет ночью отключают, чтобы создать атмосферу экзотики. Уже клонит в сон, однако лампу задувать не хочется, иначе уйдёт часть колорита. Я засыпаю и думаю, что завтра надо попробовать найти тигра. Смотритель парка обнадёживает, мол, обязательно встретим тигра – таким же образом, что и носорога. Проводник по дикой природе скрывает от нас, что носороги здесь почти домашние, что их подкармливают, что они не боятся людей и не прячутся от них. А тигр прячется! Казалось бы, чего ему бояться? Но инстинкт выполняет свою роль. Поэтому напрягаться в поисках тигра и доставлять ему беспокойство никто не станет: не хочется приключений на свою голову. Засыпаем.

Утром в небе жужжит металлическая «стрекоза», и на поляну возле входа в парк садится военный вертолёт. Из него спрыгивают на землю несколько мужчин, среди них молодой человек лет тридцати – чернявый подтянутый непалец в камуфляжной форме и погонах с большими звёздами. Скорее всего, это признак его высокого чина. Впрочем, здесь легко и запутаться: маленькие не-

пальцы очень любят, чтобы на погонах у военных располагались знаки различия солидных размеров. Так что заметные издали звёзды присутствуют даже у младших офицеров, а у высших чинов и подавно.

Я всматриваюсь в лицо «генерала» – наверное, это генерал? – и замечаю что-то знакомое. Ба! Да это Дип! Неужели?! Я бодро направляюсь к нему, но путь внезапно преграждают два офицера со звёздами поменьше, но с большими ружьями. Вполне сознаю, что через одиннадцать лет после первой встречи Дип может меня не узнать, поэтому кричу-напоминаю: «Дип, хай, это я, Алекс, помнишь Итон и восемьдесят девятый год?» Генерал удивляется, оживляется и велит стражникам меня пропустить. Вряд ли у него тогда состоялось много встреч с незнакомыми русскими – возможно, наша встреча под Лондоном была единственной. Дип идёт навстречу, искренне и радостно обнимает меня. Я тоже рад. Дип берёт с места в карьер:

– Ну что, Алекс, выпьем за встречу?

– «Джек Дэниэлс»? Не откажусь.

– Ха! Двойной «Джек Дэниэлс»!

Мы садимся в баре, спрятанном в беседке, стилизованной под укрытие испуганных туземцев, и беседуем. Дип живо интересуется событиями, свершившимися за эти годы в России. Таких событий, разумеется, много, они значительны, и я с жаром посвящаю принца в их содержание, делая акцент на революционной составляющей. Непал начала двухтысячных тоже «штормит», и Дип заинтересованно слушает.

Что касается меня, то про политическую жизнь Непала я информирован и задаю вопросы лишь для того, чтобы подтвердить и так известные мне вещи.

– Ты стал главнокомандующим непальской армии и предводителем бесстрашных гурков?

– О, ты не забыл?! Молодец! И я помню наш разговор. Без сомнений, стал!

– Королю, принцу и их окружению удаётся ладить с революционерами?

– Мы задавим их всех, как только они предпримут серьёзные действия по захвату власти. А пока... Ты, вероятно, наблюдал, как они, словно муравьи, толкаются на улицах и размахивают своими дурацкими плакатами?

– Да, я видел демонстрантов. Меня особенно удивило, что вдобавок к хорошо известным нам профилям Маркса, Энгельса и Ленина на ваших плакатах изображён Мао Цзэдун.

– Это глупые люди. Они, конечно, не читали Мао, но слышали про культурную революцию. Про неё они тоже не понимают и уверены лишь в том, что Мао прижал богатых, поделил их сокровища между простыми людьми и все стали жить хорошо. И хотят, чтобы и у нас свершилось подобное. Какое жестокое заблуждение! В Китае не было сокровищ – во всяком случае, в том виде, в котором люди себе это представляли, и в Непале нет. Если раздать богатства королевского двора, то народ лучше жить не станет...

Мне не очень хочется спорить, тем более что Дип, скорее всего, прав: это подтверждают мои собственные наблюдения жизни в стране. Стараюсь переменить тему:

– Дип, с какой целью ты приехал сюда?

– О! Я приехал в Читван, чтобы охотиться на слонов.

– Насколько я информирован, охота на слонов в Непале запрещена...

– Ну, знаешь ли, это большой вопрос. Запрет ввели в то время, когда слонов истребляли ради наживы. И в Непале, и в Индии слонов выбивали сотнями и тысячами в погоне за их бивнями. Конечно, это следовало остановить, и мы остановили. Теперь слоны в Непале находятся под охраной закона: за убийство животного грозит тюремный срок до пятнадцати лет. Однако власти могут принять решение о ликвидации животного, если по его вине погиб человек. Но это не единственный случай, когда нужна и важна охота. Слоны порой приносят вред, например, вытаптывая поля и поедая аграрные культуры. Их надо отпугнуть или проредить стадо. Я знаю, например, что у вас в России отстреливают лишних и вредных волков и медведей, а в Англии – лис. У нас тоже есть волки и лисы, но роль слонов гораздо более значима.

Смотри: вот лиса сошла с ума. И что произойдёт? Ничего нового не произойдет, она как душила кур и переносила заразу, так и будет это делать. А что она сможет совершить более опасного? Ничего. А если слон сойдёт с ума? Это равносильно стихийному бедствию, поскольку пострадают люди и строения.

– И ты приехал в Читван, чтобы уничтожить сумасшедшего слона? Что же он такого натворил?

– Ты совершенно зря шутишь. Первый опыт охоты на слонов, пока в качестве наблюдателя, у меня случился несколько лет назад: тогда слон за две недели убил одиннадцать жителей расположенных по соседству районов Непала. Так что «слон сошёл с ума» – это не гипербола.

А буквально на прошлой неделе в деревне Гарди поблизости от парка Читван животное забрело в дом, где жила пожилая супружеская пара, вытащило людей из постели и затоптало до смерти. Наблюдатели выяснили, что примерно три месяца назад этот же слон убил ещё двух человек. Это как назвать? Он не сошёл с ума? Специалисты выдвигают версию о том, что животное больно бешенством. Прямо сейчас идёт охота на слона-убийцу, к ней подключились военные.

– Получается целая операция... Однако слон такой большой, разве его трудно обнаружить?

– Он очень большой, но очень хитрый. Прекрасно прячется и может внезапно напасть на своих преследователей. Поэтому солдаты получили приказ стрелять на поражение при обнаружении опасного животного.

– Итак, ты будешь героически убивать сумасшедшего слона?

– Ха-ха! Этого только не хватало. Пусть с ним возьмётся солдаты. Я охотник, а не ассенизатор. В заповеднике можно без причинения вреда природе отстрелять за сезон десяток и вполне здоровых слонов. А мы добудем даже меньше. Ну, двух-трёх...

Я пожимаю плечами, поскольку эти оправдательные рассуждения убеждают меня только в том, что беднякам действительно не хватит королевских богатств. А вот слонов для охоты королевской семье вполне достаточно. У кого власть, тому всё дозволено. Как везде. Но что ж теперь, становиться в Непале защитником прав слона и человека на достойную жизнь? Да ладно... А Дип вдруг ошеломляет:

– Слушай, поехали со мной на охоту!

Не испытываю от очередного «крутого» предложения никакого восторга, поскольку охота не является для меня привлекательным занятием. Никаких принципов при этом не исповедую: не нравится – и всё. Посмотреть, поснимать – другое дело. Так и говорю:

– Знаешь, Дип, я по жизни не охотник.

– Тебе неинтересны животные?

– Животные мне очень интересны, я очень люблю наблюдать за представителями фауны. Но стрелять не хочу. Я не пацифист и не вегетарианец, просто не хочу.

– Понял! Тогда сделаем так: я посоветую тебе, как лучше смотреть животных, и ты получишь от этого своё удовольствие. Компанию тебе составит Петрус. Ты должен помнить Петруса – он был тогда с нами в Итоне...

Да, я вспомнил голландца Петруса. Стрельба, пьянка, марихуана, таблетки.

– Петрус не охотник?

– Нет, не охотник. У него другие увлечения. Петрус, как и ты, любит смотреть на зверей. Вот вы и посмотрите вместе. Я порешаю свои вопросы, а через пару дней мы всё-таки вместе пойдём на охоту. Вы увидите слонов в живой природе, а я попытаюсь их подстрелить...

В последующие два дня, как говорят в социально ответственной рекламе, ни одно животное не пострадало. Сначала мы поближе познакомились с домашними слонами. Погонщики собрали нас и других посетителей парка, всего человек двадцать пять, на поляне, куда привели несколько слонов. Они послушно выполняли команды погонщиков: опускались поочерёдно на передние и задние ноги, затем отрывали одну пару ног от земли и стояли «на задних лапках»; легко ворочали брёвна, аккуратно брали у нас из рук бананы.

Потом начались более занятные трюки. Погонщик привязал к амуниции слона верёвку и предложил зрителям потянуть за неё и сдвинуть животное с места. Вызвалось человек пять, но силёнок у них не хватило. Погонщик пригласил ещё десяток – снова неудача! Да-а-а, вот это силища. И погонщик призвал к участию всех присутствующих мужчин. Надо заметить, что у них имелись с собой рюкзачки, внутри находились фляжечки, во фляжечках плескался кукри-ром. Разумно! Просто так сидеть и тарашить глаза, пусть и на слонов, скучновато. Так что к моменту призыва посостязаться со слонком некоторая доза спиртного ушла по назначению, и уговаривать мужиков не пришлось – они расположились вдоль каната, ухватились за него и с боевыми возгласами, упиравшись ногами в землю, стали понукать животное к движению.

Бедный слон покачнулся и медленно передвинул свои мощные ноги в сторону «бурлаков». Поляна наполнилась восторженными криками: «А! Не так-то он и силён!»

Но слон только притворился проигравшим. Погонщик совсем чуть-чуть ткнул его своим железным крюком, слон остановился и сделал не очень уверенный шаг назад. Толпа «тягачей» взревела и навалилась на канат. Слон дёрнул головой, пошевелил ушами и... спокойно пошёл в обратную сторону, волоча за собой на канате мгновением раньше ликующую, а теперь посрамлённую связку поддатых «гераклов»...

Опечаленные, некоторые из них решительно направились с поляны, бормоча по дороге: «Нас... обманули». Но многие представители сильного пола, а также все женщины остались, соблазнившись на новое предложение погонщика-дрессировщика: «Сейчас мы пойдём к реке купать слона, а слоны искупают нас». Конечно, мы ждали следующего подвоха, но слоновий сирдар сказал чистую правду. По его команде слон набирал в хобот воды и поочерёдно обливал восторженно визжащих дам и примкнувших к ним «бойцов»-джентльменов. Слон ложился на бок и прикидывался мёртвым, а мы залезали на него и, подобно охотникам, опускали большой палец вниз: вот какого зверя завалили! Фотографии получались что надо! Такая игра-охота понравилась нам гораздо больше огнестрельной.

На этом мирные приключения со слонами не закончились. Вечером к моему «вигваму» подъехал джип со служителем парка:

– Пожалуйста, возьмите с собой какие-нибудь носильные вещи – ночью прохладно.

– Зачем вещи? Какая прохлада? Я буду спать в своей избушке под одеялом!

– Но мне сказали, что вы хотите посмотреть на диких слонов. Вот и поедем в джунгли с ними познакомиться. Не волнуйтесь: вас ожидает полный комфорт и безопасность, для вас приготовлены ланч-боксы и свежие постели...

В джунгли? Ночью? Знакомиться со слонами? Поедая ланч-бокс в чистой постели? Видно, опять какая-то «разводка». Ну ладно, была не была!

Мы и вправду заехали в джунгли, изрядно потряслись на еле заметной, вчерне расчищенной от природной флоры дороге на жёстком авто и остановились возле странного сооружения в виде трёх-этажной вышки. С третьего этажа весело махал Петрус. Выяснилось, что на двух этажах вышки оборудованы уютные комнаты: каждая с двумя кроватями, действительно застеленными чистым бельём и накрытыми марлевым балдахином, чтобы ночью не донимали мошки-комары. На первом этаже вышки находился туалет.

Итак, интрига частично разрешилась. Комфортная ночь в джунглях – что ж, это даже романтично. Но как мы увидим слонов, во сне, что ли?

Прочитав вопрос на моём лице, служитель пояснил, что вечером и рано утром происходят миграции животных в джунглях:

– Смотрите, перед вами большая поляна. На неё в сумерках придут «по своим делам» разные звери, за которыми вы можете наблюдать с вышки. Пожалуйста, не спускайтесь на землю, это опасно! А на вышку звери никак не заберутся. Я сгрузил ваши ланч-боксы и воду, так что вы не останетесь голодными. Когда совсем стемнеет и звери разойдутся, спокойно ложитесь спать: в джунглях жизнь не прекращается и ночью, но вы всё равно ничего не увидите. В крайнем случае, если одолеет бессонница, пощёлкайте фонариком, и кто-нибудь обязательно прибежит или прилетит на свет. Но утром просыпайтесь пораньше и выходите на балкон вышки – случится самое интересное. Завтра в полдень я за вами приеду...

С этими словами служитель сел в джип и отчалил восвояси, оставив нас с Петрусом вдвоём. Впрочем, не совсем вдвоём: на втором этаже копошились парень с девушкой.

– Н-да, в честь такого дела можно бы и выпить, – буркнул я по-русски. – Да в ланч-боксе ничего интересного нет...

– Я не знаю русского языка, но понимаю, о чём ты думаешь, – отреагировал Петрус. – Не волнуйся, я всё подготовил!

– Неужели «Джек Дэниэлс»?

– Что, этот вискарь тебе не надоел? Если так, ты успеешь его насосаться, когда мы вновь встретимся с Дипом. А я приготовил тебе для дегустации традиционные непальские напитки...

С этими словами Петрус достал из рюкзака несколько посуды и стал перечислять:

– Вот это ты уже знаешь и дегустировал – «магазинный» кукри-ром. Ну, если захочешь, можешь попробовать снова. А в этой бутылке «ракши», или «арак», или попросту самогонка, которую не продают в магазинах, а производят «для дома, для семьи». У «ракши» довольно слабый и мягкий вкус, крепость градусов двадцать-тридцать, но вставляет она здорово. Есть также «аила» – тоже самогон, но бухло куда покрепче «ракши»; я даже не скажу, сколько градусов, но как хлебнёшь – почувствуешь. И «ракши», и «аилу» делают из пшена...

Тут внизу прорезалась молодая пара, выразившая желание познакомиться и пообщаться. Почему бы и нет? Ежи и Беата. Алекс и Петрус. Отлично! Мы переместились с третьего этажа на второй и выставили свой «арсенал». Ребята – они оказались поляками – тоже прихватили с собой кое-что: они принесли всего лишь пиво, но его поляки со своими обычными понтами попытались представить как сюрприз и вообще дар небес. Ну, какой в пиве дар небес?

За приятным разговором (все согласились «попробовать», да-да, «только попробовать», не больше, и кукри-ром, и ракши, и аилу; а пиво пошло на запивку) мы опустошили ёмкости почти до дна. Пили за природу, за Непал, за Польшу, Голландию и Россию; за всеобщее понимание и единение «вопреки политикам» – в общем, ничего эксклюзивного. Порядочно закосели, больше всех Ежи. А мы с Петрусом начали помаленьку подкатывать к симпатичной Беате. Затруднительно поделить её на троих – нет, на двоих, «косой» Ежи уже не в счёт, но кто, как говорится, не рискует... Беата, судя по всему, была не против риска. И тут, совсем некстати, напомнили о себе звери, хотя вечер неплохо складывался и без них. Сигналом стал резкий и громкий крик большой разноцветной птицы. Ах, эти пернатые!

Плюнуть на птицу и опять переключиться на ракши с аилой и Беатой мы уже не смогли, потому что вокруг – слугитель не обманул – начался реальный звериный цирк. Птиц было не счесть, по поляне взад-вперёд сновали антилопы, а по деревьям скакали обезьяны. Одна обезьяна пристально смотрела на нас, и Петрус начал её дразнить. А обезьяна начала дразнить Петруса, строя морды и поворачиваясь задней частью тела. Петрус отвечал тем же. Потом обезьяна сменила тактику: её рожица приняла улыбочивое выражение, она стала чмокать губами и по-человечьи, взмахами лапы, подзывать Петруса: иди, мол, поближе, иди ко мне.

– Зовёт? А что, и подойду! – бухой Петрус начал слезать с вышки. Поскольку хищников пока вблизи не замечалось, мы приготовились следовать за ним. Обезьяна продолжала призывные жесты, а Петрус продвигался к дереву. Когда он подошёл совсем близко, обезьяна изогнулась и пустила прямо в голландца мощную жёлтую струю. Мы попятились назад, сгибаясь пополам и плача от хохота. Обезьяна смеялась вместе с нами. Более того: орать и смеяться начали все находящиеся поблизости обезьяны. Невесело выглядел только мокрый Петрус. Однако и он, поддавшись общему настроению, присел на землю и захохотал: вот так провели! Не зря говорят, что обезьяны – умные и коварные.

Что дальше? Ясно, что: допили остатки алкоголя и разошлись по своим комнатам. Переодевшись и залезая под одеяло, Петрус достал смутно вспомнившуюся мне коробочку и предложил:

– Может, по «колёсику»?

Я отказался. Часы показывали около двенадцати ночи. Мы завели их на три, чтобы не проспять обещанное «звериное» утро, и стали отходить ко сну. Я развернул балдахин и закрыл глаза. Но через некоторое время – спал чутко, тут джунгли, мало ли что – почувствовал, что кто-то скребётся по марле балдахина. Я зажёл фонарик и увидел Петруса, который как-то странно водил руками и что-то бормотал. Я позвал его, Петрус не откликнулся, потом подошёл к стенке, противоположной от входа, и стал пытаться пройти сквозь неё. Может, перепутал спросонья, стена-то глухая? Я встал, вылез из койки и поинтересовался, не хочет ли Петрус в туалет? Тот закивал головой, и я повёл его вниз, на первый этаж вышки. Петрус явственно «плавал» в неизвестном пространстве, таблетка, что ли, действовала?

В туалет голландец заходить не стал, исполнил малую нужду прямо с крыльца, сел на пол и продолжал бормотать невнятные слова себе под нос. Мне очень хотелось спать, но как бросить спутника? Уйдёт, чего доброго, в лес, а там и вправду какой-нибудь сумасшедший слон... Так мы и сидели: он бормотал, я дремал. Между тем потихоньку начало светать. Не понимая, сон это или явь, я увидел стоящих на поляне трёх райно – носорогов. Просто стоящих и не шевелящихся. Петрус тоже увидел и сказал: «Фантастика!» Вышел за ограждение вышки и направился к райно. Меня, сонного

и с невыветренным хмелем в голове, охватило какое-то «фиолетовое» отношение к происходящему, и я двинулся за ним. Мы подошли близко к носорогам и, не делая лишних движений, наблюдали за ними. А носороги – за нами.

Потом захрустели ветки – тихо, еле слышно, звуки лишь обозначали движение чего-то мощного, – и на поляну вышел дикий слон. Он встал невдалеке от райно. Иногда поднимал хобот и громко шипел. Может, он так прочищает лёгкие? Или выражает своё неудовольствие нашим присутствием? Мне в голову полезли дурацкие загадки из детства: кто сильнее, слон или носорог? Дурацкие потому, что никто не сильнее. Ну как носорог победит слона? Забодает рогом? Ага, а у того бивни подлиннее рога райно и, наверное, не менее острые. А слон носорога? Зацепит хоботом? Попробуй-ка зацепи такую тушу.

Птицы начали просыпаться и покрикивать, обезьяны зашевелились на деревьях. Лёгкий приятный утренний туманчик постепенно рассасывался. Звери неподвижно стояли, Петрус бормотал, я смотрел и разгадывал загадки. Потом райно, как по команде, построились в цепочку и ушли. Покинул поляну и слон. Мы подумывали прилечь, но тут выползли из своей «норки» помятые поляки. Мы начали их подтрунивать, что, мол, вот, проспали звериное утро. И, не сговариваясь, начали плести небылицы о том, что животный мир в отсутствие Ежи и Беаты выделял. Те с сожалением покачивали головами.

В полдень, как и планировалось, пришла машина, мы забрались в кузов и всю дорогу клевали носом. В лагере позавтракали и, под сочное мясо-барбекю с рисом и овощным рагу, с удовольствием приняли по стаканчику вискаря со льдом и колой. Петрус, судя по всему, оклемался от погружающих в альтернативную действительность препаратов и вёл себя интеллигентно. Мы раскланялись и пожелали друг другу хорошего дня, я заперся в хижине и остаток светлого времени, а затем и тёмного проспал. Во сне Петрус впаривал мне свои «угощения»:

– Почему ты отказываешься от «травки», тебя наверняка в детстве старшие ребята обучали курить. Разве в вашей стране не так подростки передают друг другу ценный опыт?

– В нашей стране так, но они учили меня курить не «травку», а обыкновенные папиросы. Ты, видно, и не слышал о папиросах? «Беломорканал», а?

– Не слышал. И предлагали попробовать «колёсики», верно?

– Пить учили. Но не «колёсики», а водку. А таблетки давали родители. От простуды. Вот я с тех пор и курю. Не папиросы – сигареты, но в них тоже обычный табак. И пью «всё, что горит»: водку, виски, джин. Ну и самогонку всякую – вот теперь ракши, айлу. А таблетки нет, таблетки разве что от простуды...

Меня разбудил настойчивый стук в закрытые ставни. Это приехал Дип. На охоту? Да! Сердце забилось, пульс подскочил, а в голове зазвучала песня «Любэ»:

*Охота, брат, охота, брат, охота,
Охота, брат, охота на охоту,
Да в дальнюю стороночку
Неси свою двухстволочку,
Охота, брат, охота, брат, охота...*

Мы вновь загрузились в джип и поехали в джунгли: Дип как главный победитель слонов, я и Петрус в качестве наблюдателей и два человека, которых называют «пизэч», от «professional hunter» – профессиональный охотник. Дип сказал, что они имеют большой опыт охоты здесь, в Индии и в Африке, на счету каждого не менее тысячи слонов. Машина привезла нас в хижину, на этот раз одноэтажную, где мы стали одеваться в прочную камуфляжную одежду и снаряжаться – ружьями, патронами, ножами, питьём. От ружей мы с Петрусом отказывались, но Дип настоял: «на всякий случай», и мы вооружились. Пока готовились, а потом шли в поисках слоновьих следов, Дип негромко рассказывал:

– Любая охота на слона – это опасность. Слон наверняка будет не один, а в стаде или хотя бы в группе из нескольких особей. Лучше всего отсечь слона, но это далеко не всегда получается. После выстрела среди слонов возникает паника, и куда они побегут, не знает никто. Возможно, выбранный тобой слон получит ранение. Тогда берегись! А если и убит, то не исключено, что другой

серый «каток» понесётся прямо на тебя. Ты будешь раздавлен, а слон в горячке даже не обратит на это внимания.

Слон может атаковать и до выстрела: в этом случае он действует в интересах защиты своего потомства. А раненый слон, или даже самка убитого слона – они хотят отомстить. Однажды после того, как я добыл слона-самца, меня и группу сопровождения внезапно атаковала слониха. Мы чётко видели упавшего слона, испытывали счастье, расслабились и обсуждали победу. Вдруг буквально из ниоткуда выскочила и понеслась на нас эта махина. Слава богу, мои пизйч сумели произвести несколько выстрелов, и слониха упала в пяти метрах от нас.

В другой раз я охотился вообще не на слона, а на косулю. Мы приглядели одного приличного самца из «засидки», расположенной рядом с водопоем. Я задумал подстрелить его в момент, когда козёл проходит расстояние от зарослей до водопоя – это несколько десятков метров. «Засидка» представляла собой шалашик из веток и травы, который лишь прятал охотников, но никак не защищал их.

Но когда мы сидели в укрытии, на водопой вышло стадо слонов. Глядим: прямо в направлении шалаша к воде резво бежит маленький, наверное, недавно родившийся слонёнок. Мы знаем, что его обязательно опекает мать. И она действительно побежала за детёнышем! Пронеслась буквально в трёх метрах от нашего укрытия! Если бы самка с огромными бивнями почувствовала запах человека, то наверняка разнесла бы «засидку». Ветер, на счастье, дул в другую сторону, и трагедии не произошло. Но страху мы натерпелись порядочно.

Слоны могут и сами, не дожидаясь приглашения, прийти к вам в гости. Вы обратили внимание, что хижина, в которой мы готовились к охоте, неплохо укреплена. Слон, конечно, при желании сможет её повредить, но не разрушить. А раньше здесь стояли домики попроще. И вот однажды ночью к ним пожаловали сразу несколько слонов. Один из самцов стал тереться о хижину, а потом начал специально её раскачивать. В домике в тот момент находился я. Не скажу, что испытал приятные ощущения...

Тут мы увидели слоновьи следы. Сразу подступило волнение, которое заметно переживали и Дип, и оба пизйча. Говорят, что чувство взволнованности охватывает охотника независимо от того, сколько лет он отдал своему ремеслу или увлечению. При одном виде огромных отпечатков сердце начинает биться чаще и холодок пробегает по коже. Впереди намечается борьба с непредсказуемым результатом, а это всегда возбуждает. Дип сразу же замолчал и, приложив палец к губам, велел прекратить разговоры и нам. С одним из пизйчев он, максимально аккуратно, проходил несколько десятков метров через траву и кустарники, присматривался, а потом подзывал нас.

Здесь важно заметить, что местный ландшафт не похож ни на дебри Латинской Америки, ни на сибирскую тайгу, где идти надо, прорубаясь сквозь заросли, что, естественно, сопровождается неизбежным громким звуком. В Читване не было бурелома, поэтому через джунгли непальского образца мы продвигались сравнительно бесшумно.

И вот послышался отчётливый треск. Дип жестами указал направление, откуда он раздавался, и мы сквозь заросли увидели несколько слонов, которые обламывали и поедали ветки. Потихоньку, на значительном расстоянии от Дипа, мы пошли в направлении треска, но едва сделали несколько шагов, как второй пизйч, всегда находившийся рядом с нами, остановил меня с Петрусом и поднял палец вверх. Мы услышали странный звук, а потом, снова с помощью охотника, сумели разглядеть среди деревьев лежащую на боку тушу. Слон спал и... громко храпел.

Дип отчаянно замахал руками, показывая, чтобы мы уходили. Пизйч отвёл нас на значительное расстояние, и мы укрылись среди больших и густо стоящих деревьев. Дип с пизйчем едва различались среди растительности, то пропадая в кустарниках, то появляясь вновь, потом исчезли совсем. Мы просидели, наверное, час или больше, скучая и нехотя слушая рассказы бывалого пизйча. Но что занятного в слоновьей охоте? «Бескровная» ночь куда интереснее...

Раздались выстрелы – один, другой, несколько подряд. Даже издали след за выстрелами стал слышен шум ломающихся деревьев. Звуки отдалялись, потом смолкли вовсе. Прошло не меньше часа. Что же там происходит? Наконец появился Дип, за ним пизйч, они движутся к нам. Ох, лицо у Дипа залито кровью! В ответ на наши вопросы он машет рукой и говорит: «Потом, потом...» Мы возвращаемся к хижине.

Войдя в неё, Дип начинает не с подробностей, а с «Джек Дэниэлса». Плещает на платок, протирает им лицо. Серьёзной раны нет, но кожа на щеке и на лбу рассечена, а глаз покраснел и заплаыл, хорошо хоть – цел и видит. «Надо перекусить», – говорит Дип, и мы приступаем к походной трапезе – лепёшки, мясо, овощи; молча выпиваем под это дело по две-три «охотничьих» стопки, и принц наконец посвящает нас в детали происшедшего.

– Я, как и вы, увидел спящего слона. Знаю, что слон, даже если спит, заслышав посторонние звуки или запахи, может вскочить на ноги в мгновение ока. Поэтому следовало тихо подойти к нему с подветренной стороны. К тому же с места, где я стоял, виднелся только бок зверя, а не передняя часть, что было бы предпочтительнее. Требовалось сделать длинную петлю через кустарник, чтобы выстрелить слону в уязвимое место. Я медленно продвигался сквозь густые заросли, пытаюсь шагать по возможности тихо. Смотрел преимущественно себе под ноги и ничего другого вокруг временами не слышал и не видел.

Внезапно стена кустарника будто отделилась от земли и повалилась на меня. Я мгновенно поднял глаза, и в этот момент падающее дерево, к счастью небольшое, ударило в лицо, задев правый глаз. Наполовину ослеплённый, страдая от страшной боли, я тем не менее увидел тянущуюся ко мне через кусты змеевидную серую кишку – хобот: слон хотел схватить меня. Я даже не понял, был ли это тот спящий слон или другой: он бросился на меня столь быстро и бесшумно, что я не сразу сумел сообразить, в чём дело.

У меня не было возможности тщательно прицелиться. Кое-как направив дуло на хобот, я нажал спуск и выстрелил. Отдача ружья калибра 500 чуть не вывихнула большой палец. Почти одновременно со мной, и тоже в хобот, выпустил пулю пизйч. Слон заревел, повернулся и дал дёру. Я несомненно попал в него, причём с настолько близкого расстояния, что кровь из слоновьего хобота залила оба ствола и обрызгала мне куртку. Вот, смотрите – они и сейчас в крови.

Вообще мне повезло, потому что раненые слоны часто убивают охотника. Они делают это разными способами: некоторые топчут его, иные подхватывают охотника хоботом и натягивают на клыки. Бывает и так: слон убивает человека, размозжив ему голову одним ударом хобота...

Раненого слона упускать нельзя! Он наполнен болью, обидой и натворит много бед! Я сел и занялся своим заплывшим глазом – он почти ничего не видел. Но второй-то глаз остался невредим. Когда боль несколько утихла, мы с пизйчем пошли по следу животного. Но слон оказался быстрее и хитрее нас: мы потеряли его из виду, бросили преследование и вот вернулись к вам. Однако завтра охоту продолжим – теперь это уже не развлечение, а необходимость...

Коротая вечер за бутылкой виски, Дип размяк и посвятил нас в некоторые дополнительные подробности слоновьей охоты:

– Кожа слона является одной из самых прочных кож в мире. У слонов, носорогов и бегемотов она очень толста и плотна. К тому же поверхность туловища слонов чрезвычайно морщиниста, а складки на коже делают её к тому же бугристой. Понятно, что такой «ландшафт» не всегда пробивает даже крупная пуля, выпущенная из специального охотничьего ружья. Не случайно нарезные ружья для охоты на крупного зверя имеют огромный калибр – 500, как у меня, или даже 600. Пули этих калибров весят 800–900 гранов и бьют с силой около четырёх тонн...

Первую рассказ Дипа для некоторых уточнений. Не будучи уверенным, знает ли принц привычные мне измерения в миллиметрах, я не стал и спрашивать, а разобрался позже. И выяснил, что диаметр пули у ружья 500-го калибра составляет 12,7 миллиметра, а вес 800–900 гранов равен 50–60 граммам. Действительно «на слона», с учетом того, что диаметр классической и сильно убийной пули «старого» автомата Калашникова составляет 7,62 миллиметра. Оружие и пули 500-го калибра опасны не только для зверя, но и для стрелка. Не зря принц жаловался выше, что чуть не вывихнул палец. А уж о плечевой отдаче и говорить не приходится: охотника ощутимо отбрасывает назад. Между тем Дип продолжал:

– ...Отсюда самый эффективный выстрел – когда попадаешь слону в лоб. Но даже в этом случае пуля не обязательно убьёт слона: нужно угодить не просто в лобовую кость, а в определённую точку между глаз, чтобы пуля прошла в мозг и вызвала мгновенную смерть. Правда, и без попадания в мозг посланная в лоб пуля с высокой вероятностью отбросит слона в сидячее положение. После этого со слонем можно покончить выстрелом из второго ствола.

Помимо лба, у слона есть и другие уязвимые места. Охотники, промышлявшие в давние времена

слоновой костью, предпочитали стрелять в ушные отверстия или же немного впереди этих отверстий. Верным местом считается и сердце, хотя угодить туда чрезвычайно трудно. При попадании в сердце зверь падает, не пробежав и ста ярдов...

Рано утром Дип и оба пизйча покинули хижину, чтобы найти раненого слона. О том, чтобы взять нас с собой, речь и не шла. Собирались в молчании: было не до разговоров, не до шуток и не до выпивки. Мы проводили тройку охотников, пожелав им удачи, а сами сидели внутри или бродили вокруг хижины, не удаляясь от неё больше чем на десять шагов; подспудно казалось, что раненый слон придёт именно к нам и за всё отомстит.

Охотники вернулись во второй половине дня. Они выглядели серьёзными и сосредоточенными, но не могли скрыть удовлетворения от того, что свою задачу выполнили. Мы дождались, когда Дип, выпив виски, расслабился и приступил к рассказу. Тон речи принца на этот раз не походил на похвальбу:

– Меня редко посещают мысли о смерти, но нынешним утром посетили. Где-то в кустарнике в засаде находится раненый слон. Я зримо представлял его: слон неподвижен, хобот поднят, чтобы лучше внюхаться в воздух, а уши оттопырены, чтобы уловить малейший звук. Стоящий неподвижно зверь имеет преимущество перед охотником, который к нему подкрадывается. Животное ожидает, отдыхая и готовясь к нападению. Слон, вероятнее всего, быстрее узнает, где охотник: он в природе хозяин, а охотник – гость. Пусть вас не смущают большие размеры слона: только кажется, что он виден издалека. Слон прекрасно подлаживается под растительность, сливается с ней и часто не замечен и с нескольких метров. Так вышло и на этот раз.

В джунглях много птиц, по деревьям бегают обезьяны, а по кустарникам шныряют мелкие млекопитающие. Это очевидно, как и то, что все они шумят, а в совокупности издадут громкий и непрерывный звук. Но очень важно знать, что по мере приближения к слону звуки затихают. Так же светит солнце, так же свистит ветер, но лес погружается в молчание. Становится страшновато, когда слышишь только собственное дыхание и хлюпанье грязи под ногами.

Наверное, мы увидели друг друга одновременно. Слон стоял совсем близко и глядел прямо на нас. Он прятался и караулил охотников в засаде, а теперь готовился броситься на стрелков или, наоборот, в сторону от них, и мы не знали, сколько секунд осталось в запасе. Ситуацию осложняло то, что слон устроился в густых зарослях кустарника, и я не видел, куда можно выстрелить, чтобы убить его наповал. Как поступить дальше? Мы смотрели друг на друга, и каждый ждал, чтобы другой сделал первый шаг. Я думаю, что самая напряжённая схватка происходила именно в этот момент – кто кого правильно оценит, пересмотрит, перехитрит.

Вдруг что-то щёлкнуло вверх: то ли с ветки на ветку прыгнула обезьяна, то ли взлетела птица. Я испугался и резко дёрнул туловищем. Это положило конец стоянию: слон бросился на меня. Он прижал уши, чтобы легче продираться сквозь кусты, а хобот свернул на груди. В таком положении зверь способен хоботом нанести удар в любую точку, чтобы сбить человека с ног. Слон издавал крик, от которого кровь застывала в жилах.

Я вскинул ружьё и выстрелил вслепую, направив дуло между маленькими, налитыми кровью глазками. Попал! Удар пули отбросил слона назад. Прежде чем зверь пришёл в себя, пизйч успел подбежать к нему и выстрелил в ухо из 600-го калибра. Тяжёлая пуля, выпущенная практически в упор и не цепляющаяся за толстую кожу животного, раздробила слону череп. Слон «потух», завалился на бок и замер...



Проза

Николай Стародымов



Родился 24 февраля 1956 года. Донской казак, потомственный офицер, подполковник запаса. Участник боевых действий, кавалер трёх боевых наград. Журналист и писатель. Автор около 40 опубликованных художественных и документально-публицистических книг. Член Союза писателей России. Лауреат ряда литературных и журналистских премий.

Я – Доперст

Повесть

Публикуется в сокращённом варианте

Трамвай выглядел так, будто ему уже заготовили место в самом дальнем тупике депо – из которого обречённые вагонные остовы отправляют в последний путь, на переплавку.

Старенький, едва не музейно-дореволюционный, с открытыми площадками, с проступающими сквозь облупившуюся краску трухлявым деревом и поржавевшими металлическими шпангоутами, тусклый... С опущенным погнутом ромбом пантографа с покосившейся дугой токоприёмника; да и зачем бы его поднимать, коль контактного провода в запущенном, наглухо замурованном со всех сторон захламлённом фабричном дворе не наблюдалось... Под несуразными, с глупыми спицами колёсами утопала в замёрзшей грязи секция корявых рыжих рельсов, и как-то не верилось, что эти колёса ещё в силах провернуться.

Единственное, что как-то внушало оптимизм, так это наличие всех целых стёкол. Мутных, в замёрзших с осени потёках грязной наледи, сквозь которые в темноте ничего не разглядеть.

И ещё бросилось в глаза, что к лобовому стеклу изнутри косо прилеплен коряво написанный указатель «Следует по Зелёной улице».

– Твою ж ты мать! – не выдержав, пробормотал я, увидев это архаичное чудо техники.

– Что случилось? – спросила Надежда. И добавила: – В самом деле: откуда он тут взялся?..

Вот и попробуй объяснить женщине, что именно на этом транспорте нам предстоит отсюда выбираться за край света в лучшую жизнь!

– Шутники, блин! – в сердцах едва не взвыл я.

Не возникло сомнения, что те силы, которые распоряжаются нашей судьбой, ясно и недвусмысленно показывали: определиться с отъездом Надежда должна абсолютно самостоятельно. Осознанно и бесповоротно.

Ну и я тоже, разумеется.

Потому что до сего момента я перекладывал решение на Надежду. Как она решит, так и будет.

Вернее, не совсем так.

Если она согласится отправляться в неведомое со мной – тут всё понятно. Садимся и едем. Но если Надежда откажется, то как поступлю я?.. В это можно верить, а можно нет – но я не мог ответить на этот вопрос даже себе. Уехать без Надежды я не мог. Остаться с ней в этом Мире мне не хотелось.

Так – не мог; этак – не хотел... И какая составляющая в этой дилемме одержала бы верх?..

...Я привёл свою любимую на фабрику, в полной уверенности, что именно тут находится моя Дверь в Хумгат. В принципе, при известном навыке раз открывший Дверь сможет сделать это где угодно. Однако в привычном месте сделать это проще. К тому же со мной следовала спутница, так что идти по апробированному пути казалось логичнее – спросить-то путь не у кого.

Женщина несколько раз пыталась меня разговорить, однако я оставался непреклонным: на месте всё разьясню. В какой-то момент мне показалось, что она готова вспылить и остановиться.

Тогда я взял её ладошку, крепко сжал и сказал:

– Верь мне, Надюшка, всё будет хорошо...

Мы прошли по знакомому мне по прошлому визиту тёмному цеху – Надежда крепко вцепилась в мою руку... И через широченный проём, к которому, надо думать, некогда подъезжали большегрузные автомобили, увидели в захламлённом дворе трамвайный вагон. Ни на что, кроме утилизации, не годный.

И только наша воля, понимал я, наша с Надеждой обоюдная воля могла пробудить его к жизни. Маршрутный указатель в лобовом стекле об этом ясно свидетельствовал.

Я понимал, в чём хитрость режиссёров этой мизансцены.

Окажись здесь остановка, к которой подкатил бы вагон, позвонил бы нетерпеливо – и мы вошли бы, и можно было бы потом всё разъяснить. Или даже если бы транспорт выглядел современным и ухоженным, это повлияло бы на решение Надежды, думаю, в лучшем виде.

Не говоря уже о том, окажись транспортная капсула как-то футуристически-фантастичной! В такую кто угодно войдёт!

Однако он выглядел именно как груда металлолома. И Надежда и представить себе не могла, что может его оживить исключительно силой своего желания.

Так что мне предстояло убедить женщину, что вот этот ржавый музейный экспонат – мистическое средство транспортировки не то в Тридевятое царство, не то в Зазеркалье, не то в Изумрудный город Гудвина, не то во Вчерашний день.

И уже в следующий миг я понял, что, убеждая, как раз на этой развалюхе заострять внимание не следует. Поместили его здесь – и пусть себе стоит! Своим видом он в силах только отпугнуть человека, но никак не позвать его в даль светлую...

Лампочка оказалась тусклой. Ватт на шестьдесят, не больше, да и та светила вполнакала. Она свисала с бетонного потолка на причудливо гнутой проволоке-«лапше», к которой кое-как прикручен патрон.

Под лампой скособочился складной столик, а рядом, напротив друг друга и боком к видневшемуся в нескольких шагах трамваю – чтобы не упускать его из вида – стояли складные же стулья.

– Ой, а я это сразу и не заметила... – удивилась Надежда. – Кто ж свет-то тут оставил?..

– Присядем, – предложил я. – Колоться буду, – пообещал.

– А почему здесь?.. Что вообще всё это значит?..

– Сейчас всё узнаешь... Пришла пора...

Узнаешь... А как начать?.. Как и что говорить?..

Я не знал.

– Надюш, ты что больше любишь: сказки или фантастику?

– Я как-то больше по реальности, – не приняла тон женщина. – Если сказки, то они как-то всё больше страшные получаются.

– Хорошо, – согласился. – Тогда попробуем от реальности, от науки, техники и нанотехнологий... – И я начал наспех импровизировать. – Подробности технические раскрывать не стану. Сам их толком не знаю. Но если попросту, то получается так... Я являюсь участником эксперимента по перемещению... Этой, как её... По телепортации физических объектов на значительные расстояния. Ну и в эксперименте произошёл сбой...

– А, это когда ты в одном костюмчике оказался на морозе – без документов и денег?..

Надо ж, моё плачевное тогдашнее положение играет сейчас на наспех придуманную легенду!.. Что ж, и то ладно!

– Вот-вот! – согласился я.

Поверила бы она в эту версию, оставайся мы на её кухне?.. Уверен, что нет. А здесь, в холодном полутёмном заброшенном цехе, да ещё за полночь, при тусклом освещении... Вот тут и во всякую заумь можно поверить...

– Так это твой Макс что-то напортачил? – вспомнила она имя, которое я несколько раз называл.

– Совершенно верно!

– А я думала, что он тебя на деньги кинул...

– Он и кинул. Только не на деньги, а расстояние, – пошутил я.

– И что – ты нашёл возможность вернуться?

– Да.

Надежда смотрела на меня жёстко, в упор... И в то же время как-то растерянно-беззащитно.

– Скажи мне честно!.. Вот это, что ты рассказываешь, что это?.. Это прикол такой?.. Розыгрыш?.. Тут что, кинокамеры вокруг попрытаны, и выскочит какой идиот и завопит: «Сюрприз!»...

Я смотрел ей в глаза, стараясь, чтобы взгляд мой оказался хотя бы приблизительно похожим на взор сэра Нанки.

– Надюш, а ты считаешь, что я сейчас шучу?.. Что вот это вот, – обвёл рукой вокруг себя, – это только декорация?.. Я ж говорю: эксперимент, который дал сбой. И вот я здесь... – демонстративно провёл руками по сторонам.

Надежда невольно огляделась. Передёрнула плечами.

– Допустим... – проговорила она насторожённо. – И что теперь?

– Я ж о том и толкую!.. Оказавшись здесь, я встретил тебя... И предлагаю тебе отправиться в путешествие со мной.

– Куда?

– Я не знаю, Надюшка. Я ж говорю: эксперимент вышел из-под контроля. Транспортный канал открыт, ждёт меня... Вернее, нас... Однако куда конкретно нас забросит, поручиться никак не могу... Погоди, не перебивай. Я тебе ещё главного не сказал!..

– Это ещё не главное?!

В голосе моей собеседницы звучало столько сарказма, что я понял: не верит. Или по меньшей мере здорово сомневается.

– Не главное. Вчера я совершил пробную транспортировку... У меня получилось попасть туда, куда нужно... И я вернулся – специально за тобой. Верю, что у нас с тобой всё пройдет хорошо!

Она откинулась на высокую спинку солидного компьютерного кресла класса «Бюрократ», смотревшегося здесь совершенно нелепо.

– Допустим... Подчёркиваю: не очень-то я тебе верю, но допустим... Но мы ведь можем попасть куда-нибудь в Антарктиду... Или наоборот – в Сахару... И в любой стране документы нужны. Загранпаспорт, визы, вид на жительство какой-то... У тебя, наверное, что-то на такой случай предусмотрено, ты можешь обратиться в посольство или куда... Но я-то каким боком?..

– А вот это уже вторая часть Марлезонского балета, – усмехнулся. – Главное, что с телепортацией ты уже смирилась...

– Не смирилась... Допустим, – в очередной раз повторила она прилипшее слово. – Ну а дальше что?

– А дальше... Телепортация произойдёт не в пределах Земли. А в совершенно другой Мир...

Она криво улыбнулась.

– Я даже знаю, где тот Мир находится... В Москве он называется Кащенко... Ты меня разыгрываешь?.. Только я не пойму, в чём прикол. И ради этого бреда ты привёл меня сюда, чтобы мы мёрзли?..

– А мы мёрзнем? – спросил я.

Она хотела что-то ответить, однако осеклась. Огляделась – насторожённо, удивлённо...

За широким проёмом в стене лежал снег, только вокруг трамвая его не оказалось, там корёжилась промёрзшая грязь. По бетонному полу к нам под ноги тянулся пыльно-снежный муар... Но мы холода не ощущали – тела не воспринимали температуру, мы с ней, с температурой, составляли единое целое.

Хумгат – одно слово.

– А как так получается? – как-то по-детски спросила Надежда. – Мороз, а не чувствуем...

– Я ж тебе говорю: эксперимент!

– И кто ты в нём?..

– Это всё неважно, Надюшка! Участник... Сейчас важно только одно! Мы с тобой можем оба стать его участниками! Я тебе говорил, что зову тебя за край мира. Это не метафора, девочка моя!.. Ты не знаешь ничего, не понимаешь – и не надо!.. Просто ответь: отправишься со мной или нет?.. Вот прямо сейчас – в омут с головой. Как ваш Иванушка – в колодец, не зная, что его там ждёт. Или Алиса – в дупло, или куда она там прыгала... Или этот, как его, забыл, – красная таблетка или синяя?..

– То ведь сказки!

– Это не сказки, милая! Это так народ описывал телепортацию, в которой участвовали древние ваши герои.

– Я тебе не верю! – заявила Надежда. – Ты гонишь какую-то пургу. Это бред шизофреника...

– Пусть так! – не стал я спорить. – Я тебе просто предлагаю рискнуть. Что тебя ждёт там? – кивнул я за спину. – И что – там? – я махнул рукой вдаль. – Я ж не предлагаю тебе с моста или с крыши прыгнуть... Всего-то и нужно – взяться за руки, и... Вот сейчас мы поднимемся – и куда пойдём?.. Решайся! Любишь – верь мне, – и пошли?.. А нет – так и возвращайся!..

Я шагнул к ней – столик нас уже не разделял. Лампочка мигнула и погасла. Под куртку тотчас проползла струйка морозца.

– Да была не была! – позволила себя обнять Надежда. – Но если нас твоя машина распылит...

– Так обоих вместе, – засмеялся я. – Пыль перемешается, и останемся мы в Хумгате единым целым.

– Что такое Хумгат?

– Потом узнаешь!

Я подхватил рюкзак и вышагнул сквозь проём – под ногой громко хрумкнул мёрзлый снег. Надежду при этом крепко держал за руку – любой проём в таком путешествии следует проходить только вместе, а то ведь запросто расшвыряет в разные Миры.

Чистенький, вымытый изящных очертаний трамвай при нашем приближении осветился сиянием огней – и внутри, и снаружи. Современный полупантограф сам собою поднялся, и дуга токоприёмника с мягким звяком коснулась контактного провода, коротко вспыхнули искры. Двигатель утробно заурчал. Свет фар ударил в небрежную кладку кирпичной стены. Двери легко разъехались в стороны – словно приглашали, манили войти в салон.

Двери оказались как раз нужной ширины: чтобы могли войти двое, не размыкая рук.

Надежда шла, словно замороженная. На её глазах впервые творились чудеса не на экране – в жизни.

То ли тебя ещё ждёт, солнышко моё!

...Мы уже занесли ноги над низкой – над самой землёй – ступенькой, когда всё едва не пошло насмарку.

– Ну не... я ж себе! – раздался за спиной изумлённый голос.

В принципе, в этот миг мог бы оглянуться и я – пребывание в человеческом теле в состоянии расслабить и доперста. Однако всё же маловероятно – маловероятно, что навыки такого рода забудутся, в каком бы теле ты ни оказался. А вот голова Надежды начала поворачиваться на возглас.

Всё же я – урождённый доперст! И реакция на подобные неожиданности меня не покинула.

– Не смей! – рывкнул я.

Она и не оглянулась. Не успела. Я, не отпуская её руку, что было сил толкнул в спину, буквально вбрасывая в транспортную капсулу и одновременно вваливаясь в салон и сам.

– Ты чего? – возмущённо взвизгнула она. – Больно же!

Благо вагон оказался современный, пол низкий, без ступеней... Не то что в старинном... Так что она даже не упала, лишь налетела на вертикальную стойку, благодаря которой и удержалась на ногах...

– Больно? – ухмыльнулся я.

– А то как же!..

Впрочем, тут же и умолкла.

Мы находились уже внутри функции. А здесь нет ни жары, ни холода, ни боли, ни ссадин... Это территория, где действуют уже иные законы, о которых простой человек даже не представляет.

Вот теперь только она оглянулась.

Из того корпуса, из которого мы только что вышли, на наше транспортное средство растерянно глядел неопрятный мужчина – как я вспомнил, один из бомжей, с которыми мы работали на разгрузке; мы с ним, помнится, обменялись какими-то ничего не значащими фразами...

Оно ведь и в самом деле было чему подивиться.

– Вы это куда? – спросил он, поймав мой взгляд.

– Тебе туда нельзя!

– Возьмите меня с собой!

– Прости, друг, не положено!..

Я махнул ему рукой и направился в кабину трамвая. Современная панель управления сияла множеством огоньков.

Тронул клавишу закрывания дверей.

И в тот же миг услышал голос Надежды:

– Ты куда?.. Ты это чего?..

Я глянул в зеркало в салон. Оказалось, за миг до того, как створки дверей сошлись, бомж впрыгнул в салон.

– Он сам выбрал свою судьбу! – в голос сказал я. И повторил: – Это только его выбор!.. Я к этому непричастен...

Разумеется, мне никто не ответил.

После этого я тронул рычаг контроллера...

И вагон покатился по ярко сияющим в свете фар рельсам.

Вокруг серело Ничто.

И только неясные силуэты, разглядеть которые привычно не представлялось возможным, уносились назад, показывая, что мы движемся.

* * *

Куда ехал трамвай, я не знал.

Правда, про себя подумал, словно задавая программу: «Вези нас туда, где нам с Надюшкой будет хорошо!»

И отдался на волю таинственных режиссёров. Приходилось полагаться на факт, что до сих пор Хумгат меня не подводил и доставлял куда следует. В конце концов, доперст я или тварь дрожащая?.. Моя воля в Хумгате имеет решающее значение.

Решающее?.. Гм... Ну хоть какое-то значение она имеет. Должна иметь...

Правда, до сих пор по собственной воле я не путешествовал в другие Миры. Однако рассудил, что своя это воля или я являлся проводником воли чужой – принципиального значения не имеет, – главное, что она в наличии.

Теперь главное – разобраться с незванным пассажиром.

А потом...

Мне не понравилось, настораживало поведение Надежды. Она сидела в салоне у окна, упорно смотрела сквозь непроглядное стекло. То есть стекло-то оказалось чисто вымытым, однако за ним, за стеклом, ничего не разглядеть – непроглядный туман безвременья и беспространствия. Она и не разглядывала – думала о чём-то. И это меня пугало – мало ли что надумает!

Но пассажир – важнее. Во всяком случае, я решил, что начинать нужно именно с него.

Опять же, и Надюшку отвлеку от тревожащих меня мыслей.

Почему-то мне очень не хотелось покидать кабину. Именно в ней я чувствовал себя увереннее.

Наверное, засело в памяти, как накануне едва не свалился из этого Мира в неведомое, едва успев затормозить...

– Эй ты, подь сюда!

Бомж охотно, но всё же как-то робко подошёл.

– Ты какого хрена здесь делаешь?..

Он ответил сразу, с каким-то лёгким вызовом:

– А ты спросил у бабы своей, что ей здесь терять?.. В смысле, там, откуда уехали... Так ведь и мне терять там абсолютно нечего. А впереди – глядишь, что-нибудь да и лучше станется...

– А если хуже?..

– Хуже, брат, некуда, – вздохнул он.

– Не видел ты, что может быть хуже, – вздохнул я. – Скажи уж прямо: халявы захотелось!..

– Ну почему халявы?! – привычно возмутился он. – Ты ж не знаешь, как я в бомжи попал!..

– И знать не хочу! – отрезал я решительно, – не хватало только откровения его выслушивать. – Ты мне не нужен! У меня только одна плацкарта – для неё, – я качнул головой за спину, в салон.

– И что со мной сделаешь?

– Высажу. Как «зайца». За безбилетный проезд...

– Где высадишь? – в голосе его появились истеричные нотки.
Оно и в самом деле – за окном-то серо-невидимая тьма непроглядная.
– А это уж как придётся, – равнодушно отозвался я. – Это твоя судьба... Вернее, тот вариант судьбы, который выбрал ты. Теперь ни ты, ни я не властны над происходящим. Одно ручаюсь: ты окажешься в каком-то реальном Мире, не в Хумгате и не в открытом космосе... А дальше – как получится!..
– Я не согласен! – повысил он голос.
– А твоего голоса тут вообще нет! Молись Тёмным Магистрам, чтобы они определили тебя в хорошее местечко.
– Я поеду с вами! – взвизгнул пассажир.
Он вытащил из-под рванья, в которое был облачён, здоровенный тесак. Давно не чищенный и, по всей видимости, не точенный, подёрнутый тусклой патиной, с зазубринами по лезвию, нож выглядел внушительно.
– Дурак! – усмехнулся. – Убери!.. Это ж моя функция, ты мне ничего сделать не сможешь.
– Тогда я её беру в заложники! – он показал в сторону Надежды, которая начала прислушиваться к нашей ссоре. – Я её убью... Вези меня с собой!..
– На территории Станции никто не сможет причинить другому вреда, – голосом Ключника наставительно заверил его я. – И не пытайся!..
– Но ты же не можешь просто меня вышвырнуть в это вот! – ткнул он пальцем вперёд...
И трамвай выехал из тумана.
Приближалась низенькая, асфальтированная, обложенная серым бордюром платформа. Над рельсами чёрно-белый светофор светил тремя глазками по горизонтали, подавая сигнал остановки.
– Ты приехал, – начиная аккуратно притормаживать, сообщил я бомжу. – Это специально для тебя, – ткнул я пальцем в сторону платформы.
– Где ж это мы? – обречённо спросил пассажир, похоже, уже смирившийся с неизбежным.
– Разберёшься, – холодно ответил я. – Тебе выходить!
Все четыре двери в салоне уже зияли открытыми проёмами в никому не ведомый Мир.
– Зря ты так, – тоскливо проговорил бомж. – Я думал, мы вместе...
– О чём ты думал в своём Мире, здесь не имеет значения! – снизошёл я до объяснения. – Здесь иные законы. Поверь, если ты их нарушишь, будет хуже всем – и тебе в первую очередь.
Раздалось шипение, и задняя, дальняя от нас, дверь закрылась.
– Предупреждаю тебя: лучше выйди сам, потому что в противном случае я просто вышвырну тебя!
Он с ужасом смотрел на пустынную платформу, видневшуюся за дверью. Дальше, за посадочной площадкой, клубилась тьма. Правда, тьма не выглядела пугающей – просто не видно, что дальше, и всё.
– Как ты в Мир придёшь, так он тебя и примет! – торопливо продолжал я. – Со страхом – он тебе ответит тем, что будет чего бояться. Вышвырну – тебя, и будет пинать каждый...
С шипением закрылась вторая дверь – третья от нас.
– А ты как придёшь в свой Мир? – спросил он. – В который стремишься?..
– С Надеждой! – рассмеялся я. – Время, друг, время!..
И тут захлопнулась третья дверь – теперь уже наша, возле которой мы стояли, у самой кабины водителя...
– Твою ж дивизию!.. – заорал я, понимая, что времени практически не остаётся – вот-вот захлопнется и последняя дверь, до которой ещё предстояло преодолеть несколько шагов. И тогда последствия могут оказаться самыми непредсказуемыми! Не только для него – для всех нас!..
Законы Хумгата нарушать нельзя!
Я попытался схватить его за шиворот и в самом деле вышвырнуть наружу – силы у меня хватило бы метнуть его прямо с этого места. Успел бы до закрытия дверей или нет – вот в чём вопрос!
Однако бомж оказался мужиком тёртым.
Он вдавил оказавшуюся рядом кнопку сигнализации о выходе. И поспешно направился к открытому выходу.
Ступая на красивую узорчатую плитку платформы, он громко, во весь голос выкрикнул:

– Встречай меня, неизвестный мир! У себя я был не лучшим человеком – но с тобой, надеюсь, поладим!..

Дверь зашипела, закрываясь. И честное слово – это шипение стало иным, чем равнодушный выдох ресиверов в предыдущих случаях. Теперь в этом звуке послышалась эмоция – правда, я не понял, какая именно: не то одобрение, не то раздражение, а то и облегчение...

Будем считать, одобрение!

В любом случае Мир принял нового своего обитателя – он остался на платформе, не испарился...

На трамвайном светофоре горели два белых сигнала по вертикали. Путь вперёд открыт!

Прощаясь с остановкой, я тренькнул звонком, тронул контроллер... И в зеркало заднего вида успел разглядеть, как остававшийся в неведомом человек махнул нам вслед рукой.

Не хотел бы я оказаться на его месте.

– Древние Магистры тебе в помощь! – пробормотал я.

И мы въехали в туман.

* * *

– Не входи сюда, – как можно мягче произнёс я, когда увидел, что Надежда пытается переступить порожек в кабину.

– А ты выйти можешь?

– Нежелательно, – уклончиво отозвался я.

Мы помолчали.

Я сидел в кабине. Моя спутница стояла в проёме, не решаясь даже наступить на ребро направляющей, по которой скользит дверь-купе.

Трамвай мягко мчался в пустоту. Фары высвечивали буквально несколько метров рельсов впереди.

– Ну ладно, насчёт телепортации я поняла, – заговорила Надежда. – Это ты мне лапши навешал, чтобы образнее получилось. Понимаю и принимаю... А что на самом деле?

– А на самом деле, Надюшка... На самом деле мирозданье устроено не так, как ты учила в учебниках астрономии. Вернее, не совсем так. Какая-то аналогия – это матрёшки, вложенные одна в другую. Они вроде как все разные, но в то же время одно целое, и каждая – индивидуальна, а врозь они просто вещица, без изюминки... В том Мире, в котором жила ты и в который занесло меня, законы физики именно те, которые знаешь ты. А в других Мирах – они другие. И есть мы, доперсты, которые могут путешествовать между Мирами. То есть мы не сами путешествуем, а мы проводники, агенты, транспортировщики...

– То есть мы едем в мир, где вместо наших законов физики действуют законы мистики?..

– Хорошо сформулировала, – одобрительно хмыкнул я. – Знаешь, в том мире нет, например, электричества. Соответственно, и телевизоров... И поездов нет... Самолётов... Для аборигенов это всё тоже показалось бы мистикой... Мы тут разговаривали с одним мудрым человеком и пришли к выводу, что мистика – это когда действуют законы другого Мира, которых ты не понимаешь...

– И ты сейчас меня везёшь в тот самый мир, где нет электричества?

– Надеюсь...

– Так что, точно не знаешь?

– Не знаю, – честно ответил я. – Я тебе об этом прямо говорил. Мы просто едем туда, где нам будет хорошо... А дальше... Не всё решаю я, милая... Я всего лишь вагоновожатый...

– А кто решает?

– Не знаю... Быть может, и вообще никто. Просто неведомые законы бытия. Только они живые...

– Не понимаю...

Я искренне засмеялся:

– Я тоже не понимаю. Только им на это наплевать – понимает их кто-нибудь или нет!..

Мы ещё немного помолчали.

– Они заслужили покоя... – после продолжительной паузы задумчиво проговорила Надежда.

Теперь уже признался я:

– Не понял...

– Это я так, из книжки... Про такого же доперста... Только он умел сам выстраивать маршрут...

А если мне там, куда мы едем, не понравится?.. Я смогу вернуться?

– Надеюсь... – о таком повороте я не подумал. – А что, ты можешь захотеть вернуться?

– Я не знаю мир, в который ты меня везёшь, ДOPERст! Быть может, он и в самом деле прекрасен. Но только это не мой мир. И глянется ли он мне – неизвестно. У нас ведь на Земле тоже есть прекрасные места, какие-нибудь Фиджи... Но это не значит, что мне очень хочется туда непременно переселиться. Вот я и спрашиваю: смогу ли я потом вернуться к себе?..

– погоди, погоди, – растерянно зачастил я. – Что там у тебя осталось хорошего?.. Тесная каморка, грязная неблагодарная работа... Нет-нет, я понимаю: друзья, коллеги... – я вспомнил намёки Санька и двоих патрульных, однако углубляться не стал. – Но неужто ты не хотела из этого всего вырваться?.. Сама ж недавно говорила... Уехать, улететь, махнуть не глядя...

– Хотела, и не раз. Но одно дело хотеть, а другое – махнуть. И принимать решение о том самостоятельно. А не так, чтобы тебя увозили обманом... Умыкнул, нукер, в другой Мир... – засмеялась она, правда, заметно нервничая.

– Но так ведь лучше! Когда решение принимает кто-то, а ты только подчиняешься...

– Кому как... Я всю жизнь привыкла намечать цель, принимать решения, определять путь его реализации, а потом сама же и отвечать за свои ошибки... Или наслаждаться успехом...

– Так разок попробуй иначе, – предложил я поставить вопрос иначе. – Обещаю, что это в первый и в последний раз...

– Но останется ли у меня возможность вернуться? – настойчиво повторила Надежда.

Ничто не изменилось, всё осталось по-прежнему. Только я почувствовал, что трамвай начинает притормаживать... Вроде как в раздумье прислушиваясь к нашему разговору.

Этого нам только не хватало!..

– погоди, Надюшка! – торопливо заговорил я. – Здесь, в Хумгате, слова и желания имеют особую силу и непредсказуемые последствия... Поверь: это я не просто так сказал, никто и в самом деле не знает, как они отзовутся!.. Потому давай так! Что мы оставили позади – ладно, оно позади. Но мы с тобой движемся вперёд, чтобы посмотреть, как там здорово! Пусть не здорово, но интересно! Считай, что это путешествие, круиз, турпоездка по незнакомым местам... Мы посмотрим на тот Мир, и что будет дальше – потом и подумаем. Потом, потом!.. А пока – пусть Мир, в котором нас ждут, просто покажется нам прекрасным!

– Ну, с этим – кто бы спорил! – согласилась Надежда, без твёрдой, впрочем, уверенности. Но добавила: – Пусть будет так! – Наверное, она вспомнила оставленного на неведомой платформе бомжа и воскликнула: – Здравствуй, прекрасный Мир, в котором нас ждут!

И делайте со мной что хотите, но я почувствовал, как трамвай с весёлой решимостью прибавил скорости.

* * *

На брусчатке платформы нас встречал сэр Джуффин Халли собственной персоной.

Высокий, импозантный, в тёмном лоохи и чуточку сбитом набекрень тюрбане, он лучезарно улыбался, галантно протянув руку Надежде с явным намерением помочь ей покинуть вагон.

– Добро пожаловать в Echo, незабвенная!..

Я попытался вцепиться ей в руку, чтобы при выходе из трамвая нас не разлучили законы Хумгата.

– Не бойся, ДOPERст! – чуточку снисходительно сказал Джуффин. – Это ж моя территория! Здесь тебе и твоей любимой ничего не грозит!.. Во всяком случае, в данный момент, – добавил он, ухмыльнувшись и недвусмысленно слегка подмигнув.

Услышав слово «любимая», Надежда слегка порозовела. Наверное, потому и не обратила внимания на многозначительную дополнительную фразу сэра Джуффина и на его ухмылку.

– А вы что, знаете нас?

Сэр Халли засмеялся. Но не обидно. Старый злодей напоминал сейчас доброго дядюшку, встречающего родственников, приехавших в блестящую столицу из глухой провинции.

– Незабвенная! На этой территории я знаю всё и обо всех!.. Я тут почти что бог, только, – он комично-заговорщицки понизил голос, – только никому не говорите об этом, слишком много завистников...

– Не скажу, – столь же таинственно согласилась Надежда.

Судя по всему, Джуффин ей понравился. К чему он, по всей видимости, и стремился.

Мы оказались на чудесной улочке, с утопающими в зелени и цветах палисадников нарядными домиками... Всё казалось невероятно, неестественно красивым, словно мы оказались на иллюстрации, нарисованной прекрасным художником в детской книжке про сказочную жизнь.

И не имелось на этой улице ни трамвая, ни даже рельсового пути. И вообще не виделось ничего привлекающего внимание.

– От лица нашего Мира приветствую тебя, леди Надежда! Ну и тебя, разумеется, Доперст.

А потом Джуффин вдруг чуточку изменился – и перестал казаться добреньким дядюшкой. А стал тем, кем я его привык видеть: язвительным и не слишком сентиментальным пожилым господином.

– Ну что ж, Доперст, из ситуации, в которую ты вляпался благодаря нашему другу Макс, ты выпутался довольно ловко. Остались сушие пустяки. Поскольку ты прибыл к нам с использованием довольно высоких ступеней магии, обязан завтра явиться ко мне в Дом у Моста и отчитаться за нарушения. Тогда и решим, что с тобой делать... Не вздумай податься в бега – поймаю. И тогда хуже будет. Но до завтра ты свободен... Так что – до завтра!

Он галантно, но теперь уже довольно формально поклонился Надежде и повернулся уходить.

– Эй-эй! – растерянно окликнул я его. – А нам-то что делать?..

– А я откуда знаю? – ехидно отозвался он. – Ты приехал к нам, привёз гостю... Свой приезд ни с кем не согласовал... Не я же вас приглашал!.. Так с чего ж ты решил, что я стану решать твои проблемы?.. Сам решай!

Чего-чего, а подобного поворота я никак не ожидал. Цель, к которой я стремился, оказалась только промежуточным пунктом, и куда дальше двигаться и как я попросту не представлял.

– Но нам же нужно где-то жить!..

– Конечно! – радостно подтвердил этот злодей. – И живите, кто ж вам не даёт!.. – И он широко развёл руками, показывая: мол, весь этот необъятный Мир в вашем распоряжении!..

– Но где?

– А я откуда знаю?

– И как мне вообще устраиваться?..

В третий раз повторять свой вопрос «А я откуда знаю?» Джуффин не стал. Он просто развёл руками, на этот раз молча – с соответствующим ситуации выражением лица.

Зависла пауза.

И тут Надежда заплакала.

Она опустила на рюкзак, стоявший просто на земле, и зарыдала. Правда, очень тихо, без подвывания... Но горько и как-то безнадежно.

– Я домой хочу! – сказала она. – Не хочу я здесь... Ты говорил... А здесь – вон как... Отвези меня обратно!..

Джуффин некоторое время смотрел на неё. Потом перевёл на меня свой тяжёлый взгляд. Настолько тяжёлый, что под его тяжестью хотелось согнуться.

– Отвези девушку домой, Доперст! – тихо сказал он. – Не видишь?.. Ей здесь плохо...

– Так ведь нету трамвая...

– Ищи варианты!..

Он немного помолчал.

А потом заговорил – поначалу тихо, но постепенно голос его наливался силой, злостью, звучностью.

– А теперь скажи мне, Доперст... Я вот не понимаю этого, не умею, может, ты расскажешь... Поделись: каково это – что-то совершать и при этом не думать о последствиях своего решения?.. Чтобы ты творил глупости, а последствия потом разгребали другие?.. Вот что хочешь со мной делай – не понимаю я. Сколько ты разных слов произнёс в адрес Макса, после того как он освободил тебя от функции и ты обрёл тело, а с ним и необходимость самостоятельно принимать решения!.. Уж ты клял и костерил его!.. А ты сам чем лучше?.. Макс сотворил не подумавши!.. А ты-то сам?.. Ты самостоятельно переправил к новому месту Орден Долгого пути... А ты имел на это право?.. Ты – функция, ты – извозчик, ты – халдей от транспортного цеха! Твоя обязанность – только откликаться на вызов «Алло, гараж!» и подавать карету тем, кто имеет право её заказывать... Кто тебе позволил перевозить кого бы то ни было по собственной воле?.. Кто такой сэр Нанка для тебя?.. Да и вообще,

он тут ни при чём, коль ты сам его разыскал... Кто уполномочил тебя заключать сделки, тебе по рангу не положенные?..

Растерянный от такого напора, я молча наливался жаркой волной стыда, слушая речь взъярившегося Джуффина – настолько непохожего на того, каким я привык его видеть.

А он продолжал с нарастающим напором:

– Ты отвёз в иной Мир человека. Бросил его там на произвол судьбы. Кто тебе позволил это сделать?.. И чем ты лучше в этом отношении того же Макса, которому мечтал за такой же поступок морду набить?.. А что если этот человек вознамерится выбраться из того Мира и тебя разыскать?.. Ты же сам ему пожелал помощи Тёмных Магистров! Это ж в Хумгате – такие пожелания!..

Он невежливо ткнул пальцем в сторону притихшей Надежды:

– Ты обманом заманил в неизвестность женщину, которая тебе поверила!.. Это как?.. Зазвал в даль светлую, а дальше-то что?.. Чем вы тут станете заниматься, кому вы тут нужны?..

Улица уже не выглядела как с картинки. Красивая улица, но уже обычная, будничная. Правда, по-прежнему без единого человека – и вообще без единого живого существа.

Кроме нас троих.

– Ты выстроил ситуацию под себя, как тебе хочется... А о ней – подумал? – он снова ткнул в её сторону длинным острым пальцем. – Я знаю, что ты скажешь: что это для её блага... А почему ты решил, что знаешь, в чём её благо?.. Ты взял билет в один конец, самовольно обрубил канат противовеса, наглухо задраив за собой дверь, и решил, что здесь как-нибудь всё само собой разрешится. Или добренький сэр Джуффин проблемы решит...

Он уставился прямо в глаза жёстким взглядом.

– За нарушение Кодекса Хрембера тебя положено упечь на сколько-то лет в Холоми. Что с ней будет? – ткнул он опять пальцем в Надежду. И повторил отдельно, едва не по слогам: – Что с ней будет, пока ты будешь сидеть?!!

Я по-прежнему молчал, не зная, что ответить.

– Ну, что со мной будет, это уж я как-то решу, – совершенно неожиданно для меня подала голос Надежда – тоже тихо и тоже постепенно усиливая голос. – Его посадят, а я ему – передачи носить стану... Не впервой... – обронила она что-то непонятное. – Только скажи-ка мне, господин дорогой! Коль ты такой крутой здесь начальник и колдун, как я поняла, первостатейный... Или хвастун, уж не разберу... Так вот, скажи: что ж ты не помог ему тогда, когда он на улице от холода загибался?.. Этот ваш долбодятел Макс вышвырнул его, – кивок в мою сторону, – в холод и голод... Ладно, Макс – козёл, думать не умеет. Но ты-то чем лучше, коль мог помочь, да не помог?.. Если ты закон охраняешь, то что ж Макс у вас не наказан, а человека, который сумел выбраться из передраги, в тюрьму упечь?.. Если ему, – кивок в мою сторону, – сидеть, то в соседней камере поселите Макса!..

Я слушал сумбурную речь Надежды со сложным чувством. Я-то испугался гнева Джуффина. Хотя мне-то чего пугаться – над доперстом у него не так уж много власти!.. А вот Надежда... Она-то впервые здесь и не знает об этом Мире ничего... И вдруг заступается за меня, человека, который её сюда заманил и которого только что на её глазах унизили!..

Ведь сэр Халли только пальцем поведёт – и нет её, в пыль развеет, в дым обратит, тенью своей сделает!..

Я осторожно скосил взгляд на Джуффина, страхась увидеть его разгневанным. Однако увидел совершенно иное.

Сэр Халли оказался в восторге от этой речи!

– Ай, молодец! – воскликнул он.

И настолько это прозвучало диссонансом с потоком слов Надежды, что она умолкла, растерянно глядя на Джуффина.

– Так меня, так, незабвенная, посильнее, да наотмашь! – комментировал он. Потом повернулся ко мне: – Понял, как с сильными мира сего нужно? – он кивнул в сторону Надежды. – Учись, парень!..

Он как-то очень ловко оказался между нами, ласково обнял обоих за плечи, прижал с боков к себе.

– Всё, ребята, мир, мир, мир!.. Это я демонстрировал, как устраивается показательная порка. А дальше всё пойдёт как положено – всё уже решено и определено. Даже с учётом глупостей, что наш друг наворотил, – это он добавил на ухо Надежде, но так, чтобы и я услышал.

И на улице вдруг оказались прохожие – кто-то приветливо поклонился Джуффину и с интересом посмотрел на нас. И откуда-то подкатил амобилер – местный аналог земного автомобиля, только устроенный принципиально иначе. За рычагом восседал высокий мужчина с красивым мужественным лицом и в белоснежном облачении, с совершенно невозмутимым видом.

Невозмутимый-то невозмутимый, а только сразу после приветствий, поклонившись Надежде, поставил её в известность:

– Нам предстоит о многом поговорить, незабвенная!

И мы поехали...

– Дорогой сэра Шурф, ты слышал когда-нибудь о доперстах на договоре? – весело спросил Джуффин у господина в белом.

– Никогда! – твёрдо ответил тот.

– И что будем делать?

– Создавать прецедент...

Джуффин на это гулко расхохотался. Шурф самую чуточку дёрнул уголком рта. Я чувствовал себя ужасно – было очень стыдно за полученную в присутствии Надежды выволочку.

А сама Надежда с любопытством глазела по сторонам.

* * *

А вокруг творились чудеса!

С деревьев пели стеклянные снегири.

– Я их специально принёс из безымянного пока Городка в горах, из садика старины Франка, – гордо поделился Джуффин. – Правда, красивые трели?.. У вас снегири вообще поют? – спросил он у Надежды.

Она растерянно покачала головой:

– Насколько я знаю, нет...

– Тот-то ж! – радостно, будто это его личная заслуга, сообщил наш сопровождающий. – А у нас – вот вам, пожалуйста!.. Голоса этих птичек мне очень нравятся, поют красиво... Почти как в саду у кардинала Рудольфа...

– А почему городок безымянный? – поинтересовалась вдруг Надежда, никак не отреагировав на имя кардинала.

– Так он ещё только родился, городок-то... Младенец совсем... Городок тот в горах, живым туманом от остальных Миров отрезан – вы не так далеко от него проезжали, знали бы, где выйти, могли бы пешком до него добраться... Так вот: молодой ещё городок и не обзавёлся именем – нужды в том не видит... Он родился из сна вашего друга Макса.

– Так что, птичек этих тоже Макс намечтал?

– Ну, не совсем... Из снов Макса родился город. И начал развиваться уже самостоятельно, по законам, основы которых, опять же, заложил Макс. Так что и птички, и лунные яблоки, и туманные щенки, и поющий мосток над Радужным ручьём – всё это появилось уже позже... Говорят, туда даже Лунный телёнок иногда захаживает попастись, только я думаю, враки это – нечего ему там делать, меню не то... А вот призрак Теххи там в парке обосновался, я доподлинно знаю... Славная девчонка была, любил я её; да и сейчас люблю – славный призрак из неё получился... Но в любом случае всё это из его сна, но уже без его участия...

– Выходит, он не такой уж козёл, этот ваш Макс, – одобрительно пробормотала Надежда.

Услышав реплику, сэра Шурф вновь чуть повёл уголком рта. А вот Джуффин расхохотался в голос.

– Нет, ты слышал, Рыбник? – толкнул он локтем Шурфа, по-прежнему закатываясь. – Ох, и повеселимся мы сегодня!.. Я ему столько расскажу, что про него за эти дни услышал!..

Потом он опять заговорщицки понизил голос и громко прошептал Надежде на ушко:

– Ты представляешь, незабвенная: он ведь вообще почти ничего не знает, наш баловень Макс. Сегодня ему будем всё рассказывать... И о том, что он не такой уж козёл, и много ещё чего...

– А надо ли?.. – растерянно пробормотала Надежда.

– Надо, непременно! – весело и настойчиво заверил Джуффин. И мечтательно добавил: – Ох, и повеселимся!..

Мне показалось, скорее всего, но вроде как и уголок рта сэра Шурфа едва заметно дрогнул в усмешке.

А наш амобилер катился дальше – неторопливо и аккуратно.

В одном из дворов детишки играли с каким-то непонятным зверьком, словно слепленным из нескольких сразу; он чем-то отдалённо напоминал мультяшного дракончика, виденного по телевизору. Тот немного взлетал на крохотных перепончатых крылышках, потешно кувырчался в воздухе, а потом опускался на руки визжащим от восторга детишкам. Из его пасти время от времени вырывался язычок пламени – какой-то даже на вид несерьёзный, нестрашный, в завитках...

– Это фантом, – пояснил наш гид. – К закату солнца развеется...

– К полуночи... – педантично уточнил сэр Шурф.

– Ну, к полуночи так к полуночи, – покладисто согласился сэр Джуффин. – Тебе виднее...

Над улицей сам собой плыл поднос с кувшином и заботливо укрытыми крышками судками. На перекрёстке он едва не столкнулся с таким же подносом, летевшим в другом направлении. Они чудом сманеврировали и разминулись – и готов поспорить на что угодно, успели вежливо поклониться друг другу...

– Заказы из кабачков, – пояснил Джуффин. – У каждого в питании – свои предпочтения, – усмехнулся он.

– И мы так сможем? – спросила очарованная увиденным Надежда.

– Что именно? – переспросил сэр Халли. – Фантомы создавать?.. Ну, если только со временем...

– Нет, я о том, чтобы еда сама домой прилетала...

Тут даже невозмутимый сэр Шурф не смог скрыть лёгкую усмешку, в то время как Джуффин в очередной раз расхохотался в голос.

– Да это – самое лёгкое из того, что тут возможно! Освойте Безмолвную речь – и вся недолга!..

– Офигеть!

Джуффин снова засмеялся. А сэр Шурф с любопытством посмотрел на мою спутницу, как я понял, запоминая новое слово и делая в памяти зарубку, чтобы впоследствии уточнить его значение.

* * *

– Наши все уже у мадам Жижинды? – спросил Джуффин.

– Да, столик уже накрыт, – невозмутимо отозвался Шурф.

– И платит?.. – сэр Халли сделал вопросительную паузу.

– Конечно же, Макс!

Начальник Тайного сыска удовлетворённо хохотнул:

– Так ему и надо!.. Пусть раскошелится!.. А то взял привычку – кого угодно куда попало освобождать!.. Правда, Дперст? – подмигнул он мне.

Я совсем уже открыл рот, чтобы с энтузиазмом подхватить его речь... Однако тут же его и хлопнул.

Целую вечность я бы оставался доперстом – просто функцией, доперстом с маленькой буквы. Если бы не сумасбродная выходка Макса, я бы не оказался в том Мире. И не встретил бы Надежду!

Я оставался бы бессмертным. Но и бездушным. Я бы не знал, что такое холод и голод, но не почувствовал бы, что такое любовь и благодарность.

Я перестал быть вечным – но я стал живым! И у меня, в конце концов, появилось собственное имя! Пусть и совпадающее с профессией. Только теперь я Дперст – именно с буквы большой. Заглавной! Прописной!!

А это уже само по себе чего-нибудь да стоило!

Так что вместо ответа у меня изо рта выдавились только какие-то звуки... И я закашлялся.

– Ну, ты прямо придворный Мастер тонких высказываний! – снова, уже невесть в который раз, посмеялся Джуффин.

И скомандовал сэру Шурфу:

– Тогда сразу едем к несравненной мадам Жижинде... Где ещё знакомиться, как не за столом!..

– Так мы на банкет? – спросила Надежда.

– Ну да, а куда же ещё...

– А здесь с собой приносить можно?..

- Что приносить? – не понял Джуффин.
- Ну, выпить...
- Конечно! Кто ж и с какой стати может запретить?..
- У нас – нельзя...
- Да?.. Странные законы... Рыбник, а ты бы внёс такую поправку в Кодекс! – снова развеселился сэр Халли. – В питейные заведения запрещается приходить с питием! За неповиновение – Нунда!
- Я всегда говорил, что Мир, из которого к нам пожаловал Макс, – очень странный мир, – невозмутимо проговорил сэр Шурф. – Таких глупых законов нет больше нигде ни в одном Мире.
- А к чему ты это поинтересовалась, незабвенная? – вдруг повернулся к Надежде Джуффин.
- Да потому, что мы с собой везём!
- Она распустила завязки рюкзака, покопалась в его чреве, достала бутылку шампанского.
- Доперст сказал, что здесь этого божественного напитка не производят! – сообщила она.
- Опять гадость какую-то чужеземную приволокли!.. – неискренне возмутился грозный колдун, с искренним любопытством разглядывая бутылку и колупнув фольгу. – Засоряете Ехо... Придётся пробовать, а то Макс сам всё вылакает... Как думаешь, Шурф?..
- Если не проконтролировать, то может, – невозмутимо согласился наш возница. – Только мы же не позволим!..
- Это уж точно...
- Надежда вдруг нахмурилась.
- Шампанское бы охладить... А тут у вас, говорят, холодильников делать не научились...
- Тоже мне проблема!..
- Откровенно рисуясь, сэр Джуффин слегка дунул на тёмное стекло, и оно подёрнулось лёгкой изморосью.
- Офигеть! – в очередной раз изумлённо отреагировала моя любимая.
- Амобилер между тем выехал на мост через рассекающую Ехо пополам речку. По её глади скользили водные амобилеры...
- Это Хурон, – весело сообщил Джуффин. – А вон там, – показал он на массивное здание на острове, – наша тюрьма Холоми. Но мы туда не поедем. Нас ждёт более приятная компания...
- Затем колдун показал в другую сторону.
- Вон та улица называется улицей Забытых Снов, – сказал он, доверительно наклонившись к Надежде.
- Красиво, – улыбнулась она.
- Я знал, что тебе понравится, – самодовольно осклабился, подмигнув нам, этот невероятный тип.
- ...Когда мы уже подъезжали к кабачку мадам Жижинды, сэр Джуффин Халли словно стёр с лица маску доброго дядюшки, вдруг заговорил вполне серьёзно, обращаясь в первую очередь к Надежде:
- Я даю вам полдюжины дней отпуска, незабвенная. И на седьмой день утром я спрошу у вас, хотите ли вы вернуться домой. И ваше пожелание будет выполнено. Более того, оно станет определяющим в ваших взаимоотношениях с Доперстом. Только имейте в виду, незабвенная: единственное желание и только единственный раз. Без права на переигровку! Насколько я знаю, седьмой день в вашем Мире – день особый. Вот и я для вас определил именно этот срок.
- А потом добавил:
- Ну и ещё имейте в виду, ребята. Я очень многое могу. Однако над законами бытия не властен. Я не знаю, отпустил ли вас, леди Надежда, ваш Мир, или потребует вас обратно. Или потребует компенсацию, и, соответственно, какую именно. Ты прав, Доперст, тот Мир, из которого ты сбежал, не вправе предъявить к тебе претензию по поводу того господина, который абсолютно добровольно воспользовался твоей транспортной сетью. Однако как у него сложатся отношения с Миром, в котором ты его высадил, – этого я тоже предсказать не смогу. Ну а с сэром Нанкой и его сподвижниками – и вовсе темна вода в Хуроне... Так что беззаботной жизни, ребята, я вам не обещаю! Интересной – да, но не беззаботной!..
- Но об этом ведь можно будет подумать завтра? – спросил я.
- Джуффин с Надеждой как-то очень дружно рассмеялись... А сэр Шурф только молча укоризненно покачал головой.

Проза

Александр Ралот

Петренко Александр Викторович (псевдоним Александр Ралот) – краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор двадцати электронных книг, пятнадцати бумажных. Публиковался во множестве периодических изданий.

Член Союза писателей России. Победитель конкурсов «Золотое перо Руси», «На пути к гармонии» (Беларусь), «Плавская осень», «Венок Победы», «Поэт и гражданин», лауреат международных конкурсов: «Кавдория», «Белая акация». Финалист всероссийских конкурсов: «Ключи от счастья», «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь», конкурса имени Сергеева-Ценского, международного литературного форума «Славянская лира», «Русский стиль» (Болгария), памяти Али Герасимович. Награждён медалями им. И. Бунина и им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе».



Хозяйка Званки

Богат, коль здрав, обилен,
Могу поесть, попить;
Подчас и не бессилен
С Миленой пошалить.

Гавриил Державин

Зима 1794 года

Дверь в комнату распахнулась, и в неё влетела запыхавшаяся служанка.

– Барыня! Ой, что я вам сейчас поведаю. Конюх наш давеча прискакал. Так он по дороге, такое....

– Сядь, угомонись. Толком можешь сказать, что случилось? Пожар на конюшне? – Дарья, чуть ли не силой усадила девушку на стул.

– Некогда мне сиднем сидеть. Бежать надобно. Не ровён час, вы распорядитесь стол накрывать. Кушанья подавать. Наливки всякие.

– Никуда я тебя не отпущу. Ежели ничего в имении не горит, так что же ты, словно скаженная, в комнату врываешься?

– А как же иначе-то? Ведь они вот-вот досюдова доедут!

– Да кто они?

– Конюх по дороге сватов повстречал. По вашу душеньку, барынька, поспешают!

* * *

В высшем свете не первый год ходила молва о красоте девиц Дьяковых. На балах сёстры выглядели просто очаровательными. Не раз влюблённые до безумья молодые (и не очень) кавалеры обращались к их отцу за благословением. Но обер-прокурор, статский советник Алексей Афанасьевич выдавать дочек за первых встречных не спешил. Тянул время. Но всё же выдал одну за известного архитектора и поэта Львова. Вскорости и вторая стала именоваться графиней Стенбок.

* * *

Даша званых балов не чуралась, но какого-либо трепета от подобных мероприятий не испытывала. Танцевала весьма недурно. Когда просили, с явной неохотой играла для гостей на арфе. Из вежливости, без удовольствия.

Девушке было гораздо интереснее рыться в бухгалтерских книгах отца. Многочисленные отчёты от управляющих имениями. Чертежи казённых построек, рулонами лежавшие в кабинете батюшки.

* * *

Однажды, будучи в гостях у хозяина со странной фамилией Капнист, Даша познакомилась с молодой симпатичной женщиной, которую присутствующие называли Пленирой. Так прозвал её супруг. Известнейший поэт Гавриил Державин. Утверждал, что придумал имя сие, переделав глагол «пленять». Отец её прибыл в Россию из далёкой Португалии. Состоял в свите императора Петра Третьего, а матушка была кормилицей великого князя Павла.

* * *

Вечером того же дня многочисленные гости хлебосольного дома затеяли игру в горелки. Развеселились не на шутку. Всё это действие Дарье не нравилось. Но законы приличия не позволяли ей уйти. Тем более что вскорости наступила её очередь водить. Погналась за убегающими и налетела на мужчину в расшитом золотом камзоле. Тот церемонно отошёл в сторону и вежливо поклонился.

– Дашутка, познакомься. – Запыхавшаяся от бега Пленира, представила ей вельможу: – Мой супруг Гавриил Романович.

Дьякова наконец подняла голову и встретилась взглядом с весёлыми глазами мужчины. Душа девушки в мгновение ока обрушилась в какую-то бездну. О наличии которой она до этого дня даже и не помышляла.

* * *

Императрица назначила поэта и чиновника Державина своим личным кабинет-секретарём. Отныне пребывание в столице стало для него обязательным, а посему Гавриил приобрёл участок на набережной Фонтанки.

Дашин свояк, архитектор Львов, спроектировал усадьбу. И работа закипела. Девушка, при первой же возможности спешила туда. Просила показать ей эскизы. «Заказчики» вознамерились наклеить в одной из комнат соломенные обои. Пленира захотела расписать их собственноручно. Пригласила всех оценить работу. Приехала и Дарья. Девушке к тому времени уже стукнуло двадцать пять. Красотой её Бог не обидел. Но потенциальных женихов отпугивала величавая фигура и пронизательный взгляд! Такая жена однозначно будет главенствовать в семье. С ней уж точно не забалуешь!

– Присмотрись вон к тому. Чем тебе не пара? – Пленира на правах верной подруги указала на одного из гостей.

– Ты мне лучше подожди такого, как твой Державин. За него пойду не глядя. И с ним буду счастлива до конца своих дней!

К подругам подошёл поэт.

Девушка смутилась. Густо покраснела. Тут же распрощалась, сославшись на неотложные дела. Вечером того же дня уехала к старшей сестре в Прибалтику.

Более они с Пленирой никогда не встречались!

1794 год

Похоронив супругу, Державин не находил себе места. С утра до вечера слонялся по гостинной, расписанной её рукой. Потом вдруг убежал из дому и бесцельно бродил по столице.

Шесть месяцев спустя

В голове поэта зазвучал голос:

– Женись на Дьяковой. Только она сможет излечить тебя от пустоты! Исцелит окончательно!

Чиновник не заметил, как уснул. А утром встал окрепшим.

Созвал друзей. Сообщил им своё решение.

– Ежели немедля не женюсь, ей-богу, впаду в распутство. К тому же Дарья недавно вернулась из поездки. Это ли не знак?

* * *

Отец Дарьи не так давно обрёл своё упокоение на кладбище. Девушке предстояло давать ответ сватам самостоятельно.

– Дайте время подумать. Более того, не считите за труд, пришлите мне для ознакомления хозяйственные книги Гавриила Романовича. Замужество – дело нешуточное!

Немолодые сваты повидали всякое. Но с такой просьбой столкнулись впервые.

– Барышня, не извольте сомневаться. Гавриил Романович пришлёт требуемое незамедлительно.

– А чего на них глядеть? Нет в том никакой нужды. Но коль ей надобно, отправляйте. Противиться не стану.

* * *

– Ясно! Дела расстроены, но не до крайности. Ежели взяться с умом, то поправить можно. – Девушка захлопнула последний «гроссбух». Её страшили не финансовые дела. Она была уверена, что справится с ними в кратчайший срок. Дарью тяготило другое. Сможет ли она заменить Пленуру? Не замечая, девушка, ещё не став законной супругой, уже ревновала любимого человека к покойнице!

* * *

Госпожа Державина трудилась не покладая рук. Выкупила у матери имение Званка. Начала возводить на берегу реки роскошную усадьбу. Их семейное гнёздышко.

«Там супруг будет сочинять свои произведения. А я окружу его заботой и лаской. Коля Львов мне в этом поможет. А как иначе? Родственник мой, да к тому же и друг “заказчика”. Пусть сотворит шедевр. Чтобы свершилась полная гармония природы и архитектуры. И будут званы в Званку все друзья. Каждое лето отныне станем проводить только здесь. Да, и ещё! Надобно пригласить садовников. Самых лучших. Нужны парки. Чтобы зелени поболее. В них поселится муза для моего супруга. Не может не объявиться!»

Одни имения она без всякой жалости продавала. После двух лет неурожая рассталась с винокуренными заводами, зато купила канатную фабрику (флоту российскому и торговому подобная продукция завсегда надобна будет!) и конезавод.

– Значит, так! Записывай, дабы не забыть! – обратилась хозяйка имения к управляющему. – Нынче пошлешь расторопного человека в город, а лучше ежели сам съездишь. Купишь у купцов, только оптом, так дешевле выйдет, шерсти и ниток поболее.

– Для чего, матушка? Ведь лето на дворе, дни погожие стоят. В тёплое никто не кутается.

– Правильно. Вот продавцы цену-то и сбросят. А зима, она в положенный срок обязательно заявится. Неужто ты в этом сомневаешься?

– Нет, конечно. Вам, барыня, виднее. Будем вязальщиц из деревни выписывать? Сколь потребно?

– Нисколько. Нет. Одну всё же привези. Самую лучшую. Пусть наших лакеев своему ремеслу обучит. А затем у них товар принимать станет. Со всей строгостью!

– Непонятно мне, матушка. Растолкуй про лакеев-то.

– Чего же тут неясного? Они ведь дежурят в доме по ночам, так?

– Знамо дело. По очереди. Согласно списку утверждённому.

– Не спят?

– Вроде бы нет. Да разве за ними, окаянными, углядишь?!

– Вот пусть чулки или какие другие вещи вяжут. И им будет чем на дежурстве заняться, и нам с Гавриилом Романовичем прибыль. Далее – истопников отправь обратно по деревням. Летом им здесь делать нечего. Оставь одного, для баньки.

– А осенью опять сюда доставлять?

– Не надо. Музыканты наши печи топить станут. Чай, спина от этого не переломится.

Через несколько лет материальное состояние четы Державиных приумножилось вдвое!

* * *

Державин не видел ничего зазорного в том, чтобы сказать комплимент-другой и оказать некоторые знаки внимания молодой девушке или даже написать специально для неё пару поэтических строк.

Милена (именно так её стал величать Державин) не ревновала. Умом понимала то, что, как бы она ни старалась, её любимый всё равно сравнивает нынешнюю жену с той, первой. И это не в её пользу.

«Эх, послал бы нам Господь деток, – размышляла Дарья, – глядишь, всё было бы иначе. Но один год сменял другой, а они не нарождались.

* * *

Случилось так, что Гавриил Романович, после долгих мытарств, смог выхлопотать приличную пенсию для пожилой вдовы.

Старушка не раз пыталась отблагодарить чиновника. Но тот все подношения немедля возвращал назад. Тогда она сама пришла в его кабинет и поставила на казённый стол плетёную корзину.

– Там для вас лежит лекарство от сердечной тоски. Я отчётливо вижу её в ваших глазах. Назовите это Горностайкой. – Не сказав больше ни слова, женщина покинула помещение.

В корзине лежал белый щенок, с огромными глазами.

Строгий начальник пришёл в восторг. Тут же спрятал «лекарство» за пазуху и велел немедля подавать карету. По дороге решил длинную кличку сократить: «Буду звать собаку просто Тайка».

Супруга тихо радовалась, наблюдая, как муж возится со щенком.

И животное и Милена беззаветно любили Державина. Более того, всячески оберегали его от всевозможных невзгод. Правда, каждый по-своему.

1813 год

Державин служил одной императрице и двум её наследникам. Но пришло время покинуть государственную службу. Старомодное бескорыстие было не в моде. И на старика и подчинённые и начальство смотрели нынче с явным недоумением.

Совсем недавно покинул этот мир друг и родственник Николай Львов. Его жена Мария вскорости отправилась вслед за мужем. Двух их дочерей чета Державиных забрала в свою Званку. Туда же Гавриил Романович привёз и осиротевших детей сослуживца. Имение наполнилось юными голосами.

Для молодого поколения устраивали балы и маскарады. Женщине очень хотелось, чтобы Державин постоянно слышал весёлый детский лепет.

* * *

Милена, обняв супруга, стояла на террасе их дома на Фонтанке.

– Вон там, – она показала рукой вниз, – я хочу разбить парк. Уверю тебя, он будет превосходен. Но не сейчас, а когда появятся деньги.

Хозяин дома улыбнулся:

– Не печалься о том, что я нынче в отставке. Поверь, рублики вскорости придут. Их принесёт Муза. И на твой проект хватит, и на наряды нашим девочкам.

Даша удивлённо посмотрела на поэта. Как бы невзначай провела ладонью по его лбу.

* * *

Через несколько дней увидел свет сборник державинских произведений. Книга разошлась как горячие пирожки.

Работа в парке закипела. Даша принялась за новые проекты.

* * *

После полной виктории русского оружия отправились путешествовать на Украину. Дома объявились лишь летом. Сад запустел, а некогда пышные кусты сирени облюбовали полчища кроваво-красных жуков.

– Милена, ты видишь это?

Даша молча кивнула.

– Дурное знамение.

Июль 1816 года

Державин захворал. Супруга мгновенно вспомнила треклятых жуков и стала упрашивать Гавриила Романовича поспешить к доктору. Но тот категорически отказался.

* * *

– Дарья Алексеевна, голубушка, едем! Лошади вконец застоялись. Вечереет уж. Она не отвечала. Смотрела на свою Званку. Думала, что прощается с ней навсегда. Но судьба распорядилась иначе.

* * *

К безутешной вдове пожаловал всесильный граф Аракчеев.

– Мне ведомо о некоторых ваших финансовых затруднениях. Могу помочь. Куплю у вас имение. Державина отказалась.

Предложение поступило вновь. На этот раз от самого императора.

– Доставь письмо во дворец. – Милена протянула лакею конверт. Внутри лежала короткая записка: «Памятью супруга не торгую. Готова подарить имение государю, но продать – никогда!»

Весна 1842 года

После смерти супруга Дарья Алексеевна прожила долгих двадцать шесть лет.

Взошёл на престол Николай Первый, подавив восстание на Сенатской площади. На дуэли погиб поэт Пушкин, которого обожал её Державин. И ещё много чего случилось за эти годы.

* * *

Вдова, как умела только она, распределила имущество между родственниками и слугами. Велела перевести весомое пожертвование в Казанский университет. Учредить там стипендиальный фонд. Оказывать финансовую помощь. Выдавать деньги исключительно неимущим студентам. Открыть в имении училище для девочек-сирот.

Отдав все необходимые распоряжения, велела запрягать карету. Везти её в Званку.

* * *

По приезду первым делом отправилась в сад.

Сирень цвела обильно и роскошно. Жуков на ней не было.

– Добрый знак! – подумала женщина. – И вообще никто и никогда не любил его, как я! И в этом невозможно усомниться!

* * *

Гроб с телом хозяйки Званки отправили по реке, на старом ботике. Кораблик должен был доставить его к могиле Гавриила Романовича. Иного места своего упокоения эта женщина и представить себе не могла!

Проза

Владимир Белоголов



Владимир Степанович Белоголов родился 7 июня 1954 года в городе Славске Калининградской области. Окончил школу-интернат № 45 при Ленинградском университете и метеорологический факультет военной академии им. А. Ф. Можайского в Ленинграде. Служил на Дальнем Востоке и на Северном флоте. Летал, плавал, дрейфовал на льду в Арктике. Преподавал в Мурманском университете. Автор книг: «Войдите!» (Мурманск, 1991), стихи; «Эхо» (Санкт-Петербург, 1993, 2008), стихи; «Мужчины должны быть нежными» (Калининград, 1999), Deutschland (2015), рассказы; «Свеча в сугробе» (Мурманск, 2000; Славск, 2015), стихи; «Сколы» (Мурманск, 2007), «Эхо» (Санкт-Петербург, 2013), рассказы.

РЕЧКА

Рассказ

Над вечерней водою – теплынь. Река туманом даже не дымит. Тихо. Звеняще тихо. Лёгкое шуршание прибрежного камыша. То ли ветерок случайный заблудился, то ли рыба сонная заворочалась. Удочки убраны. Поставлены на ночь жерлицы и донки. К утру на них крепко сядут широкопастая черноспинная щука, скользкий губастый линь, тяжеленный, с лопату, лещ. Обязательно сядут. Главное – вытащить. От земли и травы, от кустов и деревьев так веет теплом, что костёр можно и не разводить. Завёрнутый в старый отцовский плащ, сижу на пожухлой густой траве, прислонив спину к могучей лиственнице. Разморённая жарким солнцем за день река каждой своей излучиной встречает июньскую ночь. Заводь передо мной – как спящее озеро. Ни волны, ни рябинки. Это – мой мир. Вокруг – глушь и запустение. Деревянные мосты полуразрушены, но мощные брёвна свай всё ещё надёжно держат над водой длинные сосновые жерди. По ним можно перейти на другой берег, где ящерицей выворачивается из-под ног и ныряет в молодой сосновник неприметная тропка. Неожиданно выводит она к шаткой переправе и так же неожиданно исчезает в лохматой гуще пахучих посадок сосняка.

Под черёмухами с крутого берега далеко в воду свешивается старый дощатый настил. Если в солнечный день лечь на него и опустить лицо к воде, то можно разглядывать светлое песчаное дно с чёрными кляксами ила. На кляксах – пятнистые корни в руку толщиной. От них тянутся вверх прочные зелёные жгуты – стебли листов и цветов кувшинок и лилий. Лилий мало – их быстро срывают. А кувшинок – не считано, не мерено, сколько ни рви – не выберешь их. Вода рядом с настилом тёплая, а под ним – прохладная. Над илом на границе света и тени, поводя челюстями и жабрами, зависла стайка окуней. Рассеянно оглядывая дно, слоняется среди причудливых извивов корней краснопёрка с ярко горящими плавниками и тёмною спинкой. Над водой в черёмухе неслышно снуют пичуги, роняя вниз то листок, то лепестки цвета. Перескакивая через эти преграды, мчится по мягкой глади воды водомерка. Словно заведённые, деловито кружат неподалёку от берега чёрные, блестящие, ростом не более пшеничного зерна жучки-плавунцы – шустрые водяные черепашки. Попробуешь изловить – нехотя, но быстро разбегутся, а потом соберутся вновь и продолжат своё кружение. В траве шуршит, пробираясь к воде, землеройная мышь. Беспечно осматривается и замирает, оставив на воду округлую мордочку с чёрными бусинками глаз. Что ей здесь нужно – пока не понять. Развернулась и шмыгнула обратно в заросли разнотравья. У противоположного берега шлёпают по воде разомлевшие от жары коровы. Заходят в прохладную воду по самое брюхо, шумно дышат, чмокают, напиваются, но обратно выходить не торопятся. Ветерок и вода приятно холодят разогретые солнцем бока.

Развести костёр – значит высоким пламенем оттолкнуть и сгустить сумерки, треском горящих сучьев заглушить таинственные шорохи, светом костра отделить себя от сторожкой, обнимающей темноты. Лучше запахнуть в плащ, собраться в комок, замереть и слушать. От жуткого захлёбывающегося хохота холодеет в груди и мурашки бегут по спине. Это филин почувствовал себя хозяином ночи. Берегись, живность, в полёте, на ветках, в траве... Когти его беспощадны. «У-у-ху-ху-ха-ха-ха...» – проносится над водой. Всколыхнулась ветка, освобождаясь от тяжести бесшумно улетающего страшилища. Отправился туда, где можно ещё пожить. Сядет на сук и, пока не увидит или же не услышит добычу, будет поводить громадной головой с огромными оранжевыми глазами, которые почти сплошь – расширенные зрачки. А заметит кого – когтей не миновать. И увидит кто-нибудь днём под высокими лиственницами или в тёмном ельнике перья или клочья шерсти. След пиршества ночного разбойника.

Гулкие всплески в тиши берегов выводят из дум и полузабытья. Шуршание камыша, снова всплески, но потише. Это щука шелестит, в сумерках у камышей шастает. Дугою взлетает она над водой, плюхается, переворачивается, бухает хвостом, круги по реке разгоняет. Рыба начинает играть.

Вбирая в себя множество ручейков, лесных речушек и полевых каналов, река течёт медленно, спокойно, степенно, несуетливо. То заводь у поймы образует, то омут у камышей под обрывом, прикрытым ивами, могучими дубами и грабами. Разливается и красуется она этим разливом своим десятка на полтора километров, а потом – сужается и уходит в поля, ныряет под многочисленные мосты и разбегается лесными ручьями.

По берегам реки – хутора. Покинутые или заселённые любящими жить на отшибе редкими хозяевами, водокачниками, лесниками. Пустые коробки брошенных после войны домов удивляют своей крепостью и красотой черепичных крыш. Звонкие кирпичи стен, от которых отскакивает, не оставляя следов, лом, словно хотят доказать свою независимость от времени. Заброшенные яблоневые сады, вишни и груши, малина и сливы, боярышник и алыча предстают среди разросшихся по берегам кустарников. В развалинах среди крапивы цветут поразительной красоты тигровые лилии, георгины, розы, шиповник, настурции. Когда-то здесь были клумбы. Осыпались под дождём и ветром из года в год семена, а их ростки – вновь пробивались к солнцу. Приветливое здесь лето. Добрая, щедрая осень. И кормилица заливных лугов – речка – до сих пор протягивает свои каналы к заброшенным хуторам.

Для нас, деревенских мальчишек, речка – это наш дом, наше царство, наша сказка. Среди ольхи, черёмух, ивняка и камышей много удобных спусков с пологим песчаным дном и тёплой водой у берега. Мы сами дали этим местам названия. Первая купалка, Вторая купалка, Бориска, Кордон, Горелый мост. И у каждого здесь своё место имеется, где лучше всего клюёт рыба, где удобно загорать, разводить костёр, соорудить среди мощных древесных стволов шалаши.

Каждый год в предпоследнее июньское воскресенье из всех окрестных сёл сюда, на огромный полукруг лугов и леса, собирается народ на праздник русской берёзки. Закончен весенний сев, озимь на полях выметнулась ровными крепкими зелёными ростками. На берегу среди берёз и ёлок накрыты столы, весёлые и тоскливые песни улетают в поля, шашлычный аромат плывёт над водой. Сколько горячих и нежных слов слышится тогда в черёмухах, сколько рыбачьих лодок качается на широкой глади, сколько случается отчаянных драк с поножовщиной... Это упомнит только река.

Здесь рождаются и вырастают, влюбляются и живут, трудятся и умирают. А речка – течёт. Размеренно и неторопливо. Как время. Как жизнь обитателей её берегов.

Захирел, обветшал и стал разваливаться на одном из каналов старый молочный заводик. Рядом построили новый, тоже небольшой, но красивый и крепкий. Речка снабжала его водой, мимо него текли неширокие полевые каналы, расцвечивая берега жёлтым курослепом и пряча в водорослях мальков окуня, плотвы, мелких вьюнков и жёлто-зелёных, с палец толщиной, щурят, которых мы подсекали петлёй и гордо носили домой.

Мы повзрослели и разъехались далеко со своих берегов. Разбросало нас по всему свету, унесло к другим речкам, прибило к иным берегам. Но речку свою, родную, знакомую до мелочей, ставшую вдали ещё дороже, хранили мы в сердцах и в памяти, обмениваясь редкими письмами, в которых были и грусть, и надежда, что не навсегда мы оставили свои берега.

И вот – я прилетел! Через весь континент, с востока на запад, почти через пять лет. Приветливое и радостное июльское утро. Солнце, несмотря на ранний свой час, печёт нестерпимо. На речку, на

речку, на речку! За огородами, в полях стаскиваю с себя футболку и завязываю рукавами на шее, укрываю плечи и спину от палящих лучей. От запаха скошенного сена кружится голова. Знакомые постройки, силосные башни, водокачка, мосты и мосточки. Усыпанная лилиями речная гладь. Удивительно, что их не посрывали. Впрочем, такую пропасть разве кто выберет?! По ведёрному букету на весь белый свет хватит да ещё и останется. Открывшееся на реке безлюдье непривычно, но если река под боком, то кому же в голову придёт подниматься в такую рань? Значит, сегодня я, я первый пришёл к своей речке окунуться в долгожданную прохладную воду. Странно вот только, что и рыбаков не видать... Лишь одинокая бабуля на пологом берегу доит привязанную корову. Торопливо шагаю к воде. Обернулась хозяйка, взглянула. Думает – нездешний пришёл. Где уж узнать ей меня... Поднялась, заслонилась от солнца рукою. Остановился и я. «Приезжий, небось, – нараспев произносит старушка. – К воде не ходи. Отравленная она у нас. Сколько загубили скотины, когда молокозавод построили... Как попьёт она здесь, так и потравится. Мы из колодца теперь её поим. Понимаешь... Отравленная речка у нас...»

Но понимать я отказываюсь. А вот сдвинуться с места уже не могу. Так вот почему и на берегу у камышей нет никого, и на водной глади ни одной лодки у камышей не качается. Вот почему за лилиями для подружек никто не плавает. Тихо над речкой. Не видать ни кругов, ни всплесков рыбьих. Ровная поверхность безмерно доброй и щедрой, нещадно поруганной и мёртвой моей реки усыпана белыми лилиям, как венками покойному...

А я всё равно стою над рекой и шепчу: «Помню тебя, люблю тебя, вернусь к тебе отовсюду...»



Поэзия

Елена Заславская

Елена Заславская – донбасский поэт, писатель, журналист. Родилась в Лисичанске в 1977 году. Живёт в Луганске, ЛНР. Автор семи поэтических сборников: «Эпоха моей любви», «Мамині сльози», «Инстинкт свободы», «Бдыць-мен и Ко», «Год войны», «Бумажный самолёт», «Донбасский имажинэр», а также публикаций в Интернет-изданиях и периодике, в том числе в антологии-энциклопедии «15 веков русской поэзии» и сборниках, посвящённых войне на Донбассе: «Час мужества», «Ожог», «Русская весна», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Воля Донбасса». Автор книг для детей: «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика», «Собаки-забияки», «Сказки Подкроватки», «Мышка-малышка и её секрет», «Хармстихия» (Стихи Даниила Хармса, комментарии Елены Заславской). Лауреат множества литературных премий и фестивалей. Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки. Песни на стихи Елены Заславской вошли в альбомы московской рок-группы «Зверобой»: «Война за мир», «Родина». Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Официальный сайт: <http://zaslavskaja.com/>



СОЛДАТ ВЕСНЫ

Казалось мне, из всех тягучих зим
Зима прошедшая – большей и бесконечней,
Но вот черёмуха цветением своим
Меня накрыла. Щебет с речью
Я перепутала. Болтаю ерунду,
И отдалённый отзвук канонады
Мне не помеха. В солнечном саду
Прими, весна, меня в свои солдаты!
Я буду защищать тебя всегда –
И если нужно, до последней капли крови,
За то, что так черёмуха светла,
Так беззащитна и полна любовью.

* * *

Весна. Внезапная, как смерть.
Миг: почки брызнули, как слёзы.
Идёт стремительный апрель.
Цветут в Луганске абрикосы.

И зримой нежности полны
Благоухающие ветви,
Как будто сбывшиеся сны,
О самом радостном и светлом.

Мой сад на цыпочках привстал,
И тайное мне стало явным:
На абрикосовый хорал
Слетелась ангельская стая,

Чтобы весну и жизнь воспеть,
Наперекор ворчанью пушек.
Мой ангел тоже прилетел.
Не по мою ли это душу?

ВЕСЕННИЙ ГРАД

Весна бесконечно прекрасна,
И сердце желает чудес.
Луна тает капелькой масла
В наполненной чаше небес,
Цветущие яблони в дымке
Парящих вокруг лепестков,
И кажется, будто из кринки
Парное бежит молоко.
Грозою раскатистой «грады»
Обманный прислали привет.
Смерть полетела над садом.
Наземь осыпался цвет.

ПРОШУ, ВЕСНА, БЛАГОСЛОВИ

Не в лоне Спаса-на-крови,
А в роще, радостной и светлой,
Прошу тебя, благослови,
Коснись чела цветущей ветвью!
Сейчас взорвутся соловьи,
И сердце захлебнётся песней
О том, что в мире нет чудесней
Родной, измученной земли.
И преисполнившись любви,
Шепчу извечное «Воскресе»,
Колена преклонив свои
Пред первым цветом на пролесье.
Прошу, весна, благослови,
Коснись чела цветущей ветвью!

ПАСХАЛЬНОЕ

Небо стало синим-синим
В миг единый после ливня,
Так, умытое водою,
Светит нам лицо родное.
Невозможно насмотреться.
Мир пасхальный. Мир весенний.
Открывается нам, смертным,
Божья правда Воскресенья.

Невозможно надышаться.
В каждом вдохе – жизни чудо.
Сколько счастья! Сколько счастья!
Я живу и вечно буду!

ВЕСНА 45-ГО ГОДА

Ворковали голуби,
Расцветали яблони,—
Белоснежным облаком
У порога замерли.
Светом осиянная,
Цветом осенённая
По земле израненной
Шла весна влюблённая,
Светом осиянная
И неопалимая,
Через все страдания,
Милая, счастливая,
Шла без озлобления,
Позабыв про мщение,
Шла весна победная,
Шла весна священная!
Расцветали яблони,
Ворковали голуби,
Под весенним знаменем
Воскресала Родина.



Поэзия

Вадим Терёхин

Вадим Фёдорович Терёхин – поэт, сопредседатель Союза писателей России, член координационного Совета международного поэтического движения «Мир без стен» (WWW), вице-президент международной академии русской словесности (Москва), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург), действительный член академии Российской словесности (Москва), действительный государственный советник II класса Калужской области.

Родился в 1963 году в пос. Песоченский Тульской области. Лауреат литературных премий: Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», Всероссийской премии имени поэта-фронтовика В. Т. Станцева (2016), Международной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2012), литературной премии «Белуха» имени Г. Д. Гребенщикова (2012), премии Центрального федерального округа Российской Федерации в области литературы и искусства (2009), обладатель почётного приза поэтического Форума в Бахрейне (2007), Всероссийской литературной премии «Отчий дом» имени братьев Киреевских (2002), дипломант II Филаретовского конкурса религиозной поэзии в Интернете (2001), литературной премии издательства «Золотая Аллея» (2000), литературной премии имени Марины Цветаевой (1998).



* * *

Я живу, как росток от земли,
Подбираю, что миру негоже.
Делу рук моих благоволи,
Милосердный и Праведный Боже!

Сделай так, чтоб вернулся сюда
Улизнувший в бездонное небо
Добросовестный ангел труда
И принёс мне и соли и хлеба!

И в бескрайний простор вострубя,
Мне вернул все былые надежды,
Чтоб рассчитывать я на Тебя
В трудный час этой жизни, как прежде!

ВОДА

Известно, что, придя в движенье,
По всем законам естества
В системе общего снабженья
Вода безвидна и мертва.

И ждёт спасения, доколе
Не образует в трубах течь.
Вода не может жить в неволе,
Как поэтическая речь.

Она подвижница течения,
Напора, скрытого в груди.
И из любого заточенья
Всегда пробьёт себе пути.

И если посмотреть на воду,
Примерить жалкий опыт свой –
Лишь вырываясь на свободу,
Вода становится живой.

КОЛОКОЛ

Подвигая к вечной жизни,
Как небесный, верный щит,
Охранителем Отчизны
Вещий колокол звучит.

Ищет отклика в народе.
Бьётся из последних сил.
– Громче! – попросил Мефодий.
– Звонче! – подхватил Кирилл.

Сдвинуть время и пространство
Смог славянский алфавит.
Бьётся сердце христианства –
Это небо говорит.

Это быть на всё готовым
Нам даётся благодать –
Перед самым первым Словом
За Отчизну пострадать.

* * *

Народ свергает монументы,
Как будто бы в его судьбе
Гранит, охваченный цементом,
Виновен сам был по себе.

Как будто ждёт, что непременно
От боли, горя и тоски
Его избавят перемены
И эти битые куски.

И выбирая путь особый,
Непроторённый, новый путь,
Воздвигнет вновь источник злобы,
Как памятник кому-нибудь.

* * *

Я страшусь Твоей любви.
Помяни мя добрым словом.
Господи, благослови
Быть к дарам Твоим готовым.

Дай святую благодать,
Беспристрастие и волю
Чистым сердцем принимать
Мне ниспосланную долю,

Мужества перенести
Дар небесный Серафима
И пройти Твои пути,
Кои неисповедимы.

* * *

Обрати внимание, прохожий,
Не на помрачение в народе,
А на то, что вечен образ Божий
В каждом первом встречном пешеходе.

Даже если он заочник ада,
Ученик его кругов и петель,
Пожалеть обиженного надо,
Ибо в нём остался горный пепел.

И в тебе, прохожий, вечен тоже
Свет, что неуклюже и нелепо
Бьёт тихонько из-под тонкой кожи
И обратно просится на небо.

* * *

Время привязано к числам.
Только сойдёшь за порог,
Крепко таинственным смыслом
Держит тебя поводок.

Вмиг улетят восвояси,
Только его оброни,
Сбросив телесные связи,
Семикрылатые дни.

Каждый, найдённый в капусте,
Взятый в едином числе,
Маленький кольшек грусти,
Вбитый на этой земле.

* * *

Не думая о каждом часе
Невольню прожитого дня,
В безудержном однообразье
Уходит время от меня.

Но разгоняет жизни морок
Дитя, рождённое на свет.
Последний раз мне будет сорок,
Ну, то есть сорок девять лет.

И если стоит жить на свете
Не для стяжания венцов,
Нам радость – бабочки и дети
И звон прощальных бубенцов.

Нам радость – данная свобода,
Господь, творящий естество.
И честь достойного ухода
Под сень могущества Его.

* * *

Откуда – её я не звал –
Идёт беспощадная старость?
И кажется, всё я сказал,
Но главное что-то осталось.

И всё кратковременно так,
Непрочно, мгновенно, беспечно.
И всё кратковременно так,
И всё удивительно вечно.

И всё, что на грешной земле,
Пропел я, как певчая птица,
Плутая в полуночной мгле,
На небе должно разрешиться.

* * *

Кем устрашится естество
В преддверье смертного порога?
Не остаётся никого
На этом свете, кроме Бога.

Всё разлетится в пыль и в прах.
Себя здесь не удержит бытом
Живущий на Его устах
Разноязыким алфавитом.

Чем успокоится душа?
Нам всем дано из милосердья
Жить вдумчиво и не спеша
И предвкушать своё бессмертье.

* * *

Предчувствуя скорую встречу,
Шатаясь меж улиц и звёзд,
Находишь соцветие речи,
Чей умысел явно не прост.

Ему повинешься слепо,
Повержен зловещей судьбой.
Быть может, бездонное небо
Опять поделилось с тобой.

Быть может, Оттуда явилась
Тончайшая хрупкая нить,
Тебе наказав Божью милость
На белом листе сохранить.

А может, на уровне клетки,
Чья суть первобытно чиста,
Вложили далёкие предки
Свой голос вот в эти уста.

И ночью, когда на досуге
Ты в дебри сознания проник,
Очнёшься, услышав в испуге
Повисший над джунглями крик.

И хочется дикому детству,
Ответствуя, не изменить:
Над собственным несовершенством
Угрюмо по-волчьи завывать.

* * *

Не двигается время вспять,
Но водит грифелем по коже.
И перед ним не устоять,
Мы не становимся моложе.

И впредь не будем лучше мы.
Так очевидно и понятно,
Что наши светлые умы
Затмят проявленные пятна.

Мы не отвергнемся уже,
Не избежим дурных отметок.
Найти смирение в душе –
Всё, что осталось напоследок.



Елена Александренко



Родилась в Донецке (Украина). Автор десяти поэтических книг, изданных во Владивостоке (Приморский край). Две книги стихов в переводах итальянского писателя, переводчика русской классики В. Бертаццони «Голоса времён года и сердца» (2001) и «Краски Сибирского пейзажа» (2014) были изданы в Италии (Мантуя). Член Союза писателей России, член Международного Союза писателей 21 века. Приморскими композиторами написано немало песен и романсов на её стихи. Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей в Ярославле. Публиковалась в краевых, столичных и зарубежных литературных изданиях. В журналах: «Дальний Восток» (Хабаровск), «Подъём» (Воронеж); альманахах: «Литературный Владивосток», «Воскресенье» (Екатеринбург), «Планета друзей» (Ялта), «Стихи мира» (Нью-Йорк). Постоянный член жюри фестиваля авторской песни и поэзии «Аккорды лета» в Спасском районе Приморского края. Лауреат нескольких литературных премий Приморья, литературного журнала «Дальний

Восток», 3-го Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Н. Толстого в Москве. Член Товарищества детских и юношеских писателей. Лауреат премии им. Людмилы Татьянической (Екатеринбург). Живёт в Приморском крае.

МОЙ КРУГОЗОР

...Я не владею английским,
турецким и шведским.
Мой кругозор остаётся
достаточно детским.

Юнна Мориц

Мой кругозор живёт во мне,
Как старый тополь у забора,
Как звёзд соцветья в тишине,
Как суть дыханья и простора.

Мой кругозор – глаза озёр
И небо в солнечных ресницах,
Качели, дом, любимый двор
И снег, согретый в рукавицах.

Мой кругозор – калейдоскоп:
Цветенье, радость, замиранье,
Круженье, россыпи, мельканье
Зелёных, красных, белых троп.

Мой кругозор – Луна в окне,
И колокольчики тревоги,
И всё, что с детства есть во мне:
Надежды, слёзы, и дороги,

И облака, и снег, и пух,
И дождь, что всюду ставит точку.
В полёте том – мой светлый дух,
Что выживает в одиночку.

Такой он свойский – кругозор,
Простой, дворовый, воробьиный.
Родной, как русский разговор,
Совсем не пахнувший чужбиной.

Почти что детский кругозор,
Хотя, всего в нём понемножку,
Выглядываю из-за штор –
Весь мир в окошке!

А САМА СЕБЕ, САМА...

Вот наполняется Луна
Серебряным огнём.
Так наполняется душа
Волнением о нём.
И время совершает круг,
Но сердце вне времён.
И мой далёкий близкий друг –
Всегда со мною Он.

Пусть осень ходит голышом
И мёрзнет на ветру.
Мне в жарких мыслях – хорошо,
А значит, не умру.
Пусть колыбельная зима
Заснежит целый Свет,
А я сама себе – сама...
Ни сна, ни снега нет.

А я подснежник тишины
И нежность у окна.
Храню дыхание весны,
Храню его одна.
И берегу, сколь хватит сил,
До летнего тепла.
Спаси Его, мой Бог, спаси!
Спаси, чтоб я жила.

ДЕНЬ СНОВА СИНЕВОЙ СВОЕЙ ВЕЛИК...

Ещё земля не до глубин прогрелась,
А я уже разулась и разделась,
Чтоб первое тепло в себя вбирать
И чтоб босыми пятками нырять
В щекотную и нежную траву
И ощущать, что заново живу.

День снова синевой своей велик,
И солнышко усами шевелит.
Жуки проснулись, муравьи, шмели...
Все маленькие жители Земли.

Расселись ноты в зелени листвы.
Иду, не опуская головы,
Не думая о том, куда иду,
И напеваю что-то на ходу.

Со стороны я, может быть, смешна,
Во мне девчонкой шкодною весна.
Несу я дождь веснушек на носу.
Ах, сколько я всего в себе несу!

ЧУДЕСА СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

Чудеса! Средь бела дня:
Временами нет меня.
То ли стёрлась я до дыр,
То ль ушла в свой тонкий мир.

В той прозрачности покой –
И не хочется домой.
Здесь ночуют дождь и смех,
Здесь летают сон и грех.

Я исчезнуть не боюсь,
Поголяю и вернусь...
Посмотрю сквозь вас на мир,
Словно сквозь дырявый сыр.

Нет никчемной суеты,
Только радуги мосты,
Корабли бумажные,
Журавли отважные.

Поплыву за кораблём,
Потянусь за журавлём,
В синем небе поплещусь
Да по радуге спущусь.

Чудеса средь бела дня!
Не ищите вы меня!
Я хочу, чтоб мы могли
Отрываться от земли.

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Ты меня пугаешь громогласьем.
Я тебя тревожу тишиной.
Может, вот такое оно – счастье:
Добрый гром, разбуженный весной.

В нас лучей сквозистое скольжение –
Дождь из ослепляющих лучей...
Между нами радость притяженья,
Что от слов и взглядов – горячей.

Как весной разбуженная почка,
Сердце выпускает свой листок.
И судьбой поставленная точка
Прорастает смыслом между строк.

Мы ещё не знаем, что случится.
Мы ещё витаем в облаках...
Кажется, не люди и не птицы,
И ещё не ангелы пока.

Мы с любовью нашей не знакомы,
Живы только всполохами встреч,
Тишиною и весенним громом,
Нежностью, что хочется сберечь.

И прошедшие сквозь боль и беды
В ледяную пустоту потерь,
Одиночества сполна отдавав,
Мы друг к другу отворяем дверь.

Ты меня встречаешь громогласьем,
Я тебя волну тишиной...
Может, вот оно – земное счастье:
Добрый гром, разбуженный весной.

Снова землю оживляют грозы,
Плачет камень, твёрдым быть устав.
Плачет сердце, ускользают слёзы
В поцелуй солёный на устах.

ЖИЗНЬ НА ЛАДОШКЕ

Друг другу дарим мы стихи,
Они, как зеркала, правдивы.
Не верь ты линиям руки –
Мы и за краем будем живы.

Пересечение: я и ты –
Всего лишь жизни перекрёсток.
А дальше новые мосты
И ты – особенного роста!

Внизу мышинная возня,
И столько направлений разных,
И шумных будней болтовня,
И светофора окрик красный,

И чей-то страх, что бел, как мел...
А я среди облаков летящих!
В твоей ладошке буква «Л» –
Полёт желаний настоящих.

И как меня ты разглядел
В переплетеньях линий гибких,
Меж рельсов судьбоносных стрел,
В сетях моей ладони – зыбких?

Ступаю по твоим мостам,
Шагаю за звездой зелёной...
Не ведаю, что дальше там,
В дали, снегами убелённой.

А ты зришь с высоты.
С тобою мне совсем не просто.
Всё из сетей достанешь ты,
Ведь ты особенного роста!

Вчера ты гладил облака
моих волос, моих смятений
И строил замок из песка
И будущих стихотворений.

И мы, законам вопреки,
Гуляя по своим ладошкам,
Творили в линиях руки
Неведомые нам дорожки.

Жизнь безутешно коротка,
Но мы не думаем об этом,
Когда уносит нас река,
Когда встречаются поэты.



Поэзия

Владимир Шугля

Член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, Союза писателей Беларуси, Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Автор поэтических сборников на русском и белорусском языках. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Великорось», «Невский альманах» (Россия), «Нёман», «Белая Вежа» (Беларусь) и других изданиях. Лауреат республиканской премии «Лучшая книга года» (2013, Беларусь), ряда других литературных премий Российской Федерации. Почётный Генеральный консул Республики Беларусь в Тюмени. Награждён медалью и орденом Франциска Скорины, орденом Дружбы (Российская Федерация). Живёт в Тюмени и Минске.



ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

* * *

Полей заснеженная русскость,
Январский зимний окоём,
Тропинки заметённой узкость
Влекут в теплом манящий дом.

Душе дано от Бога зренье –
Скрещенье чувств, посыл небес, –
Что светом звёздных откровений
Готовит сердце для чудес.

Скорей забыть души скитанья,
Вернуть надежды светлых дней,
В снегов сверкающем дыханье
Зарю узреть по белой рани
В сиянье голубых очей...

Шестое чувство в этом взоре
Неотделимо от души:
Летит туда, где плещут зори,
Где свет сквозь темноту спешит.

Я просыпаюсь осторожно,
Чудесный сон в себе неся...
Порой в России – невозможно,
Но без Неё никак нельзя.

О, это неземное зренье!
Из серых буден суеты
Рождает новые свершенья,
Мечтаний новые холсты.

* * *

Давно я не был в Беларуси,
Во мне её родимый зов.
И снова думается с грустью:
Зачем её миную вновь?!

Сквозь тернии мостит дороги
За край непознанной межи,
За синие небес отроги...
...И чистит душу ото лжи.

* * *

Душою слышу шум Полесья
И вижу пахоты простор.
И в этом – где бы ни был – весь я...
О, как нелёгко с днями спор!

Нет солнца в полуденном небе,
Но муза в обнимку с душой!
И вот в поэтическом хлебе
Строфа вдруг летит за строфой...

И от забот не оторваться...
Но в небе памятью больной –
Незримо – мама надо мной,
И годы – тройкой – лихо мчатся...

Душа, как космический ветер,
Гуляет в далёких мирах,
Незримой звездой на свете –
Прозреньем – горит в небесах.

И с неба:
«Сын, пора домой!»

И пусть пролетают столетья –
Поэты бессмертны в стихах!
Стихи прорастают в поэте
Подснежником жёлтым в снегах.

* * *

Аэропорт... И рейса ожиданье,
И люди, словно стайки серых птиц.
Объятья, слёзы, встречи, расставанья,
Мельканье лиц...
Мельканье стольких лиц...

Застыло время, тянется как вечность,
Часы вершат,
вершат свои круги,
Забывших дум таинственная встречаемость
Опять влачит безвременья шаги...

* * *

Разносит ветер мусор старый –
В дожде зимы шуршат страницы,
И в жиже липкой тротуары
С утра проходим хмурят лица.

На небе мрачно. В тучах утро.
Мороза нет, но всё же, всё же
В прожилках сонных перламутра
День набежавший душу ёжит.

Суровость улиц в дня погоне
Промозглою погодой ранит.
И сердце, словно ветер, стонет
И рвёт собой земные грани...

И по инерции – за светом –
Стремится ввысь... Туда...

К зарницам.
А на земле небес крупницы –
Слезинки жизни первоцветом...

* * *

Шепни мне, сердце, что устало,
Что дальше жить со мной нельзя,
Что от вокзала до вокзала
Не жизнь... Что всё проходит зря.

Что жить, как все, я не умею,
Покой души не берегу,
Несусь потоком, ветром вею...
А надо бы – на берегу...

В ответ – стук сердца под рукою
И сбои ритма, как слова:
А по-другому разве стоит?
Жизнь, что разлив реки весною...
Нет стрелы – жизнь твоя мертва.

* * *

Проходим километры жизни,
Идём в страну грядущих лет,
Дни радости и счастья вызнав,
И стон души, и плач от бед.

Сквозь сердца раненого призму
Летим мечтой в заветный свет,
Из букв земного магнетизма
Строкою будущих побед.

Шагаем вместе с правдой жизни,
Ступая на отцовский след...
С удачей – девою капризной –
Спешим в непрожитый рассвет.



Берега Памяти

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. Родился в 1950 году на станции Пожитово Высоковского района Калининской области – ныне Торжокский район Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд», журнала «Сельская новь». Первую книгу прозы «Я здесь живу...» выпустил в 1982 году в издательстве «Московский рабочий». Стихи, рассказы, повести, очерки печатал в журналах: «Берега» (Калининград), «Воин России» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Аврора» (С-Петербург), «Москва» (Москва), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Российская Федерация» (Москва), «ЛАД вологодский» (Вологда), «Благовестник» (Вологда), «Домовой» (Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда), «Алтай» (Барнаул), «Врата Сибири» (Тюмень), «Журналист» (Москва) и других. Автор 30 книг поэзии, прозы, публицистики. Победитель ряда литературных конкурсов, в том числе – лауреат Всероссийской литературно-художественной премии «Золотой венец Победы» (Москва, 2011).



Яблоки небесные

Рассказ

I

Нежный аромат ржаного хлеба, вынутого бабушкой из русской печи, долетал из одного мира в другой.

Я ещё не родился, ещё пребывал в нечувственной тьме, а дух тёплого ржаного хлеба уже волновал, звал, манил...

Бабушка выложила каравай со сковороды на блюдо, поставила на стол, широким кухонным ножом отрезала ломоть. Подула на него, остужая.

– Пропёкся хорошо! – оценила она свою работу, протянула хлеб моей маме: – Подкрепись, смотрию, с лица спала...

– Спасибо, мамушка!

– То ж и ему пищу надо, – кивнула бабка на мамин живот, – а то заморишь. Ох, горюшко-горе ты моё... Сидела-лежала бы в тепле, а всё по холоду мыкаешь...

И тихо заплакала.

Свет от керосиновой лампы слабо отражал пожелтевшие щёки, стекавшие слезинки, скромную обстановку жилья, окно с рисунками из длинного инея. Мороз на улице лютовал – доходил ночью до минус сорока. Брёвна в углах, стропила под крышей постреливали, словно напоминали о страшной войне...

Чудилось: изрядный холод с низким мглистым туманом спешил довершить, доломать, известить то, что не успел враг-скотина. В тёмную пору на перегоне, километрах в трёх от станции, от мороза лопнул рельс на путях главного хода. Дежурный обходчик, слава богу, светом фонаря обнаружил осколок, отскочивший от стыка, поднял тревогу.

Мастер околотка побежал собирать людей, включая беременную мою маму. Бабка, знамо дело, заворчала, раз-другой ругнула мастера: мол, нашёл топор под лавкой...

Мама остановила её: «Что я отсиживаться буду, если беда?»

Быстро нырнула в ватные штаны, запустила руки в утеплённую фуфайку и вышла в морозную ночь.

В предрассветных сумерках собранная наскоро бригада топала пешком к пикету, где лопнул рельс.

Ждать подъёмный кран из города пришлось бы долго, и неисправность стали устранять вручную. Не впервой! На срубленные ольховые палки повесили путейские фонари, заправленные керосином. Мастер отдавал команды. Рельс с дефектом, под дружное «Раз-два-взяли!», заскользил по наклонённым шпалам к кювету и упал на бровку.

С другой стороны полотна заводили новый рельс на замену снятого. В леденящем воздухе гудел призыв мастера: «Заходи, раз-два, взяли!» Скрипел-повизгивал снег под валенками. Иногда кто-нибудь из путейцев говорил соседу: «Потри нос, а то отморозишь...»

Мать приносила костыли, молотки, относила накладки, сортировала шпон для заделки стыков.

Бригада спешила. Около семи утра по графику должен идти большой сборный состав, его нельзя задерживать, иначе не сносить головы мастеру околотка и начальнику станции.

Мужики, разгорячённые работой, уложили подставки из шпал, железными ломami подняли на них длинный рельс и стали разворачивать. В спешке, или мастер не доглядел, но на том конце не поставили страховщика. Рельс разворачивался, свободным концом стремительно надвигался на мать, она стояла посреди пути и, наклонясь, складывала шпон.

– Отойди! – истошно заорал кто-то. – Давай в сторону...

Но было поздно. Рельс ударил по бёдрам, она подкошенным снопом отлетела в кювет. И потеряла сознание.

Мастер выругался матом, подбежал к старшему рабочему: «Ты что, сдурел?» Тот ничего не ответил, снял рукавицу с ладони, вытер пот на виске. У кого-то оказался пузырёк нашатырного спирта, смочили ватку, поднесли к носу упавшей, которую уже подняли из кювета и положили на бровку. Резкий запах аммиака подействовал, она пришла в себя, ей помогли подняться.

– Это я от испуга упала, – сказала мастеру. – Пройдёт...

Ремонт закончили без двадцати минут семь. Сборный состав прошёл перегон строго по графику.

– Мамушка, не лей слёзы, – успокаивала она бабушку, – я ведь жива-здорова. Могло и хуже быть. Бывает, и насмерть забивают. Хлеб у тебя ноне особенно вкусный. Спасибо!

Бабка вытерла щёки.

– Господи, сохрани, – прошептала старуха. – И тебя сохрани, и его...

И бабушка опять кивнула на живот дочери.

II

Тревожно взглянула мать на тёмный китель с отличиями путейского служащего. Хозяин был далеко, за сотни вёрст, в больничной палате. Она взяла бригадный журнал, прочла писанное его рукой, как бы наяву услышала мужа и представила в воображении. Вдохнула, положила журнал на тумбочку, на толстую книгу под названием «Справочник партработника», подарок начальника дистанции. «Это тебе, – сказал он отцу, – на любой случай жизни...»

За серой обложкой на матовой бумаге во всю страницу красовался портрет довольного мужика с бородой в пол-лица, овальными еврейскими чертами. Это был «пророк коммунизма».

Я ещё не родился, только вызревал из невидимого мира, а он уже определил мою судьбу. Иудей из Германии, не знавший моей родной деревни и страны, заранее обозначил, как мне поступать, что думать и чувствовать, о чём говорить и писать...

Я ещё не пришёл в видимый мир, а «законы пророка» требовали отречься от Бога, от храма, от предков, создавших великую Русь; от деревенской речки, от лужка перед домом, от полей и лесов – и всего остального, что составляло суть русского бытия, отличало человека от зверя.

И до смертного дня предписывали «законы» уплясывать перед изображением иудея, вокруг каменного изваяния, как вращается Земля вокруг Солнца; возносить, подобно дикарю, фимиам «гениальному учёному»...

Я ещё не пришёл в мир, а кумир мне был уготован!

* * *

...Из окна больничной палаты, где стояла койка отца, старинный московский дворик напоминал лирический пейзаж русского художника Алексея Саврасова.

Отец любил этого живописца.

В раннем детстве кто-то подарил ему репродукцию саврасовской картины «Весенний день». Она стала такой родной и близкой, что отец с ней не расставался. Да, за окном не было весенней лужи и оттаявшей грязноватой сельской дороги, как изображено на полотне. Но так же беззаботно светило солнышко, чирикали воробьи и тенькали синицы, а с набухающих почек на ветвях берёз стекали, сверкая, капли.

Отец следил за полётом капель, забывался на миг от боли; возвращался мыслями в оставленный дом.

...Участь, уготованная «пророком» сёстрам, брату и мне, беспокоила отца. Время в больнице текло иначе, чем когда чувствовал себя здоровым; разворачивало сознание туда, куда оно не заглядывало, придавленное нуждой и суетой.

В тёплом свете предстала отчая деревня в болотистом андреапольском краю. Дом-пятистенник на берегу реки, большая работающая семья: плотники, печники, пахари, лесорубы. Не было в деревне дела, которое бы братья Савельевы не смогли изладить. Высокие, дородные, они, казалось, будут жить вечно, не истратив себя в косьбе, пахоте земли, заготовке дров, праздничных застольях...

Но загудела очередная война, зачала качать добротную Русь. И пошли всюду круги, вплоть до той деревеньки. Отца моего отца забрали по призыву, одели по правилам царской армии в новое солдатское: выдали сапоги, ремень, берет, где был значок двухглавого орла.

И встала Русь супротив Германии за былинное право жить на особинку.

Алёшке три года, он спросил маму Марию:

– Папка зачем ушёл на войну?

– Бога защищать, да всех нас от врагов. – Мария погладила его по головке. – Придёт скоро, придёт...

Прийти-то он не пришёл, погиб от немецкой пули в 1916 году. У Марии осталось на руках четверо детей.

«Бога защищать!» – звенело в голове отца.

«Как же свести концы с концами, – размышлял больной, вслушиваясь в постукивание капель о ледяную дорожку в саду, – если немца били в Первую империалистическую, а после на немца-иудея как на Бога молились? Как свести концы с концами, если в тридцатые годы гнали эшелонами зерно в Германию, а потом немец пошёл на нас с этими запасами продовольствия, началась Великая Отечественная...»

Концы с концами не связывались.

В палату вошёл хирург. Присел на табуретку.

– Как настроение, товарищ мастер?

– Держимся, немцы не одолели, а свои, уж думаю, не одолеют, – больной улыбнулся.

– Ваш оптимизм мне нравится, – сказал хирург. – Готовьтесь, завтра операция.

– Я хоть сейчас готов, – ответил он. – Селёдки хочется. Доктор, прикажите маленький кусочек, пососать...

– Селёдки? Ну что ж... Я распорядюсь, принесут.

Хирург ушёл.

* * *

Больной размышлял: «А если завтра я умру? Что будет с женой, детьми? Нет, прочь чёрные мысли. Надо выбираться отсюда. Жить, жить! Столько ещё предстоит сделать...»

Он вспомнил, как в войну отпросился на побывку из ада Ржевского фронта. Дома мастер увидел умирающих от голода маленьких дочерей, жену и тещу, еле переставляющих ноги. Если ещё пошлют его на долгий срок восстанавливать пути, они просто умрут.

И отец с утра до вечера расчищал лес рядом с домом, выкорчевал пни, остатки поджёг, чтобы земля прогрелась, посеял на делянке рожь.

К осени она дала отличный урожай, что и спасло семью от голода.

Отец забылся, в полудрёме почудилось, будто перед ним открыли чёрный занавес, и он увидел

широкую серебристую полосу: ей не было конца, а рядом светился кусочек другой тонкой полосы, и чей-то голос сказал: «Вот та – жизнь вечная, а эта – твоя земная, она миг по сравнению с той...»

Испарина выступила на лбу, он вздрогнул, проснулся. Минуту-другую не мог понять, где находится. Наконец вспомнил – в больнице.

«Чей это был голос? – думал он. – Что такое? Почему моя жизнь – миг?»

На следующее утро его вывезли из палаты на каталке. Последнее, что отец видел – потолок операционной, напряжённый взгляд хирурга.

– Потерпите, всё наладим, – успокоил он. – Потерпите...

И наступила темнота.

Операция шла к концу.

– Что случилось? – хирург обратился к помогавшему врачу.

– Остановилось сердце, больной умер.

III

Ещё уцелевшая от земства маленькая деревянная больница стояла в центре села, недалеко от полуразрушенной церкви. Здесь лечили всякие болезни, даже принимали роды.

Теперь я родился, но не был живым. Видимо, так повлиял на маму удар рельсом в ту зимнюю стужу...

Акушерка, бывшая фронтовая медсестра, не впала в панику. На фронте она видала и не такое.

– Ну-ка, дайте его сюда, – сказала. – Приведу, с Божьей помощью, в чувство...

И взяла бездыханное тельце. И удобно положив, стала хлестать ладонью, приговаривая какую-то присказку. Иногда всхлипывала и глотала слёзы. И хлестала опять. И я наконец подал голос, закричал...

– То-то же! – засмеялась фронтовичка. – Во как залился! Настоящий – живой! А говорили мёртвый...

Теперь я пришёл в этот мир.

Пока с мамой лежали в больнице, зима перешла в лето. Сюда роженицу привезли в санях по заснеженному просёлку, а когда выписали, солнце палило, снег быстро таял, птицы славили благодать Божью – пришлось ехать назад на телеге.

В жилище ждал меня домик, переданный по наследству от сестёр, – берестяная люлька, куда по приезде и положили; она была подвешена на крюк в потолке. И потекла моя жизнь, полная чудес и таинств.

Я не знал, что вслед за отцом ушла в мир иной бабушка, она так заботливо беспокоилась обо мне, когда я ещё сюда не пришёл. У матери их уход отложился ярко – белыми прядями в копне чёрных смоляных волос. Ей было 33 года, возраст Христа. Может, на Него и уповала, оставшись с пятью детьми, без двух опор – без мужа и без матери?

Не представляю ныне, как можно было выстоять!

Иногда наезжала вторая бабушка, сокрушённо качала головой при виде полуголодных ребятишек, вздыхала, плакала, одаривала скромными гостинцами. Как-то не сдержалась:

– Лучше уж помер бы, – кивнула на люльку, – всё бы легче было...

Мать ей ничего не ответила.

Будто почувствовав невидимую угрозу, я заплакал. Мама, припевая, стала качать люльку. Но я не унимался. Она опять качала и опять напевала; оставив люльку, ушла на кухню...

Когда вернулась, в комнате было тихо. Она удивилась, подошла к люльке. Я сидел, а у моих ног лежали два больших золотых яблока. От них исходил слабый свет, но он не резал глаза. Я перекатывал яблоки с места на место, улыбался, снова перекатывал...

– Господи, какое чудо! – прошептала она.

И хотела позвать свекровь, обрадовать. Но решила удостовериться, не показалось ли?

Опять подошла к люльке. Я крепко спал, на груди лежали два зелёных яблочка с розовыми боками, яблоки источали тонкий аромат...

Берега Памяти

Елена Бойченко

Елена Ивановна Бойченко – педагог, музыкальный работник, хормейстер, Ветеран труда. Пишет стихи, прозу, мини-рассказы в стихотворной форме и музыку к песням на свои стихи. Исполнитель собственных песен. Дипломант регионального фестиваля «Романс у моря» (2015). Автор сборника стихов и рассказов «Мечты мои всегда в полёте».



Мои воспоминания о войне

До войны мы жили в Прохоровке Курской области. Когда началась война, мне было четыре года. Все думали, что война быстро закончится и мы победим. Но скоро нам сообщили, что нужно готовиться к эвакуации. Но я заболела двусторонним крупозным воспалением лёгких. Врач сказала, что, если мы тронемся в путь, девочка дороги не выдержит. У отца была бронь до января 1942 года. Как секретарь Прохоровского райисполкома, он занимался эвакуацией исполкомовских документов, подготовкой подпольщиков, партизанских отрядов и другими важными делами. И они с мамой решили ждать, пока я поправлюсь.

В эвакуацию мы отправились, когда миновала опасность в моей болезни, но не на машинах, как первые жители, а на подводах с лошадьми. Нас было четырнадцать семей, задержавшихся, как и мы, по разным причинам. С нами была коза, которую нам оставили ранее уехавшие соседи. Она хорошо знала нас, так как мы, дети, с ней всегда играли. Коза была очень умная и добрая. Соседи оставили её нам, зная, что она спокойно пойдёт за подводой, а на машину её не посадишь. Было сказано, что коза нам очень пригодится, так как у нас трое детей, и к тому же мама была в положении. И коза действительно очень выручала нас своим молоком долгое время.

Дорогой нас часто и нещадно бомбили немецкие самолёты. Мы бросались в любые ямы, кусты, мама укрывала всех нас каким-то зелёным покрывалом под цвет травы, прижимала нас всех к себе, как наседка цыплят, и постоянно шептала: «Господи, сохрани нас и помилуй!» Очень интересно, что коза тоже бежала и ложилась вместе с нами на землю, причём лезла под покрывало. И коза, и я тряслись от страха мелкой противной дрожью, я укрывала её покрывалом, обнимала руками за шею и приговаривала: «Не бойся, козочка, немцы сейчас улетят». И... странно, но мы действительно успокаивались и переставали трястись. Немецкие лётчики вели себя нагло и, хотя понимали, что мы мирные люди, никого не щадили. Однажды один из небольших самолётов опустился так низко, что мы видели лётчика, который злорадно улыбался, сбрасывая на нас бомбы.

После бомбёжки картина была жуткой: мы видели оторванные руки и ноги в лужах крови и бьющихся в агонии умирающих людей и лошадей. Мама не разрешала нам смотреть на это, но мы невольно видели всё. Зрелище было незабываемо жутким, мы потом даже ночью, во сне, кричали, схватывались и пытались куда-то бежать. Но самое потрясающее, что нас никого не только не убило, а даже не ранило. Только маму слегка задело осколком и содрало кожу на левой руке возле локтя.

Так мы добрались до маленького села Радьковка в тридцать – тридцать пять дворов, и здесь мама родила братика. Все эвакуирующиеся тоже остановились, чтобы полечить раненых и отдохнуть от езды, в ожидании, пока мама поправится. Всем вместе держаться было легче. После бомбёжек вместо четырнадцати подвод осталось только восемь. Дней через десять мы снова тронулись в путь. Ехали мы в большое село Волоконовку к родственникам отца.

Однажды, проезжая мимо какого-то очередного села, мама решила пройтись, так как у неё затекли ноги от сидения в повозке. Дорога была метров на триста пятьдесят – четыреста в стороне от села и шла под откос. Лошадь резво побежала вниз, а мама спокойно шла с грудным братиком на руках. Я села в повозке, как кот у Чуковского, «задом наперед», чтобы всё время видеть маму. Мы были в самом низу дороги, а мама наверху. Уже заканчивались дома деревни, и вдруг я увидела, как

из конца села выскочила со двора корова и побежала к дороге, где была мама. Я закричала и что-то показывала маме руками. Мама оглянулась, увидела эту корову, которая была пока далеко, но постепенно приближалась, и мама побежала, но, споткнувшись, упала, братик выпал из её рук и покатился под уклон по дороге. Мы уже кричали и плакали втроём – я и две мои сестры. И вдруг откуда-то появился мужчина с верёвкой в руках, который побежал наперерез корове. Он ловко набросил на её рога верёвку, как лассо, и остановил корову. Когда животным туго стягивают рога, им становится очень больно, и они смиряются. Потом мы узнали, что это был бык, причём племенной, ценной породы, но слишком свободолюбивый, и временами он срывался из своего стойла. Тут выскочили из домов подростки и женщины с вилами, лопатами, топорами в руках и зануздали его. А мужчина сказал маме: «Повезло вам, вы, наверное, родились в рубашке. Я здесь по важным делам всего первый день, и, если бы не я, бык мог бы вас убить. Говорят, что он несколько дней назад покалечил женщину». Все подводы остановились внизу. Мама подобрала братика, который, зацепившись за кочку, остановился в своем движении. Самое интересное, что он не только не распеленался, но даже не проснулся. Мама низко поклонилась мужчине, спасшему её, поблагодарила его и сказала: «Храни вас Бог! Вы спасли мать четверых детей».

Ехали мы ещё трое суток. Потом остановились передохнуть в очень маленьком селении. Утром хотели продолжить путь, но нам сказали, что ехать дальше некуда, так как мы окружены. И в это же утро немцы вошли в село. Сначала въехал на мотоциклах передовой отряд, а чуть позже село занял большой отряд немцев на танках, на машинах с различными орудиями и пушками. Было жутко и страшно, все жители попрятались, чтобы не попадаться немцам на глаза.

Когда мы приехали сюда, нас поселили в самом большом доме – в здании бывшего сельсовета. Поэтому в этом доме поселился и самый высокий по званию немецкий офицер с денщиком. Они заняли две комнаты, а нас выселили в маленькую каморку, в которой не было даже печки. Зимой мы сильно замерзали, в углах была изморозь, но спасибо людям этого села: они принесли нам старые ватные матрасы и одеяла, которые остались от пионерского лагеря и медпункта, и это нас спасало от дикого холода.

Денщик немецкого офицера часто жарил ему оладьи в кипящем масле, а мы давились слюной, которая выделялась у нас от потрясающе вкусного запаха. Ещё этот офицер любил творог, и его денщик собирал у жителей села молоко и сам готовил ему творог, а чтобы сыворотка стекала с творога, он вешал марлевый узелок на крючок у крыльца. Однажды наша коза, это любопытное животное, своими рожками сбросила этот узелок с крючка на землю. Что тут было!!! Немецкий офицер, схватив этот узелок, ворвался в нашу комнату и пистолетом стал грозить нам прямо в лица. Мои сестры прижались к маме с двух сторон, я уткнулась ей лицом в колени, а маленький братик был у мамы на руках. Мама пыталась объяснить немцу, что виноваты не дети, а коза (мама немного знала немецкий, так как окончила рабфак пединститута). Выскочив во двор, немец хотел застрелить козу, но она юркнула за сарай, а мама стала перед немцем и объясняла, как могла, что дети умрут без молока с голоду, особенно маленький, так как грудного молока нет. Было очень и очень страшно!

С пеной у рта немец орал что-то непонятное для нас, но в это время вышел денщик, что-то сказал ему, и фашист сразу остыл, спрятал пистолет и вернулся в дом. Он прополоскал свой творог в четырёх ведрах воды, которые мама за два раза принесла из криницы, находившейся почти в трёх километрах от села (у неё даже руки тряслись от тяжести), и фашист повесил узелок с творогом в кухне. Вдруг немец вытащил из кармана фотокарточку и показал свою семью, где были он, его фрау und vier kinder (и четверо детей). Почему он после слов денщика так подобрел, нам стало понятно потом. Хорошо, что мы оказались в очень маленьком селе, где нас никто не знал, иначе нас сразу бы расстреляли, как семью номенклатурного работника и коммуниста.

Однажды мама шла по селу, и её захватил немецкий патруль, который ходил по домам и забирал молодых женщин, девушек и подростков для угона на работы в Германию. Их отправляли сначала в загон за колючую проволоку, а на днях должны были увезти на машинах в район, откуда по железной дороге отправили бы в Германию. Мама обратилась к русскому полицейскому этого загона и, как выяснилось позже, – это был наш связной из партизанского отряда. У мамы от постоянных переживаний и недосыпания были желтоватыми белки глаз и кожа. Полицай, видимо, сказал немцам, что она может быть больна желтухой, и её вытолкали в шею за ограду. Странно, что её не расстреляли. Но дело в том, что основные силы немцев ушли из села вперёд, nach Moskau, а в селе осталось

совсем мало немцев. Рядом был огромный лес, в котором активно действовал партизанский отряд, и немцы, оставшиеся здесь, очень боялись возмездия, а потому стали вести себя более сносно. Ночью партизаны ворвались в село, разрезали колючую проволоку, и заключённые разбежались кто куда. Два-три раза в неделю партизаны обязательно наносили немцам тяжкий урон: то подорвутся на mine мотоциклисты, то взорвётся машина с немецкими солдатами, то полетит под откос поезд с оружием и техникой, то полыхает какой-нибудь склад с продовольствием.

После случая, когда маму забрали в загон, она стала одеваться в старую одежду, надевала низко на лоб платок, чтобы не отличаться от сельских женщин. Мама была очень красивой и интеллигентной, воспитана в высоком православном духе, всё время поддерживала нас морально и повторяла: «Деточки, никогда не падайте духом, всё обязательно будет хорошо». Вот потому в диких ужасных условиях войны и оккупации нас всё время хранили Бог и наши Ангелы-хранители.

Во время войны зверствам немцев не было предела. Мы знаем про Хатынь, про Бабий Яр, про блокаду Ленинграда и многое-многое другое... Моя хорошая знакомая Надежда Боровикова, живущая в Балтийске, семья которой тоже была в оккупации, рассказала мне несколько случаев. Это было в Белоруссии, в Гомельской области. В их семье было восемь детей, Надежда была самой младшей. Ей было всего пять месяцев, когда немцы заняли деревню. Немцы спали во всех хатах, в том числе и в их тоже. Однажды, когда её мать хлопотала у печки, Надежда очень плакала. Мать взяла её на руки, чтобы успокоить, но она не успокаивалась. В это время подскочил разозлившийся немец, так как плачущий ребёнок не давал ему спать, выхватил девочку из рук матери и, схватив её за руки и ноги, хотел швырнуть в печь, но подбежавший второй немец, видимо, старший по званию, отнял девочку у злющего немца, вручил её матери и сказал: «Matka, schnell geh weg!» (Мать, быстро уходи!)

Отец и старший семнадцатилетний сын в этой семье были в партизанском отряде, а семеро детей остались с матерью. Во время артобстрелов все жители уходили в бункер. И вот однажды, впопыхах, спящую пятимесячную Надю забыли дома в люльке, подвешенной к потолку. Когда мать устроила в бункере шестерых детей, она вдруг поняла, что нет Нади. Женщина бросилась к двери и хотела бежать за ребёнком, но односельчане её не пустили: «Подумай об этих шестерых детях. Если тебя убьют, с кем останутся они?» Мать плакала навзрыд, но поняла, что люди правы. Когда закончился артобстрел, все побежали к дому и увидели, что там выбиты все окна и двери, в потолке зияла огромная дыра, а девочка лежала в люльке совсем раскрытая, густо усыпанная осколками стёкол, но не было на ней ни единого пореза, ни царапинки и нигде ни кровиночки. Все долго и радостно ахали по этому поводу.

Предатель-полицейский из жителей села доложил немцам, что в семье Боровиковых отец и сын – партизаны. Фашисты стали требовать от матери указать им место их нахождения, но она этого не знала. Тогда допрашивающий фашист прямо при детях стал стегать её плёткой. По плечам матери текла кровь, а дети застыли в диком ужасе. Даже полицай-предатель не выдержал и «сжалился», сказав, что она, со своим выводком детей, действительно, наверное, ничего не знает.

Опять хочется сделать вывод, что нас берегли Бог, Ангелы-хранители и крепкая вера в нашу Победу.

Моя лепта в Победу

Мама моя говорила, что и я свою лепту в Победу вносила.

После Сталинградской битвы на Волге и на Курской дуге под знаменитой Прохоровкой, где мы жили до войны и где родилась я, наши войска начали наступление по всем фронтам. После оккупации мы возвратились в Прохоровку, но на месте нашего дома зияла огромная воронка...

Жить нам было негде, и мы уехали к маминым сёстрам в Кантемировку Воронежской области. Это большая железнодорожная станция, через которую на фронт шли эшелоны с военной техникой и частями Красной армии. У нас на квартире жил офицер, который руководил встречей и отправкой этих эшелонов.

Однажды, а мне тогда было лет шесть, я сидела дома и пела под балалаечку частушки о войне. Моя мама научила меня, когда мне не было ещё и пяти лет, играть на балалайке три основных, очень простых, частушечных аккорда, и я с удовольствием часто играла и пела сначала детские смешные частушки, а потом про войну.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошёл наш офицер. Увидев, что в комнате кроме маленькой девочки никого нет, он спросил: «И кто это здесь так хорошо, весело и задорно пел?» – «Я», – был мой ответ. Офицер удивлённо улыбнулся и снова повторил свой вопрос. Я тоже улыбнулась, тут же пропела ему одну частушку, доказывая, что пела я.

– А как тебя зовут?

– Леночка.

– А сколько тебе лет?

– Шесть.

– И ты уже играешь на балалайке?

– Да, немного. И ещё на гитаре. Меня мама научила. У нас есть маленькая гитара, и я с ней пою песни о войне и даже некоторые романсы.

– И много ты знаешь частушек? – спросил он.

– Много, – уверенно ответила я. – Их мама с моими сёстрами сочиняют, а я заучиваю их и пою.

Он попросил меня спеть все частушки о войне, какие я знала, и военные песни под гитару, что я и сделала с большим удовольствием. Он слушал с огромным вниманием, удивлением и восхищением. И у него тут же возникла идея: он решил договориться с мамой, чтобы она разрешила взять меня петь эти частушки и песни солдатам. Мама была удивлена, заволновалась и, конечно, отказывалась. Но он сумел уговорить её, объяснив, что это очень поднимет настроение и моральный дух солдатам, уходящим на фронт, а очень скоро – и в бой.

Ящики из-под снарядов, накрытые брезентом, служили сценой. Офицер стоял рядом со мной, так как обещал маме ни на минуту меня не оставлять. Помню мои впечатления от первого концерта. После каждой частушки солдаты оглушительно хохотали, кричали «Ура!», «Браво!», «Бис!» и аплодировали так, что я сначала даже испугалась. Но офицер сказал мне: «Не пугайся, Леночка, солдатам очень нравится, как ты поёшь, поэтому они так бурно выражают свой восторг. Ты после каждой частушки чуть-чуть подожди, пока они успокоятся, и пой дальше». Около трёх недель пела я солдатам, уходящим на фронт. Мне это доставляло необъяснимое удовольствие. Всех частушек я уже не помню, но какие-то до сих пор остались в моей памяти.

Вот некоторые и из них:

Гитлер хвастал, как Европу, завоеует он Москву,
Но панфиловцы-герои прищемили хвост ему.

Оттого, что у фашистов провалился план «Блицкриг»,
Гитлер так остервенился – рвал погоны со своих.

Гитлер Геббельса спросил: «Что ты рот перекошил?»
У мартышки слёзы градом – подавился Сталинградом.

Тот котёл под Сталинградом переломным актом стал,
С двухсоттысячной громадой в плен сам Паулюс попал.

А под Прохоровкой крепко зубы обломал Манштейн,
Как же это всё случилось – До сих пор он «нихт ферштэйн».

После частушек я под аккомпанемент гитары пела военные песни. В одной из песен после слов «Когда мы покидали наш любимый край и молча уходили на восток...» солдаты плакали. Мне было это странно, непонятно, и я спросила у офицера: «Почему взрослые дяди плачут?» Он мне потом всё объяснил, как мог.

Никогда не забуду, как бойцы одаривали меня хлебом, сухарями, шоколадом, баночками консервов и сгущённого молока... Это было огромное счастье – ведь мы жутко тогда голодали! А тут вдруг такое лакомство! Кроме того, маме, сестрёнкам и братику носили обеды, по целому котелку. Какая это была для нас неоценимая поддержка!

Ещё в моей памяти навсегда сохранилось то, как ко мне подошёл пожилой солдат. Вся грудь его была в орденах и медалях. Он погладил меня по голове, поцеловал, взял на руки и сказал: «Сколько мы прошли городов, сёл, а такого чуда не видели! Да за таких наших детей мы голыми руками будем рвать глотки фашистам и обязательно победим!»

А вечером я, уже засыпая, слышала, как офицер говорил маме и сёстрам: «Вы даже не представляете, как ваша девочка своим пением поднимает боевой дух нашим солдатам! Они теперь неуязвимо будут рваться в бой».

Около трёх недель пела я солдатам, уходящим на фронт. Мне это доставляло огромное удовольствие. И я до сих пор вспоминаю об этом факте в моей биографии с огромным чувством гордости, что и я, шестилетняя девочка, вносила свою скромную лепту в нашу Победу.

Очень сожалею, что я не написала этот рассказ лет тридцать назад и не отправила его к вам. Уверена, что отозвался бы кто-нибудь из тех, кто был свидетелем-слушателем моих выступлений в 1943 году. А сейчас вряд ли кто-либо из них жив, если даже я уже в очень почтенном возрасте (мне почти 83 года). А причина, что я не писала об этом, банальна: как-то я рассказала о моих выступлениях подруге, с которой мы дружим более сорока лет, но она, не поверив мне, заявила: «Не верю...»

Я сама преподаватель музыки и спрашивала у мамы: «Как она смогла научить меня играть на балалайке и гитаре такую маленькую?» На что она ответила мне просто: «Я, как учитель, была терпеливая, а ты – очень музыкальная, способная и воспринимала всё легко и быстро».

Сейчас, когда появилась передача «Синяя птица» о талантливых детях, где пятилетний мальчик играл на балалайке, как мастер-виртуоз, я решила, что не стоит думать о том – поверят мне или нет, и написала об этом истинном, уникальном факте в моей биографии, которым я очень горжусь. Может быть, всё-таки остались в живых один или два ветерана-долгожителя, которые слышали мои выступления в шестилетнем возрасте. Я была бы очень рада получить от них весточку.



Берега Памяти

Олег Лузанов

Олег Николаевич Лузанов родился в 1964 году. Автор трёх сборников поэзии и двух сборников прозы. Публиковался в газете «Городские известия», альманахах «Курские перекрёстки», «Любимый город в сердце моём», «Современная поэзия и проза Соловьёвского края», журнале Seagull magazine («Чайка», Балтимор, США).

Лауреат нескольких литературных конкурсов, в том числе Всероссийского конкурса МВД «Доброе слово» в 2018 году. Живёт в Курске..



Занка

Рассказ

Помнится, давно это было, наша семья жила в небольшом двухэтажном доме в самом центре Курска. Городок провинциальный и до недавнего времени скорее напоминал большую деревню, чем областной центр. Однако из-за географического расположения, по всей видимости, ни одно из значительных событий истории страны не прошло мимо Курска: ни Гражданская война, ни Великая Отечественная. И на пути древних кочевников город стоял неоднократно, хоть с Востока, а хоть и с Юга. Даже против литовцев и то... Не голословно утверждаю – артефактов и исторических подтверждений сколько угодно.

Начиная со «Слова о полку Игореве», где так написано, что уж точнее и не скажешь. А затем – то одно, то другое. Некоторые местные краеведы даже вычислили, что дуб, на котором Соловей-разбойник сидел, и тот на Курской земле рос; только спорят в каком районе – кто-то на север области указывает, а другие, напротив, – на юг. Мне лично годятся обе версии; вполне мог Илья Муромец через наши земли проезжать по пути в Киев и вполне мог кому-то из местных приложить побогатырски, так, что потом ему не очень-то свистелось. Тем более что на счёт разбойников... Ну, это уже другая история.

Или вот возьмём, например, чтобы очень далеко не ходить, Гражданскую. Войну, конечно. Где создали Первую Конную? Я о коннице легендарного Будённого. Наши курские земли, аккурат восточная зона по направлению на Воронеж. А Махно где закончил свои рейды? Под слободой Белая. Угадаете, какой губернии? Верно, здесь, с сотню километров южнее Курска будет. Думаете, всё? Деникин со своей ударной армией и психическими атаками... Догадались? Точно. Только за городок Дмитриев прошёл, как и упёрся в непонимание от Красной армии, при поддержке «красных» бронепоездов. А ведь как лихо на Москву шёл. Пришлось ему умерить амбиции и на Крым поворачивать.

Курск регулярно поставлял в столицу правителей, особенно в последние сто лет. Не знаю, стоит ли этим особо гордиться, но факт остаётся фактом. Брежнев Леонид Ильич в двадцатые начинал на курских улицах в молодёжных организациях, когда громил нэпманов, выполняя указания партии. Про Никиту Сергеевича Хрущёва, думаю, каждый знает. Тоже наш, из села Калиновка, западнее Курска. И ещё...

Хотя, что это я в историю углубился? Хотел же совсем про другое.

Про дом свой хотел рассказать и про людей, которые после войны в доме проживали. Место примечательное – рядом кинотеатр «Комсомолец» находился, считай, в пяти метрах. Дом вообще-то не очень большой был, и в нём до восемнадцатого года только Эмдины жили, одна семья. Но после прихода к власти большевиков, когда «богачей» уплотняли и репрессировали, как-то так получилось, что Эмдиных не сильно затронули (врачами они работали, кажется), но потеснили, оставив им пару больших комнат в левой части дома, на втором этаже. А на остальной площади заселили семьи представителей рабочего класса и служащих различных советских организаций: семей шесть или семь. Система – коридорная и два входа отдельно: на первый этаж с центральной улицы и со двора по лестнице на второй этаж.

Нашей семье тоже достались две небольшие комнаты в пятнадцать метров общей площадью (окна во двор), в которых, за неимением другой возможности, до самого расселения размещались каким-то образом шесть взрослых и двое детей. Удобства во дворе, кладовка и погреб там же, вода в колонке на углу квартала, ванны нет, но до бани километра два под горку. Не хуже, чем у других.

Социалистический реализм во всей красе, но никто не жаловался. Опять же, не нужно забывать, что центр города, по тем временам – большой плюс. Магазины, школа, кинотеатр – всё рядом. Рынок недалеко.

Однажды, от делать нечего, стал я бабушку расспрашивать про соседей: кто, откуда, почему, и вот что она мне рассказала. Я уж сейчас своими словами...

Так получилось, что фронтовиков-мужчин в нашем доме всего два человека проживало: дядя Вова и дед Коля; старого Эмдина в армию не призывали, а другие с фронта не вернулись. По возрасту Владимир с Николаем не сказать, что сильно отличались, наверное, были практически ровесниками – обоим между сорока и пятьюдесятью. Но одного вся детвора называла дядя, а другого – дед. Вероятно, их характер сказывался.

Дядя Вова: высокий, крепкий, причёска с высоким вьющимся чубом; почти всю войну прошёл разведчиком, уже под самый конец на мину наступил – ходил всегда с палочкой, нога раненая болела. У него в сарае всегда наливка созревала, а он каждый день что-то у верстака мастерил и, естественно, из банки постоянно пробовал. Выпьет и дальше за молоток или рубанок, а потом снова выпьет. Но зато всегда весёлым был, нас, мелкоту, никогда не гонял, а иногда даже угощал вкусеньким.

А дед Коля: среднего роста, сутулился, волосы чёрные, но редкие; в самом начале войны в плен попал, в лагере долго сидел, то ли в Литве, то ли в Белоруссии, и был расстрелян фашистами, когда советские войска уже подавливать начали. И просто чудо какое-то, видимо, хранил его ангел, ночью немецкий фельдшер (австрияк) мимо проходил и услышал стоны из-под земли. Не погнушался и вытащил Николая. И более того, своим не выдал, спрятал, да ещё и вылечил. После войны дед Коля в ресторанах играл на баяне. И на скрипке мог. А на трубе у него не получалось, простреленные лёгкие силы не имели. Он во дворе вот так запросто почти не сидел, всегда дело себе на стороне находил, подрабатывал.

Или вот женщины... Под лестницей жила толстая тётка, бабушка её Кутепихой называла. Я ещё от кого-то слышал другое её прозвище – Трындычиха. Всегда на лавке сидела, обмотанная шерстяным платком вокруг пояса, ноги короткие, кривые, и костыль рядом – ходила плохо. Она постоянно на всех ругалась, никогда я её, чтобы без криков, не видел. То на соседей ругалась, то на детвору, и, наверное, если бы не было никого рядом, могла и на голубей или кошек. Не любили её.

Марья Дмитриевна была – красивая женщина, статная, яркая, до войны в НКВД работала. Соседи про это, может, и не узнали бы, но во время оккупации в дом приходил офицер-гестаповец, старался узнать, куда она подевалась и где можно её найти. Наверное, на какой-то важной должности служила, раз так её разыскивали, знала много секретов. А вот после войны в НКВД она больше не работала; что-то там произошло во время эвакуации, то ли она документы потеряла, то ли её потеряли и долго найти не могли, вот и уволили из органов. И хорошо, что не посадили – сначала на завод помогли устроиться, тележку возить с деталями, а потом в кафе, поближе к дому – всё полегче.

Тётя Валя жила в соседней квартире, так у неё тоже судьба интересная. Она с немцами всю войну сотрудничала. Ну как сотрудничала – секретаршей работала в штабе, печатала документы на машинке. Штаб какой-то германской части во время оккупации располагался недалеко от нашего дома, на другой стороне улицы. И ведь, что примечательно, после освобождения города в сорок третьем никто её в застенках НКВД не пытал, пригласили на беседу, выяснили, что нужно, и всё. А может быть, я чего-то не знаю, точных сведений об этом не имею, взрослые о том факте не особо распространялись. Не исключаю, что и с советской разведкой Валентина сотрудничала. Потому всё и обошлось беседой. Всяко могло быть. И ещё она, кажется, туберкулёзом болела. Худая ходила, бледная, щёки впалые.

Разные семьи, разные люди, разные судьбы...

Отдельно хочу выделить историю про Нину. Фамилию как-то не запомнил.

Жила в доме ещё одна семья: бабка Фаина Кузьминична и её дочь Нина – незамужняя женщина лет тридцати на тот момент. Высокого роста, не толстая, но крупная, с тёмными, почти чёрными волосами. Нина почти всегда молчала, тихая была.

Раньше их семья жила в другом доме, на другой улице. Фаина то ли бухгалтером работала, то ли в магазине. С моей бабушкой познакомилась, ещё когда они обе девчонками были, в парке на танцах. До войны в центре города практически все друг друга тогда знали, я же говорю – как большая деревня.

Когда война началась, мужчин очень многих призвали в армию, а женщин с оставшимися мужиками начали «гонять» на земляные работы – линию обороны строить. В основном копали противотанковые рвы и окопы на тех направлениях, откуда теоретически ожидался противник. А оно как, если кто-то отказывался, считалось, что это саботаж, и по закону военного времени... Но про такие факты бабушка ничего не говорила.

Так вот. Наличие маленьких детей не освобождало от работ. Женщины выкручивались как могли. Кто-то детей по дедушкам-бабушкам, которые не рабочие уже, пристраивал на день, кто-то со знакомыми договаривался, у которых возможность была, чтобы присматривали, а кто-то (у кого никого не было) оставляли одних дома. Запирали в комнатах, даже верёвками привязывали, чтобы не уползли куда-нибудь. Речь идёт, как вы понимаете, о маленьких, которые ещё не очень соображали. Тех, кто постарше, оставляли со строгим наказом ожидать и не бояться.

В тот раз Нину оставили в запертой комнате, ей уж года четыре было, то есть достаточно самостоятельная считалась. На столе немного еды, из развлечений кровать, подушка и кукла. Фаину увезли на северную окраину города, и она вместе с другими целый день ворочала глину и углубляла рвы. В середине дня немецкой авиацией на город был совершён налёт. У нас ведь достаточно крупный железнодорожный узел – бомбили станцию. Взрывы никто не слышал (далеко), только видели самолёты в небе. Сначала летели на город, затем – обратно. Но Фаина была спокойна, их дом располагался далеко от вокзала и для бомбардировщиков интереса не представлял. Ну, пролетели... А те, у кого дома возле станции, аж подвывали, озирались тревожно, но работать не прекращали. Куда тут уже деваться? Всё равно помочь своим не могли. Плохо, конечно, но в войну многим плохо.

Вечером, когда Фаина добралась до дома, она издали сразу заметила, что в крыше большая дыра. Дверь открыла... На кровати сидела Нина, а рядом с ней неразорвавшаяся бомба. Как она здесь оказалась, оставалось только догадываться, ведь никак не по пути бомбардировщиков дом стоял. Девочка полдня просидела, боясь пошевелиться. Понимала, что помочь некому, и поэтому замерла на день. Сидела и смотрела на железяку рядом с собой, которая была почти с неё размером. Даже когда мать её на руки подхватила и из дома выбежала, ни звука не издала и не плакала. Долго молчала.

После этого рассказа я стал присматриваться к Нине. И точно: она молчала, потому что не могла начать говорить без невероятного напряжения мышц лица и шеи. Её всю трясло, лицо кривилось; она некоторое время издавала звуки на выдохе, вроде как подвывала, и только потом выдавала короткую фразу, сильно заикаясь и теряя часть слов. Перед началом следующей, судороги повторялись. Так-то женщина была физически здоровая, но дефект речи очень сильный. Замуж, естественно, не вышла. Работала ли где, не знаю. А деньги... Наверное, государство пособие какое-никакое давало. Хотя не уверен, что большое. Так и жила.

Сейчас, когда я уже взрослый, начинаю представлять себя на месте Нины... Не дай бог. Секунда, случайность – и инвалид. Внешних повреждений нет, а калека, вся жизнь насмарку. Кажется, заика, что тут такого? Не скажите. Всё очень непросто, если начать разбираться.

Сейчас на месте нашего старого дома построена огромная многоподъездная высотка, прежние жильцы поразъехались кто куда, потерялись, но я часто мимо прохожу и каждый раз вспоминаю двор, комнаты-клетушки и соседей: дядю Вову, деда Колю, Нину и других. Натерпелись, не приведи Господи.



Берега юбилеев

Ювеналий Калантаров



Ювеналий Александрович Калантаров – заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Ставил спектакли в Москве (МХАТ им. Чехова, Театр Сатиры, Театр им. Пушкина, Камерный театр) и в провинции (Таганрог, Пенза, Вильнюс, Калининград, Кострома, Орёл, Владивосток, Тула, Липецк). На заре перестройки открыл в Доме Актёра (на Тверской) интеллектуальный клуб «Что есть театр?», в работу которого были вовлечены как режиссёры, актёры и критики, так и виднейшие философы, социологи, филологи и психологи Москвы. Был одним из режиссёров Международного фестиваля молодёжи (1985), Пушкинского праздника в Манеже (1987), первого празднования «Дня Москвы» и последнего праздника «Дружбы народов СССР» (1987). Много работал в качестве приглашённого режиссёра в Москонцерте. Принимал участие в организации и проведении Международных фестивалей «Золотые ворота» (Владимир, 1991) и «Вехи» (Кострома, 1993). Учредил и успешно провёл в 1992 году в Москве Фестиваль российских театров «Играем Чехова», в котором участвовали 16 театров из многих регионов России. Публиковался в журналах «Современная драматургия» (1990) и «Театральная жизнь» (1990, 1995, 2012), в академическом альманахе «Чеховиана» (1996). Был художественным директором Международного театрального форума «Золотой витязь» (Москва, 2003 и 2004).

Чехов и мы, прости Господи!

Отрывок из книги

Никто меня не поздравил с Днём рождения Чехова! А ведь это – мой второй день рождения, вернее, первый – поскольку он родился раньше (и, слава богу, что не наоборот)... Так что поздравляйте меня, поздравляйте!..

Чехов предлагает нам не сюжет, а мудрость.

Что же может стать и должно быть критерием и гарантом существования подлинного искусства? Золотым сечением его качества? Ангелом-хранителем, витающим над его земной жизнью? Как уберечь его живую подлинность от опасностей вырождения и бесплодия?

Наиболее чистый и исчерпывающий ответ на эти вопросы даёт своим творчеством и своей требовательной мечтой о подлинном театре Антон Павлович Чехов... Философской мыслью и высокой духовностью, без преувеличения, пропитаны диалоги всех его пьес. И все его прославленные драматические сюжеты, и образы – это не только художественные творения высочайшей пробы, предмет постоянного вожделения людей театра и театральной публики, но и напряжённейшие духовные поиски самого Чехова, различные его мировоззренческие позиции в процессе их становления и разрешения, проживаемые им в различных предельных ситуациях, как бы испытываемые в «полевых условиях» живой жизни, но на духовном уровне, всегда тождественном самому автору... Именно этим объясняется эстетическая неисчерпаемость и интеллектуальная многозначность, как будто бы обычных его сюжетов...

Пьеса Чехова – это полнокровный греческий полис, где решаются все вопросы общественного и личного бытия, это целостная модель мира, со своим Небом и Землёй, своей Евой, Адамом, со всеми героями библейских и античных времён, с Сократом, не минуя Иисуса, с более поздними героями человеческой истории, включая и нас, грешных. Все персонажи Чехова не просто живые люди, а равновеликие автору личности, какими бы жалкими они на первый взгляд ни казались. Личности со своей духовной установкой, полноправные участники большого и решающего не только для них, но и для нас диалога с жизнью. Как бы «мал» человек ни был, его опыт жизни, утвержда-

ет Чехов, велик, уникален, поучителен и принципиально неотделим от нашего... Сюжет, ситуация, обстоятельства, образы чеховской пьесы могут быть поняты и восприняты на качественно разных уровнях – как бытовые, психологические, эстетические и, наконец, – могут быть осмыслены и прочувствованы как экстремально-философские.

Каждый находит в Чехове, как в жизни, пищу по себе, откликается на ту волну, которую готов принять в себя, находит именно ту опору, в которой нуждается здание собственной жизни, и люди театра в этом отношении не исключение. Чехов экзистенциально отзывчив на любую духовную боль и только бескомпромиссно равнодушен к дуракам и имитаторам по другую сторону рампы, даже если они думают о себе иначе.

Герои драм Чехова, все без исключения, несмотря на бытовую иллюзорность происходящего, находят в нём так называемые «вечные и проклятые» вопросы своих судеб. Но есть в их положении и некая комедийная особенность – испытывая отчаяние и надежду, они ищут спасение, хватаясь друг за друга, ожидают и требуют от такого же, как они, бедолаги, того, что недодала и не может дать им жизнь. Круг трагикомически замыкается – все как в банке и под стеклянным куполом равнодушных небес, но в какой-то последний момент оказываются у доктора Чехова на тёплой его ладони.

Чехову известны все три уровня активности и качества бытия человека: созерцание, познание и действие. Их сочетания и переходы составляют тот драгоценный сплав органики и ритма, который складывается в конечном итоге в динамическую партитуру жизни героя, прошедшего вместе с автором через все уготованные ему сюжетные встречи и испытания, чтобы явить собой человеческому миру ещё один уникальный духовный опыт земной жизни.

Итак, по Чехову, сценическое бытие – есть бытие духовное, а не только «психофизическое действие» (как утверждают эпигоны Станиславского), которое может быть всего лишь материальной летописью бытового хода жизни. Театральное же творчество служит собиранию и концентрации духовной субстанции бытия и воплощению её в сценических формах «жизни человеческого духа» (сам Станиславский!).

Театр Чехова предлагает нам не сюжет, а Мудрость, и главным полем жизненной драмы становится тогда не театральная сцена с артистом, а Сцена Жизни и Человеческая Душа, бытующая на ней...

Как сегодня мы ставим Чехова? Ответ банально прост: как умного и тонкого, но почти бытового психолога с налётом обаятельного «чеховского» лиризма, даже не приближаясь к его беспощадной глубине и космической духовности, художественно выстроенных им через ход человеческих судеб в галактике того или иного сюжета.

Да, высокая классика – это не театральная иллюстрация, не живые картинки на расстоянии, а вновь зачатая и вынашиваемая в чреве зрительного зала драма живой жизни. Поставить и сыграть Чехова – это значит прочувствовать и выразить глубинные проблемы человеческого существования в потоке обыденной жизни. И быт у Чехова – это тело, плоть и клетка человеческого духа, от чего он бежит и к чему возвращается, как блудный сын. А вместо разыгрывания текста или даже сочинённого образа – обнажённое ожидание и опора на самого себя, единственного.

Да, Чехову нужны режиссёр и актёры, прозревающие быт, видящие за ним голую и трагическую правду человеческих жизней, своей и всякой другой. И только тогда это – философский и великий театр, равного которому, как утверждали Брук и Стрелер, нет.

А ещё Чехов напоминает нам о триедином даре подлинного творца – даре духовного существования, духовного мышления и духовного деяния.

Философские и другие уроки классики

Наряду и помимо самовозрождающегося духовного бытия, нас окружает со всех сторон мощнейшая, противоречивая и часто противостоящая духу биомеханика жизни, в которой принимает участие и наш театр. Вся эта грандиозная машинерия, где все краски мира перемешаны и порой превращены в житейскую грязь, где ничего невозможно спасти перед катком времени и смерти, повергла бы нас в безысходное отчаяние и ужас – если бы не сама себя возрождающая и продолжающая стихия «живой жизни».

Однажды меня обокрали, раздели, но, слава богу, ушёл живым из театра, известного своей «дедов-

щиной», почти каннибализмом... Я оказался вдруг на улице, посреди театральной Москвы – зимой, в одних трусах и в чём-то ещё на босу ногу. Меня встретил благополучный человек из соседнего театра – он видел мои иркутские спектакли ещё времён Вампилова – и порекомендовал меня другому известному Мастеру театральных дел, назовём его В. П. П. Серия встреч-бесед в его академическом кабинете мне, изголодавшемуся по работе, показалась нескончаемо бесконечной. Как вдруг посреди очень умного о книгах и свободного в выражениях разговора, почти на полуслове, раздался шлепок по столу, и я наконец-то услышал: «Ну, хватит, Калантаров (конечно, на “ты” и по фамилии), сейчас ответишь мне на один вопрос, только не задумываясь, без паузы, и мы решим, давать тебе спектакль или нет». Я кивнул, что готов, и последовало продолжение: «Отвечай, что ты ждёшь от меня и хочешь от этого театра?» Я не промедлил и мгновения: «Вопрос простой и не требует напряжения – я хочу поставить спектакль в Москве, и так поставить, как я это умею, поставить “на виду”, в Вашем прославленном театре, с такими-то артистами, с такой популярностью – это было бы, конечно, то, о чём давно мечталось. Но... но всё, что я сказал сейчас, не имеет абсолютно никакого значения – важно не то, что я хочу и жду от Вас и Вашего театра, а то, что ждёте и хотите от меня Вы. Я мог бы обозначить одним словом самую горькую проблему, которую я, да и всё моё поколение, как крест, несём всю жизнь, и не столько в личном, сколько в профессиональном, творческом плане, и, как ни странно, с возрастом это становится всё чувствительней и непоправимей. Это слово, проблема и крест – безотцовщина. Мои желания, хотения – ну что я могу сделать в Вашем театре без Вашего ожидания, желания, разрешения – да ничего. Гораздо важнее не то, что я хочу, а то, что хотите Вы, – если Вы хотите и ждёте “сына”, который мог бы работать по правую руку от Вас, рядом, и с моим приходом подумали: а вдруг это “он”, тогда Вы допустите, чтобы проявились лучшие мои качества и возможности. Ведь в Вашем театре, Вы же знаете, я смогу сделать что-нибудь толковое только с Вашего ведома и позволения. Или Вы не ждали и не хотите “сына”, а Вам нужен всего-лишь очередной презерватив – так вот, в этом случае я хочу, чтобы Вы знали, что в эти игры я уже вот так (жест “выше головы”) досыта и до отвращения наигрался с А. А. Г.»... И я замолчал... Нависла задумчивая пауза с характерным жестом Мастера, будто совершающего намаз, но почему-то одной рукой (суфий?)... И дальше последовало рассуждение, что он никого не боится рядом, что ему нужна то ли правая рука, то ли левая нога. Что мне нужно поискать какую-то такую пьесу, а не те, которые я уже называл. Я стал искать и предлагать из своих золотых запасов (как-то подсчитал, что мне нужно примерно 700 лет, чтобы поставить всё, что я уже сегодня хочу или захотел бы завтра). Долго и неспешно обсуждались мои новые названия. Через месяц-другой, когда число их дошло до пяти, мне вдруг предложили неизвестно откуда и почему возникшее 6-е название. И я понял, что если не соглашусь, то так ничего и не поставлю. Я стал читать и вчитываться в «6-ю» пьесу, чтобы открыть в ней такое, что захотелось бы и полюбилось, и, к радости своей, – открыл и полюбил. Но... но перед тем как приступить к своему спектаклю, я помог Мастеру поставить его спектакль. Потом он меня отблагодарил тем, что помешал сделать мой. Было очень стыдно за своё беспомощное положение перед замечательным сценографом, которого спровоцировал и подбил пойти в интересный поход. Я уж не говорю об артистах и зрителях.

Почему-то я не ставлю себе целью взглянуть на классику во что бы то ни стало «по-новому». Пусть этим занимаются школяры и фокусники от театра со всей их обслуживающей критической челядью, дружно гонящейся за «оригинальностью», будто за бантиком на собственном хвосте.

Их самозабвенные вращения волчком с редкими остановками для почёсывания за ухом, достойны жалости и изучения, как феномен дурной диалектики сознания, замкнувшегося на самого себя, забывшего вдруг и навсегда «об образе и подобии своём», о самой возможности выхода из порочного круга «самодогоняния» и «обгоняния» к ценностям и целям, давно уже открытым и созданным до нас и которые мы призваны хранить и возвращать, себя возвышая этим служением.

Хочу не «взглянуть» как-нибудь эдак, чтоб «удивить и понравиться», а, как это ни покажется банальным, всего-лишь увидеть, обнаружить и хорошо рассмотреть те сокровища и кладовые, которые завещали нам великие драматурги, доверчиво полагаясь на нашу духовную зоркость и способность принять бесценный дар, не оскорбляя его тяжёлым низкопоклонством или мальчишеским легкомыслием...

Как же уберечь живую подлинность классики от опасностей вырождения и бесплодия – будь то импотенция слепой бытовщины или театральное циркачество с подниманием надутых слонов и укрощением картонных тигров?..

Что же происходит сегодня в нашей театральной реальности с классикой и классиками?.. Общение с ними чаще всего не выходит за рамки сугубо личных впечатлений или общедоступных мифологем, даже когда мы систематизируем и облакаем их в конструктивную и образную форму – и, гордые собою, с этим приходим в театр.

Итак, мы настаиваем на том, что, кроме внутренне осознаваемого посвящения, индикатором которого может быть лишь собственная человеческая и художническая совесть, если она, конечно, есть, необходимо дерзостное желание вести диалог с Поэтом на равных, но не роняя его до себя частного, а вырастая до него всеобщего, до уровня его высокого мышления о Человеке в космосе и о Космосе в человеке. Правда, чаще всего встречается дерзость без опознавательных знаков «посвящения», и тогда происходит грубая и, я бы сказал, тайная подмена «исповедально сознаваемого призвания» дутым и жестоким самозванством, которое чаще всего и правит сегодня театральный бал под демагогическим покровом якобы творческих прав.

Легко пройти мимо бесспорной и простой, на первый взгляд, истины о соответствии, увидев в ней только умозрительную и необязательную очевидность – они, мол, все такие, великие гении, что ни слово, то о вечности и на века, ну, а с нас что взять. И бес поражения – тут как тут.

Итак, драматический спектакль, драматический артист, увы и ах!.. Конечно, во все времена, даже в такие, как наше, когда упадок театра стал как бы общепризнанным фактом, в театрах работали талантливые люди и порой в оценке современников достигали выдающихся результатов. Но отнюдь не всегда и не все из этих «победителей» становились действительными «властителями дум». Мы помним, какой бурей признательности и восхищения были окружены в своё время Художественный театр, Ермолова, Комиссаржевская, Мейерхольд, Павел Орленев, Михаил Чехов... И совсем ещё недавно – Товстоногов, «Современник», Эфрос, Любимов. Чтобы обрисовать масштаб и качество подобного театрального события, когда оно действительно происходит, а не имитируется, достаточно привести хотя бы одно, а при желании можно найти десятки ему подобных, замечательное свидетельство – Блок вдруг заметил как-то, что «Комиссаржевская была тогда духовной любовницей всей интеллигентной России». Да, была такая страна, и в ней, как в «Греции», всё было.

«Итак, я на полпути, переживший двадцатилетие. Пожалуй, загубленное двадцатилетие между двух войн». В ту пору, ещё потрясённый открытием поэзии Элиота, я спросил, в промежуточном каком-то разговоре, у Каролины (К. Блэкистон – известная английская актриса театра и кино, участница моего «Вишнёвого сада» в Таганроге) о его пьесах, так и не переведённых у нас до сих пор, и узнал в ответ, что Каролина ещё девочкой здоровалась с ним за руку, когда Томас Стернз Элиот приходил к её дяде, известному литературоведу, с которым был дружен. Я подождал ещё немного и, не дождавшись продолжения, притронулся к «той самой» руке Каролины и благоговейно замолчал. Чуть позже, после моего беглого упоминания имени Ницше, я узнал от неё, что он был «фашистом». Эти замечательные подробности надолго удовлетворили мою любознательность.

Каролина Блэкистон – на удивление опытная и умелая актриса, в репетиционном зале и на сцене – трудолюбива, дисциплинирована. И работа с ней доставила мне исключительное удовлетворение. Но Артист, он и в Англии – артист, со всеми очаровательными достоинствами и особенностями, присущими только ему. Конечно, каждый раз мечтается о полном и взаимном понимании – но это уже о надеждах и иллюзиях, на которых зиждется профессия режиссёра.

Пользуясь случаем, хочу объяснить в любви к артистам Таганрогского театра, с которыми прожил, единой семьёй, пять счастливых и мучительных недель, не расставаясь ни на день. Тогда я окончательно уверовал, что лучше русского артиста может быть только русский артист.

Чехов и В. Соловьёв: скрытый диалог

(Ненаучные размышления)

«Скрытый» – дважды: в силу принципиальной невысказанности и недосказанности самой природы художественного мировоззрения (со стороны Чехова) и ввиду отсутствия даже намёка на факт содержательного общения и каких-либо интеллектуальных отношений между этими выдающимися личностями, почти сверстниками...

Они, конечно, не могли не знать друг о друге, были знакомы и, наверное, общались, и кое-какие косвенные свидетельства тому есть, но испытали ли они хоть какой-нибудь интерес и оказали ли

хоть какое-нибудь влияние друг на друга, пусть даже одностороннее, неосознанное или временное? Почему не раскрыта эта тайна? Не в силу ли традиционного невнимания к философскому измерению творчества Чехова и сугубой сосредоточенности на социально-бытовой, психологической и филологической стороне его произведений? Что же в таком случае подвигло меня сблизить эти имена и задаться вопросом о скрытом диалоге? Отдаю себе отчёт, что поступаю так, как бы вопреки их воле, их собственному пониманию необходимости в сближении.

Когда мне, лет 30 тому назад, впервые «открылся» Чехов, в моих режиссёрских записях, и частично в памяти, сохранились кое-какие «основополагающие» мысли, догадки, которые я назвал тогда «постулатами», потому что именно с них началась моя «чеховская геометрия», развившаяся впоследствии в целую систему теорем и способов решения практических театральных задач, включая расшифровку сюжетов, новую технологию режиссёрско-актёрских отношений и etc. Когда же, после известного исторического перерыва, напечатали В. Соловьёва, и он наконец-то дошёл до меня, грешного, а это случилось через несколько лет после первой моей чеховской постановки, – я поразился сходству внушённых мне Чеховым мыслей и тех основных идей, которыми дышит вся философия Соловьёва – сходству не только внутреннему, духовному и тематическому, но и почти буквальному, дословному. Попробую вновь пройти по старым следам этих удивительных совпадений.

Чехов вслед за Достоевским и Соловьёвым почитал чистоту, святость и красоту материи, «тела Божьего». Но Чехов идёт дальше, чем это позволяет его предшественникам традиционная религиозность – его «идея всеединства», не теряя глубины и универсальности, отличается от соловьёвской и проявляется в другой субординации отношений человека и природы – он видит в природе воплощение «человеческого» совершенства, чистоты и терпимости, признаёт и утверждает духовную первичность природы и только ею проверяет и измеряет самого человека. Именно из этого исповедального начала произрастает опережающая время и так властно овладевающая нашим сознанием и воображением «экология» чеховского творчества. Не мудрствуя лукаво и не впадая в писательское философствование и богословие, Чехов пришёл к отказу от традиционного человекоцентристского художественного мировоззрения в пользу природы, видя в ней последний шанс человека – спасти и сохранить себя...

Любовь, согласие, тяготение к природе и несовпадение, отпадение, муки блуждания вдали от её простоты, чистоты и надёжности, «загрязнение» её, в прямом, физическом и переносном, социальном и психологическом смысле, бездумное и хищническое отношение к природе «вокруг», безнадежно-бездарное отношение к природе «в себе» и «в других» – бесконечный чеховский рассказ о том, как «божественный» план рождения и жизни «ещё одного» человека вырождается в ещё одно человеческое несчастье.

Провозглашённый позитивистской наукой и обожествляемый базаровыми (фамилия-то какая!) «объективизм», самонадеянный принцип отделения и независимости человеческих дел от человеческого Бога оставили людям свободу и ответственность, меру которых они оказались не способны ни выдержать, ни осознать. Робкие когда-то идеи «человеко-божества» уже начали во времена Чехова и В. Соловьёва проходить массовую социальную и политическую «обкатку», и их пророческий слух чутко уловил подземные раскаты надвигающейся беды.

Противостоя воинственному материализму, столь модному тогда в кругах либеральной интеллигенции, нравственный пантеизм Чехова во многом солидаризируется с «всеединством» Соловьёва и как бы соревнуется с ним в миролюбии и терпимости. И как это ни трудно представить, но Чехов оказывается ещё шире и универсальнее Соловьёва, потому как обходится без диалектических крайностей и спекулятивных экскурсов сознания, которые так или иначе с неизбежностью возникают в ходе философской полемики и профессионального стремления «завершить и исчерпать» свою мысль... Реальная, практическая, жизненная философия выражается более поведением и поступком, чем рассуждением и словом, и потому ближе и доступнее художественному описанию и истолкованию, нежели философскому. «Мощь идей и идеалов» и присущая им самовлюблённость и самонадеянность, с какими бы благородными намерениями и в каком бы обрамлении они не выступали, подвергаются Чеховым реальным испытаниям и оценкам, выводятся им на поле земной жизни. Думается, его принципиальный антифилософизм и стал одной из главных причин органической несовместимости с «учением» В. Соловьёва, несмотря на всё интеллектуальное и духовное родство и возможности сближения.

Вся русская интеллигенция второй половины XIX в. переболела так или иначе новомодными материалистическими теориями, посыпавшимися вдруг с Запада разноцветным серпантинном идей,

имён, учений, «переосмысливающих и преобразующих» мир, – переболели, кажется, все, даже юный Соловьёв, все, кроме Чехова. Защитила, должно быть, каким-то чудом сохранившаяся в молодом провинциале иммунная система – как бы там ни было, своим жизненным путём и творчеством он обозначил золотую середину между «либеральным» экстремизмом и консервативным «идеализмом» того времени, решительно отсек все крайности полемических страстей и мыслей и явил миру небывалый феномен меры, такта и мудрости. И тем преподавал урок, который и сегодня не теряет свой универсальный смысл, чем и объясняется, в первую очередь, непреходящий интерес к его творчеству в современном мире.

Мироотношение Чехова, писателя и человека, лишено какой-либо показной набожности и религиозной риторики, но остаётся тем не менее по внутреннему существу своему глубоко христианским, бережно и тайно сохраняет духовное и душевное родство с истинным православием, с его милосердием, кротостью и стойкостью. При этом нельзя не заметить его человеческого и духовного сходства с некоторыми явлениями мировой литературы прошлых времён – такими, как Экклезиаст, Сенека, Марк Аврелий, Монтень, Паскаль. Такое «двойное» и глубокое родство делает Чехова почти универсальным мыслителем и предельно открывает его для художественного творчества, высота которого, если она достигается, уже не нуждается в догматах... «Без любви к природе нельзя осуществлять нравственную организацию материальной жизни» – эту мысль В. Соловьёва можно было бы назвать высшим «экологическим» императивом Чехова, давшим множество всходов в его творчестве.

«Ложная цивилизация» обнаружила себя в материально-техническом прогрессе и духовной деградации людей – эти апокалипсические ножницы, в которые попало человечество, начали приходить в движение уже при жизни Чехова и В. Соловьёва, и их «катастрофизм» объясняется прежде всего этим. Он неизмеримо шире и глубже модных тогда мотивов «конца света», его нельзя объяснить, исходя из субъективных или узко исторических причин, – он порождён высшей мировоззренческой интуицией и несёт в себе заряд пророческой силы, актуальной и в наши дни.

Чехов – не «гуманист», в привычном «ренессансном» значении этого слова. Он никогда и нигде не обожествляет, не идеализирует и не славит «человека» (ни с малой, ни с большой буквы). Чехов делает для человека гораздо больше – он его понимает, жалеет и лечит. Но диагноз его беспощаден – он видит в человеке каиновы черты «отступника» от природы и, как философ-естественник, констатирует его прогрессирующую деградацию и, сознавая всю проблематичность спасения этого закоренелого «злоумышленника», продолжает неустанно выписывать ему единственно возможный рецепт выздоровления...

Чехов одним из первых открыл и описал «бытовую» трагедию человека, не доросшего до вечных и мудрых законов Бытия, и потому обречённого на близорукое и сутяжное времяпровождение жизни. Самая большая загадка и заслуга Чехова в том, что он избежал собственной гордыни в отношениях с людьми и в творчестве. Он заменил броню и щит гордыни стоическим удалением и отделением духа и высших интересов своих от всех «базарных» соприкосновений с жизнью. Чеховский индивидуализм, не говоря уже о его «редкоземельности», не имеет равных себе в своём абсолютизме – он дистанцируется настолько, что становится недостижимым, и тем как бы освобождает поле жизни для всех остальных. Его индивидуализм загадочно и мягко излучает свою предполагаемую противоположность и мирно и плодотворно сосуществует с высокодуховным и житейским альтруизмом. Природа его беспримерной доброты и деликатности в том, что он исключил делёж и сутяжничество из своей жизни и ушёл из нижних, коммунальных этажей её туда, где просторно и несуетно, относясь ко всем без исключения «нижним» жильцам как к младшим братьям, нуждающимся в снисхождении и помощи. Эта идеальная этика врача-исцелившего прежде всего самого себя, переросла рамки личности и профессии и распространилась на всё поле жизни и творчества Чехова... Он хорошо изучил все обманные, чёртовы, так называемые «диалектические» игры человеческого сознания – категорически не доверял им и выводил именно из них многие индивидуальные и общественные беды и проблемы. С полным правом ему может быть отведена честь открытия и утверждения в человеческой жизни великого «принципа дополнительности», сформулированного много позже в естественнонаучной философии Нильсом Бором – принципа, из которого с неустанной последовательностью выводит Чехов своё, крайне несвоевременное тогда, да и сейчас тоже, требование несуетливости и терпимости человеческого общежития.

Идея каждого конкретного человека существует у Чехова в двух измерениях – в сознании самого человека, во внутреннем сюжете его жизни и в понимании его «со стороны и сверху», как бы на

паспарту самой Вечности или, лучше сказать, вечной Природы. «Сущность человека дуалистична, амбивалентна, антиномична» – это Божественный факт или фикция сознания?.. Ответ на этот вопрос получает разное освещение у Чехова и В. Соловьёва, но первостепенная важность его для них безусловна – именно он определяет масштаб и глубину всех остальных человеческих споров, бесконечных поисков решения и сопутствующих поискам и всегда опережающих их заблуждений...

Соловьёвское «освобождение от рабства страстям и от ограниченного человеческого самолюбия» можно признать репликой согласия и солидарности со знаменитым чеховским «выдавливал из себя раба». Но уникальная гуманность Чехова выводится не из «человека» или его «понимания» Бога – она, если так позволено будет выразиться, естественно-природна, то есть чисто физична и чисто духовна в своих истоках и потому может быть признана подлинно «религиозной». Он – принципиальный противник всяких мифологизаций и идеологизаций человеческого сознания, прошлых и будущих, религиозных и политических, личных и исторических. Чехов в этом отношении, хотя это и трудно вообразить, шире и свободнее даже В. Соловьёва. Его «универсальная» религиозность стремится быть вне человеческой истории, её больших и запутанных «сюжетов» сознания, вне её признанных догматов и авторитетов. Его абсолютная субстанция, то есть Бог, как бы растворяется в человеческом и природном мире, одухотворяя его или обнаруживая его несовершенства, говоря голосами его вечно-временных сущностей...

Отчуждение Чехова от слишком остро, исторически или социально, конфессионально или мистически сориентированных писателей и философов его времени, свобода и глубина его мышления сопряжены с уникальной независимостью от современных ему направлений и всех «измов», традиционных и модных вероучений и теорий. И в этом особенном смысле Чехов – первый настоящий «еретик и язычник» современной культуры, избежавший соблазнов и тавтологий её бесконечных модернизаций, глубоко лично и полно переживший христианство, обогатившийся им и вернувшийся из его исторической школы-Церкви в природу, но в Природу – как в Храм.

Наличная духовность человека, бытие его духа, сущностная глубина каждого личного проявления и всей суммарной человеческой реальности – всё, что составляет и содержит нашу внутреннюю текущую жизнь, не в этом ли большой секрет чеховской драматургии? А в случае незнания или забвения духовного измерения – не в этом ли причина всех театральных поражений?..

«Органичное мышление» Чехова сочетает в себе полноту всецелой истины сюжета и отдельных персонажей, подразумевает взаимную их выводимость друг из друга и внутреннюю парадоксальную взаимосвязь. Его художественное мышление – глубочайшее взаимопроникновение двух реальностей – преходящей и вечной, сугубо частной и универсальной в едином сюжете жизни всечеловеческого «организма», как в притче, где индивидуальное – вечно, а вечное – преходяще. Онтологические и гносеологические интуиции Чехова, в которых, повторяем, заключается главная загадка его художественной глубины и покоряющей силы, перекликаются с параллельным миром философских воззрений В. Соловьёва и вступают с ним в по-чеховски не декларируемый, скрытый диалог.

В. Соловьёв, в свою очередь, никогда не был «чистым» философом – не говоря уже о его стихах. Поражает воистину художественный размах его мышления, широта и яркость взглядов, не укладывающихся в привычные рамки философских систем и направлений, сложившихся конфессиональных и национально-исторических мифов... Полная реальность человеческого «Я» у В. Соловьёва и самоценность любой человеческой личности у Чехова как бы ищут и дополняют друг друга, существуя в разных измерениях. Оба обнаруживают внутренний трагизм в разделении «личного», «человеческого» и «бесконечно общего», восстают против «свободы» субъективизма, эгоцентризма, выведения мира «из себя», приходят к неизбежному ощущению трагизма и катастрофичности жизни, необходимости и обречённости в ней Добра.

Катастрофизм позднего Чехова, времени «Вишнёвого сада», и позднего В. Соловьёва, времени «Трёх разговоров», питался эсхатологическими предчувствиями и мучительными ощущениями надвигающейся «пропасти распада» всего строя жизни, всех её исторически сложившихся и выработанных русской культурой понятий, норм и правил. Они умерли раньше того мира, в котором они родились и жили, всего лишь на два-три исторических мгновения. С болью всматривались Чехов и Соловьёв в уже искажённое судорогами лицо реальности, пытались понять, поставить диагноз и хотя бы предупредить о надвигающейся беде – они это сделали и были услышаны, но, к сожалению, немногими, и ничто уже не могло предотвратить всеобщего исторического крушения.

Берега юбилеев

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – кандидат психологических наук, поэт, прозаик, публицист. Автор 12 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе, изданных в России и в Беларуси. Многие стихи переведены на белорусский, украинский, английский языки. По её поэтическим и публицистическим произведениям лексикографом А. П. Бесперстных созданы три словаря эпитетов (2016, 2018, 2019). Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т. ч. «Золотой Витязь» (2019). Имеет награды, в т. ч. медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др. Член Союза писателей Беларуси, СП России, СП Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996) и литературных чтений И. Григорьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).



«В житейском море ко Христу прибиться...»

О творчестве Геннадия Иванова

А вот честное, равнодушно отношение к своему времени, к своим современникам, к своему народу – таково главное условие подлинной поэтической работы.

С. Я. Маршак

Решающим в писательской работе является... не материал, не техника, а культура собственной личности писателя.

А. С. Макаренко

В поэтическом океане столько капелек-слов, что творчество каждого поэта представляется уникальной, неповторимой, удивительной россыпью брызг, переливающихся, сверкающих на солнце небесно-радужными красками. Но есть ещё волны. Мощные, насыщенные цветом, завораживающие силой и красотой. Новая книга избранных стихотворений Геннадия Викторовича Иванова «Надо жить» (Москва, 2020) представляется читателю именно такой волной, смывающей наносную грязь, пошлость, маски, открывающей величие и божественность жизни, человека, России.

Тематика поэтических произведений книги широка и многообразна неслучайно, ведь событийно-богаты и окружающая жизнь, и личный мир автора, знающего вкус времени советского: «Я краешек видел того, что угасло. / В деревне сбивали чудесное масло. / И лошади были, и были коровы, / И все земляки были живы-здоровы...» («Котлеты на стол подавали тазами...»), обжёгшегося временами перестроечными: «Была большая перестройка / И переломка и пере- – / Переворот и перемойка, / Перелопатка, перекройка, / И переполка, перегнойка, / Перепопойка, передойка... И всё пере-, пере-, пере-. / Куда «пере» – никто не ведал» («Этапы большого пути»); вкусившего века двадцать первого:

...Россия, снова на тебя клеветают.
В борьбе всемирной ты им в горле кость.
Они в душе перед тобой трепещут,
И потому – такая злость.

«О, если бы один, а то большая свора...»

С мудростью бывалого человека, не растерявшего способность улыбаться и радоваться каждому дню, Геннадий Иванов от стиха к стиху ведёт доверительную беседу с читателем о многоликости нашей жизни, не поучая, не обвиняя, не уличая, а сопереживая, горюя, сорадуясь, надеясь, любя, веря. Его литературное кредо, как мне представляется, точно выражено в стихотворении «И не надо никакой награды...»:

И не надо никакой награды
В деле непростом –
Говорить кому-то только правду
О себе самом.
Да о жизни – как бы ни давалась –
Говорить светло,
Что пройдут страдания и усталость
И отступит зло...

Талант писателя обнаруживается и в умении писать просто о сложном и важном. Читая Геннадия Иванова, вдруг начинаешь понимать аксиомно: жить без Родины человеку невозможно! Невозможно быть счастливым без Родины! «Радость – родина, радость – свет! Радость – ближних родные лица!» («Лес без ветра шумит к дождю...»).

Родина... Свет за окошком.
Родина... Вьюга впотьмах.
И на болоте морошка,
И на просторе – размах.
Родина... Лист придорожный.
Родина... В беге времён.
Родина... Замысел Божий,
Что ото всех утаён.
«Родина... Свет за окошком...»

И как не восхищаться, не блаженствовать вслед за Геннадием Ивановым:

Какая мягкая трава
На родине моей.
Какие жаркие дрова
На родине моей.
Какие древние холмы
На родине моей.
Какие светлые умы
На родине моей.
Талантов столько, как цветов,
На родине моей...
Всегда, всегда мне будет кров
На родине моей.
«Какая мягкая трава...»

Но чуткое сердце поэта ощущает тревожный накал мирового пространства, спиральное движение истории. Оно содрогается от зловещего рыка войны, раздающегося то из Чечни, то из Югославии, то из Сирии, то из Украины, оно вздрагивает от далёких взрывов и от близких предчувствий:

...Но враг если родину нашу захватит,
Тогда и восходы, тогда и закаты
Не будут красивы, не будут крылаты...
Чтоб нашему счастью опять воплотиться –
За это придётся и гибнуть, и биться.
«Восходы! Закаты! Восходы! Закаты!..»

И потому молит поэт Бога о спасении и защите России, повторяя и повторяя: «Но только б не через войну... Но только б не через войну...» («*Какой-то вьюн, гигантский вьюн...*»).

Сказано, что «Не хлебом единым...». Геннадий Иванов всем творчеством своим вопиёт – человеку нет света и счастья без Родины! Но каждому ли человеку? Русскому – точно! И хоть болит душа у поэта за личное спасение: «Что покаяться надо, исправиться, / Что путей обходных не дано.../ Что греховное не забывается – / Тянет камнем ужасным на дно» («*Так живёшь да живёшь, ходишь по полю...*»), ещё больше он печётся о Родине, её настоящем и будущем, отдавая должное особой миссии России:

...Всё дело в жертвенности. На Руси у нас
Всего превыше жертва за святое.
Борис и Глеб – начало всех начал.
Сама Россия – жертва за святое.

«*В Иркутске*»

А Родина для поэта Геннадия Иванова – это не только родовые места с отеческими могилами, но Беслан и Донбасс, Арктика и Сибирь, Кавказ и Урал, Прибалтика и Дагестан, Украина и Заполярье... Мысли поэта озарены мечтой об единении и любви народов, которых люди его поколения привыкли называть братскими.

Родина Г. Иванова – это реки и моря, поля и леса, горы и города... Это писатели, о которых он пишет с независтливым восторгом и любовью: Николай Колычев, Ольга Фокина, Николай Рубцов, Василий Белов, Валентин Распутин, Александр Васин-Макаров, Николай Тряпкин, Николай Дмитриев и...

Я видел поэтическое дерево –
Я видел Соколова, Передреева
И Кузнецова, Тряпкина и Сухова...
Я видел их, и слышал, и любил.
Казанцева, Жигулина, Горбовского
И Решетова, но березниковского...
Рубцова я не видел, но поистине
Он рядом, ближе многих ближних был...

«*Я видел поэтическое дерево*»

Родина для Геннадия Иванова – и «...человек исхудавший, / Разбитый параличом, – / В борьбе с Бахусом павший, / Прибитый его кирпичом» («*Лежит человек исхудавший...*»). Потому что болит душа у поэта за каждую русскую душу. А тема наблевшая. Он посвящает ей несколько стихов, среди которых замечательные: «Отчим», «Здесь», «Уберите!», – свидетельствующие не только о личной, но и о гражданской позиции Геннадия Викторовича.

Какая же Россия без наших горемык-старушек, добрых мамушек-нянюшек, вдовушек, тружениц, не на них ли ещё деревня держится?

Милые родные старушечки
При своей покорной амуниции...
Сколько вы работали, работали?
Это вы страну когда-то подняли
Жертвами своими и заботами...

«*Милые родные старушечки...*»

А ещё Родина-Россия для Геннадия Иванова – это светлая память о тех, кто сражался за неё, живота не щадя:

И всё же за нас умирали
В Отечественную войну.

За нас в самолётах сгорали,
За нас пропадали в плену.
Вставал из цепи кто-то первым
И падал –
Совсем не за тем,
Чтоб мы на великие жертвы
Ответствовали: «А зачем?»
«И всё же за нас умирали...»

Трогательны, искренни стихи поэта о сокровенном – о семье, о любимой женщине. И ведь это тоже Родина, за которую умирали! Способность поэта вовлечь читателя в эмоциональное состояние любви, восхищения, покоя, радости, блаженства от счастья семейного – высочайший талант! А как важны, как актуальны такие стихи в наш разнузданный, циничный век, когда пошлость и мерзость подняли головы.

...Мир огромен, конечно, соблазны кругом,
Но теплей всего мира семейный твой дом.
Где жена твоя, дочка – и, крепко любя,
Где в четыре руки обнимают тебя!
«Мир огромен, конечно, в нём много всего»

У Геннадия Иванова есть следующее определение России: «Россия – это не страна, / Не государство, не колония, / А диво дивное она, / Она картина и симфония...» (*«Россия – это не страна»*), ещё он сравнивает её с неопалимой купиной в одноимённом стихотворении. Так может только Поэт, которому строчки диктуются Небом, словно их кто-то дарует! О, сколько прекрасных строк в книге «Надо жить» посвящено слову, стихам, поэзии! Потому что это тоже – Родина!

Поэзия принадлежит земле –
Полям и рощам, ветру и прибою,
Глазам девичьим, женской доброте,
Первопроходцам, мудрецам, влюблённым...
Поэзия принадлежит земле.
«Поэзия принадлежит земле»

Путь России – быть в мире удерживающей – Божий путь, путь жертвенности, значит, страданий. Пройти через все испытания без Бога ни народу, ни человеку невозможно, а с Ним можно всё. Потому тропки поэта Геннадия Иванова сливаются с тропинками, дорожками бесчисленных русских Иванов и Ивановичей в одну длинную, тернистую, каменистую, но единственно спасающую дорогу – к Храму:

...За обновленье русского народа.
Пусть наносное сгинет, отпадёт,
Пусть сохранится в Боге наш народ,
Лукавого пускай не ищет брода...
Да сохранится в Боге наш народ.
«Ни тропаря, ни кондака не зная...»

К Небесам поэт обращает свой взор постоянно, словно произносит нескончаемую Иисусову молитву: «Господи, помилуй!» Само небо он сравнивает с иконой (*«Икона неба не всегда лучиста»*). И ежечасно просит не только о личном счастье, но о возрождении, спасении русского народа и России, об уничтожении зла, распластавшегося над ней. Ему, твёрдо верящему и признающему лишь истинные ценности: «А Истинные Ценности надёжны, – / Что девы судьбы / Без малейшего затруднения / Ткут из этого клубка / Каждому соответствующий холст / И шьют каждому / Соответствующую рубашку» (*«Истинные ценности»*), не принять ни сатанинских нравственно-физических извращений, идущих с Запада, ни словесного мата, который, словно ядовитый куколь, отравляющий хлебные зёрна, засоряет прекрасный материнско-русский язык.

...Как нам понять все извращения,
Понять всю мировую ложь,
Детей – и слёзы и мучения?..
Господь, приди!
И уничтожь!
«Над миром свист летит разбойничий»

Вложив в уста митрополита Александро-Невской лавры ответ на мучающие всякого неравнодушного к судьбе страны человека, Геннадий Иванов провозгласил единственно правильный выход:

...Душа сегодня мечется, болит:
Что делать среди мерзости и срама?
«Быть русским! – говорит митрополит. –
Не отступать от веры и от храма».
«В Александро-Невской лавре»

Но русский человек давно определил свою позицию в жизни, выразив её народной мудростью-поговоркой: «На Бога надейся, да сам не плошай!» Потому и поэт убеждён, что, кроме молитвы и упования на Господа, ещё необходимо и служение.

Ты говоришь о вечном и простом:
Спасти Россию можно лишь терпением –
Ты говоришь: молитвой и постом!
Но я добавлю: волей и служением!

Не просто жить – как по течению плыть.
Не просто жить – как лебеда и тополь...
Служить России, «рваться ей служить»,
Как в «Выбранных местах...» заметил Гоголь.
«Ты говоришь о вечном и простом»

Без одухотворённости не бывает творчества. Геннадий Викторович Иванов, несомненно, Поэт от Бога! Его слова проникают в душу и освещают её светом любви и сострадания. Неслучайно по его поэзии создан уже третий словарь эпитетов известным лексикографом Анатолием Павловичем Бесперстых.

Около 1300 эпитетов, украшающих поэтическую речь в книге «Надо жить», выделены составителем из множества прилагательных, причастий, словосочетаний, существительных (приложений), качественных наречий и иллюстрированы цитатами. Среди них встречаются и редкие, индивидуально-авторские: *понятно-ясно; отческие кровли; нервная мгла; океанское место; погибельно-липкий; большие реки; снег лунный; белые сроки* и другие. Десять таких особенных, эксклюзивных эпитетов!

Более двухсот эпитетов, использованных Г. Ивановым, имеют корень *-род-*. Не перечисляя всё, нетрудно догадаться, как часто встречаются в стихах поэта «родовые» эпитеты: *родимый, родной, народный, родственный*... Если же исследовать состав всех слов сборника, то с таким корнем их окажется около трёхсот.

Корень *-рус-* встречается более ста раз. А эпитеты *русский (-ая, -ое)* – 75 раз. Более ста раз автор повторяет слово Россия и производные от него. Предложения с именем Божиим или соответствующими эпитетами используются около двухсот раз. Корень *-свет-* – более ста. *Душа, радость* и производные от них – около ста. *Надежда, любовь* – по двадцать раз.

Поговори со мной, и я скажу, кто ты!

Геннадий Викторович Иванов – в жизни скромный, спокойный, внимательный, наблюдательный, обладающий тонким юмором, острым умом, добрейший, сострадательный человек – остаётся таким и на страницах своих книг, где лирика и гражданственность, изящество и простота, афористичность и эмоциональность, словно морские волны, изумляют своей мощью и красотой.

Берега юбилеев

Людмила Яцкевич



Людмила Григорьевна Яцкевич (Калачёва) родилась в г. Череповце Вологодской области. Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском университете. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе пятнадцати книг: «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнущих времён: Имена собственные в поэзии Н. А. Клюева», «Народное слово в произведениях В. И. Белова», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора», «Православное слово в творчестве вологодских писателей» и др. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на который В. И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером».

«Не скудному мирскому слову узорить отчие гроба...»

О языке поэмы Василия Дворцова «Ермак»

Поэма В. В. Дворцова «Ермак» посвящена эпохе царя Иоанна Грозного и герою конца XVI века – Василию Тимофеевичу Оленину – Ермаку. Это современная талантливая былина, язык которой вмещает в себе древний поэтический синкретизм и современную поэтику художественной модальности. Особенно поражает широта и богатство языка поэмы «Ермак», органическое соединение в нём собственно русской лексики, включая диалектную, церковнославянских слов, а также заимствований (по художественной необходимости) из других языков – народов, населяющих Россию или пришедших к нам, как незваные гости. В единую песнь слились православные молитвы, народное словесное творчество и исторический языковой колорит эпохи Ермака, Строгановых, царя Иоанна Грозного и европейских и азиатских завоевателей того времени.

Сложнейшие узоры словесной ткани поэмы «Ермак» определяются особенностями её композиции, задача которой – «полное претворение действительности смыслом и полная реализация в действительности смысла». Отмеченные отцом Павлом Флоренским, эти две стороны в деятельности творца предполагают у поэта соответствующие таланты. Первый из них – способность созерцать истину, свидетельствовать о которой он неудержимо стремится, то есть полностью претворяет созерцаемую действительность в смысл. Второй талант поэта – умение воплотить в своей художественной речи созерцаемую и осмысленную им истину, то есть полностью реализовать найденный им смысл в действительность созданного им поэтического произведения.

Исторические личности, о которых идёт речь в поэме «Ермак», не имеют однозначной трактовки ни в исторической науке, ни в русской художественной литературе. Поэтому перед автором стояла сложнейшая задача: увидеть и образно осмыслить истинное лицо прототипов своих героев так, как подсказывают ему совесть, знания и понимание высокого предназначения Православного Русского государства в мире. А затем убедить своих читателей в истинности своего художественного осмысления героев. Поэт Василий Дворцов создаёт для этого особый композиционный приём: каждый персонаж его поэмы произносит исповедь – внутренний монолог, раскрывающий духовную основу его личности, его сокровенного человека. Новизна подобного композиционного построения поэмы «Ермак» заключается в том, что автор для каждого монолога использует свой словесный код, свой поэтический синтаксис, свою метрическую систему – в целом свою неповторимую мелодию смысла, заложенного в образе каждого героя. Ведь сокровенные черты лич-

ности человека определяются не только его индивидуальным духовным достоинством, но и его религией, национальным колоритом его культуры. Всё это впитывает в себя язык героев поэмы и тем самым реализует найденные автором смыслы в поэтический текст. Таким образом, полифония поэмы – многообразие духовных и национальных языковых кодов и мелодий – служит для выражения исторической истины в целом.

Искусство автора поэмы заключается в том, как он строит эти монологи, какой словарь и какую мелодику речи он выбирает для этого. С этой целью в поэме используется особый способ создания текста, характерный для поэтики древнерусской литературы и возрождённый в своё время в поэзии Н. А. Клюева. Он заключается в наличии у авторского текста данного произведения соответствующего ему прототипического текста, своего рода источника, образца, основания для него. В. В. Дворцов проделал большую созидательную работу для поиска и художественного освоения прототипических текстов для монологов каждого персонажа поэмы «Ермак». Причём автор творчески освоил не только словесные, но и музыкальные тексты с их различной национальной мелодикой. В силу этого следует подчеркнуть, что историческими являются не только тема его поэмы, но и её словесный и мелодический язык.

В XVI веке, о котором повествует поэма «Ермак», религиозные и национальные идеалы были для человека священны, он был более целостной и органичной личностью. Поэтому Николай Клюев, хранитель и певец идеалов допетровской Руси, в своей поэме «Песнь о великой матери» провозглашал:

Не скудному мирскому слову
Узорить отчие гроба,
Пока Архангела труба
Не воззовет их к веси новой,
Где кедром в роще бирюзовой
Доспеет русская судьба.

Василий Дворцов следует священным началам русской литературы. У поэтов духовная близость символов при создании образа Святой Руси, «алконостной России» (по словам Клюева) не случайна. Оба художника слова – мыслители, укоренённые в православной культуре. Удивительна поэтическая переключка певца Олонецкого края и певца Сибири, поэма которого завершается словами:

Там, на востоке, Русь лебедем-гусем
Путь свой продолжит в кружении звёзд:
Крылья-расщепы узорным убрусом,
Справа воркует сестра-Алконост...
Выше, всё выше – где радость без края,
Где уже в боль ослепителен свет.
Строго бесстрашна вратарница Рая...
Трона Христова алмазный стоцвет...
Там о себе Русь исполнит завет.

Поэта Василия Дворцова в исторических героях интересует не внешнее, не сиюминутное, для описания которого было бы достаточно бытовой речи или, наоборот, книжного стиля. Он заглядывает в вечный смысл жизни своих героев, в их сердце как жилище духа. Именно на этой духовной традиции основан язык и художественный замысел поэмы «Ермак». Как неоднократно высказывался автор этой поэмы, «нация формируется языком... И сам народ меняется языком, посредством которого нацию можно рассеять и мобилизовать, рассеять и возродить».

Поэма начинается с «Материнской колыбельной», текст которой наполнен древними символами, характерными для сакральной культуры вогулов (мать Ермака была вогулкой). В материнской колыбельной пророчески рассказана вся жизнь Ермака, от его младенчества, затем неожиданной для матери ранней богатырской зрелости и далее вплоть до его гибели. Мать с вещей тревогой предвидит:

Как я, уж слабосильная, рассею тучи чёрные,
Как я, уже негромкая, до тех краёв мороженных
Сумею, сноровлюсь как, в ту ночь докричать:
«Сыночек-Василёчек мой! Не спать! Не спать!
Не спать!!
Кромешно воры близятся! Не спать! Не спать!
Убийцы скрытно тянутся, сыночек-Василёчек мой,
И речка бурно крутится – не надо спать!!»
Сыночек-Василёчек мой...

Созданный по законам древней поэтики образ матери в поэме «Ермак» перекликается, как архетип, с подобными образами в русской и мировой мифологии, и в литературе, что усиливает его сакральное звучание. У поэта Николая Клюева этот образ получил глубокое поэтическое обобщение:

Возгремит, воссияет, обожится
Материнская вещая тьма!

Через мифологический сюжет и мелодику песен женских персонажей поэмы «Ермак» показаны генетическое родство и духовная близость Ермака коренным народам Сибири. Таким образом, их художественная речь имеет единую духовную и культурную основу.

В отличие от неё речь мужских персонажей представляет собой в целом сложную систему противопоставлений, как в национально-культурной, в психологической, так и в духовной области. У героев поэмы с разным пониманием смысла жизни и соответственно с духовной целенаправленностью их деятельности совершенно различен словарный запас речи и её мелодические контуры. Поэту Василию Дворцову удалось это с большим мастерством: душа каждого персонажа поёт на своём сокровенном языке. В результате в поэме выстраивается определённая духовная иерархия, на вершине которой – внутренний монолог православного царя Иоанна Грозного. За последнее столетие русский народ, писатели и поэты утратили монархическое национальное самосознание – представление о православном царстве. В силу этого создание литературного образа православного царя, помазанника Божия, является сверхсложной задачей для современного поэта. Василий Дворцов, на наш взгляд, успешно с ней справился. В основу образа Иоанна Грозного поэт положил его православное самосознание – понимание царской власти как «*Печати и дара Святаго Духа*». Этой цели подчинены в поэме «Ермак» особенности языка исповеди царя. Начинается монолог именно с этих ключевых православных молитвенных слов:

Всемогущая святыя
И живоначальныя Троицы,
Отца и Сына и Святаго Духа
во единстве покланяемаго, истиннаго Бога нашего
милостию сподоблены мы, смиренный Иван Васильевич,
нести крестоносную хоругвь Православия
на Российском царствии
и во иные многие царства-государствах,
великих же и малых княжествах.

Православные русские поэты знали не только внешнюю сторону таинства помазания на царство, но и понимали его глубокий смысл. Это нашло отражение в созданных ими поэтических образах царей: у М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. С. Хомякова, Л. А. Мея, А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева, Н. С. Гумилёва, С. С. Бехтеева. Н. В. Гоголь писал: «*Высшее значение монарха прозрели у нас поэты, а не законоведцы, услышали с трепетом волю Бога создать её [власть] в России в её законном виде, оттого и звуки их становятся библейскими всякий раз, как только излетает из уст их слово **царь***».

Поэт В. В. Дворцов старается передать особенности реальной речи Царя, о которых можно судить по его посланиям, церковным молитвам и Духовной. Академик Д. С. Лихачёв отмечал стилистическое богатство языка царя. О высоком духовном достоинстве царя Иоанна Васильевича

и его таланте писателя говорят созданные им стихиры. Их очень ценил известный духовный писатель и исследователь архимандрит Леонид (Кавелин. 1822–1891). Василий Дворцов в своей поэме «Ермак» продолжил традиции А. С. Пушкина и архимандрита Леонида Кавелина. Образ царя Иоанна Грозного создан поэтом не по мирской, обывательской мерке, не с чуждых либеральных позиций, а прозорливо и духовно достоверно, с пониманием того, что *«сердце царское в длани Божией»*. В поэме в монологах Царя отразилась гимнографическая традиция его произведений. Сравним, например, текст «Канона и молитвы Ангелу Грозному воеводе», составленный Царём, и текст его исповеди в поэме «Ермак». Текст из Канона: *Святѣи ангеле, грѣзнии воевода, моли Бѣга о нас. Прѣжде страшнаго и грѣзнаго твоего, ангеле, пришествия умоли о мне грѣшнем о рабѣ твоѣм [имярек]. Возвести ми конец мой, да покаюся дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное...* Ср. текст из поэмы «Ермак»: *Грозный Ангеле! Возвести ми конец мой, да покаюся злых своих дел горько, да отрину от себе всякое бремя греховное...*

Таким образом, текст поэмы «Ермак» почти документально отражает особенности языка и стиля православного царя Иоанна Васильевича и тем самым воссоздаёт его истинный облик – жертвенного служения Православию и защитника Русского Православного Царства.

На основе прототипических текстов созданы монологи и других героев поэмы. Так, например, монолог Ермака звучит как высокая и проникновенная проповедь:

*Други-казаки! Нам брашно не горько,
Нет ни обид, ни занозной тоски –
Шли на Сибирь не по алые зорьки,
Не по кисель у молочной реки.
И не под рабство языки мы клоним,
Стоит ли жизнь соболей и бобров?
Капля за каплей стекает в ладони,
В братину общую общая кровь –
Чашу Руси наполняет любовь.*

Метафорический строй проповеди Ермака, отдавшего жизнь за Белого Царя, выражает сильное святое чувство. Этот мужественный духоносный стиль унаследован из древнерусской литературы. Но он близок и нам, современным читателям, которым дорога основная мысль автора поэмы – о святом предназначении России, о духовной высоте её судьбы.



Берега истории

Протоиерей Георгий Бирюков

Родился в 1961 году в Рязани. Окончил Ленинградское высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Служил на Балтийском флоте. Капитан-лейтенант запаса. С 1992 года – священник Русской православной церкви. Настоятель одного из приходов Черняховской епархии, штатный помощник командира одной из частей Западного военного округа по работе с верующими военнослужащими. Занимается исследованием истории Православия на Калининградской земле, событий Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии и действий российского Балтийского флота в водах Южной Балтики. Член общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл».

Прусское поместье Гланды Камбилы

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПРЕДОК РОМАНОВЫХ
РЕАЛЬНО СУЩЕСТВОВАЛ

1. Краткая история вопроса происхождения дома Романовых из Прусской земли

В споре о достоверности прусского происхождения Андрея Кобылы, родоначальника многих боярских и дворянских фамилий, включая Романовых, можно поставить точку. Существование Гланды Камбилы, которого геральдмейстер Степан Андреевич Колычёв назвал отцом Андрея Кобылы, документально подтверждено. Более того, установлено местонахождение ленного владения, которое было закреплено властями Тевтонского ордена за этим прусским вождём в 1290 году. Однако и по сей день на странице «Википедии», посвящённой Гланде Камбиле, мы можем прочитать: «Гланда Камбилла Дивонович (в крещении Иван Камбилла Дивонович) – мифическая фигура родословного древа Романовых, реальность его существования в настоящее время историками не подтверждается».

Хорошо ещё, что «Википедия» не сомневается в существовании самого Андрея Кобылы. Но сей боярин, хотя только однажды, но всё же конкретно упоминается в летописях: в 1347 году он был послан из Москвы в Тверь за княжной Марией Александровной, невестой великого князя Симеона Гордого, дочь князя тверского Александра Михайловича. Так, в «Лицевом летописном своде» говорится: «В том же году великий князь Семён Иванович, внук Даниилов, женился в третий раз, взяв за себя княжну Марью, дочь великого князя Александра Михайловича Тверского. А ездил за ней в Тверь Андрей Кобыла да Алексей Босоволков».

Можно полагать, что в 1347 году Андрей Кобыла был уже не двадцатилетним юношей, а человеком в почтенном для того времени возрасте, заслуженным и потому приближённым к князю Московскому. По свидетельству родословцев, он был московским боярином времён Ивана Калиты (Московский князь в 1322–1340 гг.) и Симеона Гордого (Московский князь в 1340–1353 гг.). Согласно родословным, отчество Андрея Кобылы было Иванович.

Андрей Кобыла имел пятерых сыновей. Возможно, были у него и дочери, но в те времена все знатные роды вели свою историю только по мужским ветвям, и сведений о дочерях не сохранилось. Младший сын Андрея Кобылы Фёдор Кошка – московский боярин и дипломат – был близок к великому князю Московскому Дмитрию Донскому, а затем к его сыну Василию. В числе других бояр он подписался на духовной великого князя Дмитрия Донского 1389 года. В 1393 году он вёл мирные переговоры с Новгородом. Позднее Фёдор Кошка представлял интересы Москвы в Орде. Темник Едигей, фактический правитель Золотой Орды, в 1409 году писал великому князю Василию Дмитриевичу: «Добрые нравы и добрая душа и добрые дела были в Орде от Фёдора Кошки, добрый был человек, которые добрые дела ординские, то и тебе

воспоминал, и то ся минуло». Очевидно, к моменту написания этого послания Фёдор Кошка уже умер. Через своих многочисленных сыновей он стал родоначальником дома Романовых и дворянских родов Шереметевых (впоследствии графы), Яковлевых и угасших Голтяевых и Беззубцевых. Впрочем, родословные потомков Андрея Кобылы изучены достаточно хорошо. Споры ведутся о его предках.

В 1687 году была составлена так называемая «Бархатная книга» – родословная книга наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России. Её пришлось составлять в связи с отменой в 1682 году местничества и прекращения составления т. н. разрядных книг. В Бархатную книгу были включены «Государев родословец» 1555–1556 годов, состоящий преимущественно из родословных записей Рюриковичей и Гедиминовичей (царский, княжеские, боярские роды), а также материалы за вторую половину XVI–XVII веков из родословных росписей, поданных представителями этих фамилий в 1682–1687 годах. Вот в этой «Бархатной книге» и были зафиксированы сведения о выезде Андрея Кобылы «из Немец», из прусской земли.

В том же XVII веке в родословной Колычёвых появилась конкретизация этой легенды, составленная герольд-мейстером Степаном Андреевичем Колычёвым. По ней некий князь Гланда Камбила, сын князя Дивона, потомок прусского короля Видевута, утомлённый в борьбе против Тевтонского ордена, выехал вместе со своим сыном и множеством подданных к великому князю Александру Ярославичу Невскому. Там он крестился с именем Иван, а его сын получил прозвище Кобыла, что объяснялось опиской писца.

Уже в XVIII веке прусское происхождение Андрея Кобылы стало вызывать споры. Российский историограф немецкого происхождения Герхард Фридрих Миллер не отрицал происхождения отца Андрея Кобылы из Пруссии, но всерьёз утверждал, что он (отец московского боярина Андрея) был тевтонский рыцарь. Август Людвиг Шлёцер, один из авторов «норманнской теории», всячески высмеивал «басню» про выезд из Пруссии Гланды Камбилы. Но, несмотря ни на что, данная версия была включена в «Общий гербовник дворянских родов Российской империи» – свод гербов российских дворянских родов, учреждённый указом императора Павла I в 1797 году. В знак происхождения из прусского края потомкам Кобылы в XVIII веке был присвоен герб города Данцига в «земле Прус»: золотая корона с двумя крестами под нею на красном поле. Исключением стал герб Романовых. После избрания на царство Михаил Романов и его потомки пользовались государственным гербом (изображением двуглавого орла) как личным. Позже, в 1856 году, Александр II утвердил фамильный герб дома Романовых: на серебряном поле червлёный грифон, держащий золотые меч и щит, увенчанный малым орлом; на чёрной кайме восемь оторванных львиных голов: четыре золотые и четыре серебряные. Этот герб использовался ещё в XVI веке дедом царя Михаила Фёдоровича, боярином Никитой Романовичем Захарьиным-Юрьевым. Таким образом сложилось, что происхождение от древних прусских королей подчёркивалось в гербах всех потомков Андрея Кобылы, за исключением самой царской династии Романовых.

Ряд историков конца XIX века также сомневались в достоверности родословной легенды о прусском происхождении Андрея Кобылы. Они с большей или меньшей определённой высказывались за происхождение боярина Андрея из Новгорода, из Прусского конца (П. Н. Петров, Н. П. Павлов-Сильванский). Отметим, что действительно была в Новгороде Прусская улица на Софийской стороне. Своё название получила от пруссов, выходцев из Пруссии. Прусская улица многократно упоминалась в летописях, в частности, в Новгородской первой летописи.

Того же рѣтѣмъ мѣщину рѣдшо аратью на
липаѣ . и кѣтъ мѣщину кѣтъ рѣдшо
ноу кѣтъ мѣщину кѣтъ рѣдшо



Того же рѣтѣмъ мѣщину рѣдшо аратью на
липаѣ . и кѣтъ мѣщину кѣтъ рѣдшо
ноу кѣтъ мѣщину кѣтъ рѣдшо

Лицевой летописный свод
о поездке Андрея Кобылы в Тверь

Эту версию несколько изменили видные историки советского времени С. Б. Веселовский и А. А. Зимин, решившие, что Андрей Кобыла происходил из какого-то знатного московского рода, возможно, конечно, новгородского происхождения. Историк А. В. Кузьмин утверждал о костромском происхождении Андрея Кобылы, основываясь на том, что его потомки имели под Костромой земельные владения. Апофеозом всех этих исследований стала распространяющаяся в последние годы идея о том, что Гланда Камбила и блаженный Прокопий Устюжский являются одним лицом, то есть родоначальником дома Романовых является первый русский юридивый. Таким образом, отсутствие конкретных сведений о личности Гланды Камбилы стало причиной возникновения различных гипотез, вплоть до самых экзотических. Наступило время положить конец этим бесплодным фантазиям.

2. Леонид Савёлов и журнал «Новик»

Начнём по порядку. В достаточной степени случайно (если в этом мире что-либо бывает случайным) из одной публикации в Интернете я узнал, что во втором выпуске за 1936 год некоего журнала «Новик» была помещена работа Василия Сергеевича Арсеньева «Русские погребения в Восточной Пруссии». Занимаясь немного воинскими захоронениями периода Первой мировой войны на территории нынешней Калининградской области, я, естественно, заинтересовался этим материалом, рассчитывая найти в нём ценную информацию по захоронениям русских воинов в Восточной Пруссии. Однако найти этот выпуск журнала «Новик» в России оказалось невозможным. В Европе – также. Выяснилось, что этот журнал был издан тиражом всего лишь в двенадцать (!) экземпляров. Казалось, работа Василия Арсеньева пропала без следа, но, опять с помощью Интернета, искомый номер журнала «Новик» нашёлся в одной из университетских библиотек Нью-Йорка. Сам я по Америкам не езжу, но в данном случае повезло: сестра одного знакомого как раз в это время полетела по каким-то своим делам в США и смогла найти время заглянуть в эту библиотеку. Она скопировала на ксероксе не только статью «Русские погребения в Восточной Пруссии», но и весь журнал. Кстати, статья «Русские погребения в Восточной Пруссии» оказалась не имеющей для меня никакого практического значения. Там шла речь отнюдь не о воинских захоронениях периода Первой мировой войны. Зато, неожиданно получив копию всего журнала, я стал счастливым обладателем статьи того же Василия Сергеевича Арсеньева «О прусском происхождении Романовых», которая была опубликована в этом выпуске «Новика». Вот эта статья и расставляет всё по своим местам в вопросе о реальности существования Гланды Камбилы.

Прежде чем перейти к содержанию статьи, надо решить для себя вопрос: насколько можно доверять её автору Василию Арсеньеву? Что это за журнал такой «Новик», никому не ведомый? Насколько вообще можно серьёзно относиться к публикациям в журнале тиражом в двенадцать экземпляров? На эти вопросы придётся ответить.

Журнал «Новик» был основан в 1934 году в Афинах Леонидом Савёловым. Леонид Михайлович Савёлов – русский государственный и общественный деятель, последний холмский губернатор, генеалог, археограф, прозаик, мемуарист, коллекционер. Происходил из дворянского рода, дававшего России потомственных военных. Родился в 1868 году в Варшаве. Получил образование в Орловском Бахтинском кадетском корпусе, но службе в армии помешало слабое зрение. Года два служил чиновником в Харьковской контрольной палате, но решил уйти в отставку и заняться общественной и научной деятельностью. С 1892 по 1903 год Савёлов являлся уездным предводителем дворянства и почётным мировым судьёй Коротоякского уезда Воронежской губернии, председателем уездной земской управы. Деятельность его на благо Коротоякского уезда была оценена по достоинству. В 1903 году Савёлов становится почётным гражданином города Коротояка. Леонид Михайлович находит время для изучения истории края и исследования местных дворянских родов. К этому периоду жизни Савёлова относятся его исследования о воронежском и коротоякском дворянстве, «Материалы для истории рода дворян Савёловых» и «Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию Российского дворянства».

В том же 1903 году Савёлов предложил некоторым своим знакомым собраться и обсудить разработанный им план организации в Москве генеалогического общества. Инициативная группа собиралась на московской квартире Савёлова. В 1904 году Савёлов был причислен к Министерству внутренних дел и переехал в Москву. 15 декабря 1904 года в Москве был утверждён

устав Историко-Родословного общества, председателем которого стал Савёлов. Цель нового общества заключалась в научной разработке истории российского дворянства как в целом, так и отдельных его родов. Численность членов общества колебалась в пределах 160–170 человек. Стал издаваться журнал «Летопись Историко-Родословного общества» (выходил в течение 11 лет, с 1904 по 1915 год).

С 1906 года Савёлов стал также председателем Археологической комиссии Особого комитета по устройству музея Отечественной войны 1812 года. С 1908 года он заведовал Московским отделением Общего архива Министерства Императорского Двора, где хранились документы различных учреждений, обслуживавших царский и императорский двор. Савёлов провёл полную ревизию архива. С 1908 по 1913 год он читал курс лекций по генеалогии в Археологическом институте. В 1913 году стал первым председателем Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года. В годы Первой мировой войны – начальник санитарной и эвакуационной службы Красного Креста. В 1916–1917 годах являлся последним холмским губернатором, проживал в Казани, куда из Холмской губернии были эвакуированы правительственные учреждения.

Являясь убеждённым монархистом, Савёлов не принял Февральскую революцию. За Февральской революцией последовал октябрьский переворот. В сентябре 1917 года состоялось последнее официальное собрание Историко-Родословного общества. В ноябре 1917 года семья Савёловых навсегда покинула Москву и уехала в Крым. В московском доме Савёловых в феврале 1918 года обосновались анархисты во главе с актёром Мамонтом Дальским. Из библиотеки учёного, насчитывавшей 10 000 томов, разделённых на 12 отделов, уцелело немного. К 1938 году в библиотеке Исторического музея оказались около 1000 уцелевших книг по генеалогии и личный архив Леонида Михайловича (371 папка).

С 1920 года Савёлов находился в эмиграции в Греции. Работал преподавателем в русской женской гимназии. В 1923 году переехал в Югославию, но в 1926 году вернулся в Афины. В изгнании, находясь на положении беженца, не обладавшего, по собственному признанию, «никакими материальными средствами и долженствующего заботиться о хлебе насущном, который достаётся очень нелегко», историк нашёл в себе силы продолжать активную научную и общественную деятельность. Савёлов основал в Афинах Научно-литературный кружок, Греко-Русский Пушкинский комитет. С середины 1920-х годов он вновь взялся за научные изыскания. В 1933 году издал фундаментальный труд «Древнее русское дворянство». В том же году увидел свет напечатанный на машинке историко-генеалогический очерк «Бояре Романовы». Всего перу Савёлова принадлежит 450 научных работ. В 1934 году он приступил к изданию журнала «Новик», о котором ниже будет рассказано отдельно.

Савёлов – основатель научной генеалогии в России, создатель и организатор нового направления в изучении развития общества, первый исследователь его семейно-родовых и культурных традиций. Он изучал механизм преемственности поколений, обеспечивающий многовековое самоотверженное служение Отечеству российских служилых родов. Сегодня в России о Савёлове вспомнили. Ежегодно, начиная с 1993 года, в ноябре или в декабре в Государственном историческом музее проводятся Савёловские научные чтения. Мы же должны сделать вывод: к материалам, опубликованным в журнале, редактором которого был такой человек, следует относиться очень серьёзно. Савёлова по праву считают виднейшим специалистом по генеалогии российских дворянских родов.

Но почему же в таком случае у журнала «Новик» в 1936 году был столь смехотворный тираж – двенадцать экземпляров? Видимо, потому, что саму идею Савёлова издавать в тех условиях узко-



*Савёлов Леонид Михайлович
в 1914 году*

специализированный генеалогический журнал следует рассматривать как авантюру. Материальных средств на издание журнала у Савёлова не было. Коллектива авторов не было. В эмиграции оказалось несколько историков, имевших отношение к московскому Историко-Родословному обществу, но с одними не было связи, другие отказались сотрудничать по различным причинам. Материалы, собранные за долгие годы исследований, остались в Советской России, и судьба их была неизвестна. Русские архивы остались в Советской России, и доступа к ним не было. Афины того времени не были культурным центром типа Парижа, Лондона или Берлина, и в библиотеках города невозможно было найти нужные книги по истории. Потенциальных читателей было также немного. Афины, в отличие от Берлина, Парижа, Белграда или Праги, не были значительным центром русской эмиграции. Савёлов это понимал и сам писал: «В Греции русских вообще мало, а лиц, интересующихся историей, а особенно генеалогией, и того меньше». И всё же он взялся за издание историко-генеалогического журнала.

Савёлов рассчитывал на собственные тексты, которых могло хватить на несколько номеров. Фактически первоначально журнал имел всего двух сотрудников – Леонида Михайловича и его жену. «Новик» должен был выходить четыре раза в год. В каждом номере было 35–40 страниц. Савёлов сам печатал журнал на машинке. Этим и объясняется мизерный тираж в 12 экземпляров.

3. Василий Сергеевич Арсеньев

Существование журнала «Новик» оказалось под угрозой сразу после выхода первого номера. Весной 1934 года умерла жена Леонида Михайловича, Надежда Адриановна Савёлова. Журнал лишился единственного сотрудника, и, казалось, издание «Новика» на этом закончится. Но именно в это время профессору Кёнигсбергского университета Николаю Сергеевичу Арсеньеву удалось за доллары выкупить у советских властей некоторых своих родственников, в том числе старшего брата Василия. Это фактически спасло «Новик». Василий Сергеевич Арсеньев был давним коллегой Савёлова по московскому Историко-Родословному обществу. Приехав в январе 1934 года в Кёнигсберг, он, узнав о выходе первого номера «Новика», сразу связался с Леонидом Михайловичем.

Следует сказать несколько слов о Василии Арсеньеве. Так сложилось, что он оказался как бы в тени славы своего младшего брата, русского религиозного мыслителя, поэта, культуролога, профессора Кёнигсбергского университета Николая Сергеевича Арсеньева. Между тем Василий Сергеевич достоин особого внимания. Русский учёный, историк, археограф, краевед, автор работ по генеалогии и истории культуры тульского края, Василий Сергеевич Арсеньев родился 14 марта 1883 года в Софии, в семье видного российского дипломата. По возвращении родителей в Россию он успешно окончил 5-ю московскую гимназию, а затем, с золотой медалью и примечанием о проявленной склонности к «словесным наукам» – Александровский Царскосельский лицей. В годы учёбы в лицее он начал серьёзно заниматься историей дворянского сословия, генеалогией, коллекционированием старинных книг. В 1902 году Василий Арсеньев продолжил учёбу на университетском отделении Царскосельского лицея, а история и генеалогия становятся главным увлечением его жизни.

В 1904 году Василий Сергеевич получил место в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел, а с ноября стал чиновником особых поручений при Владимирском губернаторе. В июне 1905 года он стал советником юридического отделения Седлецкого губернского правления. С 1906 года он стал штатным сотрудником МИДа в Санкт-Петербурге, с марта 1908 года служил советником Витебского губернского правления, с августа 1910 года был членом Тульского губернского присутствия. В 1915–1917 годах служил псковским вице-губернатором. Должность псковского вице-губернатора стала вершиной его весьма успешной чиновничьей карьеры. В отсутствие начальства ему приходилось фактически руководить губернией. Он был лично известен императору. Февральская революция и октябрьский переворот эту карьеру, конечно, сломали. В начале марта 1917 года он был уволен со своей должности, а в июле был призван на военную службу. Поступил юнкером в Александровское военное училище. В октябре – ноябре Василий Арсеньев участвовал в обороне Кремля и в боях с большевиками на улицах Москвы. Получил контузию.

Нас больше интересует научная деятельность Арсеньева. Начиная с 1898 года Василий Сергеевич по крупицам собирал материал для исследования истории рода Арсеньевых. Наконец в 1903 году в Туле под наблюдением директора народных училищ Тульской губернии, историка

дворянского сословия, краеведа М. Т. Яблочкова был издан фундаментальный труд «Арсеньевы. Род дворян Арсеньевых, 1389–1901 гг.». К поколенной росписи рода Арсеньевых были добавлены многочисленные приложения: архивные документы, жалованные грамоты и награждение орденами, царские указы о производстве Арсеньевых в чины, челобитные, дарственные, купчие, мировые дела, духовные завещания, переписка представителей рода Арсеньевых с государственными и культурными деятелями России и многое иное. После издания этого труда Арсеньев был признан одним из лучших генеалогов России.

Василий Сергеевич занимался исследованием не только своего рода. Ещё во время учёбы в Москве он начал систематически собирать материалы по истории дворянских родов Воейковых, Шепелевых, Духовских и иных. В 1905 году в девятый том многотомного издания «Дворянское сословие Тульской губернии» были включены работы Василия Арсеньева «Род дворян Горяиновых: 1550–1905» и «Род дворян Исуповых (Юсуповых)», а также совместная работа М. Т. Яблочкова и В. С. Арсеньева «Род дворян Павловых».

Исполняя обязанности чиновника особых поручений при владимирском губернаторе, Арсеньев становится действительным членом Владимирской учёной архивной комиссии. В это время он также становится членом Историко-Родословного общества Москвы. За полгода службы советником юридического отделения Седлецкого губернского правления Арсеньев основательно изучил местные архивы и составил списки дворянских родов. Он предпринял попытки организовать в Седлецкой губернии местное отделение Историко-Родословного общества, о чём свидетельствует переписка с Леонидом Савёловым. Только краткость службы Арсеньева в Седлецкой губернии не позволила этому отделению состояться.

По инициативе Василия Сергеевича во время его службы в Витебской губернии в 1909 году была организована губернская учётная архивная комиссия, а сам он стал её первым председателем. Он же организовал издание первых «Трудов» учётной архивной комиссии.

Помимо членства в Историко-Родословном обществе, Василий Арсеньев, стал членом Русского географического общества, Русского военно-исторического общества, кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, Московского археологического института. Став в 1910 году членом Тульского губернского присутствия, он продолжил свою научную деятельность. Василий Сергеевич стал членом Тульской палаты древностей, губернского статистического комитета, общества любителей естествознания. По его инициативе и при его активнейшем участии в 1913 году была создана Тульская губернская учётная архивная комиссия. Он же организовал выпуск первых томов «Трудов комиссии». В Тульской губернии Арсеньев не только активно занимался изучением истории края, но и не менее активно трудился по сохранению древних памятников культуры. В 1913 году В. С. Арсеньев стал членом тульского отделения Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины.

Став псковским вице-губернатором, Василий Сергеевич, несмотря на то что Россия вела войну, нашёл возможность создать Псковскую губернскую учётную архивную комиссию. Благодаря его опыту, энергии и организаторским способностям комиссия развернула свою деятельность, но... Революция 1917 года поставила крест на карьере Василия Арсеньева как чиновника. Научная деятельность также отошла на второй план. Надо было выживать. Арсеньев некоторое время занимал должность уполномоченного движения «Политический Красный Крест» в Туле. С июля 1919 года он работал переводчиком Высшей Школы Военной Маскировки (ВШВМ) в Москве. Некоторое время работал в Главном архиве МИД, затем устроился преподавателем в Архивный институт. С августа 1923 года работал в Румянцевской библиотеке. С 1925 года преподавал географию в 1-м Институте социального перевоспитания. В конце концов был уволен по причине дворянского происхождения и перебивался случайными заработками.

Не менее восьми раз его арестовывали. Так, 23 июля 1919 года был арестован как заложник в Орле, куда выехал, чтобы привезти в Москву свою жену, и заключён в концлагерь. Освобождён 12 сентября по ходатайству двух коммунистов. 20 сентября 1919 года был вторично арестован в засаде в ВШВМ, куда явился за своими документами. В начале декабря был освобождён по ходатайству Политического Красного Креста. 27 декабря 1919 года был арестован в третий раз (вместе с сестрой Анной) и заключён во внутреннюю тюрьму на Лубянке. 2 января 1920 года, в рамках открытого дела, были арестованы, как заложники, его родители и сестра Вера. До суда дело так и не дошло, и 11 марта 1920 года Василий Арсеньев был снова освобождён.



*Арсеньев Василий Сергеевич,
Псков, 1915 год*

В 1929 году был он вновь арестован, приговорён к трём годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Отсидев на Соловках три года, был освобождён, сотрудничал с издательством «Звенья», с Комиссией по устройству Центрального Литературного музея. В январе 1933 года был в очередной раз арестован по обвинению в «антисоветской агитации». 14 марта 1933 года Василий Сергеевич был освобождён, и дело было прекращено, хотя обвинение снято не было. Почему советская власть проявила такую необычную мягкость? Выше уже говорилось, что профессор Кёнигсбергского университета Николай Сергеевич Арсеньев выкупил своего брата у советской власти за доллары, заработанные преподаванием. В январе 1934 года Василий Сергеевич выехал в Кёнигсберг с женой Ольгой Александровной (урождённой Нарышкиной), племянником, Алексеем Нарышкиным, сыном расстрелянного Б. А. Нарышкина (был взят заложником после убийства Войкова, а затем расстрелян), и невесткой С. П. Нарышкиной.

Сотрудник Савёлова по Историко-Родословному обществу, генеалог и историк, обладающий необыкновенной работоспособностью и эрудированностью, Василий Сергеевич Арсеньев оказался на свободе. Уже 23 февраля 1934 года он написал в Афины Савёлову письмо, в котором предложил возобновить сотрудничество. Арсеньев сообщил о наличии у него девяти готовых к печати статей. Естественно, они были написаны ещё в Советском Союзе, но там он не мог их опубликовать. Кроме того, Арсеньеву всё же удалось вывезти из СССР довольно много собранных материалов по генеалогии российских дворянских родов, с которыми можно было работать дальше. Внезапное появление Василия Арсеньева спасло «Новик» и дало ему второе дыхание. Василий Сергеевич в последующие тринадцать лет стал постоянным сотрудником журнала. В 1934–1947 годах Василий Арсеньев опубликовал в журнале «Новик» более ста материалов. Фактически первые четыре года в журнале публиковались статьи только трёх авторов: самого Савёлова, Василия Арсеньева и Николая Петровича Михайлова, бывшего штабс-ротмистра 3-го драгунского Новороссийского полка.

В 1937 году Леонид Савёлов перебрался из Греции в США к своей дочери Вере, бывшей замужем за Илларионом Илларионовичем Бибиковым. Бибиковы жили в сельском доме неподалёку от Детройта. После переезда в Америку ситуация с изданием «Новика» улучшилась. Сразу налажился тесный контакт с Союзом российских дворян в Америке, у журнала появились новые сотрудники. В октябре 1937 года Савёлов создал в Нью-Йорке Русское Историко-Родословное общество, принявшее устав дореволюционного московского Историко-Родословного общества. Леонид Михайлович стал его председателем, а журнал «Новик» стал печатным органом общества. При этом журнал увеличил объём номера, стал печататься на ротаторе большим тиражом. Нам же следует помнить, что в самый тяжёлый момент становления выжить журналу помог Василий Сергеевич Арсеньев.

Американский период жизни Савёлова был плодотворен, но 19 октября 1947 года после перенесённой операции он умер в госпитале «Сент-Джозеф» города Анн-Арбор. Отпевали покойного в Детройте в Успенском Кафедральном соборе. В журнале «Новик» за 1947 год в некрологе, подписанном Василием Арсеньевым, говорится: «Скончался Леонид Михайлович Савёлов... Не дождался возвращения в горячо любимую им Царскую Россию и не увидел он родной страны, которую он так нежно любил и так любовно отобразил в своих воспоминаниях...» Писавший эти строки Василий Арсеньев сам был тяжело болен и пережил своего друга и соратника всего на два месяца. Он скончался в Брюсселе 22 декабря 1947 года и был погребён во Франции, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

4. Содержание статьи Василия Арсеньева «О прусском происхождении Романовых»

Установив, что личности редактора журнала «Новик» Леонида Михайловича Савёлова и автора статьи ««О прусском происхождении Романовых» Василия Сергеевича Арсеньева заслуживают всяческого уважения, можно перейти к содержанию самой статьи, опубликованной во втором выпуске журнала за 1936 год. Статья начинается так:

«Царственный дом Романовых, по преданию, происходит из Пруссков от выехавшего к святому великому князю Александру Невскому Гланды Кобылы.

Русская генеалогическая наука, начиная со 2-й половины XIX века, отрицает эту “легенду”, указывая, между прочим, на старое именование “Прусского” конца в Новгороде. Одним из самых ревностных противников легенды об иноземном выезде Романовых (как, впрочем, и вообще всех выездов) является почтенный редактор “Новика” профессор Л. М. Савёлов.

Особенно потому мне отраднo отозваться на его предложение и сообщить те заметки, которые мне удалось собрать, живя уже почти два года в Восточной Пруссии, и кои, казалось бы, дают некоторое основание “Прусской” легенде...»

Мы видим, что Савёлов назван «ревностным противником» легенды об иноземном выезде Романовых. Но при этом, пользуясь случаем, он просит проживающего в Кёнигсберге Василия Арсеньева разыскать в Восточной Пруссии сведения, могущие дать основания «Прусской» легенде. В принципе, так и должен поступать настоящий учёный. Даже если он сам не верит в прусское происхождение дома Романовых, он должен найти и проверить факты, доказывающие или опровергающие его точку зрения. Василий Арсеньев в совершенстве знает немецкий язык (как и его братья Николай и Юрий), он может ознакомиться с трудами местных историков, он умеет работать с источниками в архивах. Первоначально мы читаем неутешительные строки:

«Начну с того, что должен указать, что в Пруссии не существует никаких легенд и преданий об этом выезде и местные историки такового не знают».

Учитывая, что после тевтонского завоевания население Пруссии полностью сменилось, можно предположить, что современным Арсеньеву немецким историкам и не интересно было знать о том, куда выехали в своё время пруссы-беглецы. Но можно предположить и другое: после 1613 года немецкие историки сознательно уничтожили всё, свидетельствующее об исходе предка правящего в России дома Романовых из Пруссии, чтобы лишить русских царей повода претендовать в какой-либо форме на землю своих предков. Прецеденты были... Так, в своё время Московский царь Иван IV припомнил Ливонской конфедерации невыплату так называемой «Юрьевской дани» и начал в 1558 году Ливонскую войну, одним из итогов которой стала ликвидация Ливонского ордена. «Юрьевская дань» должна была выплачиваться ливонцами за владение городом Юрьевым (Дерпт, ныне – Тарту), основанным когда-то князем Ярославом Мудрым. Другой пример: в созданном в начале XV века «Сказании о князьях владимирских» утверждается, что князь Рюрик был призван на Русь из Прусской земли. Мол, некогда император Август поставил своего сродника Пруса править землями в низовье Вислы с конкретно названными городами Марборок (Мариенбург, Мальборк), Турн (Торн, Торунь), Хвонин и Гданеск (Гданьск). Потомком Пруса и был назван оный Рюрик. Это давало основание русским государям (Рюриковичам) претендовать на верховное главенство над Пруссией и заставило в своё время нервничать и Тевтонский орден, и Польшу. Так что причины скрыть (уничтожить) документы, свидетельствующие об исходе предка Романовых из Пруссии, у немцев после 1613 года (избрание Михаила Романова на царствие) были.

Мы продолжаем читать статью Василия Арсеньева. Пропустив несколько строк (потом вернёмся к ним), мы можем узнать, что, оказывается, имя Гланда было широко распространено среди прусских вождей:

«Имя Гланд часто встречается среди вождей Прусских племён; так, в 1260 году началось кровавое восстание против Ордена, во главе Пруссков был вождь самландцев Гланда; другой прусский вождь из племени бартландцев – Дивон – бежал, после поражения, в Литву и устроил там новое святилище – “Романове” (В. Пирсон. История Пруссии. Берлин, 1906). Также бежали после неудачи общего восстания 20/IX <...> года Прусы из Эрмсланда и Погезонии в леса в Россию к Александру Невскому, и равно и в Литву и разбитые в 1283 году в восстании судовийцы.

В 1260 году, во время восстания, самландцы (прусское имя) выбрали своим вождём для войны



Герб Романовых

Гланда (Дусбург, Хроника, III, 89, ссылка по труду А. Л. Эвальда «Завоевание Пруссии немцами», III), хотя во главе этого племени стоял родовой «рейкс» Кодруне.

В 1260–61 г. в Самландии восстание было поднято вождём Гландом из рода Витингов из Ротау (в крещении имя его Рихард); в Самландских высших классах имя Гланда встречается весьма часто.

В 1262 году упоминаются павшие в бою с немцами у Фрише-Нерунг (залив близ Кёнигсберга) вожди самландцев – Свойно и Гланда (А. фон Коцебу. Древнейшая история Пруссии. I–IV. Гамбург, 1811). 20 июня 1281 года комтур Кёнигсберга Манегольд дал братьям Пошонше, Герме и Гланду столько земли у Квитенена, близ Прейсиш-Голланд, сколько они могут обработать 3 сохами (Перльбах Регестен, № 865, ссылка в книге Эвальда).

Под 1298 годом упоминается в Самландии, в Вагене, Гланде, сын Сембона, владелец поля Сиргате, из рода Витингов.

В 1299 году в помощь к комтуру Кёнигсберга Бертольду Берхгольцу пришёл из Рынова – Гланда, из рода старинных Витингов, потомков древних языческих вождей жупанов (Фойгт. История Общества ящерицы в Пруссии. Кёнигсберг, 1823).

В Пруссии существуют доселе деревни – Гландау и Гланден близ Браунсберга».

Таким образом, «перелопатив» массу источников, Василий Арсеньев обнаружил, что среди вождей прусских племён имя Гланда было распространено. Он также нашёл в изученных источниках утверждения, что после неудачи восстания 20 сентября 1260 года разбитые пруссы из Эрмланды и Погезонии бежали «в леса в Россию к Александру Невскому, и равно и в Литву и разбитые в 1283 году в восстании судовийцы». Судовы – немецкое наименование племени ятвягов, которых следует отличать от пруссов, но которые близки им по происхождению. Отметим для себя годы, под которыми упоминаются в источниках прусские вожди по имени Гланда: 1260, 1260–1261, 1262, 1281, 1298, 1299-й... Тот Гланда, который упоминается под 1262 годом, погиб. Речь в статье Арсеньева явно идёт не об одном человеке, а о разных людях, носящих имя Гланда, что и позволяет сделать вывод о распространённости этого имени у прусских вождей. Названия деревень Гландау и Гланден, скорее всего, также произошло от имён владевших ими прусских вождей.

Подтверждает ли вышеприведённая информация «легенду» о выезде Романовых из Пруссии? Честно говоря, пока не совсем убедительно. Мы можем вспомнить, что в родословной Колычёвых, составленной в конце XVII века, впервые появилось конкретное имя выехавшего из Пруссии Гланды Камбилы, сына князя Дивона. Если это всего лишь легенда, придуманная герольдмейстером Степаном Андреевичем Колычёвым, то следует признать, что она правдоподобна. У пруссов действительно был вождь по имени Дивон, были и вожди, носящие имя Гланда. Пруссы действительно бежали от крестоносцев к Александру Невскому. Теоретически некий Гланда Камбила мог приехать из Пруссии на Русь таким образом. Но было ли так на самом деле? Может быть, Степан Колычёв познакомился с германскими историческими источниками, описывающими завоевание Пруссии Тевтонским орденом, и взял из них требуемые имена. Существует ведь «Хроника земли Прусской» Петра Дусбурга, в которой встречаются имена прусских вождей Дивона и Гланды. Правда, там нет информации, что Гланда был сыном Дивона. Хроника была написана на латыни и закончена к 1324 году. В том же XIV веке на немецкий язык её перевёл Николай фон Ерошин. Может быть, Степан Колычёв изучил латынь или немецкий, достал где-нибудь экземпляр «Хроники земли Прусской» и взял оттуда требуемые имена для создания видимости достоверности легенды? Кто знает? Отметим для себя также, что в «Хронике земли Прусской» есть прусский вождь по имени Гланда, но вот человека по имени Гланда Камбила нет. Это означает, что, если бы в каком-либо малодоступном немецком источнике (он должен был быть недоступным для Колычёва) найдутся сведения не просто про Гланду, а про Гланду Камбилу, можно будет говорить о версии исхода отца Андрея Кобылы из Пруссии как о практически достоверной.

А ведь Василий Арсеньев нашёл эти сведения! Вот что он написал в своей статье (это те строки, какие мы намеренно пропустили): «Между тем, в издании «Памятники истории Вармии» (Эрмланды), напечатанных в 1860 году в Майнце, имеется под № 86а ленная грамота от 23/VI.1290 года на

имение Налабен около городка Мельзака в приходе Петервальде на имя Гландус Кабилло».

Ленная грамота была написана на латыни, а затем переведена на немецкий язык, поэтому прусское имя Гланда было записано как Гландус. Любопытно, что в этом источнике написано Кабилло, а не Камбила. Само собою просится перевести латинское «Kabillo» на русский как «Кобыла», так что ошибка писца вполне понятна (тем более что на немецком языке краткий звук «л» пишется как сдвоенное «ll», то есть прозвище произносилось «кабило»). Итак, Гланда Камбила (Кабилло) реально существовал. В 1290 году Тевтонский орден подготовил официальный документ, подтверждающий его право на владение имением Налабен (ленную грамоту). Вероятность того, что эту ленную грамоту мог видеть Степан Колычёв, равна нулю. Эта ленная грамота пылилась в каком-нибудь закрытом архиве Тевтонского ордена, пока её текст не напечатали в 1860 году в малоизвестном научном издании «Памятники истории Вармии» в западногерманском городе Майнце. Таким образом, Колычёв реально мог знать о существовании Гланды Камбилы только из семейных преданий. Недоступная ему ленная грамота от 23 июня 1290 года подтверждает эти семейные предания, подтверждает реальность существования Гланды Камбилы.

Далее Василий Арсеньев пишет: «Что касается до имени Кабилло, то не происходит ли оно от названия рукавов Вислы у Эльбинга – “Кобел”, которые являлись в 1281 году границей между владениями Поморского князя Мествина и Ордена (Эвальд. Завоевание Пруссии немцами)? Местностей, имевших такое название, в Силезии и Пруссии великое множество, например Кообельбуде, Кобель и Кобельтен в Пруссии, Кобилло около Данцига и т. д.».

При подготовке и написании статьи Василий Арсеньев явно сам уверовал в происхождение дома Романовых из Пруссии, так как добавляет следующие рассуждения: «Наконец, относительно самой фамилии Романовы – не могло ли это имя, получившееся от предка Романа, нести в себе воспоминание о свойственном далекой Прусской прародине названию святилища – Ромове, Ром, Романене, Роминтен, Ромейкен и т. д. Отдалённая аналогия в именах потомков Мурзы Салхомира – Ел-Суфа (“больно хитрого”); одни назывались – по переводу слова – Хитрово, другие по созвучию – Олсуфьевы, то же и в потомках Аслана Мурзы-Челебея – один сын получил имя Лев – значении слова Аслан по-татарски, другой – Арсений – по созвучию». Хотя в реальности тевтонские завоеватели так и не обнаружили святилища Ромове, эти интересные рассуждения Арсеньева можно принять к сведению.

Леонид Савёлов вынужден был согласиться с истинностью утверждения о происхождении дома Романовых из Пруссии. В четвёртом выпуске журнала «Новик» за 1936 год он писал: «...я всё же не считаю себя побеждённым в вопросе о “выездах”. Исключения всегда возможны и не нарушают общего правила, и исключения я всегда допускал, требуя только исторических доказательств, не противоречащих историческим возможностям». Исторические доказательства выезда предка дома Романовых из Пруссии, не противоречащие историческим возможностям, были Василием Арсеньевым найдены и представлены.

Остаётся ответить на несколько дополнительных вопросов. Первый вопрос: по какой причине Гландус Кабилло, получивший от Тевтонского ордена ленную грамоту на владение имением Налабен, вынужден был бежать на Русь? Вроде бы к 1283 году Тевтонский орден взял под полный контроль всю территорию Пруссии. Боевые действия против пруссов закончились. Те, кто воевал против власти Ордена, либо были убиты, либо бежали, либо подчинились Ордену. В данном случае выдача ленной грамоты подразумевает, что Гландус Кабилло подчинился власти Тевтонского ордена и получил определённые права. Он мог бы неплохо жить на территории Орденского государства. Его потомки, конечно, перешли бы на немецкий язык и стали бы немцами. Василий Арсеньев пишет в своей статье:

«В Пруссии доселе в дворянстве сохранились потомки древних прусских родов, графов Кольнейн, фон Кальштейн (см. Эрmlandская Газета, № 96 от 26/IV.1935 г.), фон Лангхейн, фон Гауден, фон Кантейн (Кондейне – 375/ф.Мюльверстендт. Исторические сведения о старопрусских дворян-



Экслибрис В. С. Арсеньева

ских родах фон Остау. Магдебург, 1886). Кроме того, среди населения встречаются литовские фамилии: Перкун, Пукилл, Киллиен, Католл (Кёнигсбергская Газета от 21 февраля 1935 г.).

Надо заметить, что у пруссов, наряду с родами светских вождей – рейксов и жупанов, были духовные вожди – граве, жившие в священных рощах “Ромове” – за этим сословием шли витинги, происходившие, по сказаниям, из Вотланда, центр коей был у Локстедта, и главные владения коих в устье Прегеля были, во время какого-то большого наводнения, поглощены морем.

За убийство витингов была положена ещё в 1285 году особая вира в 15–60 марок. В 1328 году был определён состав их прав “большое право”, они приобретались лишь по рождению, состояли в праве владения дворянскими усадьбами, в двойном титуле владения землёй: по наследству и по получению от Ордена, в свободе от наследственных пошлин, в праве преимущественной покупки земли витингов и в службе подручными – вассалами у рыцарей, особенно для постройки замков и крепостей (Е. Вейзе. Древние Пруссy. Эльбинг, 1934 и В. Герта. Викинги в Восточной Пруссии. Кёнигсберг)».

Немалые права по тем временам, неплохая перспектива... Однако Гланда Камбила отказался от столь прекрасного будущего и уехал на чужбину. Почему?

5. Причины переселения Гланды Камбилы из Пруссии на Русь

Прусские восстания тевтонцы именовали «вероотступничествами». Обычно современные историки отмечают два больших прусских восстания (вероотступничества): Первое (1242–1253) и Второе (1260–1274). Князь Александр Невский имеет некоторое отношение к Первому прусскому восстанию. Оно началось сразу после победы князя Александра Невского над Тевтонским орденом на льду Чудского озера 5 апреля 1242 года. Узнав о сокрушительном разгроме тевтонцев, пруссы немедленно восстали против своих поработителей. Сам Александр Невский в Пруссии не бывал, но его имя навсегда стало светлым знаменем в глазах восставших. Традиционно прусские вожди были разобщены, поэтому предводителем восстания они выбрали славянского князя – Святополка II Поморского (1216–1266). Святополк был правителем Восточного Поморья со столицей в Гданьске. Его владения вплотную примыкали к Пруссии с запада, поэтому он изначально имел какие-то особые отношения с прусскими вождями приграничных областей. Святополк происходил из местной династии Самборидов, то есть не имел отношения к правящим в польских княжествах Пястам. Жители Поморья не были поляками. Их потомки – нынешние кашубы – также считают себя народом, отличным от поляков. Первое восстание длилось с переменным успехом в течение одиннадцати лет. 30 июля 1253 года Святополк был вынужден подтвердить навязанные ему условия мира с Тевтонским орденом. На этом Первое восстание завершилось. Тевтонцы продолжили завоевание Пруссии.

Второе восстание началась 20 сентября 1260 года, то есть вскоре после поражения войск крестоносцев в битве с жмудинами на озере Дурбе. В этом сражении погибли ландмейстер Ливонского отделения Тевтонского ордена Буркхард фон Хорнхаузен, орденский маршал Генрих Ботель и около 150 рыцарей ордена. К восстанию присоединились все прусские племена, проживавшие между Вислой и Неманом, кроме помезан. Каждое племя избрало своего собственного вождя. Самбами командовал Гланда, натангами – Геркус Монте, бартами – Дивон, вармийцами – Глаппе, погезанами – Ауттум, ятвягами – Скуманд. Разобщённым пруссам опять потребовался вождь со стороны. Претензии на верховное командование восставшими обнаружили у литовского князя Миндовга, начавшего в августе 1261 года кампанию против ордена. Было также решено привлечь к войне в качестве союзников русских князей.

В 1261 году Миндовг отправил посольство во Владимир к великому князю Александру Ярославичу Невскому, а затем заключил союз с Великим Новгородом (где княжил тогда Дмитрий Александрович, сын Александра Ярославича). Во исполнение союзнических обязательств Александр Невский осенью 1262 года направляет свою армию под предводительством десятилетнего сына Дмитрия в Ливонию, под Дерпт, чтобы совместно с Миндовгом максимально ослабить немцев (рижское архиепископство и Ливонское ландмейстерство Тевтонского ордена). Из-за слабой координации совместных действий их результат оказался скромным. Самому Александру Невскому пришлось срочно ехать в Орду с дипломатической миссией. На обратном пути 14 ноября 1263 года он умер. А ещё раньше, 5 августа 1263 года, заговорщики во главе с Довмонтом убили Миндовга. В Литве начался

передел власти, стало как-то не до восставших пруссов. Прусские вожди имели определённые надежды и на князя Александра Невского, и на Миндовга. Надежды не оправдались, но о них помнили. Пример Довмонта, бежавшего из Литвы на Русь, в Псков, тоже запомнили.

11 января 1266 года скончался князь Святополк II Поморский. Заклятый враг тевтонцев, много раз их бивший и ими битый, Святополк последние годы только наблюдал за ходом восстания пруссов. Сам он во Втором восстании участия не принимал, связанный клятвой. Ему наследовал его старший сын Мстивой II, много лет проведенный в заложниках у тевтонцев. Эти годы запомнились ему не с лучшей стороны. Наследовав княжество отца, он с молодым энтузиазмом включился в прусское восстание. Пруссы поднажали с правого берега Вислы, разорив Кульмскую землю и Помезанское бискупство. Мстивой, опираясь на свой замок Нейенбург, надавил с левого берега Вислы. Поморяне и пруссы сразу перерезали снабжение Тевтонского ордена по Висле, разгромив караван из 15 судов. Ландмейстер Тевтонского ордена Людвиг фон Бальдерсхейм был вынужден отвлечь часть сил на войну против Поморского княжества. Тевтонцы пересилили, и 3 января 1268 года Мстивой II был вынужден заключить с Орденом мирный договор.

Общего руководства у восставших пруссов так и не сложилось. Вожди отдельных прусских племён сражались и погибли поодиночке. Ещё в 1262 году в бою с немецкими рыцарями у залива Фрише-Нерунг близ Кёнигсберга, был сражён копьём вождь самбов Гланда (его ни в коем случае не следует путать с Гландой Камбиллой). Вождь племени бартов Дивон воевал дольше и успешнее. Он захватил несколько замков Ордена, в том числе Бартенштайн. Он атаковал Мариенбург, Кульм, Христбург... Но в 1271 году при осаде замка Шёнензе в Кульмской земле Дивон был убит выстрелом из баллисты. Отметим для себя, что, судя по году смерти, Дивон вполне мог быть отцом Гландуса Кабилло, получившего в 1290 году от Тевтонского ордена ленное владение. А вот к вождю самбов Гланде он, конечно, отношения иметь не мог. Имя Дивон, кстати, происходит от славянского слова «диво» (чудо). После гибели своего вождя многие барты бежали на восток, в земли, контролируемые Литовским княжеством. Им была дана возможность поселиться в районе городов Гродно и Слоним, принадлежавших тогда Литве. Когда в 1277 году галицко-волинское войско попыталось захватить Гродно, оно столкнулось с наличием в рядах защитников города многочисленных пруссов и бартов (барты почему-то были выделены отдельно), показавших свою отвагу. С большой степенью вероятности можно считать, что Гландус Кабилло был в числе этих беглецов, временно поселившихся в Гродно.

Окончательно Второе прусское восстание выдохлось к 1274 году. Но автор «Хроники земли Прусской» Пётр из Дусбурга выделяет ещё Третье восстание (1275–1283). Фактически в эти годы Тевтонский орден продолжил и завершил завоевание Пруссии, покорив племена надровов, скаловов и судовов (ятвягов). Правда, в 1275 году действительно восстали давно покорённые погезане, достигнув определённых успехов. Они захватили в плен комтуров крепостей Эльбинг и Христбург вместе с их дружинами. Другие покорённые прусские племена – самбы, натанги и вармийцы – это восстание не поддержали. Ландмейстер Конрад фон Тирберг предпринял большой карательный поход на Погезанию. Пётр из Дусбурга записал: «Братья вторглись в землю Погезании и, убив без числа мужчин и опустошив землю огнём и мечом, увели в плен женщин и детей». Через несколько месяцев монахи-рыцари поход повторили. Они опустошили Погезанию огнём и мечом, взяли в плен и убили большую часть жителей. Только немногие из погезан спаслись и переселились в окрестности всё того же Гродно. Пётр Дусбург в своей «Хронике» торжественно зафиксировал, что в 1283 году, «...когда от начала войны с народом пруссов протекло уже 53 года и все народы в упомянутой земле были побеждены и уничтожены, так что не уцелело ни одного, который бы смиренно не склонил выю свою пред священной Римской церковью», Тевтонский орден стал полным хозяином Пруссии.

В 1284 году тевтонцы начинают войну уже с Литвой. Летом этого года ландмейстер Конрад фон Тирберг сделал набег на Гродно и сжёг город. В Гродно было обнаружено много бартов, бежавших из Пруссии. Пётр из Дусбурга особо отмечает, что в волости Гродно был убит тот самый барт, кото-



Завоевание Тевтонским орденом Пруссии

рый во время Третьего вероотступничества взял в плен комтуров Христбурга и Эльбинга с их дружинами, а затем бежал из Погезании. Также Пётр из Дусбурга отметил, что два барта, некие Нумо (Наум?) и Дерско, после разорения, содеянного тевтонцами в волости Гарты (Гродно), последовали за войском крестоносцев. По их просьбе всем бежавшим из Пруссии бартам и жёнам их было разрешено вернуться в Пруссию и поселиться в пустыющей после разорения 1275 года области Погезания. Вполне вероятно, что в числе вернувшихся мог быть и Гландус Кабилло. Пётр из Дусбурга отмечает, что самбийский фогт Дитрих высказывал опасения, что это снисхождение к мятежникам приведёт к неприятностям.

Итак, после 1284 года бежавшим в Гродно бартам было разрешено вернуться в Пруссию, в опустошённую Погезанию. При этом знатные барты могли получить от Тевтонского ордена надель и оформить их ленными грамотами. Какое-то время заняло переселение бартов в Погезанию, проверка их лояльности Тевтонскому ордену, оформление статуса прусской знати. Мы видим, что в 1290 году некий Гландус Кабилло должен был получить ленную грамоту на имение Налабен в приходе Петервальде возле города Мельзак. И вот здесь следует обратить внимание на то, что Пётр из Дусбурга упомянул в своей «Хронике земли Прусской» ещё про Четвёртое вероотступничество, на которое нынешние историки обычно внимания не обращают вовсе:

«В год от Рождества Христова 1286 брат Дитрих, фогт самбийский, мог бы сказать с Иовом: “Чего я боялся, то и пришло ко мне”; ибо барты, которые недавно вернули милость братьев, и погезаны и прочие из Пруссии, желая по обычной для них привычке к пороку восстать снова против братьев, заключили союз с некоторыми из Пруссии, чьё отвратительное деяние вполне заслужило того, чтобы предать огласке их имена; но я не делаю этого из почтения к положению их. Итак, они договорились на тех условиях, чтобы пригласить князя руйянов с сильным войском и, вышвырнув братьев из земли Прусской, поставить его королём и господином своим. Это отвратительное дело было раскрыто при строительстве замка Раганиты, и каждый из Барты и Погезании, имевший отношение к этому мерзкому заговору, получил заслуженную кару за участие».

Пётр из Дусбурга фактически сохранил в тайне все обстоятельства этого вероотступничества. Можно уточнить, что князь руйянов, на которого рассчитывали пруссы, был князь острова Рюген (Руяна) Вислав II (1260–1303), сын Яромара II (1249–1260) и... дочери Святополка II, князя Поморского. Таким образом, заклятый враг Тевтонского ордена глава Первого вероотступничества князь Святополк II был дедом князя руйянов Вислава II. Заклятый враг Тевтонского ордена, активный участник Второго вероотступничества князь Мстивой II был дядей князя руйянов (брат матери). Идея пригласить князя руйянов с сильным войском была столь реалистична и опасна для существования Тевтонского ордена, что её называли Четвёртым вероотступничеством.

Княжество Рюген в то время представляло собою феод, занимавший территорию острова Рюген и прилегающую к нему материковую часть под управлением князей из славянской династии Виславилов. Правители княжества находились в вассальной зависимости от королей Дании. При этом княжество обладало значительной военной мощью. Так, отец Вислава II князь Яромар II активно вмешался в ход гражданской войны в Дании на стороне архиепископов Лунда и Роскильде, выступивших против короля Кристофера I. В ходе гражданской войны в мае 1259 года армия руйянов захватила Копенгаген, практически уничтожив город. Датский король Кристофер I от огорчения умер 29 мая. Его вдова королева Маргарита собрала армию из крестьян. Руйяне разбили и её. К слову, королева Маргарита тоже была славянского происхождения и приходилась двоюродной сестрой Мстивою II Поморскому. Её отец князь Самбор II был родным братом Святополка II Поморского. Мир тесен! Маргарита стала первой в истории Дании женщиной-регентом, управляя страной с 1259 по 1264 год от имени малолетнего сына Эрика V. Далее руйяне разорили Зеландию, Сканию и Лолланд, высадились на Борнхольме, где Яромар II взял крепость Лиллеборг. Остановил его только наёмный убийца.

Вислав II участвовал в этой войне, а после смерти отца сам стал князем Рюгена. После завершения гражданской войны в Дании и стабилизации ситуации в государстве он мог рассчитывать не только на своё победоносное войско, но и на королевское, так как сюзерен был обязан защищать своего вассала. Так что заговор во владениях Тевтонского ордена мог быть поддержан извне значительными силами. Кроме того, удачно выдав замуж дочерей, Вислав II приобрёл несколько серьёзных союзников. Дочь Евфимия была в те годы королевой Норвегии. Дочь Маргарита была замужем за Богуславом IV, герцогом Померании-Вольгаст. Дочь Елена была женой Бернхарда II, князя Ангальд-

Бернбургского. Сын Яромар стал епископом Камминским. Наконец, прослеживается реальный интерес Вислава II к землям юго-восточной Балтики. В договоре от 12 марта 1289 года с маркграфами Бранденбурга Вислав II выразил свои претензии на земли Поморья в случае смерти бездетного герцога Мстивоя II. Позднее эта попытка завладеть Гданьском и окрестностями была сорвана вмешательством правителей Великой Польши, но она, эта попытка, предпринималась!

Годом возникновения заговора Петром из Дусбурга указан 1286-й. То есть заговор возникает на второй год после возвращения бартов из Гродно. Когда раскрыто дело? Пётр из Дусбурга сообщает, что дело было раскрыто во время строительства замка Раганита. Строительство этого замка началось 23 апреля 1289 года. Значит, первые сведения о заговоре были получены только после 23 апреля 1289 года. Видимо, у Тевтонского ордена появились некоторые подозрения после получения сведений о договоре от 12 марта 1289 года князя Вислава II с маркграфами Бранденбурга. Орден усилил бдительность, начал проверку и обнаружил заговор. Далее какое-то время заняло следствие, выяснение масштаба заговора, выявление конкретных лиц, в нём участвовавших, арест и наказание заговорщиков.

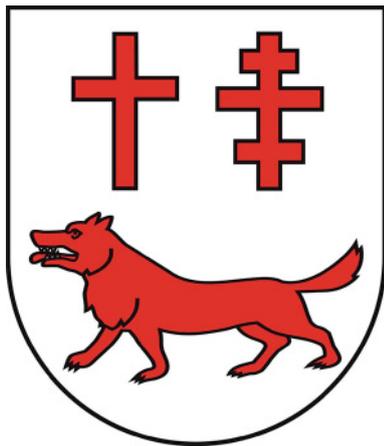
Так как Пётр из Дусбурга не назвал конкретных имён лиц, получивших «заслуженную кару», с большой уверенностью можно предположить, что они смогли скрыться. Надо понимать так, что Гландус Кабилло обязан был быть видным участником Четвёртого вероотступничества, а потому после получения известия о раскрытии заговора бежал. Ленная грамота, очевидно, так ему на руки выдана и не была. Осталась пылиться в архиве. Бежать пришлось на восток, но уже не в Гродно. Вряд ли там приняли бы беженцев по второму разу. Один раз их приютили, а они обманули и вернулись во владения Тевтонского ордена, поэтому доверять им литовцы теперь не могли. Бежать надо было туда, где Тевтонский орден не достанет, и начинать жизнь на новом месте, без надежды вернуться в Пруссию. Бежать надо было на Русь!

Можно было направиться в Псков, где правил князь Довмонт, женатый на Марии, дочери князя Дмитрия Александровича, внучке Александра Невского. Можно было направиться дальше, в сам Новгород, находящийся в 1283–1292 годах под контролем князя Дмитрия Александровича, сына легендарного победителя Тевтонского ордена на льду Чудского озера. Князь Дмитрий Александрович был тогда Великим князем Владимирским, а заодно и Новгородским. Лучше всего было поступить на службу к нему!

Увы, на Руси между князьями случались усобицы. Допустим, Гланда Камбила прибыл на Русь в 1290 году. Может быть, в начале 1291 года. Он поступил на службу к Великому князю Владимирскому Дмитрию Александровичу. Но в 1293 году ярлык на великое княжение получил в Орде младший брат Дмитрия, Андрей. Для подтверждения его прав на Русь двинулось ордынское войско во главе с братом хана Тохты Дюдением («Дюденева рать»). Князь Дмитрий бежал в Псков к своему зятю Довмонту. Андрей занял великокняжеский стол и сразу же был объявлен князем новгородским. Братьев кое-как примирили с помощью тверского князя Михаила Ярославича и тверского епископа, но во владении Дмитрия Александровича остался только город Переяславль Залесский. Оставшиеся верными ему бояре (в их числе – Гланда Камбила, ставший в православном крещении Иоанном) вместе с князем Дмитрием Александровичем направились в Переяславль. Но по пути туда князь Дмитрий в 1294 году умер. Ему наследовал сын Иван. Бояре, служившие раньше отцу, стали служить сыну. Князь Иван Дмитриевич умер бездетным в 1302 году. Он завещал город Переяславль московскому князю Даниилу, «его же любляше паче всех». Князю Даниилу Александровичу, самому младшему сыну Александра Невского, в своё время досталось в удел Московское княжество, малое и скудное по сравнению с другими вотчинами, где княжили его старшие братья – Дмитрий и Андрей. Вовлекаемый в княжеские междоусобицы, Даниил Александрович проявил себя миролюбом. Он потихоньку обустроивал своё маленькое княжество. Присоединённый Переяславль был гораздо большим городом, чем Москва, но князь Даниил оставил свою столицу в Москве. Туда перебрались и бояре, ранее служившие Ивану Дмитриевичу. Таким образом, сын Гланды Камбилы Андрей Кобыла стал московским боярином.



*Поместье Налабен
на довоенной германской карте*



Герб Гмины Лельково, на территории которой находятся Налабы (бывшее имение Налабен, принадлежавшее Гландусу Кобилло)

Итак, утверждение «Бархатной книги» о выезде Андрея Кобылы «из Немец», из прусской земли оказывается более чем достоверным. В 1290 году «в Немцах», в прусской земле, действительно жил знатный прусс Гландус Кабилло. И ему грозила смертельная опасность, от которой лучше всего было укрыться на Руси, поступив на службу к сыну князя Александра Невского Дмитрию. Через чetyреста лет после описываемых событий в семейном предании оказалось некоторое упрощение. Не вдаваясь в тонкости отношений и усобиц между сыновьями Александра Невского, ситуацию упростили до предела. В семейном предании, в родословцах не стали сложный путь Гланды Камбилы писать таким образом: «... в 1291 году выехал “из Немец”, из прусской земли, и поступил на службу к великому князю Владимирскому Дмитрию Александровичу, которого в 1293 году победил его брат Андрей Александрович. А в 1294 году Дмитрий Александрович умер. Стал служить его сыну Ивану Дмитриевичу. А тот в 1302 году умер. Стал служить брату Дмитрия Александровича Даниилу». Ожесточённую вражду между братьями, сыновьями великого Александра Невского, вообще лишний раз вспоминать не хотелось. Поэтому про них вообще ничего не говорили. В семейном предании стало проще: «... утомлённый в борьбе против Тевтонского ордена, выехал вместе со своим сыном и множеством подданных к великому князю Александру Ярославичу Невскому».

6. Местонахождение имения Гландуса Кабилло в Пруссии

Благодаря найденной Василием Арсеньевым ленной грамоте можно найти место, где было имение Гландуса Кабилло. Город Мельзак сохранился. После 1945 года им владеет Республика Польша. Поляки являются большими патриотами своей страны, поэтому дали городу новое название в честь польского журналиста и политического деятеля Северина Пененжного. С 1946 года город именуется Пененжно. Возвращать городу «историческое» название Мельзак поляки не собираются. Они чувствуют себя хозяевами своей страны, в том числе и тех земель, что после 1945 года отторгли от Германии. С помощью Советского Союза, конечно.

Ориентируясь на месторасположение города Мельзак на карте, мы можем найти церковный приход Петервальде. Это не трудно. На общедоступных германских довоенных картах мы можем видеть посёлок Петервальде, расположенный километрах в семи к северо-северо-западу от города Мельзак. Посёлок сохранился по сей день. Он тоже находится на территории Польши. Поляки переименовали посёлок на свой лад. Теперь он именуется Пётровец.

С помощью старой германской карты в окрестностях Петервальде мы можем найти поместье Налабен, находящееся в паре километров к востоку от Петервальде. По отношению к Мельзаку Налабен расположен в семи километрах к северу. Таким образом, до 1945 года это имение существовало. Оно сохранило своё название с 1290 года неизменённым. Поляки, естественно, переделали и его на свой лад. На современных польских картах на месте имения Налабен мы можем видеть надпись Nałaby (Налабы). Однако каких-либо строений на современной польской карте уже не обозначено. На спутниковых снимках их тоже не видно. Польская «Википедия» подтверждает, что в государственном реестре географических наименований включено наименование Налабы (Nałaby). Налабы числятся как kolonia, то есть удалённая часть какого-то поселения. Налабы находятся на территории гмины (волости) Лельково Бранёвского повята воеводства Вармия и Мазуры. Географические координаты посёлка: 54°17'57"N 20°08'12"E. Особо отмечено, что жилых и иных строений в Налабах нет. Фактически после 1945 года этот населённый пункт исчез с лица земли, осталось только название.

Больше повезло посёлкам Гланден и Гландау, наличие которых особо подчеркнул в своей статье Василий Арсеньев. На довоенных немецких картах посёлок Гланден показан в девяти километрах к востоку от города Мельзак (километрах в одиннадцати-двенадцати от Налабен). Посёлок Гландау находился в восемнадцати километрах к востоку от Мельзака. Оба селения сохранились по сей день, хотя численность населения заметно уступает довоенной. Поляки, естественно, переименовали оба

посёлка на свой лад. При этом оба, и Гланден и Гландау, именуется теперь одинаково: Глонды (Głądy). То селение Глонды, что при немцах именовалось Гланден, находится на территории гмины Пененжно Бранёвского повята воеводства Вармия и Мазуры. Гмина Пененжно считается городской. Координаты селения: 54°14'19"N 20°16'19"E. Селение утратило самостоятельный статус и считается частью другого поселения, именуемого Ковале.

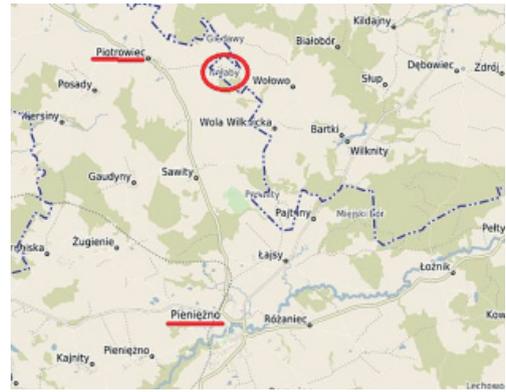
То село, что при немцах именовалось Гландау, находится на территории гмины Гурово-Илавецка Бартошицкого повята воеводства Вармия и Мазуры. Географические координаты села: 54°14'06"N 20°25'26"E. В 2008 году здесь проживало 270 человек. Отметим, что поместье Налабен (Налабы) и посёлки Гланден и Гландау находились сравнительно недалеко друг от друга. Это даёт основание с высокой степенью вероятности утверждать, что Гландус Кобилло, на имя которого выписана ленная грамота на имение Налабен, владел и посёлками Гланден и Гландау, получившими свои названия по имени владельца.

Гмина (волость) Лельково, на территории которой находятся Налабы, считается сельской. В 2004 году в ней жило 3 070 человек. Любопытно, что эта гмина сегодня находится на первом месте в Польше по доле украинского населения. Здесь в 2004 году проживало 607 украинцев (19,7 % всего населения). В Лельково действует приход украинской греко-католической церкви. В Пененжно, кстати, тоже действует украинский греко-католический приход. В гмине 35 населённых пунктов, в том числе и Налабы. Но, повторим, в Налабах сейчас никто не живёт, строений не сохранилось. На севере гмина граничит с Калининградской областью России. От Налабов до российской границы – километров пятнадцать по прямой.

Откуда в гмине Лельково оказалось так много украинцев? После 1945 года население этой местности полностью сменилось. Уцелевших немцев польские власти депортировали в Германию. На их место переехали поляки из Виленского края и из центральной Польши. А в 1947 году на территорию воеводства Вармия и Мазуры в ходе операции «Висла» насильственно переместили около 60 000 украинцев из юго-восточной Польши, из окрестностей Перемышля, Ярослава, Санока и Жешува. Таким кардинальным образом польские власти решили проблему партизан-бандеровцев, которые до того имели активную поддержку местного украинского населения. Не стало украинского населения – не стало и этой поддержки. Бандеровцы в течение кратчайшего времени были ликвидированы. Ну а выселенные украинцы так и остались жить на Мазурах. Первоначально польские власти запрещали им возвращаться, а через десяток лет они уже сами обжились на новом месте.

Население в Пененжно и окрестностях в достаточной степени воинственное. В 2015 году избранные демократическим путём власти города демонтировали памятник погибшему здесь советскому генералу Черняховскому, мотивируя это своим правом определять политику на своей территории. Сейчас трудно прогнозировать реакцию властей и местного населения на тот факт, что основатель дома Романовых в 1290 году переселился на Русь с той земли, на которой они живут с 1945 года. В истории наших стран и наших народов было много всего интересного, хорошего и не очень хорошего. Михаил Романов был избран на царство для восстановления России, разорённой польскими интервентами. А Иван Сусанин спас его от польских, а не каких-то иных сабель. Кстати, отца Михаила, митрополита Филарета (Романова), поляки держали в плену в замке Мариенбурга (ныне – Мальборк), первой столицы Тевтонского ордена всё в той же Пруссии. Зато с 1815 по 1917 год все российские императоры, начиная с Александра I и заканчивая Николаем II, были одновременно и польскими царями. Так что с домом Романовых Польша тоже связана теснейшим образом. Может быть, хотя бы стремление сделать свой повят (свою гмину) туристически привлекательной переселит уже традиционную нелюбовь к России.

В завершение следует ещё раз отметить исключительную роль Василия Сергеевича Арсеньева в подтверждении факта происхождения дома Романовых из Прусской земли. Так сложилось, что нужный человек в нужное время оказался в нужном месте и сумел найти документ, свидетельствующий о том, что Гланда Камбила (Гландус Кабилло) реально существовал.



*Колония Налабы
на современной польской карте*

Берега истории

Григорий Блехман



Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Родился 11 августа 1945 года на Кубани, в станице Бесскорбная. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия».

Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах.

Автор одиннадцати сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России,

Лауреат двух Международных и многих Всероссийских литературных премий им. Н. С. Гумилёва, им. А. А. Блока, им. И. А. Бунина, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, премии МГО СПР «Лучшая книга 2012–2014» в номинации «Эссе» за книгу «Когда строку диктует чувство», премии «Лучшая книга 2014–2016» в номинации «Поэзия» за книгу «У памяти нет срока давности», премии «Лучшая книга 2015–2017» в номинации «Литературоведение» за книгу «Слово среди земных тревог» и Всероссийской премии СПР «Слово-2017» за стихи и прозу о Великой Отечественной войне и книгу очерков о поэзии знаковых поэтов Серебряного века, Великой Отечественной войны и современных...

Ностальгия со знаком вопроса

История и мысли советского человека, рождённого в эпоху Сталина

*Памяти Лилии Ивановны Беляевой,
с которой мы были единомышленниками*

Чем дальше Алексей Фёдорович живёт, тем чаще вспоминает, как ждал родителей и деда с фронта, внимательно слушая с бабушкой по радио все оперативные сводки с передовых, как вырезал из журнала «Огонёк» портреты Сталина и любимой его песней был довоенный «Марш советских танкистов». Особенно нравились ему слова:

...Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведёт...
.....
...Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим...

Как-то после войны он даже сказал дома, что Сталин нравится ему больше Ленина. Родители, правда, попросили его больше этого не говорить, объяснив, что Сталин является учеником Ленина.

И хотя Лёшка родителям всегда верил, не получалось у него представить, что любимый вождь мог быть чьим-то учеником.

«Разве может быть чьим-то учеником человек, который сыграл самую важную роль в нашей победе над фашистами?» – думал Лёшка.

А то, что так и было, говорили все вокруг, и даже по радио.

Он хорошо помнит всеобщее ликование и слёзы 9 мая 1945 года и первые дни марта 1953 года, когда все ждали известий у репродукторов. И конечно, хорошо помнит 6 марта, когда всех учеников выстроили в школьном коридоре, и директор, глотая слёзы, тихим голосом объявил, что всем теперь нужно «сплотиться вокруг Центрального Комитета нашей партии».

Помнит, как плакали учителя и ученики.

Ему тогда казалось, что плакали все. Хотя такого, конечно, не было. Да и сам он не плакал и от этого чувствовал некоторую неловкость. Но восьмикласснику Лёше Виноградову казалось, что это не мужественно, и Сталин его слёз не одобрил бы.

Он ведь ещё с дошкольных времён мечтал стать пограничником и, рискуя жизнью, получая боевые ранения, задерживать нарушителей. Мечтал совершить подвиг, о котором доложат товарищу Сталину, а тот вызовет офицера Алексея Виноградова в Кремль, поблагодарит за службу, пожмёт руку и лично прикрепит к гимнастёрке медаль. Или орден – Лёшка так и не определился, *что*. Да это было и не важно. Важно, что он ответит товарищу Сталину: «Служу Советскому Союзу!» И товарищ Сталин ещё раз пожмёт ему руку.

А теперь такого уже не случится – уже не пожмёт.

Однако его утешала мысль, что врагов ещё немало – он каждый день слышал об этом по радио, – и у него наверняка будет возможность кого-нибудь поймать или уничтожить на границе и тем самым «продолжить великое дело Ленина-Сталина».

Лёшка мечтал его «продолжить» и был уверен, что принесёт много пользы своей великой Родине...

* * *

Но через три года он услышит с самой высокой трибуны, что его кумир был вовсе не великим полководцем, а злым и очень жестоким человеком, который «больше всего стремился к личной власти». И в конечном итоге её добился «самыми грязными, циничными и коварными методами».

Потом пойдут газетные статьи о том, что в войне, с которой не вернулись его дед и дядя, где мама была контужена, а папа за несколько часов стал седым, мы победили «не благодаря, а вопреки Сталину».

И всё это потому, что мы «плохо подготовились к войне из-за многочисленных репрессий» среди гражданских и в армии, где по известной 58-й статье оказались за решёткой многочисленные военные кадры.

Он прочтёт «Один день Ивана Денисовича», рассказы Варлама Шаламова о Колыме, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург (в самиздате), «Тёркин на том свете» Твардовского и ещё немало других художественных и документальных материалов и постепенно с горечью начнёт расставаться с мечтой своего детства – верно служить этому человеку, «продолжая его дело»...

Лёшку захватит «свежий ветер перемен».

Правда, невольно будут смущать разговоры у него дома, где родители-фронтовики и их боевые товарищи, часто приходившие в гости, оказались единодушны в том, что «*этот мстительный, трусливый и корыстолюбивый Хрущёв безбожно врёт*».

Лишь много позже поймёт Лёшка, насколько точны были слова фронтовиков, оставшихся верными Сталину. Из документальных материалов, обнародованных историком Евгением Спицыным, он узнает, что в июне 1954 года была создана комиссия, которой на высшем уровне поручили заняться пересмотром политических уголовных дел. Через десять месяцев работы, после того как комиссия рассмотрела 237 тысяч уголовных дел по политическим мотивам, её результаты в виде докладной записки были направлены Хрущёву и другим членам Политбюро ЦК. Оказалось, что из этих 237 тысяч человек реабилитации могли подлежать лишь 3,75 % осуждённых. Остальные были признаны преступниками. И несмотря на такие выводы комиссии, по отношению ко многим из законно осуждённых либо снизили меру наказания, либо применили амнистию. По РСФСР было рассмотрено 76,5 тысячи уголовных дел. Реабилитировали 4,8 % осуждённых. В Украинской ССР, где с января 1938 года Хрущёв был первым секретарём, занимая эту должность до декабря 1949 года, рассмотрели 93 тысячи дел и реабилитировали 0,91 % осуждённых.

То есть подавляющее большинство – 95–99 % – осуждённых оказались по ту сторону колючей проволоки законно, что признали даже официальные лица, «заряженные» заранее на доказывание преступности сталинского режима.

Однако в 1956 году, уже после 20-го съезда партии, когда был провозглашён курс на десталинизацию, вышло постановление ЦК, согласно которому была создана ещё одна комиссия, которую возглавил секретарь ЦК КПСС, член Президиума ЦК КПСС Аверкий Аристов. В рамках этой ко-

миссии было создано 97 местных комиссий, которые по территориальному принципу были обязаны поехать в места лишения свободы и **на своё усмотрение во внесудебном порядке** решать вопрос, кого освобождать, кого нет.

Вот откуда и появились сотни тысяч узников сталинских лагерей, **якобы** невинно осуждённых и реабилитированных в годы хрущёвской оттепели.

Но об этом он узнает много позже.

А тогда, охваченный этим «ветром перемен», наслаждался им вовсю. Да и как не наслаждаться, когда «пал железный занавес», который, как стали говорить по радио и телевизору, а также писать, «тормозил наше развитие тем, что не позволял общаться с миром». Один Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве летом 1957 года чего стоил. Сколько ярких красок, сколько знакомств, сколько «свободных мыслей» и пока ещё запрещённой в Советском Союзе литературы «оттуда»!..

И постоянные слова по-русски – «МИР», «ДРУЖБА», ставшие символом фестиваля.

* * *

Атмосфера этого фестиваля, когда на улицах Москвы постоянно выступали музыканты, поэты... осталась и по его окончании.

28 июля 1958 года – Лёшка запомнит этот день на всю жизнь: во время открытия памятника Маяковскому среди читающих стихи известных поэтов и любителей поэзии он увидит девушку, которая прочтёт «Стихи о советском паспорте».

Её чтение Лёшку не впечатлило, но девушка очень понравилась. И поскольку Маяковского он любил и многое знал на память, повод познакомиться был как нельзя лучшим. Чем Лёшка и воспользовался.

После того как церемония открытия закончилась, подошёл к девушке и стал ей читать:

У меня в душе ни одного седого волоса
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду – красивый,
двадцатидвухлетний.

Она сказала, что так и не сумела воспринять эстетику «Облака в штанах», а вот *«Я сразу смазал карту будня, / плеснувши краску из стакана...»* или *«Деточка, / все мы немножко лошади, / каждый из нас по-своему лошадь...»* – это из её любимых, потому что очень любит лошадей и любит *«смазать карту будня»*.

Потом они долго гуляли по Москве, о чём-то говорили, говорили... Он проводил её домой. Условись завтра увидеться. И так почти каждый день до конца лета – кино, театры, зал Чайковского, Третьяковка, Политехнический, катание на лодках в Серебряном бору...

* * *

В общем, с того дня Лёшка – давно уже Алексей Фёдорович – и Лариса – давно уже Лариса Анатольевна – стали практически неразлучны, потому что любовь с первого взгляда, конечно же, существует.

Оказалось, что оба – студенты. Лёшка учится в МВТУ им. Баумана, а Лариса на факультете филологии МГУ.

Студенческая жизнь – бурная. Тем более на филфаке, куда постоянно приглашают поэтов, прозаиков, музыкантов, артистов... Где идут модные в ту пору дискуссии между «физиками и лириками», в которых активно участвуют и наши молодожёны.

Да и вообще, такое впечатление, что страна мечтает и стремится построить во всех отношениях «справедливое общество».

А уж 80-й год, который объявлен у нас вехой построения коммунизма, и вовсе воодушевляет молодых учиться и трудиться не покладая рук.

* * *

Но как-то незаметно начинают возникать перебои с хлебом, у колхозников зачем-то «обрезают» их приусадебную землю почти до окон домов, лишая возможности вести собственное хозяйство. Всюду стараются внедрять выращивание кукурузы вопреки здравому смыслу...

Да и те представители художественной интеллигенции, кто поначалу бурно поддержал «инициатора оттепели», в конечном итоге «получили по мозгам» сначала в 62-м на Манеже, а немного позже – в 63-м – в Кремле.

Правда, «инициатор» потом утверждал, что его «умело спровоцировали на это притаившиеся сталинисты», но к тому времени он уже наделал таких «ляпов», какие привели в заметному уменьшению числа его сторонников.

А ещё вызвал недовольство в среде военных из-за серьёзного сокращения армии...

В общем, «доигрался» до того, что потерял власть и в 64-м был отправлен на пенсию.

Хотя таким – всё же гуманным – способом отстранения от власти потом гордился, подчёркивая, что «при сталинском режиме об этом и помыслить было невозможно: в лучшем случае посадили бы, но, скорее всего, расстреляли».

* * *

Леонид Ильич Брежнев, сменивший Хрущёва на высшей государственной должности, поначалу сделал немало хорошего. При нём сразу же вернулась во все источники массовой информации историческая справедливость к имени Сталина и довольно скоро стало ощущаться экономическое развитие страны.

Это развитие было связано с именем Алексея Николаевича Косыгина, который после отставки Хрущёва стал Председателем Совета Министров СССР. Именно под его руководством была разработана и в 1965 году стала внедряться в стране экономическая реформа.

Её суть состояла в разумном сочетании плановой и рыночной экономики, или, другими словами – частичный перевод экономики плановой на рыночные рельсы.

При этом была существенно расширена самостоятельность крупных предприятий и хозяйств, а также введены методы экономического стимулирования.

Экономическая модель начинала напоминать многоукладность экономики, которая стала развиваться в стране при Сталине и к завершению первой же пятилетки – к 1932-му году – дала заметный экономический эффект.

И действительно, первая пятилетка при Брежневе – восьмая по счёту в СССР, названная тогда «золотой», – к 1970 году показала ощутимый результат, который почувствовали все.

Однако дальнейшего развития инициатива А. Н. Косыгина, который предлагал уходить от уравниловки в оплате труда, расширять сферы самостоятельности предприятий и хозяйств, развивать *под контролем государства цивилизованные рыночные отношения*, не получила.

И не получила потому, что успехи восьмой пятилетки очень напугали многочисленных – явно превосходящих числом, необходимым для координации развития народного хозяйства, – чиновников разных уровней. Они почувствовали, что в такой многоукладной экономике многим из них придётся расстаться с уютными кабинетами, из которых удобно командовать, не отвечая за результат дела. А идти работать на производство им категорически не хотелось. И они, вызвав у Брежнева ревность к возрастающей популярности имени Косыгина, уговорили его постепенно свернуть реформу. Этому способствовало ещё и ухудшающееся с начала 70-х состояние здоровья Леонида Ильича.

В результате темпы экономического развития стали замедляться. И, к сожалению, этот процесс остановить в дальнейшем уже не удалось.

Вот тут-то и появилось у нас поколение, которое вдохновить на бескорыстное, как при Сталине, строительство социализма стало заметно сложнее, чем даже в начальный период правления Хрущёва, когда в обществе ещё по инерции действовала атмосфера времён Сталина. И, что самое печальное, вновь, как в последние годы правления Хрущёва, стало очевидным едва ли ни единодушное недоверие к власти.

Да и как не возникнуть такому недоверию, когда уже налицо было начавшееся при Хрущёве разложение в рядах партийной верхушки, которое немыслимо было при Сталине, потому что он пресекал это жесточайшим образом, невзирая на лица и их прежние заслуги. Теперь же в ряды КПСС всё больше стали вступать не из идейных, а из корыстных побуждений: продвижения по службе, облегчённость поездок за рубеж...

И хотя Л. И. Брежнев продолжал утверждать, что «мы неуклонно движемся верным курсом», этот «курс» к началу 80-х привёл к пустым продуктовым полкам даже в магазинах нашей тогда ещё общей столицы – Москвы.

* * *

Этот процесс, начавшийся с постепенного разложения партийной номенклатуры, в конечном счёте и уничтожил Советский Союз. В начале 90-х страна рухнула, распавшись на составные части – её бывшие республики, которые стали отдельными государствами.

Но и в этих новоявленных государствах не получилось жить по нормальным экономическим законам и процветать, как обещали новоявленные лидеры каждого из них.

Так что в итоге келейных «посиделок в беловежской баньке» мы с 91-го потеряли великую державу, победившую фашизм, и всем, кроме кучки людей при власти каждой из новоявленных стран, а также их чиновничьей опоры и сомнительных бизнесменов, стало жить значительно хуже.

О том, что в крушении Советского Союза не обошлось без участия Запада, где основную роль сыграла Америка, общеизвестно. Но также общеизвестно, что вирус способен поразить организм лишь в том случае, если в организме ослаблена иммунная система, т. е. утрачена способность сопротивляться действию вредных для него факторов внешней среды. А за послесталинские десятилетия – к концу 80-х – иммунная система могучего в своё время организма под названием Советский Союз ослабла настолько, что «вирус Запада» сыграл свою разрушающую роль. При Сталине этот «вирус» был не менее, если не более активен, но духовный и промышленный потенциал сталинского СССР давал настолько мощный иммунитет, что любые атаки извне (даже Гитлер) оказывались бессильны.

* * *

Если чуть подробнее, то к концу 80-х всем уже стала отчётливо видна суть тех, кто когда-то почувал угрозу от предложения А. Н. Косыгина, а также их последователей – молодых партийных замов и комсомольских лидеров. Аппаратная выучка их не подвела. Этот «пласт» сумел моментально сориентироваться и очень ловко представил себя в качестве радетелей модной с середины 80-х фразы об «ускорении и перестройке». Причём именно фразы, потому что на деле ничего подобного не происходило.

Многие из таких ораторов публично сжигали свои партийные и комсомольские билеты, отрекаясь от того, что ещё недавно их так хорошо кормило из «закромов Родины».

И они знали, что делали, потому что чуть позже – в 1992 году – самый умный из них придумал такую бумажку, которая якобы давала возможность каждому человеку пользоваться его законной долей из этих «закромов».

Поначалу такой шаг производил очень сильное впечатление на соотечественников, поскольку до этого подавляющее большинство из них привыкло только зарабатывать. А тут, оказывается, каждый имеет право на бумажку, стоимость которой равна стоимости двух машин «Волга» – огромных по тем временам денег.

Эта бумажка была озаглавлена красивым названием «ваучер», что в переводе с английского означает «расписка». Такой «распиской» государство якобы гарантировало «каждому в ближайшем будущем его долю национального богатства».

С самой высокой трибуны было объявлено, что любой из соотечественников может выбрать себе один из двух вариантов, как распорядиться этим «богатством» – либо обменять на акции выбранного предприятия, чтобы получать определённую часть его доходов, либо обменять на деньги, равные той самой стоимости двух машин «Волга».

Когда наступит это «ближайшее будущее», никто не знал, но многие надеялись, что оно «светлое» и не за горами.

* * *

Смущало лишь то, что останавливались фабрики, заводы, закрывались лаборатории, КБ (конструкторские бюро), в одном из которых к тому времени уже в качестве руководителя отдела работал доктор физико-математических наук Алексей Фёдорович Виноградов...

А ещё смущало, что никто не знал, в какое предприятие вкладывать эту «расписку».

Были, правда, заманчивые предложения от неких алмазо-, нефте- и газодобывающих компаний. Однако подавляющее большинство людей, вложивших туда эти «акции», получали через год отчёты о суммах собственных доходов, на которые разве что можно было купить несколько порций мороженого.

Тут же появились «жучки», предлагающие за ваучеры суммы, хоть и далёкие от объявленного номинала, но существенно превышающие первые «доходы» новоиспечённых «акционеров». И очень многие стали эти «бумажки» продавать, поскольку начали понимать, что ни о какой стоимости двух «Волг» мечтать не стоит.

Но они ошиблись. Точнее, не ошиблись, а не знали и не могли знать, с какой целью «самый мудрый перестройщик» – непотопляемый и процветающий по сей день – придумал эти ваучеры.

Дело в том, что, если подавляющему большинству соотечественников они принесли лишь разочарование – чувство, что их обманули, то идеологам такой «перестройки» и людям к ним близким, т. е. полезным, эти бумажки принесли «золотые горы», поскольку их номинальная стоимость, о которой уже шла речь, для *их* сделок осталась прежней.

Поэтому человек, приобретший (скупивший) у разочаровавшихся соотечественников определённое число таких ваучеров-акций, получал возможность стать владельцем или совладельцем какого-то предприятия: завода, фабрики, комбината...

И становился им, потому что определённым – довольно большим – числом таких акций вроде бы формально вложил или, как уже стали называть, «инвестировал» в предприятие серьёзные деньги.

В средствах массовой информации такие «инвестиции» подавались как благие намерения «акционеров» способствовать развитию тех предприятий, которые они приобретали.

На самом же деле никто их не обязывал развивать производство. Да и как можно было что-то развивать, когда подавляющее большинство фабрик, заводов и комбинатов с развалом СССР практически в одночасье лишились возможности что-то производить, потому что нарушилась система заказов, а следовательно, и продавать новое было некому.

Поэтому такие «акционеры» фактически становились владельцами недвижимости. И им практически оставалось лишь сдавать помещения в аренду бесчисленным фирмам, которые с начала 90-х стали плодиться, как грибы после тёплого дождя.

Суть работы почти всех этих фирм-арендаторов сводилась к продаже или перепродаже того, что только можно было продавать или перепродавать. А можно было почти всё...

* * *

КБ, которое возглавлял Алексей Фёдорович на одном из оборонных предприятий, тоже прекратило своё существование, потому что эта организация, как и многие другие оборонные предприятия новой России, хоть и назвавшей себя правопреемницей СССР, оказалась ненужной.

Новые «акционеры», получившие известным уже нам способом эту организацию в собственность, сначала пытались её перепрофилировать. Точнее, перепрофилировать *частично*. Сдав большую часть помещений в аренду, стали в некоторых цехах на имеющемся оборудовании делать предметы быта, которые можно было сразу продавать: ведра, лопаты, грабли, лейки, а также решётки для кладбищенских оград, оград для коттеджей тех, кого стали называть «новыми русскими»...

Но вскоре выяснилось, что жизнеспособны (самоокупаемы) лишь те цеха, где и выполняют заказы «новых русских», поэтому остальные производственные помещения тоже сдали в аренду. Одно помещение – фирме, которая производила резиновые сапоги и калоши, другое – компании, долгие

годы успешно продававшей в нашей стране гербалайф. Это средство одно время широко рекламировалось у нас как пищевая добавка для сбалансированного питания, способного творить чудеса и с теми, кто хотел похудеть, и с теми, кто мечтал поправиться, и с желающими омолодить своё лицо и тело.

С начала 90-х соотечественникам, как это всегда происходит в «смутные времена», предлагали много чудес для быстрого решения их вопросов за «разумные деньги». Но, как известно, чудеса и «разумные деньги» – понятия несовместимые. И пока к человеку возвращалась эта – хорошо известная – мысль, его «разумные деньги» в суммах, приятных для тех, кто предлагал свои «чудесные» услуги, исчезали вместе с обещавшими чудо...

Что касается «новых русских», то ими стали называть тех, кто с начала 90-х в немыслимо короткие для какой-либо другой страны сроки сказочно разбогател. А богатели они потому, что теперь спекуляция, воровство, в том числе из бюджета страны, и «крышевание» стали называть словом «бизнес».

В зависимости от сумм, которые можно было уворовывать или отбирать у одних «бизнесменов» в пользу других, обеспечивая вторым охрану, получившую название «крыша», такой «бизнес» подразделялся на «малый», «средний» и «крупный».

* * *

Поначалу, правда, среди людей, создававших предприятия малого и иногда даже среднего бизнеса, были «белые вороны», поверившие, что успеха можно добиться в честной конкуренции – без воровства и «крыш». И даже поверили в возрождение многоукладной экономики, которая была при Сталине – некоторые из них её ещё застали. Но они быстро убедились, насколько это нереально.

Дело в том, что основатели «перестройки» и их продолжатели, которые не ушли дальше хаоса рынка, на деле сохранили государственную монополию на всё. Т. е., добавив не укрепляющий экономику государства «хаос рынка», оставили страну такой, какой она стала после того, как Хрущёв уничтожил сталинскую многоукладную систему экономического развития – прикрыл работу образованных при Сталине производственных артелей, дававших в казну государства ощутимую прибыль.

А монополия и конкуренция – понятия несочетаемые.

Отсюда и печальный результат для честной конкуренции в малом и среднем бизнесе.

Да и бездельников – большей части чиновников, привыкших распределять заработанное другими, как мы помним, был явный перебор, а теперь их с каждым днём становилось ещё больше.

Потому и довольно скоро рухнули надежды этих «белых ворон». Они были вынуждены либо оставить своё занятие, либо «уводить» доходы «в тень», понимая, что львиная их доля идёт не на социальные нужды и другие благие дела, а в карманы чиновников или бандитов, которые, по сути, занимались теперь одним и тем же...

* * *

После того как «акционеры» в конечном счёте вынуждены были сдать помещения КБ в аренду уже полностью, сотрудники оказались не у дел.

Алексею Фёдоровичу повезло. В отличие от многих своих коллег, кто остался невостребованным по профессии и вынужден был искать заработок на любой неквалифицированной работе или в торговле – среди большого числа появившихся в ту пору «челноков», – он получил предложение преподавать информатику в одной из элитных гимназий.

Эту гимназию открыл приятель его детства Саркис, теперь уже Саркис Моисеевич, который ещё в молодые годы устроился на овощную базу, успел дважды отсидеть за «экономические преступления» своего начальства, стать заместителем заведующего, а в 90-е приватизировать овощной магазин.

Уже в зрелом возрасте он оставил семью и женился на молодой красавице Анжеле, которую присмотрел на конкурсе «Мисс Москва», являясь одним из его спонсоров. Красавица поначалу никак не могла родить, поэтому жаждала деятельности. И чтобы удержать свою избранницу от желания

стать профессиональной моделью, он открыл для неё гимназию, купив все необходимые для этого разрешительные документы вместе с дипломом о её педагогическом образовании.

Кроме того, он купил – теперь уже купить можно было почти всё – документы, позволяющие Анжеле открыть при гимназии школу моделей для детей и подростков, где она сама преподавала один из предметов – дефиле.

Учебный же процесс был полностью на Алексее Фёдоровиче. Вместе с Ларисой они набрали необходимых преподавателей, в частности, среди оставшихся без работы бывших коллег. Лариса тоже стала учителем – преподавала словесность, уйдя из популярной московской редакции, где все эти годы работала обозревателем отдела культуры, а потом и заведующей. И где, как и во многих редакциях, в ту пору началась «чехарда». Да и обозревать то, что стало называться «современной культурой», а это требовалось, она не видела смысла, поскольку не видела культуры.

Гимназия была на хорошем счету. Туда стремились попасть дети обеспеченных родителей, и поэтому преподаватели были довольны заработками.

* * *

31 декабря 1999 года страна узнала, что её лидер – один из троицы «беловежской аферы» – решил извиниться перед соотечественниками, что ему «не всё удалось сделать так, как хотелось бы». И после покаяния объявил, что нашёл достойного преемника, который «безусловно доведёт начатое дело до конца».

Постепенно жизнь начала входить в некое упорядоченное русло, где ещё оставшимся бюджетникам стали выплачивать зарплату, задерживаемую перед этим месяцами. То же происходило и с выплатой пенсий, размеры которых с неприлично малых сумм увеличились в конечном счёте почти до *реального* прожиточного минимума...

Но поскольку «новая метла метёт по-новому», с какого-то момента в стране начинается передел собственности, под который попадает и здание гимназии, расположенной в одной из бывших школ-интернатов.

Все разрешения, какие получил Саркис Моисеевич на аренду того здания, оказались «липовыми», и по окончании 2005-го учебного года его отобрали, «перепрофилировав» в физкультурно-оздоровительный комплекс с тренажёрами, сауной, массажем и прочими недешёвыми и даже пикантными удовольствиями.

Саркис Моисеевич понял, что и с магазином может случиться нечто подобное. Поэтому не стал ждать и продал его. После чего вместе со своей красавицей Анжелой и пятилетним сыном, которого она ему всё же родила, перебрался в Испанию, где незадолго до этого купил виллу и небольшой ресторан.

А Алексей Фёдорович и Лариса Анатольевна оказались не у дел и попробовали жить на свои пенсии.

Они, конечно, знали, что это непросто, но теперь почувствовали на себе, каково быть пенсионером в России начала 21-го века.

Оказалось, что если очень скромно, то прожить можно. Точнее, выжить. Да и то не каждому. Потому что, если требуются лекарства, а они с определённого возраста требуются в том или ином количестве и ассортименте практически всем, то пенсии не хватает. Тут или приходится подрабатывать, или помогают дети.

Алексей Фёдорович и Лариса Анатольевна тоже подрабатывали, давая частные уроки. И хотя они могли не делать этого, т. к. их сын-программист и дочь – преподаватель английского – зарабатывали неплохо, получать от них помощь было неловко. Поэтому подрабатывали, считая, что пока в состоянии жить так, их дети должны заботиться о своих детях.

А поскольку деду с бабушкой тоже хотелось иногда побаловать внуков, делать это тоже позволяла лишь подработка.

Но они знали многих людей, дети которых были не в состоянии помочь, а здоровье не позволяло уже работать. На таких пенсионеров, если что-то до этого не накопили, а скопил мало кто, больно было смотреть.

* * *

Ну и, конечно, оставалось непонятным, почему человек, честно трудившийся несколько десятилетий «на благо Отчизны», не заслужил у своей Отчизны должного уважения.

Алексей Фёдорович помнил, что в советские времена люди при его учёной степени, должности в КБ и правительственных наградах получали пенсию от 140 до 160 рублей в месяц, а средняя пенсия по стране была 120 рублей в месяц.

Произведя несложные расчёты, он обнаружил, что если ориентироваться даже на послесталинский Советский Союз, правопреемником которого Россия себя провозгласила, то средняя пенсия по стране должна быть как минимум втрое выше.

Конечно, такое положение – это позор для власть имущих, но если бы единственный.

Он знал, *какие* заработные платы у обычных учителей, преподавателей ВУЗов, сплошь переименованных теперь в университеты и академии, у врачей, учёных, инженеров, число которых за ненадобностью с каждым годом резко сокращалось.

Знал, как убого во многих школах и ВУЗах (всё же он их так называл) стали учить и как плохо, иной раз даже преступно, лечить.

Знал об аферах в ЖКХ, в строительном бизнесе... Да и куда ни глянь, сплошь возникали какие-то идеи по реорганизации, которые на словах были направлены, чтоб улучшить согражданам жизнь – «оптимизировать» работу организаций, а на деле эти реорганизаторы «уводили» у людей бюджетные деньги, пользуясь очень изобретательными «схемами», позволяющими «спрятать концы в воду».

* * *

Алексея Фёдоровича всё больше смущало то, что он не понимал, куда идёт страна. Если во времена его юности, молодости и определённой зрелости молодые люди стремились стать врачами, учёными, геологами, инженерами, конструкторами, космонавтами, журналистами... позже – с конца 80-х – юристами, экономистами, бизнесменами... то теперь их подавляющая часть мечтает быть чиновниками, сотрудниками рекламных агентств, пиар-компаний, попасть в систему шоу-бизнеса...

И если в Советском Союзе он в общих чертах понимал, чем занимается та или иная организация, то теперь никто не мог ему объяснить, какое благо стране приносят бесчисленные офисы, в которых непонятно чем занимаются бесчисленные клерки, именуемые «офисным планктоном».

Единственное, что он понимал, – идёт постоянная торговля или услугами, или перекупленными товарами, но не замечал, чтобы что-то путное производилось, кроме ограниченного ассортимента бытовых предметов, в большинстве своём сомнительного качества.

В общем, не получалось у него, родившегося и выросшего в стране, где была *принципиально иная шкала ценностей*, к этому привыкнуть.

* * *

Но не только экономический путь развития смущал бывшего конструктора. Он не мог понять, для чего проводятся бесчисленные реформы начального, среднего и высшего образования, суть которых в конечном счёте ведёт к атрофии логического мышления.

Если раньше в первую очередь обучение начиналось с основ любой области знания, её истории и логики развития, то теперь всё сводится к способности нажать нужную кнопку, чтобы найти нужный ответ, не задумываясь, *почему* так и может ли быть иначе.

Поэтому теперь сплошь и рядом можно было видеть детей, подростков, молодых людей за нажатием кнопок, и всё реже эта «новая поросль» стала выказывать тягу к серьёзной книге. Если замечалась с книгой, то чаще с такой, что уж лучше с пультом. Хотя нередко и на экране тоже была не меньшая степень убогости.

Что касается гуманитарного образования, то на реформу в этой области вообще можно было смотреть, как на преступление, потому что программы меняли в сторону постоянного сокращения классики. Т. е. того, что время – наш самый беспристрастный судья – сохранило в веках.

А сохранило потому, что в таких книгах есть постоянное стремление героев «дойти до самой сути», и главенствует там совесть, а также глубина постижения человеческой психологии.

Меняются времена, степень развития цивилизации, формы, в которых художникам удобнее выражать свои мысли, и ещё многое, но со времён Библии не меняются основные вопросы и заповеди для каждого, кто мыслит и хочет быть человеком, а не его подобием, живущим лишь на уровне инстинктов.

И именно в этом суть и бессмертие произведений классики при всём разнообразии их сюжетов и способов выражения.

Потому и печально Алексею Фёдоровичу оттого, что теперь даже среди приятных и успешных молодых людей часто встретишь таких, кто понятия не имеет откуда: *«Друзья мои, прекрасен наш союз», «Я помню чудное мгновенье», «Быть или не быть», «Всё смешалось в доме Облонских», «Деточка, все мы немножко лошади», «Печально я гляжу на наше поколение», «Свежо предание, а верится с трудом»...* и ещё очень многое, что не так давно считалось неприличным не знать человеку даже со средним образованием.

Т. е. поколение перестройки очень скоро утратило черты того, что именуется культурой, и с каждым днём всё отчётливее становится поколением того, что именуется цивилизацией.

Хотя цивилизация без культуры – это пародия на самоё себя.

Отсюда и происходит странная, на первый взгляд, метаморфоза – глубина знаний уступает место стремлению к голой информации из Интернета, зачастую абсолютно дилетантской.

И что не менее печально, утрачивается богатство словарного запаса русского языка, а значит, и богатство мысли.

Оттого и строчка *«Печально я гляжу на наше поколение»* всё чаще оживает в его мыслях. Ведь теперь эта строчка отражает печаль и его поколения, которому хотелось видеть у детей и внуков иной труд души – такой, какой вёл бы их к истинному, а не поверхностному или даже псевдоинтеллекту.

Время от времени приходит к нему мысль, что, может, им это и не надо. Пока им и так хорошо. Похоже, они начинают привыкать к тому, что называется «обществом потребления». Развлечений сейчас много, и, если хорошо зарабатывать, видимо, можно не думать, *«куда несёт нас рок событий»*.

Хотя думать, конечно, надо, чтобы не оказаться здесь лишними...

* * *

Что касается слова «лишний», то оно в последнее время всё чаще посещает Алексея Фёдоровича.

Он пришёл к предположению, что все эти изменения намеренны. Что они продиктованы состоянием, в котором к сегодняшнему дню оказалась страна. А она оказалась в положении, очень напоминающем сырьевой придаток, поскольку почти всё, что было хорошего в Советском Союзе, разрушено.

Поэтому слова знаменитой соотечественницы, сказанные почти век назад: *«Всё расхищено, предано, продано»*, точно отражают и наш сегодняшний день, так как основной упор современной России делается «на трубу» с её ограниченными отводами, «кормящими» лишь тех, кто «удачно перестроился». А остальные граждане, кто не обслуживает эту «трубу», становятся для страны лишними.

И главным образом – старики, кто глубже молодых понимает сущность происходящего. Потому и *такая* «забота» о пенсиях. Да и среднее поколение всё больше приходит в недоумение от беспомощности власть имущих и степени их примитивного «хватательного рефлекса».

Отсюда и понятны реформы в гуманитарном образовании. Ведь именно человек культуры может задумываться и задавать вопросы, подобные, например, таким: «Зачем нам вступать в ВТО?», или «Для чего нам нужна была база НАТО в Ульяновске?», или «Почему люди уходят из села, оставляя брошенными целые деревни?», или «Как бюджет страны может быть сопоставим с бюджетом отдельных её граждан, когда подавляющее большинство соотечественников едва сводят концы с концами?», или «Как можно было оставить на произвол судьбы наших соотечественников в Донбассе?», или «Почему, когда в стране случаются локальные, но очень резонансные катастрофы с многочисленными жертвами (затонувшая подлодка «Курск» – 2000 г., пожары в тайге Сибири

и Дальнего Востока – особенно масштабный летом 2019 г. ...), глава государства своей “страусовой политикой” напоминает Горбачёва?» ...

Да и мало ли ещё на какие «неудобные» вопросы нужно отвечать перед очередными «демократическими» выборами, которые своим «демократическим порогом явки» и системой подсчёта голосов «прославились» уже на весь мир.

А так – минимум забот. Кому не нравится, милости просим – выбирайте себе другую страну.

* * *

Но не хотят ни Алексей Фёдорович, ни Лариса Анатольевна что-то выбирать. Слишком многое связано в памяти с тем, что было дорого для них здесь. Хотя теперь, конечно, «здесь» – лишь территориально, потому что тогда страна была *принципиально* иной.

Однако инерция привычки и эмоциональная память – категории стойкие.

И, наверное, поэтому всё чаще вспоминает Алексей Фёдорович о кубанской станице, где прошло его детство. О том, что там постоянно – с весны до зимы – шла работа на полях, засеянных пшеницей, рожью, кукурузой, засаженных огурцами, помидорами и арбузами. О гудящих день и ночь тракторах и комбайнах. О том, что отца – работника МТС (машинно-тракторной станции) – с ранней весны до поздней осени не было дома. И о том, с каким уважением относились к тем, кто трудился на совесть.

И хотя жили скромно, уверенность в том, что *все* станут жить лучше, и к этому стремились, помнит отчётливо.

Трудно ему сегодня поверить в печальное состояние станицы на его малой Родине – Кубани, о котором рассказывают земляки, и где он помнит землю, куда «воткни сухую палку, вырастет дерево».

Подавляющее большинство земляков переселились в города, а те, кто остались, вынуждены ездить туда на заработки. Да и не в каждом городе можно теперь найти хоть какую-то работу.

Примерно то же он слышит о судьбах жителей других станиц, деревень и посёлков не только Кубани и соседнего Ставрополя, а повсеместно...

Вспоминают они с Ларисой и «их Москву». Он, начиная с 50-х, она, поскольку коренная москвичка, – с 40-х.

Сейчас это сложно представить, но Москва до времён распада Советского Союза была красивым городом со своим лицом, черты которого в её центральной части определяли купеческие особняки и находящиеся с ними в эстетической гармонии фундаментальные дома сталинского ампира.

Город был зелёным, москвичи приветливы. Садовое кольцо отражало своё название, потому что высаженные в два ряда деревья почти не позволяли пешеходам видеть летом и в начале осени идущие по кольцу машины. Не менее зелёным было и Бульварное кольцо с многочисленными уютными скамеечками для влюблённых.

Зелёными были и дворы – знаменитые московские дворики, где, как и в домах, все друг друга знали.

Москва была уютной, и по ней можно было гулять ночью, любясь приземистой архитектурой каждого особняка, многих домов сталинского ампира, московскими фонарями и улочками, которые не переставали удивлять своими неожиданными поворотами...

Они с Ларисой часто гуляли до утра, читали стихи, среди которых:

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.
Тянет свежесть с Москвы-реки,
В окнах теплятся огоньки...

Тогда ещё во многих местах города приходили на память эти строчки Анны Ахматовой о Москве, которую она – ленинградка – тоже любила.

Сейчас гулять до утра по ночной Москве не в центре вряд ли кому в нормальном состоянии придёт в голову. И потому, что опасно, и потому, что смотреть на её необратимо изуродованные черты

не хочется даже днём, когда потоки машин слегка приглушают безвкусицу архитектурных «изысков и композиций» ...

Они вспоминают, как любили ходить в кино, иной раз отстаивая длинные очереди за билетами на фильмы Герасимова, Шукшина, Хуциева, Тодоровского, Иоселиани, Германа, Данелия, Тарковского, Феллини, Антониони, Бергмана, Куросавы, Вайды...

В доме кино был кинолекторий, куда приглашали известных и начинающих режиссёров, операторов, артистов, кинокритиков, которые до просмотра рассказывали о каких-то эпизодах работы над фильмом, а после сеанса обсуждали его со зрителями...

В зале Чайковского и библиотеке им. Ленина (сейчас Российской государственной) постоянными были литературные вечера, где лучшие артисты читали по памяти произведения классики. Причём в выходные днём они читали для детей и школьников...

За билетами в театр «Современник», «Театр на Таганке» и на некоторые спектакли других театров стояли с ночи и многие постановки смотрели по нескольку раз...

Долгое время в непримиримых спорах схватывались читатели журнала «Новый мир» с читателями журнала «Октябрь», поклонники Шукшина, Распутина, Белова, Астафьева, Трифонова, Владимирова, Абрамова... – с поклонниками Кочетова, Софронова, Маркова...

С какого-то момента на устах уже постоянно были Хемингуэй, Ремарк, Сэлинджер, Фолкнер, Бодлер, Верлен, Рембо... и русские поэты Серебряного века.

Ну и, конечно, поэты Великой Отечественной войны, а также те, кого стали называть «шестидесятниками».

Фильмы и спектакли, как и публикации в журналах или книги, обсуждали на работе, среди друзей, да и, порой, с незнакомыми при случайно заведённом разговоре.

В общем, литература и другие виды искусства занимали видное место в жизни людей. И *значимость произведений определялась мнением просвещённых читателей или зрителей* – тогда их было много, – а не коммерческой составляющей от сомнительных издателей и продюсеров, которые сегодня в погоне за сиюминутной прибылью насаждают молодым безвкусицу.

Может, поэтому не говорили тогда массово: «Играет значение», «Имеет важную роль», «Очень прекрасно», «Зал переполнен до отказа»... И много ещё подобных словосочетаний, которые в ту пору резали слух и были предметом шуток, а сейчас можно слышать не только на улице, но и в эфире от немалого числа молодых теле- и радиоведущих.

И хотя страна была значительно более многонациональной, по-русски говорили *намного* лучше, чище и грамотней, чем в нынешней России...

Несмотря на то что цензура была жёсткой, что-то всё равно постоянно «просачивалось». И люди умели «читать между строк».

Может, потому и умели, что был должный уровень интеллекта для восприятия языка Эзопа.

Не думали они в ту пору, что доживут до того дня, когда получат свободу в таком виде, какой можно назвать свободой от общей культуры и совести, потому что явно не о том мечтали и не к тому стремились.

* * *

В какой-то момент, анализируя происходящее, Алексей Фёдорович пришёл к предположению, что, может быть, в период прежней несвободы мы сохраняли лучшие человеческие черты, потому что были ещё живы истинные русские интеллигенты, кто не уехал из страны в 17-м.

Они несли в себе высшие духовные ценности, близкие 10 заповедям, и передавали их тем, кто потом вместе с ними отстоял страну в тяжелейшей Великой Отечественной войне.

А теперь их уже нет. Да и тех, кто перенял у них эти духовные ценности, осталось сегодня немного. Во всяком случае, наверное, недостаточно для того, чтобы удержать молодых всецело поклоняться денежному знаку, а всё остальное ставить в зависимость от него.

Так думает Алексей Фёдорович, когда в очередной раз узнаёт о купле-продаже учёных степеней и званий, дворянских званий, кресел депутатов и практически любой выборной и невыборной должности, а также недр, которые до декабря 93-го года – ельцинской Конституции – были лишь государственной собственностью и, следовательно, *только народным достоянием*. А теперь

недра практически всецело в частной собственности, поэтому к народному достоянию отношения не имеют.

И ещё он думает о том, что не было в его бывшей стране засилья иностранных определений в виде «менеджеров», «брокеров», «дилеров», «дистрибьюторов», «риэлторов», «продюсеров», «кастингов», «перформансов»... а были русские названия того, чем занимался или в чём участвовал человек.

Вспоминает Алексей Фёдорович, что в его прежней стране жили русские, армяне, евреи, татары, узбеки, чеченцы, грузины, осетины... и все остальные народности, которые объединяло понятие советский человек. Но основополагающим, и это всегда подчёркивал Сталин, был русский народ, вокруг которого и цементировалась дружба между всеми остальными нациями и народностями.

Такая дружба и привела к тому, что, вопреки ожиданиям всего мира, мы победили в Великой Отечественной войне практически объединённую армию Европы, а потом, на удивление всему миру, в кратчайшие сроки не только восстановили довоенный уровень развития народного хозяйства, но и быстро его превзошли.

И наверное, поэтому не было на территории Советского Союза межнациональных войн, страшнее и бессмысленнее которых может быть лишь гражданская война.

В общем, много чего из «достижений» нынешней «свободы и цивилизации» не испытывал Алексей Фёдорович до 90-х.

И ему гораздо уютнее было жить даже при всё больше раздражающих своей декларативностью лозунгах заметно деградировавшей после Сталина КПСС, членом которой он поэтому и не стал, несмотря на то что, отказываясь от «такой чести», дважды терял возможность серьёзного роста в карьере.

Мог ли Алексей Фёдорович тогда представить, что такой – поначалу желанный – «ветер надежд на перемены к лучшему», повеявший со второй половины 80-х, приведёт страну туда, где она теперь окажется.

И что так многого им с Ларисой будет не хватать из той – прежней – страны, которую они дважды мечтали серьёзно изменить в лучшую сторону.

* * *

Когда он думает об этом, то испытывает чувство вины, что его поколение не сберегло Советский Союз, который отстояли родители-фронтовики, и теперь детям и внукам остаётся жить в нынешнем «уродце с полуфеодалным устройством», именуемом современной Россией ...

Ведь никуда не уйдёшь от того, чтобы сегодня понимать: ещё сравнительно недавно его великая страна стала после Сталина скатываться по наклонной плоскости. Сначала медленно, сохраняя всё же общую цель, а с девяностых и по сей день – угрожающе стремительными темпами, когда во главу угла встало лишь личное благополучие любым путём.

Да и от многих подобных мыслей не уйдёшь.

Правда, порой ему кажется, что даёт о себе знать возраст и, может быть, на девятом десятке лет уже трудно воспринимать какие-то положительные стороны нынешней жизни без ностальгии по многому из прежней. И потому не всё хорошее он замечает.

В таких раздумьях вспомнил однажды Алексей Фёдорович знаменитые строчки Александра Блока:

Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.

Вот он и старается, не являясь по своей природе скептиком, увидеть то, что так хотел бы видеть. Но пока не понимает, где эти «случайные черты».

И случайны ли они.

Поэтому – всё чаще вспоминает слова, сказанные его родителями-фронтовиками после 20-го съезда КПСС: «*Это до добра не доведёт*».

* * *

Как-то в одной из публикаций увидел Алексей Фёдорович отрывок доклада Сталина на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) от 7 января 1933 года, посвящённом итогам первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР:

«...У нас не было чёрной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьёзной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной и серьёзной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. У нас была лишь одна-единственная металлургическая база – на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали ещё новую угольно-металлургическую базу – на Востоке, составляющую гордость нашей страны. Мы имели лишь одну-единственную базу текстильной промышленности – на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности – в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии...»

Прочитав, он подумал: «Что бы на эту тему мог сказать о современной России её нынешний глава?..»

И даже представил себе выражение его лица. Отчего ему стало смешно и горько.

Наверное, поэтому всё чаще приходит на память знаменитое: «Да, были люди в наше время...»

И, наверное, поэтому всё чаще вспоминает любимую песню его детства – «Марш советских танкистов» и ещё – как любил играть с боевыми орденами и медалями своих родителей, которые бережно хранит в той же коробочке из сороковых, на какую тогда наклеил вырезанный из журнала «Огонёк» портрет Сталина.

Такие воспоминания в последние годы постоянно вызывают у Алексея Фёдоровича вопрос: «Почему система государственного устройства и управления, выстроенная Сталиным и так успешно при нём функционировавшая, дала после его ухода сбой – что у Сталина не получилось, а может, он не успел сделать, чтобы и после него этого сбоя с такими печальными последствиями не было?»

Но ответа пока не находит.



Берега культуры и искусства

Елена Лебедева



Елена Алексеевна Лебедева родилась в 1949 году. Представитель Межрегионального Шаляпинского Центра. Публикуется около 20 лет, написала около 70 статей, в том числе для парижской русскоязычной газеты «Русская мысль», автор более чем 20 статей о русской эмиграции. Данный материал публикуется впервые.

Шаляпин в Биаррице и Сен-Жан-де-Люзе

НЕИЗВЕСТНЫЕ В РОССИИ ПОРТРЕТЫ ФЁДОРА ШАЛЯПИНА

Недавно исполнилось 145 лет великому русскому певцу Фёдору Шаляпину (1873–1938) и отмечалось 80-летие со дня его кончины. Родившись в Казани в бедной семье помощника писаря, он прошёл путь от церковного хориста и статиста в провинциальных театральных труппах до солиста Мариинского театра в Петербурге, а затем и Большого театра в Москве. Это произошло благодаря его таланту и усиленному стремлению покорить зрителя оперным искусством. Учёба пению и актёрскому мастерству происходила только около полутора лет у бесплатного педагога в Тифлисе. Однако Шаляпин много занимался самообразованием. Приобретя всероссийскую славу, певец с 1901 года гастролировал с большим успехом в лучших театрах Европы и Америки. Он пережил две революции в России, Первую мировую войну, Гражданскую войну и последние 16 лет провёл за границей.

Трудности послереволюционной жизни, начавшиеся болезни детей и опасения за будущее своей семьи и актёрской карьеры привели к отъезду певца вместе с его второй семьёй из Петрограда летом 1922 года за границу и к обустройству его вместе с семьёй с 1924 года в Париже. Состояние своё, нажитое трудом в России, он потерял. Однако уже в 1925 году – через два с половиной года после отъезда из России, им был куплен шестиэтажный дом в престижном районе в центре Парижа недалеко от площади Трокадеро. В этом доме на авеню д'Эйло он поселился вместе с многочисленной второй семьёй, преподавателями и гувернёрами для детей, а также прислугой. Подумывал Шаляпин и о покупке виллы во Франции для отдыха в тёплом климате. Проведя одно лето в 1924 году с семьёй в Нормандии в замке Сарлабо недалеко от Довиля, Шаляпин был недоволен прохладной погодой и решил поискать место у моря, где было бы теплее. И конечно, ему хотелось, чтобы поблизости жил кто-нибудь из его друзей.

ПОКУПКА ИМЕНИЯ. ПИСЬМА К ДОЧЕРИ ИРИНЕ В МОСКВУ

Воспоминания дочерей Шаляпина

Шаляпин, живя в Париже, ездил на многочисленные гастроли в разные страны. Он старался зарабатывать побольше денег. Его капиталы увеличивались. Раза два он отдыхал летом в департаменте Атлантические Пиринеи на юго-западе Франции. Ему понравилось там. И он решил в 1927 году приобрести виллу на побережье Атлантического океана вблизи испанской границы на окраине небольшого городка Сен-Жан-де-Люз, находящегося в Бискайском заливе. Городок известен в истории Франции как место венчания французского короля Людовика XIV (короля-Солнце) и испанской инфанты Марии-Терезии в католической церкви Иоанна Крестителя в 1660 году. Он находится в 15 километрах на юг от Биаррица и до настоящего времени является рыболовецким портом, где ведётся промысел тунца.

Приобретённая вилла располагалась на мысе Сен-Барб и называлась «Джейншени». Новый хозяин переименовал её в «Корсар». В 1927 году купленная вилла была перестроена во вкусе Шаляпина русским архитектором-эмигрантом И. Б. Каменкой (1896–1990), который получил образование

в Санкт-Петербурге, а в эмиграции обосновался в Париже. В феврале 1928 года Шаляпин писал письмо дочери Ирине (от первого брака) в Москву и приглашал её погостить у него на даче месяца на два, рассказывая что Боря (1904–1979) и Лида (брат и сестра Ирины) уже приезжали к нему в гости в прошлом году. А в июле 1929 года Шаляпин писал уже дочери Ирине (1900–1978) о переделке двора на территории виллы, посадке новых деревьев в саду, который стал очень уютным, и дополнительно приобретенной маленькой даче, которую назвали «Изба», что напоминает Россию. Шаляпин любил ухаживать за цветами, которые украшали участок. Особенно за розами. Об этом писал в 1938 году журнал «Для Вас», издававшийся в Риге. В июне 1932 года певец опять приглашал дочь Ирину погостить у него там и при этом замечал, что дача будет пустая, так как там будут жить только Дася (самая младшая дочь Шаляпина) и его падчерица Стелла (1904–1998), а он будет сниматься в фильме «Дон-Кихот». В 1935 году Шаляпин в письме к дочери Ирине сообщал ей, что хотел бы продать виллы, но покупателя не находится, так как все считают себя разорёнными из-за кризиса.

В воспоминаниях Лидии Шаляпиной (1901–1975) «Глазами дочери», изданных на русском языке впервые в Нью-Йорке в 1997 году по материалам, находившимся у её сестры Татьяны (1905–1993), рассказывалось:

«Собирались мы на нашей вилле S-J de Luz. Помню, пели мы хором совсем дикую песню, в которой каждый по очереди напевал: “Как у бабушки, у Варварушки, и на лавке козёл и под лавкой козёл”. Остальные подхватывали хором: “Хау! Рила. Рила хау, хау, хау, рила, рила, хау рила”. А потом вступал отец: “Здравствуй, Гаврила!” И снова все хором: “Рила, рила”».

О жизни в Сен-Жан-де-Люзе рассказывала в своих воспоминаниях и самая младшая дочь певца, рождённая во втором браке, Дася Шаляпина-Шувалова (1921–1977). Они первоначально записывались на магнитофон в Шату под Парижем французским журналистом и поэтом русского происхождения Кириллом Померанцевым (1906–1991), а потом были опубликованы в США в 1984 году в журнале «Стрелец». Дася говорила о многочисленных знаменитостях, которые перебивали в гостях. Среди них были американский театральный менеджер и актёр Морис Гест (1875–1942), русский и советский композитор С. С. Прокофьев (1891–1953), принц Уэльский – будущий король Англии Эдуард VIII (1894–1972), знаменитый актёр Чарли Чаплин (1889–1977), американская актриса Мэри Пикфорд (1892–1979), французский скрипач Жак Тибо (1880–1953) и французский романист Клод Фаррер (1876–1957), живший неподалёку на своей вилле.

Рассказывала Дася и о пикниках в Пиринеях, куда ездили на машине «Изота», которую Шаляпин приобрёл в Италии. Обычно эти пикники приурочивались к её дням рождения и устраивались в первой половине июля.

Место окончательной остановки для пикника в горах, по её словам, Шаляпин обычно выбирал после двух или трёх предварительных остановок, где ему обычно что-нибудь не нравилось. Повар Микадзе готовил на костре изысканные блюда. На большой скатерти был красивый фарфор, серебро и хрусталь. Марина (1912–2009) – другая дочь Шаляпина от второго брака, рассказывала о купании в горных ручьях, ловле форели и хоровом пении на пикниках поздними вечерами под луной. Её воспоминания были записаны в Осло журналистом-международником Николаем Горбуновым во время римских телефонных разговоров с ней в начале 2000-х годов и опубликованы автором Горбуновым в 2017 году в книге «Марина – дочь Шаляпина», изданной в Москве.

В маленькой вилле «Изба» жили прислуга и Дася вместе с подругой Ниной Прихненко (1919–2009), которая приезжала с ней из Парижа. Девочки дружили, но характеры у них были разные. Шаляпин ходил с ними на маленький пляж, который был недалеко от вилл. По воспоминаниям Нины Константиновны Прихненко, к которой я заходила в Париже, приезжая из Москвы в начале 2000-х годов, Фёдор Иванович говорил: «Дася, бери пример с Нины. Ты посмотри, какая она спокойная и уравновешенная». Дася с трудом научилась плавать, а Нина плавала хорошо. «Ты плаваешь, как пароход», – говорил Фёдор Иванович Нине. Дася по утрам поздно вставала. Она рассказывала о себе: «Я ещё сладко сплю, а Нина уже встала, она уже кофе выпила». Дася обладала даром предвидения будущего. На пляже она брала камешки, играла с ними и говорила: «Это будет мой первый муж», а потом, показывая уже на другой камень: «А это будет второй». Так у нее и получилось потом в личной жизни.

В семье у Шаляпиных были собаки. Фёдор Иванович любил животных и занимался их дрессурой ещё в России. Собак специально покупали для Даси, так как она тоже любила животных. Фотографии запечатлели девочек с белым пуделем Ройкой (Дася обнимает пуделя), а также на пикнике в Пи-

ринях, где Нина вместе с маленькой чёрной собачкой, которую Фёдор Иванович назвал Микиткой. Дася демонстрирует пойманную в реке рыбу. Около девочек сидит помощница по хозяйству Лиза, приехавшая из России вместе с семьёй Шаляпиных. Она присматривала за Дасей, когда та была маленьким ребёнком.

Место для покупки имения – Сен-Жан-де-Люз – Шаляпиным было выбрано не случайно. Приехав во Францию, Шаляпин в 1923 году на море в Ла-Боле познакомился с французским писателем Клодом Фаррером, который был женат на французской драматической актрисе Генриэтте Роже, выступавшей в Петербурге в нескольких сезонах в Михайловском театре и заходившей в гости в семью певца. Находясь в дружеских отношениях с писателем и его женой, Шаляпин, узнав, что Клод Фаррер строит дачу в Сен-Жан-де-Люзе, решил купить виллу там же.

ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ В СЕН-ЖАН-ДЕ-ЛЮЗЕ.

Вечерика с Чарли Чаплиным у Эльманов

В Сен-Жан-де-Люзе были виллы состоятельных эмигрантов из России, которые покровительствовали русским и занимались благотворительной деятельностью. Так, семья Розенталей – Леонард Михайлович (1875–1955), уехавший из России ещё до революции, и Мария Владимировна (1894–1975) – жила на курорте. Она была очень состоятельной, так как владела доходными домами на Елисейских полях и занималась продажей ювелирных изделий.

В феврале 1931 года Чарли Чаплин приезжает в Европу на премьеру в Лондоне своего фильма «Огни большого города». При этом он задерживается в Европе и посещает ещё Берлин, Брюссель, Париж, Ниццу и отдыхает в Биаррице. Будучи знакомым с Шаляпиным, который приезжал в Калифорнию во время своих гастролей в 1923 году и был у него в гостях, когда в Голливуде работали над съёмками фильма «Парижанка», Чаплин, отдыхая в Биаррице, посещал виллу «Корсар» и встречался с певцом в Биаррице.

В 1931 году также приехала из США в Европу семья российского скрипача Михаила Эльмана (1891–1967), уехавшего из России ещё до революции. Она арендовала дом на лето в Сен-Жан-де-Люзе. Михаил и Елена Эльманы устраивали у себя вечеринки, приглашая своих музыкальных и театральных друзей и знаменитого актёра Чарли Чаплина, живущего в Биаррице. Об одной из них Клод Фаррер, приглашённый Шаляпиным, рассказал в своих воспоминаниях:

«Тут было много знаменитых артистов: скрипач Жак Тибо, композитор Равель, Чарли Чаплин и другие. Играли сонату для двух скрипок, причём Тибо, уступив первое место известному русскому артисту, согласился занять место второй скрипки. Чарли Чаплин, забыв, или отказавшись помнить, что он мировой Шарло, удалился в глубину холла, в котором мы ужинали, преобразился в японскую гейшу и спел несколько японских песен с необыкновенным даром подражания. Что касается Феди, то, оставив в стороне свой голос и свой гений, он сел за маленький гримировальный столик и как по волшебству превратился в кокетку 1900 года, совершающую свой туалет, с неподражаемыми ужимками, заставляющими забыть его рост и пол, и создавая впечатление реального присутствия какой-нибудь Лианы де Пужу. Этот вечер завершился богатым ужином, на котором сами артисты подавали волжские стерляди наряду с великорусскими рябчиками...»

В 1990 году в США на английском языке вышла книга «Михаил Эльман и романтическая школа», автором которой был Алан Козин. В ней тоже была описана эта вечеринка, где Чаплин спел несколько баскских народных песен, и отмечалась пантомима Шаляпина, изображавшего роль женщины начала 19-го века, утягивающей себя в корсет. Вечеринка была продолжительной и окончилась в 4 часа утра. На следующий день Чаплин встретил в Биаррице принца Уэльского Эдуарда, который отдыхал вблизи Биаррица. Чаплин рассказал ему о прошедшем приёме у Эльманов. Принц выразил желание посетить Эльманов как-нибудь вечером и развлечься на подобной вечеринке. Чаплин вскоре сообщил об этом мадам Елене Эльман. Мадам Эльман не нашла эту новость приятной. Она испугалась и сказала, что их домашнее хозяйство в Сен-Жан-де-Люзе плохо устроено и они не могут принять принца. Жена Шаляпина, услышав, что принц хочет прийти в гости к Эльманам, которые не могут его принять, предложила устроить приём у них на вилле «Корсар». Поэтому Чаплин и сообщил принцу Уэльскому о вечеринке у Шаляпина, которую очень захотел посетить принц Уэльский.

ПОСЕЩЕНИЕ ВИЛЛЫ «КОРСАР» ПРИНЦЕМ УЭЛЬСКИМ

Издававшийся в Париже еженедельный русскоязычный журнал «Иллюстрированная Россия» в № 43 от 17 октября 1931 года в рубрике «Говорят что...» рассказывал:

«Этим летом по установленным правилам Шаляпин жил вблизи Биаррица. К нему в гости часто приезжал Чаплин. Однажды Шарло (так называли Чаплина в французской прессе) явился в несколько возбуждённом состоянии.

– Мистер Шаляпин, вчера я играл в гольф с принцем Уэльским... Знаете, он не прочь бы у Вас позавтракать.

Завтрак состоялся. За столом царило бурное веселье. Шарло рассказывал анекдоты, от которых все присутствующие покатывались со смеху.

Наследник английского трона усердно налегал на зубровку. За рыбой Фёдор Иванович доконал его: поднёс на блюде внушительную рюмку водки и спел “чарочку”. Принц Уэльский Эдуард не остался в долгу. Он быстро выучил слова и заставил выпить жену Шаляпина. А Шарло восхищённо бил в ладоши и с ужасающим американским акцентом кричал: “Пей до дна. Пей до дна”. За подлинность этой истории мы абсолютно ручаемся».

А в № 42 от 10 октября 1936 года в этом же журнале была опубликована заметка о любви английского короля Эдуарда VIII (который до коронации в январе 1936 года был принцем Уэльским) к хорошему пению. Отмечалось, что, будучи принцем Уэльским, он любил встречаться с русскими артистами и был большим любителем русской песни. Принц даже подтягивал русские песни в лондонских ресторанах, когда они исполнялись. Рассказывали ещё об одном его визите к певцу в Сен-Жан-де-Люзе:

«Шаляпину сообщили, что принц Уэльский хотел бы побывать у него в гостях.

– А не хотел ли он прийти ко мне сегодня вечером – пообедать по-русски? – предложил Шаляпин.

Принц принял приглашение. Шаляпин пригласил Шарло, отдыхающего около Сен-Жан-де-Люза, выпил из Биаррица цыган и венгерский оркестр. Обед, начавшийся в 8 вечера, был на редкость удачным и затянулся далеко за полночь. Любовь принца к хорошему пению была полностью удовлетворена».

О посещении принцем Уэльским виллы Шаляпина рассказывалось и в воспоминаниях младшего сына Шаляпина от первого брака – Фёдора (1905–1992). Эти воспоминания впервые были опубликованы в миланском журнале «Lettura» («Чтение») № 6 в 1938 году на итальянском языке. В 2017 году эти воспоминания были напечатаны на русском языке под названием «Повесть о жизни Шаляпина, рассказанная его сыном Фёдором» в трёхтомнике «Фёдор Иванович Шаляпин. Портрет гения».

Как рассказывал сын певца Фёдор, его отец внимательно осмотрел перед приездом гостей сервированный длинный стол, на котором были разложены для установки мест сидения карточки с именами присутствующих. Самой младшей дочери Шаляпина – Дасе, которой было 10 лет, разрешили не ложиться спать, чтобы быть на вечере. Она носилась по саду и первая, увидев приехавших гостей, сообщила об этом отцу. Принц Уэльский должен был приехать к 8 часам вечера, но опоздал минут на 10, так как виллу с трудом удалось отыскать. Душой вечера был Чарли Чаплин. За накрытым столом царил атмосфера искренней и непринуждённой радости. Во время танцев принц пригласил вначале одну из пришедших с ним дам, а потом танцевал с одной из дочерей Шаляпина. Принц танцевал с редким мастерством, а Чаплин во время танцев делал рывки и дёргался. Принц беседовал с Фёдором о его занятиях и приглашал к себе в гости в Лондон. Чаплин исполнил танец живота, а принц ходил на руках с ловкостью и гибкостью акробата. Затем компания уселась по кругу на подушки, поджав под себя ноги по-турецки. Началось хоровое пение. Вначале были исполнены «Очи чёрные», затем испанская песня, которую запел принц. Потом пели «О, Мари». Всё завершилось победной песней «Типпертэри» под глухое сопровождение контрабаса.

Около 5 часов утра, когда уже начинался рассвет, сын Шаляпина Фёдор увидел спускающуюся по лестнице троицу: в центре шёл приветливый молодой человек с бронзовым от загара лицом – принц Уэльский, слева Шаляпин, а справа Чаплин. Сын Шаляпина, увидев их троих вместе, подумал, сколько пришлось пережить его отцу, родившемуся в бедной семье писателя в Казани и Чаплину из семьи бродяг, обитавшему в детстве в лондонских трущобах, сколько пришлось преодолеть препятствий этим двоим артистам, чтобы так шагать бок о бок с известным молодым аристократом.

Близкая подруга Чарли Чаплина начала 1930-х годов – чешка Мэй Ривс, которая была танцовщицей и знала несколько европейских языков, оставила воспоминания. Они были написаны вместе

с её знакомой – писательницей Клер Гол (1890–1977) – и опубликованы во Франции в 1935 году в книге «Близкий друг Чарли Чаплин» на французском языке. В них подробно описан вечер у Шаляпина с принцем Уэльским. По воспоминаниям Мэй Ривс, принц Уэльский собирался прийти на обед к Шаляпину вначале в сопровождении двух человек. Затем генерал Троте – однорукий адъютант принца, оповестил хозяев, что с принцем придут 4 человека. Однако потом в итоге количество сопровождавших увеличилось до 8 человек. Принц просил не одевать нарядной вечерней одежды и быть в повседневном платье. Мадам Шаляпина быстро приготовила хороший стол, на котором были водка, бутерброды с икрой и разные русские блюда. На вечере дочь Шаляпина Марина танцевала русские народные танцы. Принц продемонстрировал акробатический номер, который никто из присутствующих не смог повторить. Он встал на ладони вниз головой. При этом он разводил ноги в разные стороны, а затем соединял их. Потом он пошёл на руках. Сын Шаляпина Фёдор вместе с Чарли Чаплиным показали балетный номер, в котором Чарли был балериной. Вначале Чарли трепетал как нимфа вокруг фавна Фёдора. Потом постепенно пара стала принимать более забавные и сложные положения. Вращая Чаплина за плечи, Фёдор сознательно делал неосторожные движения, приводящие часто к падению балерины на пол. На следующий день из-за этого Чарли весь был покрыт синяками от ударов. Затем все сели за стол. Принц Уэльский сидел за столом около Жанетты Рудольфовны (?–1935) – матери жены Шаляпина, которой было больше чем 90 лет. Он долго, чуть ли ни целый час, разговаривал с ней и оказывал ей знаки внимания, как будто она была одной из главных фигур вечера. Это понравилось старой женщине, и в конце их беседы она сказала принцу Уэльскому, что он действительно настоящий принц.

ВСТРЕЧА УТЁСОВА С ШАЛЯПИНЫМ

Парижская пресса о гостях Шаляпина

О встрече с Шаляпиным в Сен-Жан-де-Люзе написал в своих воспоминаниях и известный советский певец Леонид Утёсов (1895–1982), который вместе с женой Еленой (1892–1962) и дочерью Эдит (1915–1982) в 1928 году был туристом во Франции. Встреча описана в его книге «Спасибо, сердце», изданной в 1976 году в Москве. Побывав в Париже, семья Утёсовых поехала на юг Франции. Во время вечерней прогулки по Сен-Жан-де-Люзу Утёсовы увидели Шаляпина. Услышав русскую речь, он поинтересовался, откуда они. Узнав, что месяц назад они уехали из Ленинграда, он начал расспрашивать, как там живётся. Получив от Утёсова ответ: «Очень хорошо», Шаляпин спросил его: «Вы актер?» – и, услышав утвердительный ответ, поинтересовался фамилией. Актёра Утёсова в СССР он не знал. Выяснилось, что у них есть общие знакомые. Шаляпин стал интересоваться их судьбой. Все были живы и передавали приветы, однако двое из них попали в больницу для душевнобольных. «Народ постепенно с ума сходит», – заметил Шаляпин. Утёсов был не согласен с ним, но возражать не стал. Разговор стал ему неприятен. Однако Шаляпин неожиданно пригласил к себе в гости: «У меня тут на берегу халупа. Заходите, поговорим».

На следующий день утром Утёсов увидел халупу. Это была роскошная белая вилла. Он принял решение в гости к Шаляпину не ходить. Утёсов испугался разговоров и подумал, что они с Шаляпиным не смогут понять друг друга, так как об одном и том же у них разные представления. Шаляпин не возвращался в СССР, а Утёсову было хорошо на родине. В то время Шаляпин был уже лишён звания народного артиста.

Спустившись в центр города, Утёсов увидел в киоске газету на русском языке, издававшуюся в Париже. Купить ему её не удалось, так как продавец сказал, что эта газета для Шаляпина. Это была эмигрантская газета, которая, как подумал Утёсов, складывала представление певца о современной России. Однако на следующий день продавец предложил ему дополнительный экземпляр, и Утёсов узнал, как освещаются политические события русским эмигрантам.

Спустя почти 50 лет Утёсов не мог забыть о встрече с Шаляпиным и решил рассказать об интересе Шаляпина к знакомым, оставшимся в СССР. Что могло быть опубликовано об эмигранте Шаляпине в 1970-е годы? И даже если будущая звезда советской эстрады и зашла в гости к Шаляпину, то писать об этом Утёсову не хотелось. По описанию поездки Утёсова эта встреча не производит впечатления случайной, и автор воспоминаний не всё, вероятно, захотел рассказывать о ней в книге.

Создалось впечатление, что Утёсову что-нибудь надо было передать Шаляпину от общего знакомого в Ленинграде или что-либо узнать у певца лично для кого-либо. Будучи в Париже, Утёсов его не застал там, но узнал, где находился Шаляпин. Поэтому и поехал в маленький, никому неизвестный Сен-Жан-де-Люз. Об этом Утёсов, конечно, тоже откровенничать в книге не стал.

В отличие от Утёсова, приехавшего из СССР, многие знаменитости, о которых рассказывала Дася, имели большое желание побывать в гостях у певца на вилле. И как видно из описаний встреч с гостями у Шаляпина, приведённых выше, обстановка отличалась непринуждённым весельем с хоровым пением и танцами. Пребывание гостей на вилле «Корсар» не было окрашено мрачными моментами отсутствия взаимопонимания между хозяином и гостями, как это было во время встречи с Утёсовым.

АНДРЕЙ СЕДЫХ БЕРЁТ ИНТЕРВЬЮ У ПЕВЦА

Сотрудник парижской газеты «Последние новости», писатель Андрей Седых (1902–1994), который в те годы был секретарём Бунина, бывал у Розенталей в Сен-Жан-де-Люзе. Он, будучи хорошо знакомым с Шаляпиным, встретился с ним и взял у него интервью. При этом журналист отмечал, что Фёдор Иванович «неизменно был в ослепительно-белой шёлковой рубашке с галстуком-бабочкой, в белых фланелевых панталонах. Даже в деревне на отдыхе сохранял он свою элегантность».

Статья «Шаляпин на отдыхе» была напечатана 17 сентября 1933 года в № 4561 «Последних новостей». Она рассказывает о том, чем певцу понравился купленный в Сен-Жан-де-Люзе участок и показывает переживания Шаляпина, оказавшегося вне России, потерявшего своё состояние, нажитое трудом и талантом. Вот что писал Андрей Седых в этой статье, называя себя заезжим журналистом:

«Горячий песок, ослепительное солнце, лениво плещущее море, обожжённые солнцем тела купальщиков и маленький печальный ослик, развозящий по пляжу мороженое и лимонад. Дальше – океан, одинокий маяк и белые паруса яхт, уходящих к берегам Испании.

На волнорезе вырастает знакомая гигантская фигура. Шаляпин бросается головой вниз, поднимает фонтан брызг и далеко отплывает прекрасными сажёнками. Минуту спустя, выкупавшись, рассказывает заезжему журналисту:

– Люблю я Сен-Жан-де-Люз, давно полюбил его. За воздух чистый, за простор, за простоту нравов. Это не город, как соседний Биарриц. Приезжал я в Биарриц до войны.

Доходим до конца волнореза, останавливаемся. Шаляпин всматривается вдаль на чётко вырисовывающийся мыс Святой Барбары. Там на самом верху в конце тропинки – его виллы “Корсар” и “Изба”. Оттуда открывается необыкновенный вид на всю бухту, на просторы океана.

Шаляпин говорит:

– Ведь это – страна лени. Подвернулся мне случайно один граф, продавал виллу. Соблазнил меня простор и трамвай, что изредка под окнами проходит. Я люблю всегда видеть людей отъезжающих и приезжающих.

– С ленью это особенно хорошо сочетается, – замечает собеседник.

– Ведь именно. Они куда-то едут, а я всё сижу и смотрю на них с балкона. Начинаю мечтать о тихой деревенской жизни. Подальше от суеты. Сеять кукурузу, ухаживать за виноградником. Попить перед смертью, в пику докторам, своего собственного вина. По-настоящему должен я был сейчас жить в моей деревушке Старов, во Владимирской губернии. Дача у меня там была славная. Сколотил я там замечательный дом из сосновых брёвен. Речка под боком. И выкупаешься, и рыбки половишь. Оказалось, всё это буржуазное. Должно быть, теперь там из Старова сделали какой-нибудь колхоз.

Ведь вот такая странная у меня судьба. Вышел я из этого самого пролетариата, образование получил в приходском училище. До дробей не дошёл. Так и остановился на первых четырёх правилах. Много пришлось поработать, многому научиться, чтобы потом Бориса Годунова играть. Был я всю жизнь рабочим, много трудился, а вот наложили на меня разные контрибуции, да и из России выжили. Бог с ними, с деньгами. Не в наследство их получил от отца-писаря. Сам нажил. А вот только иногда спрашиваю себя: почему я, Фёдор Шаляпин, должен петь в опере в Бордо, а не, скажем, где-нибудь в Саратове?

Шаляпин затем рассказывает о предстоящем сезоне в Париже, о русской опере, о своих планах. А потом говорит:



– Жаль только, что отдохнуть как следует нельзя. Всё надо куда-то ехать, где-то выступать. Зато сейчас чудесная спокойная жизнь. Я утром пью кофе в постели, а затем читаю или размышляю о разных вещах. Думаешь о каком-нибудь романсе, опере. И всё это постепенно в голове перерабатывается, созревает.

Но отдых певца уже подходит к концу: в октябре придётся расстаться с «Корсаром» и вернуться в Париж к сезону Русской оперы».

Этот интересный разговор показывает, что певец был доволен отдыхом в Сен-Жан-де-Люзе, но даже на отдыхе он обдумывал свои роли и выступления. Однако жизнь в постоянных гастрольных поездках ему начала надоедать.

Спустя 15 лет, когда Андрей Седых уже переехал в США и жил в Нью-Йорке, в русскоязычной газете «Новое русское слово» № 13,135 от 11 апреля 1948 года были опубликованы его воспоминания к десятилетию кончины певца. В них он писал о визитах вместе с женой на виллу «Корсар»:

«Часто по-соседски приходили к Шаляпину. Пили в саду чай или уходили в гору по тропе к развалинам старого испанского монастыря».

Трамвай, который грохотал около виллы, ходил в Биарриц с 1924 по 1938 год. Открытка середины 1930-х годов изображает виллу Шаляпина «Корсар» вблизи трамвайных путей около остановки «Сен-Барб». Эту открытку удалось обнаружить в Интернете. Она была в воспоминаниях гувернантки Нэнси, работавшей в семье, арендовавшей виллу певца в 1936–1938 годах. Тогда певец уже болел и не приезжал отдыхать туда. Воспоминания были помещены в Интернет живущей в Англии недалеко от Манчестера дочерью Лин гувернантки Нэнси и написаны по дневникам Нэнси.

Сейчас рядом с виллой, конечно, никаких следов от трамвайных путей не осталось. Теперь от вилл вниз на пляж и в город можно спуститься по улочке, которая называется Променад Шаляпина. Она ведёт вправо к улице Сен-Барб. Во время войны на вилле «Корсар» была немецкая комендатура. Обе виллы пострадали и были заброшены. Потом виллы к 1959 году были перепланированы, перестроены и увеличены. Этой работой занимался русский эмигрант-архитектор А. И. Павловский (1881–1961). Он с 1925 года жил в Сен-Жан-де-Люзе и выполнял частные заказы. Сейчас на вилле «Корсар» несколько отдельных квартир, которые находятся в разных частных владениях. Названия вилл «Корсар» и «Изба» у новых владельцев остались прежними.

ПОЕЗДКИ ШАЛЯПИНА В АНДАЙ И БИАРРИЦ

Отдыхая в Сен-Жан-де-Люзе, Шаляпин, конечно, ездил в соседний Биарриц и посещал небольшие городки в его окрестностях. В 1931 году вместе с семьёй певец ездил в Андай, находящийся в 10 километрах ещё южнее Сен-Жан-де-Люза. Там он посетил семью Валли, с которой его познакомил Фред Гайсберг (1873–1951), приезжавший в Россию из Лондона. Фред Гайсберг был главным инженером звукозаписи в Лондонской звукозаписывающей граммофонной компании, записывал на пластинки пение Шаляпина и был большим его другом. Семья Валли была семьёй его сестры Луизы (урождённой Гайсберг), которая пела в молодости в театре Ла Скала. Поездка в Андай и встречи с Шаляпиным описаны в воспоминаниях Изабеллы Уолич (1916–2000) – племянницы Фреда Гайсберга. Она окончила парижскую консерваторию по классу фортепьяно в 1930-е годы. Бывала в семье Шаляпина в Париже. В 1950-е она стала владельцем звукозаписывающей компании в Лондоне. Уолич рассказала о Шаляпине в книге «Хроника моей жизни», вышедшей в 2001 году в лондонском издательстве на английском языке.

В Биаррице была большая русская колония. В сезон туда приезжали многие знаменитости. В православном соборе Александра Невского, освящённом в 1892 году и находящемся на проспекте Императрицы, регулярно проходили службы, где можно было увидеть много русских. Великие

князя, приезжавшие на отдых до революции из России, в эмиграции после революции, проводили лето, приезжая из Парижа в Биарриц или места поблизости от него.

Неподалёку на проспекте Эдуарда VII находится казино «Муниципаль». В его театре выступали гастроллирующие известные артисты. Там был показан балет «Жар-птица» на музыку Игоря Стравинского (1882–1971), который жил несколько лет на вилле в центре Биаррица и работал в начале 1920-х годов над созданием балета «Свадебка», состоящего из хореографических сцен с пением.

В начале 1920-х в импозантном здании виллы Бэлза, построенном на утёсе в 1880-е и стоящем на бульваре Принца Уэльского, эмигрант из Петрограда, свояк композитора Игоря Стравинского (муж сестры жены Игоря Стравинского), инженер-предприниматель Григорий Белянкин (1873–1953) устроил гостиницу, кабаре и ресторан под названием «Замок басков», где веселились состоятельные аристократы. Там проходили костюмированные балы и театрализованные представления. Завсегда-тремя были самые изысканные представители общества – русские великие князья и принц Уэльский Эдуард. Вероятно, отсюда и прибыли на виллу к Шаляпину цыгане и венгерский оркестр, когда он приглашал к себе в гости принца Уэльского, как об этом сообщалось в парижской прессе в 1936 году.

В Биаррице в 1931 году Шаляпин встретился с Чарли Чаплиным. Фотография на пляже в Биаррице запечатлела двух великих актёров вместе с дочерью певца Мариной.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ ПОРТРЕТИРУЮТ ШАЛЯПИНА ВО ВРЕМЯ ОТДЫХА

Художники часто писали портреты певца. В сентябре 1931 года у Шаляпина в Сен-Жан-де-Люзе гостил известный художник, эмигрировавший из России и живший в Париже, Савелий Сорин (1878–1953), который писал его портрет. Сорин много лет, ещё с России, был знаком с Шаляпиным. В то время это был очень известный, модный и дорогой портретист. Он занимал одно из ведущих мест среди художников в Европе и Америке. О работе Сорина над портретом певца стало известно из письма певицы Лины Прокофьевой (1897–1989) – первой жены композитора Сергея Прокофьева (1881–1953). Супруги отдыхали в Сен-Жан-де-Люзе, и Лина Прокофьева сообщила в письме в Нью-Йорк эмигрировавшему из России композитору и поэту Владимиру Дукельскому (1903–1969) о всех знаменитостях, находящихся там. В 1943 году в Нью-Йорке Савелий Сорин сделал авторское повторение портрета Шаляпина 1931 года. Сейчас портрет, выполненный Савелием Соринным в 1943 году, находится в Москве (с 1974 года) в собрании Государственного театрального музея имени Бахрушина. Он был привезён в Москву из Нью-Йорка вдовой художника Анной Сориной (1904–1991) в 1973 году в составе партии картин, которые должны были быть переданы на родину в музей по завещанию художника, умершего в Нью-Йорке. Первоначальный портрет Шаляпина, датированный 1931 годом, сейчас находится в картинной галерее княжеского дворца в Монако. Оба портрета одинаковые и отличаются по размерам не более чем на 1 см в ширину и высоту. В январе 1942 года в Нью-Йорке в галерее Нодлер состоялась персональная выставка художника Сорина, на которой был представлен портрет певца 1931 года. О наличии портрета Шаляпина в Монако, показе его на выставке в Нью-Йорке и авторском повторении портрета 1931 года в 1943 году стало известно от внука художника – Владимира Сорина, живущего в Санкт-Петербурге. Владимир Сорин – художник и реставратор, который занимается исследованием жизни и творчества своего деда Савелия Сорина. Среди шаляпиноведов этот портрет Шаляпина хорошо известен. Знакомый Владимира Сорина, который бывал в Монако, рассказывал в середине 1990-х годов, что видел этот портрет раньше в Казино в Монте-Карло, где он играл в рулетку. В здании Казино в оперном театре неоднократно выступал Шаляпин. Потом, уже в середине 1990-х годов, по словам очевидца, этот портрет уже не висел там. К сожалению, к настоящему моменту документальное подтверждение нахождения портрета Шаляпина какое-то время в Казино не найдено. В конце 2008 года в Москве проходила выставка из Монако «Эпоха Грейс Келли. Принцесса Монако», организованная московским Фондом «Екатерина» вместе с княжеским домом Монако. На ней было представлено 8 картин Савелия Сорина из собрания Княжеского дворца. Среди них был и портрет Шаляпина.

Во время отдыха на побережье Атлантического океана Шаляпин позировал ещё и для других художников.

В самом роскошном отеле Биаррица – отеле дю Палас (бывшем здании дворца императрицы Евгении – супруги Наполеона III), стоящем около пляжа на бульваре Императрицы, был гостиничный но-

мер, в котором портретировала русская художница Софья Львовна де Роберти де ла Серда (1899–1988). Она была дочерью петербургского юриста и училась в Академии художеств в Петрограде. В 1919 году она оказалась в эмиграции в Париже. В Париже вначале она жила вместе с родственниками, эмигрировавшими из России, в унаследованном ими особняке, а затем в конце 1920-х годов, когда особняк был продан, она купила в XVI арондисмане квартиру-студию на бульваре Фландрин, где устраивала каждый месяц по первым вторникам приёмы гостей. Род де ла Серда, из которого она происходила, – это очень знатный испанский род, известный с XIII века. Он появился в России в XVIII веке при Екатерине II. Потомки этого рода жили во Франции, Испании и России. После революции 1917 года часть потомков, приехавших в Россию эмигрантов из Франции, эмигрировала из России обратно во Францию.

На лето художница приезжала в Биарриц и писала портреты отдыхающих. Жила в Биаррице она на своей вилле «Мечта». Её моделями были представители аристократии, композиторы и известные артисты. Среди них можно перечислить румынского короля Фердинанда (1865–1927), болгарскую королеву Джованну Савойскую (1907–2000) – жену царя Бориса III (1894–1943), князя Феликса Юсупова (1887–1967), певца Фёдора Шаляпина, композитора Игоря Стравинского, немецкую киноактрису Бригитту Хельм (1906–1996), русского финансиста барона Николая Рауш фон Траубенберга (1889–1943). Портрет Шаляпина, написанный художницей в 1929 году, очень понравился самому Фёдору Ивановичу. Он кистью внизу написал на нём по-французски: «Bravo, bravo, chere Madame de Roberty!», что переводится: «Браво, браво, дорогая мадам Роберти!», и расписался рядом с подписью художницы. В последние годы работы (в 1970–1980-е годы) художница написала ещё один портрет певца. Портреты Шаляпина пользовались спросом и их часто покупали. Портрет был написан с фотографии, где Шаляпин сидит у книжного шкафа и держит в руке письмо. Выполнен он в модернистском стиле. Фотография была опубликована большим размером в № 17 журнала «Иллюстрированная Россия» за 1939 год, когда отмечалась годовщина смерти Шаляпина. Этот номер был посвящён певцу. А затем она публиковалась в виде маленькой фотографии в 20-ю годовщину смерти Шаляпина в русскоязычной парижской газете «Русские новости» в № 672 от 18 апреля 1958 года. Как было написано в газете, фотография была сделана за год до смерти певца, то есть в 1937 году. Сейчас эти два портрета находятся у троюродного племянника художницы Александра Николаевича де Миллер де ла Серда, живущего в Биаррице. Мне удалось связаться с ним по телефону, и он любезно рассказал о своей тёте.

Художница была очень плодотворна. Она писала и пейзажи. Её две персональные выставки проходили в казино «Муниципаль» в начале 1930-х в Биаррице, а в Париже она участвовала в выставках в галереях Шарпантье, Нодлер, Норберт в 1933 и 1956 годах. В 1958 году она предоставила свои картины на выставку для продажи и сбора средств на восстановление и ремонт православного храма Александра Невского в Париже. Известна она и как иллюстратор книг во Франции. Много лет, в 1950–1960-е годы, она иллюстрировала книги известного французского романиста Мориса Декобры (1885–1973).

Портрет Шаляпина в роли Бориса Годунова, написанный этой художницей во Франции, недавно был обнаружен в одном из антикварных магазинов в Москве. О его существовании племянник, живущий в Биаррице, не знал и был очень благодарен за присланную фотографию портрета. Этот портрет был написан по фотографии. Фотография была опубликована после смерти Шаляпина в журнале «Иллюстрированная Россия» в № 17 от 16 апреля 1938 года. Опубликованный фотопортрет был поколенным, а авторское повторение его, продающееся в Москве, изображает певца по грудь.

Александр Николаевич – сотрудник региональной радиостанции на юго-западе Франции, автор многочисленных радиопередач и обозреватель еженедельной местной газеты «Неделя страны басков». Он написал на французском языке много статей и книг по истории и культуре своего региона. Он хорошо разговаривает по-русски. Племянник художницы – глубокий знаток искусства. С мая 2000 года он занимает должность почётного консула России в Биаррице. В Императорском салоне отеля дю Палас Александр Николаевич выступает с лекциями и рассказывает о Биаррице и его окрестностях после Первой мировой войны 1914–1918 годов, о русской эмиграции первой волны и, конечно, о тёте – русской художнице, написавшей множество прекрасных портретов своих современников и пейзажей природы страны басков (они населяют север Испании и юго-запад Франции). При этом он обязательно упоминает и о великом русском басы Шаляпине, приехавшим отдыхать с семьёй из Парижа на свои виллы после многочисленных гастролей.

ВСТРЕЧИ ШАЛЯПИНА ВО ФРАНЦИИ С ДОЧЕРЬЮ ИРИНОЙ

Последний год жизни певца

Шаляпин приезжал в Сен-Жан-де-Люз в течение 10 лет: в 1927, 1928, 1929, 1931, 1933, 1935 и 1936 годах. Обычно это было летом или в сентябре. Фотография начала 1930-х годов запечатлела семью певца, отдыхающую там. На фото стоят две дочери Шаляпина: Марина (крайняя слева), Дася (в середине). Справа стоит падчерица певца Стелла. Жена певца Мария Валентиновна и её мать Жанетта Рудольфовна (тёща Шаляпина) сидят за маленьким столиком.

В 1928 году к Шаляпину погостить в Сен-Жан-де-Люз приезжала его дочь Ирина из Москвы. По воспоминаниям бывавшей в Сен-Жан-де-Люзе Нины Прихненко (о ней я рассказывала выше), Фёдор Иванович и Ирина часто спорили. Шаляпин был очень вспыльчивый. И один раз они так поругались, что Шаляпин разозлился на дочь и разбил рукой вдребезги стёкла больших дверей в доме. Вероятно, эти их споры были не по пустякам, а носили серьёзный характер. Наверное, это были либо семейные, либо политические разногласия. Однако о спорах с отцом во Франции Ирина, живя в Москве, никогда не писала в своих воспоминаниях, в отличие от Нины Прихненко, жившей в Париже и рассказавшей о них в газете «Русская мысль» в начале 2000-х годов. Из Сен-Жан-де-Люза Ирина поехала ещё потом погостить к отцу в Париж. Это была её вторая встреча с отцом, жившим за границей, после встречи в Париже в 1924 году. Тогда в Париж приехали все пять детей певца от первого брака: Ирина, Лида, Татьяна, Борис, Фёдор. Они приехали вместе с матерью Иолой Игнатьевной, которая была в то время всё ещё официальной женой Шаляпина. Ирина была единственной из всех его детей, кто остался на родине до конца своей жизни.

Третья встреча Ирины с отцом состоялась в Париже в 1932 году и была последней за 16 лет заграничной жизни певца. На парижском вокзале, когда пришёл поезд из Москвы, отец увидел её с букетом васильков, подаренных друзьями. Он обрадовался полевым цветам из России и прижал букет к своей груди. Ирина остановилась в квартире Шаляпина на авеню д'Эйло. Вечером собрались в квартире у её брата Бориса. Пригласили Константина Коровина (1861–1939) и Сергея Рахманинова (1873–1943). Наварили пельменей (любимое кушанье Шаляпина), достали русской водочки. Пошёл пир горой. Потом стали петь русские песни. Было весело. Шаляпин даже пустился в пляс вместе с Коровиным. Компания поздно разошлась.

Шаляпин часто говорил с Ириной в Париже о Москве, московских артистах, вместе слушали московское радио. Ирина, незадолго до отъезда в Москву, пошла провожать отца, уезжавшего выступать в Англию. Расставание было грустным. Ирине показалось, что это последние минуты вместе с отцом и больше никогда она его не увидит. Она сдерживала себя, скрывая свою тревогу. И только когда поезд отошёл от платформы и мелькнуло лицо отца в окне вагона, она заплакала. Её предчувствие оправдалось.

В 1937 году, в первой половине года, певец гастролировал ещё по европейским странам. А в июне состоялись два его последних публичных выступления: в Париже в зале Плейель и в Англии в Истборне. Шаляпин находился под наблюдением опытных врачей, но здоровье его стремительно ухудшалось из-за неизлечимости заболевания.

Весной в 1938 году, когда Шаляпин был уже тяжело болен, он очень просил дочь Ирину приехать из Москвы. Однако выехать из СССР к Шаляпину было сложно по многим причинам. Ирина очень хотела увидеться с больным отцом, но документы для отъезда не были готовы по вине советских чиновников. Ирина даже не была и на похоронах отца, так как её вернули в Москву на границе в Бресте из-за неточностей в документах. Ирина смогла выбраться из Москвы в Париж, чтобы посетить могилу отца, после больших хлопот о выезде только в 1956 году.

Шаляпин скончался 12 апреля 1938 года в парижской квартире в присутствии своей семьи. Согласно последнему завещанию, оформленному в конце марта 1938 года, имение в Сен-Жан-де-Люзе стало принадлежать его детям от первого брака. Оно было продано, так как большинство из них жили в других странах и не собирались отдыхать там. По воспоминаниям дочери Шаляпина Марины, продажа имения состоялась после войны.

За содействие в получении фотоматериалов Сен-Жан-де-Люза и уточнения сведений о художнице и виллах Шаляпина хотелось бы поблагодарить моего французского знакомого Владимира Голованова.

Берега Новороссии

Нина Ищенко



Нина Сергеевна Ищенко – учёный, культуролог, литературный критик. Редактор культурологического Интернет-портала «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Кандидат философских наук. Член совета Философского монтеневского общества Луганска. Член Русского общества истории и философии науки. Редактор-составитель четырёх сборников Философского монтеневского общества Луганска – «На грани мира и войны» (2015) и «Четверть века с философией» (2016), посвящённых духовному климату Донбасса накануне и после начала войны с Украиной, а также сборника «Донбасс в огне» (2018), созданного к столетию Революции 1917 года, и сборника «Колышется русское поле... Внемли, Русский мир!» (2019). Редактор сборника стихотворений Е. Заславской «Эти русские» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020). Автор портала «Луганский Информ Центр» с 2015 года. Работает доцентом кафедры музыкального искусства

эстрады в Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского.

Блог: ninaofterdingen.livejournal.com.

Телеграм-канал: <https://t.me/ninaofterdingen/>

E-mail: niofterna@gmail.com.

Пространство памяти в литературе Донбасса

Рецензия на альманах «Крылья»

Тринадцатый выпуск литературно-художественного альманаха «Крылья», презентованный в Луганске осенью 2019 года, пополнил список изданий, опубликованных Союзом писателей ЛНР. Это ещё один шаг на пути интеграции литературы Донбасса в общероссийское культурное пространство ценностей, смыслов и текстов.

В сборнике опубликованы работы современных авторов, как донбасских, так и российских. Возраст авторов различен – от луганской студентки (Екатерины Толчинской) до авторов, состоявшихся ещё в советскую эпоху (Юнны Мориц). Так же вариативны жанры, представленные в сборнике: от гражданской лирики и критического очерка до детской пьесы и фантастического рассказа. Альманах интересен тем, что представляет небольшой кусочек современной русской литературы в её отражении на Луганщине. И как небольшой кусочек голограммы позволяет воссоздать изображение полностью, так и эта небольшая синяя книжка позволяет увидеть всю русскую литературу в одном фрагменте.

Смысловым ядром альманаха является тема войны, идущей в Донбассе в настоящее время. Война, которую Украина начала в 2014 году, расколола время на до и после, актуализировала старые смыслы и стала создавать новые, которые оказались неожиданно знакомыми. Образы героя-защитника, воина-победителя, жены и матери, ожидающих солдата с войны, казались отошедшими в прошлое, забытыми в ритме индустриальных городов Донбасса, небольших шахтёрских посёлков, маленьких сёл посреди степи. Но пришла война, и эти образы ожили, выступили из-под пены дней, воплотились и в жизни, и в литературе. Их можно увидеть не только в больших и маленьких городах Донбасса, но и в стихах Елены Заславской и Натальи Макеевой, Марины Пономарёвой и Ирины Горбань.

В ходе текущей войны особым светом осветились события войны минувшей, Великой Отечественной. Произведением, которое связывает воедино эти две темы в альманахе, является рассказ «Пиджак» Ирины Бауэр из Донецка.

Действие этого короткого рассказа происходит в далёкие семидесятые, а единственное его содержание – гибель в шахте отца главной героини, шахтёра-фронтовика. Это происходит в обычный мирный день, который, казалось бы, никак не связан с современностью. И только память дочери, добавляющей всё новые черты к портрету отца, воссоздаёт точно и ёмко картины Великой Отечественной войны, подвига простых солдат той войны, фронтового братства. В финале рассказа пересекаются две линии – временная и пространственная. Оказывается, выросшая героиня пишет свои воспоминания об отце в современном Донбассе, в разгар новой войны, и мы узнаём, что солнечный летний день, который описывается в рассказе, находился между двумя войнами, одновременно связывая их и разъединяя. Связывая два времени, разъединяя две линии смыслов, потому что Украина, за которую воевал отец героини, встала на сторону прежнего противника и уничтожает памятники той великой Войны, памятники тем, кто погиб за неё тогда. В этом небольшом рассказе – не только концентрация смыслов альманаха, но и отражение смыслов нашего времени.

Преимственность памяти, верность погибшим формируют то пространство, на котором могут расцвести все цветы современной культуры. Наталья Чекер из Луганска делает новый перевод сонетов Шекспира. Сотрудница музея Даля в Луганске Елена Складорова пишет очерк, посвящённый Николаю Можаяеву, скульптору, создавшему ряд значительных памятников Луганщины, включая памятник Владимиру Далю и князю Игорю. Александра Окатова из Москвы рассказывает жуткую историю о любви, фантастическую и реалистическую одновременно. Любовь Бондаренко из Свердловска пишет стихи для детей. Андрей Чернов размышляет о творчестве луганской поэтессы.

Эти и многие другие замечательные тексты альманаха, поэтические и прозаические, короткие и длинные, создают неповторимое созвездие смыслов, самая главная ось которого передаётся словами: «Всё было не зря. Всё сделанное было не напрасно». Труд и подвиг семьдесят лет назад и в настоящее время, тревоги и достижения всех людей, любящих эту землю, не пропали даром: в Донбассе живут, строят, любят, размышляют и пишут стихи. Мы помним. Сегодня и всегда.



Берега Новороссии

Андрей Чернов



Родился 11 июля 1983 года в Луганске. Окончил Луганский национальный университет им. Т. Г. Шевченко. Публикуется с 2004 года. Публицист, литературовед, критик. Пишет на русском и украинском языках. Переводился на сербский язык. Автор книги «Притяжение Донбасса» (Москва, 2016). Публиковался в журналах «ЛиФФт» (Москва), «Берега» (Калининград), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Российский колокол» (Москва), «Российский литератор» (Нижний Новгород), альманахах «Крылья» (Луганск), «Свой вариант» (Луганск), «Литературная Пермь» (Пермь), «Полдень» (Москва-Мытищи), «Университет культуры» (Кемерово), сборнике «Настоящая фантастика – 2014» (Москва) и др. Также публиковался в газетах «Жизнь Луганска», «Литературная газета», «Общеписательская литературная газета», «Луганская правда», «Литературная Россия», «Наша газета», «Республика» и др. Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия» (2015, 2016). Награждён орденом Фёдора Достоевского I степени Пермского краевого отделения Союза писателей России (2016), медалью Интернационального союза писателей «Российская литературная премия» (2018), медалями ведомств ЛНР. Живёт в Луганске. Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Зам. главного редактора альманаха «Крылья».

Призыв к духовной мобилизации Русского мира

Новая книга Галины Чудиновой «Творящие благо» увидела свет в 2019 году в Перми. В сборник вошли повести, рассказы, путевые очерки, литературоведческие и публицистические статьи. Сборник объединён единым стержнем – идеей духовного очищения русского общества перед лицом внешних угроз. Своей попыткой моделирования возможного пути выхода из сложившегося кризиса и привлекает к себе внимание эта книга.

Имя Галины Васильевны Чудиновой хорошо известно далеко за пределами родного ей Пермского края. Она – прозаик, литературовед, публицист, кандидат филологических наук. Член Союза писателей России, имеет литературные награды. Автор девяти книг прозы и публицистики, большого количества публикаций в периодике. Также она многим хорошо известна как популяризатор староверчества. Добавим к этому, что, несмотря на пожилой возраст, Галина Чудинова неоднократно приезжала в охваченный войной Донбасс, чтобы из собственных впечатлений сформировать картину происходящего в этой болевой точке русской цивилизации. Это мужественный гражданский шаг, который о многом говорит.

Художественная проза Галины Чудиновой, представленная в сборнике «Творящие благо», всецело соответствует лучшим традициям русской классической беллетристики. Простота и ясность изложения, чёткий сюжет, единство формы и содержания. Всё это позволяет читателю не запутаться в вероятных трактовках, отчётливее увидеть вложенный автором идейный посыл. Впрочем, некоторым эта прямолинейность может показаться изрядно нарочитой, даже навязчивой.

Повесть «Творящие благо», давшая название всему сборнику, раскрывает перед нами поиски собственного пути молодого мужчины-старовера. Это довольно примечательно. Судьбам представителей различных конфессий посвящены многие произведения современной литературы. Целый мощный пласт создан о православных мирянах и духовенстве. Но о своеобразном мире староверчества, их сложном пути, осмыслении своего места в русском цивилизационном пространстве пишут у нас не так много. В связи с этим опыты Галины Чудиновой примечательны и любопытны.

Главный герой повести «Творящие благо» Родион – самый обыкновенный русский парень. Он отправляется в Донбасс паломником – в старинные русские старообрядческие сёла, сохранившиеся здесь ещё со времён легендарного Кондратия Булавина. Родион как бы отстранён от мира, о таких говорят: «на своей волне». Но какое русское сердце отгородится от боли своих соотечественников? И война, через встречи с донбассцами, через увиденное и услышанное, проникает в его душу.

Переломной для его жизни стала встреча в Донецке с Марией – вдовой военнослужащего ДНР, зверски замученного украинскими оккупантами. Тривиальный в своей обыденности штрих – одинокая молодая вдова, с маленьким сыном на руках. Нет ничего случайного в мире, всё определяется на небесах. И, казалось бы, случайная встреча, случайный разговор о жёнах-мироносицах перерастают в большее, нечто, пришедшее из ниоткуда. Случайность встречи переходит в жар ночной интимной близости, после которой – прощание-расставание, без клятв и обещаний, посулов «ждать и верить».

Но ни Родион, ни Мария не знают и не могут знать, что уготовано на небесах, что уже определён их совместный путь. Родион возвращается в Россию, завершает обучение в вузе, планирует найти работу в одной из турфирм. Вполне обыденные и заурядные планы молодого человека. Но так – жить в своём спокойном мирке – русский человек не может. Не позволяет совесть. И Родиона не оставляют размышления о себе и России, об оставленной в Донецке Марии, о своей девушке в России, которую многие, да и сам он, уже считают «невестой».

Весть из Донбасса о том, что Мария ждёт от Родиона ребёнка, лишь подтолкнула молодого парня выбрать путь, принять твёрдое решение вернуться в Донецк. Он и сам не знает, что это любовь. Да и как понять это молодому человеку? Как не спутать со страстью, легко отступающей от сердца, будто и не бывало? Родион не уверен в чувстве, но уверен в своём долге – стать опорой одинокой женщине. «Таков наш православный путь», – высоким аккордом завершается повесть.

Дальнейшее остаётся за кадром, но это здесь и не так важно. Галине Чудиновой удалось передать чистый, пусть и наивный, порыв совестливого и равнодушного человека. Может быть, конечно, и не сложится семейная жизнь Марии и Родиона. Принимая своё решение, Родион показывает себя по-настоящему русским и православным человеком. Не на словах, а на добром деле.

Повесть «Нехристианин Паршек» посвящена биографии Порфирия Иванова, создателя своеобразного неформального учения о закаливании, приобретшего в советское время черты секты. Учение Иванова было известно далеко за пределами Донбасса. Повесть любопытна автобиографическими вставками, многочисленными отсылками к реальным фактам биографии Иванова, его последователей. Сочетание реального с авторским художественным допущением создаёт впечатление документального расследования.

Подобный же приём – встраивания в художественное пространство повести целого ряда документальных отсылок, реальных фактов – использован Галиной Чудиновой в повести «История двух жизней». Как и предыдущие произведения, повесть связана с Донбассом. Отталкиваясь от конкретных прототипов (многих из них легко узнают жители ЛНР), Галина Чудинова рассказывает о духовных исканиях людей, жаждущих истины и правды, света Веры. Конечно, озарение одного из персонажей повести «Сохрани мы истинную веру, не было бы ни революций, ни войн, ни кровопролития в Донбассе» слишком наивно. Но при этом всецело отражает размышления определённой части общества, ищущей понимание многих исторических процессов не только в Донбассе, но и во всём Русском мире.

Большой реалистичностью отмечены рассказы Галины Чудиновой «Депутат», «День пенсии для Натальи Павловны», «Подстава Мавлокаева». Но особенной глубины раскрытия психологизма главного героя, как мне кажется, автор достиг в рассказе «Я тебя всю жизнь искал». Главный персонаж – военный медик, участник Чеченской войны. С большой психологической достоверностью, рельефно и осязаемо передана его рефлексия. Прошедшие годы вовсе не вычеркнули из его памяти увиденное и пережитое в Чечне. Перед его глазами предстают и тот жуткий 1995 год, Ачхой-Мартан, лица тех, кто был обречён на смерть. Зыбкими химерами являются они во снах ему, медику. Ничего не говорят они, но ему и не нужно слышать их вопрос. «Знаю, что они хотят спросить, да только не могут», – ёмко, без лишних фраз отмечает он. Сквозь фантомы прошлого главный герой идёт к своему будущему, простому человеческому счастью, воплотившемуся в девушке с нежным именем Настенька.

Путевые очерки Галины Чудиновой служат своеобразным дополнением её прозы. Они документально фиксируют её впечатления от поездок по необъятной России – Южный Урал, Свердловская область, Крым. Они отмечены наблюдательностью и большим вниманием к деталям, к собеседникам, людям, окружающим автора в его путешествиях. Эти страницы, мне кажется, будут многими прочтены с большим интересом, поскольку, наполненные личным чувством, дают непосредственный слепок впечатлений от соприкосновения с многогранной русской действительностью.

Литературоведческие и публицистические статьи Галины Чудиновой раскрывают перед нами размышления о настоящем и будущем русской цивилизации. И это размышления деятельного человека, остро чувствующего сложившуюся социальную несправедливость в российском обществе. Как преодолеть противоречия и разрешить сложившиеся проблемы? Над этим бьются многие мыслители Русского мира. Конечно, нельзя утверждать, что Галина Чудинова находит на многие вопросы убедительный и однозначный ответ. Но она показывает верный путь, устремлённый к достижению справедливого общественного уклада, основанного на моральности, духовном здоровье, равенстве.

Всё это осталось бы лишь теоретическими размышлениями, коих очень много и в периодике, и в сети. Но куда важнее понимать, что духовная мобилизация общества возможна лишь при условии существования наглядного примера. Важна не только цель, к которой нужно стремиться. Важны и конкретные шаги, с помощью которых эту цель можно достичь. И персонажи художественной прозы сборника «Творящие благо» показывают нам пути своей личной духовной мобилизации, своего устремления к правде и справедливости.



Берега Новороссии

Галина Чудинова

Художественная диагностика войны в Донбассе



Война в Донбассе в восприятии врача-психиатра? Согласитесь, такое в писательской практике бывает не часто. Долгожданным событием в литературной и культурной жизни двух республик стал недавний выход в свет книги Ивана Донецкого «Мама, если не я, то кто». За шесть лет войны автор стал хорошо известен читателям своими глубоко правдивыми, хватающими за душу пьесами, рассказами и очерками, которые публиковались во многих сборниках и альманахах – «Время Донбасса», «Выбор Донбасса».

Во время двух поездок в Донецк мне посчастливилось познакомиться с автором книги, живущим в Петровском районе города, наиболее близком от линии соприкосновения, то бишь постоянно подверженном обстрелам. Не раз доводилось Ивану собирать осколки от снарядов во дворе своего дома. Однако этот мужественный и талантливый человек не сбежал от войны, не покинул своих пациентов, а, напротив, спас от тяжелейших психических расстройств многие сотни ополченцев, побывавших в самом пекле боёв за Донбасс. По его словам, книга даёт представление о том, что называют «донецкий характер».

Сам автор определил её жанр как художественно-публицистический дневник, а в аннотации обозначил сложность работы над текстом: «Книга написана донецким врачом-психиатром как история болезни Украины. В этом её достоинство и недостаток. Достоинство – клиническая точность, документальность, объективность. Недостаток – включённость автора в события, эмоциональность, преодолеть которую, живя и работая под обстрелами, сложно».

Стремление писателя донести всю правду о событиях в Донбассе определило структуру книги. Представленные в ней рассказы, очерки, миниатюры, публицистические зарисовки расположены в строго хронологическом порядке, начиная от года 2014-го, начала военных действий, и заканчивая 2019 годом, что в целом создаёт эпическую картину трагедии войны, до сих пор не оконченной. В уникальном дневнике указаны не только годы, но и месяцы, а порой и даты происшедших событий. Читатель найдёт здесь многообразие стилей и приёмов: горькую иронию и сарказм, философские размышления, лирические и ностальгические отступления, найдёт и жуткие эпизоды войны, внешне бесстрастно переданные глазами врача.

С пронзительной, трагической ноты начинается рассказ «Мама, если не я, то кто», давший заглавие книге: «Донецк сегодня малолюдн. Лица дончан приобрели иконописную сосредоточенность: смерть у нас – ежедневная реальность». Похороны и поминки ополченца с позывным «Кортес» и трёх его товарищей художественно воссозданы повествователем чередованием настоящего и прошлого времён, репортаж с места событий чередуется с публицистическими раздумьями о сути происшедшего: «Война проявляет людей как фотоплётку». Двадцать восемь лет земной жизни Кости-Кортеса переданы в воспоминаниях его матери, овдовевшей жены, друзей-ополченцев, школьной учительницы. Возникает светлый образ истинно русского человека, за всю свою короткую жизнь ничего не делавшего для себя, лишь стремящегося помочь другим, человека, которого врагам не дано было поставить на колени.

Антитеза между русским и оголтело русофобским миром становится одним из главных авторских приёмов, проходит через всю книгу. Узнав о гибели ополченцев, «в соцсетях сторонники Украины возликуют: “Сдохли, твари колорадские! Отмороженные ватники!” Кто-то из Владивостока или Рязани напишет: “Вечная память героям Донбасса!”»

Поражает языковое мастерство писателя, безупречность его владения лаконичным стилем, умение найти точные сравнения и метафоры. Трагический август четырнадцатого года в Донецке

сопоставлен с гражданской и Великой Отечественной войнами не в пользу первого: «Современное оружие стёрло разницу между фронтом и тылом. Герои Булгакова не прятались в подвалы... У героев Симонова был тыл, куда не долетали снаряды и авиация. В сегодняшнем Донцеке тыла нет... Красный столб пыли от первого взрыва и тёмный от второго повисли в знойном воздухе. Ветра нет. Зрелище ирреально». Земному аду противопоставлены лучшие человеческие качества дончан, проявленные в годину страшных испытаний: «Мы переоценили ценности, научились помогать друг другу, узнали, что такое сплочённость и локоть соседа, сослуживца, друга, случайного прохожего». Примечателен этот образ коллективного «мы», образ вековой русской соборности, взаимопомощи, взаимовыручки. Именно в эти тяжелейшие дни героическим пафосом исполнены авторские размышления, что «Украина о Донбасс сломает зубы. Оставшиеся – Донбасс выбьет!».

И впрямь, горькой и мрачной иронией над собственными судьбами стал для попавших в плен украинских вояк день двадцать четвёртого августа, когда оказались они «в логове терроризма и сепаратизма» и их под конвоем провели по главной улице Донцека, а сзади три поливальные машины смывали следы вражеской нечисти.

Гротеск и сарказм органичен на страницах книги, где речь идёт о чудовищной лжи украинских СМИ и рядовых обывателей. По их байкам, «террористы из одного района стреляют в другой, потом из другого – в третий. Параллельно обстреливают украинскую армию, которая стреляет в ответ». А сама Украина, рвущаяся в «Эвропу», стала стремительно погружаться в Средневековье: мусорная люстрация не только мужчин, но и женщины, факельные шествия нацистов, херои, едущие убивать за деньги, «ярмарка каннибалов», на которой дети в Николаевской гимназии покупают и кушают сладости под названием «синие-жёлтые звёзды Кремля», «кровь российских младенцев». Под пером Ивана Донцекого рождается сборник клинических фактов. А из них, как мозаика, складывается психологический портрет потомственных предателей и карателей, наследников дивизии СС «Галичина». Издевательства над пленными, подростками, женщинами, разрушенные дома, школы, больницы, детские сады... Ненависть к карателям, закипающая в умах и сердцах дончан, выливается в прозвищах, данных главарю убийц: «Потрошенко, Параша!»

Художественной находкой, ярким олицетворением передана в очерке «Огонь Донбасса» наболевшая проблема прошлого и настоящего региона, не покорившегося врагам: «Донбасс выбросил украинские флаги и поднял российские. Россия не признала его совершеннолетия, уступив Украине права опекуна. Шёл Донбасс домой, а оказался посреди Дикого поля – один-одинёшенек!»

Традиции и новаторство – отличительная черта прозы Ивана Донцекого. Один из шедевров книги – рассказ «Донцекий реквием», о любви чувственной, плотской и в то же время одухотворённой высоким чувством духовной близости, живо напоминает «Суламифь» А. Куприна, «Солнечный удар» И. Бунина и, конечно, «Даму с собачкой» А. Чехова, кстати, любимого писателя автора. Театр действий перемещается то в обстреливаемый укрофашистами Донцец, то в воспетую Чеховым Ялту, скорбь от утраты чередуется с поэтикой воспоминаний: «Берут напрокат лодку и плывут в открытое море, в Турцию, как шутит Она. Он на вёслах. Она на сиденье. Плечи её видны сквозь лёгкую ткань. Она любит им. Он, замечая её взгляд, гребёт сильнее, напрягая мышцы. Море спокойно. Солнечный луч, ломаясь, уходит вглубь прозрачной, голубой воды, стекая с ободранных вёсел». В повествовании любовь соседствует со смертью, ходящей за ней по пятам. Реквием, начатый с сообщения о гибели любимой и её дочери, посвящён погибшим женщинам и детям Донбасса. С «Реквиемом» переключается финальный в книге пронзительный «Рассказ о любви», где вспыхнувшее чувство к заботливой молодой медсестре спасло повествователя от ожидаемой смерти, но не спасло героиню от обстрела. И это произошло в 2019-м, на шестом году войны!

Текст книги помогает понять незаурядную личность её автора – не только опытного врача-психиатра с сорокалетним стажем, но и интеллектуала, любящего с юности русскую и мировую литературу и искусство – Гоголя и Достоевского, Толстого и Чехова, Цветаеву и Набокова наряду с Прустом, Камю, Борхесом, Унамуно, Пиранделло, знакомого с философией Ницше и Ортего-и-Гассета, глубоко и правдиво осмысляющего все исторические и современные события.

Два мира, противоположных по целям и смыслам жизни, – это не только Украина и Донбасс, воюющий за своё право быть частью исторической России, но и миры самих жителей Донцека. В замечательном очерке «Два Донцека» автор призывает читателей совершить мысленную прогулку по городу, начиная от прифронтовой полосы до центра. Здесь под пером писателя возникает мону-

ментальный образ старухи с окраины города, всю жизнь проработавшей на шахте, вырастившей сына-шахтёра и внука, погибшего в Дебальцево. «Вы оглядываетесь на неподвижную старуху, которая полвека назад потеряла страх под землёй. Одряхлев от старости, она будет сидеть, опираясь на палку, и молча ненавидеть тех, кто убил его. Мины и снаряды могут отбить ей голову, руку, но она не дрогнет. Из Донецка её унесут только вперёд ногами. Вам кажется, что она вырезана из чёрного мрамора».

Иные краски, эпитеты и метафоры находит автор для тех хорошо одетых, «золотисто-когтистых» женщин из центра города, чьей целью стал доходный бизнес. Финал очерка оптимистичен: «Вы возвращаетесь в прифронтовую полосу с твёрдой уверенностью, что Украине, даже с помощью Донбасса жлобско-гламурного, не победить Донбасс фронтовой и трудовой».

Сквозным в книге становится выстраданное размышление автора о том, что преступления украинских карателей против мирного населения Донбасса намного превосходили преступления гитлеровцев за годы Великой Отечественной войны. Об этом откровенный разговор коллег в очерке «День психиатра», страшный рассказ врача Петрова: «У меня на консультации больная была с мужем. Поехала в Селидово за пятнадцатилетним сыном. Кто-то из соседей стукнул, что она из ДНР. Нацики выбили дверь, мешок ей на голову и – в подвал. Неделю насиловали, тушили о тело окурки, грозили убить, а потом вывезли за город и выбросили из машины».

В рассказе «Боулинг» психиатрическая помощь не помогла молодой матери с ребёнком, живущим под обстрелами. Впечатляющая по силе воздействия миниатюра «Сон психиатра», художественный вымысел о больных, захвативших отделение с врачами и сёстрами, – это ассоциация с Украиной, силою оружия навязывающей Донбассу свою бредовую реальность.

Читатель найдёт в книге и «Донецкие анекдоты», и остроумный сценарий «Олекса Порох» – проекцию на повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в современных реалиях, и ёмко, лаконично воссозданную галерею донецких типов – от жуликов, спекулянтов, взяточников до подвижников и героев.

Светлый образ героя Донбасса Михаила Толстых – Гиви – стал олицетворением бесстрашия и мужества в лучших традициях русского воинства: ещё при жизни о его подвигах слагались легенды. Скорбная дата – год 2017-й, февраль, когда десятки тысяч жителей Донбасса пришли на траурный митинг, высвечивает весь масштаб личности Михаила, всю значимость героизма: «Мы – наследники Ленинграда и Сталинграда, а не сдавшегося немцам Парижа. В этом мы – не Европа и никогда ею не будем».

Примечательно, что книга Ивана Донецкого вышла в преддверии славной исторической даты – 75-летия со дня окончания Великой Отечественной войны. В очерке «Песня» потрясающе правдивы и актуальны рассказы бабушки писателя о зверствах бандеровцев и воспоминания о подвигах фронтовика-деда. Дед «за период боёв с 7 по 27 июля 1943 года, действуя отважно и решительно, вместе с расчётом уничтожил два взвода пехоты противника, подавил огонь 2-х батарей и был награждён медалью “ЗА ОТВАГУ”».

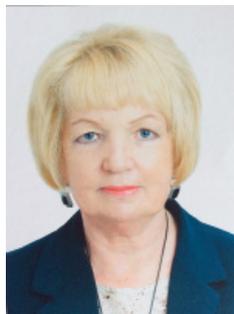
Убедительной защитой духовно-нравственного наследия литературы и культуры Советской эпохи стал доклад Николая Иванова, председателя правления Союза писателей России, сделанный на Пленуме СП России 17 октября 2019 года и названный «Идеологический фронт Великой войны». В докладе прозвучало самое точное определение, что Вторая мировая война явилась не «битвой моторов», не «битвой боевой техники», а «битвой культур».

Это в полной мере относится к книге И. Донецкого «Мама, если не я, то кто», где бережно сохранена генетическая память народа-победителя и его многовековая культура. Талантливая и правдивая книга, дающая читателю полное, исчерпывающее представление о войне в Донбассе, ставшая её художественной диагностикой, безусловно, заслуживает литературной премии. В равной мере героический народ Донбасса, выстрадавший своё право стать неотъемлемой частью Русского мира, заслуживает скорейшего вхождения в родную гавань.



Берега новых книг

Лидия Довыденко



Лидия Довыденко – секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Родилась в Могилёвской области в 1952 году, окончила Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, историко-филологический факультет. Автор 22 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов.

Судьба землян

О книге Сергея Пылёва «А за окном – человечество...» – Воронеж, 2019

«И я вас люблю!»

Гаджеты, современные технологии, человек в новейших условиях жизни и человечество – тема книги и первой повести в сборнике.

С первых страниц читатель погружается в тему взаимоотношения детей и родителей, внуков – с бабушками и дедушками. В повести «А за окном человечество» высвечивается одна из порочных черт нынешних «человеков» – это когда взрослых людей раздражают дети, и они суют им в руки смартфоны, чтобы занять их. В повести перед нами проходит череда новейших негативных явлений современного мира – предприниматели, зарабатывающие на выдаче фальшивых сертификатов, заказные убийства, убийство жителей Новороссии, детей и стариков, однополые браки, боязнь детьми темноты, воды, монстров и всяких существ из мультиков, почти искусственные продукты питания...

Писатель обеспокоен за современное состояние общества, если там отсутствует осознанность, когда в душе не Божественное начало, а «конец света – внутри человека», если он не видит прекрасного и благоуханного дня.

Главный герой повести – пятилетний Славик, который не может жить вне гаджетов, и в сознании у него в основном монстры и чудовища, чередующиеся с фиксиками. Ребёнок находится на грани психического срыва, боясь засыпать, потому что это похоже на умирание в его понимании. Ему чудится ненависть к нему всех окружающих людей. Его трудно уложить спать, потому что в это время стучатся все его страхи. И всё же благодаря мужским волевым и душевным качествам дедушки Сергея Владимировича мальчик наконец произносит: «И я вас люблю». Человечество, которое за окном, со своими социальными болезнями, отступает на второй план, так как в конкретном одном доме торжествует любовь всех членов семьи друг к другу. Цифровое рабство, захватившее ребёнка, пасует перед безбрежной мудростью взрослого человека. Но ведь за окном человечество, стоящее перед той же страшной проблемой морального банкротства. Кто возьмёт человечество на ладони любви? Ведь именно любовь растворяет страхи.

«Никишин сад»

Меня часто на встречах с читателями спрашивают о герое нашего времени. Я ссылаюсь на повесть Сергея Пылёва «Никишин сад». Его герой Валентин Корнилов из деревни Никишино Воронежской области – человек с высоким уровнем яркого духовного светомира, испивший чашу страданий в поисках справедливости в последние десятилетия социалистического хозяйствования в деревне и в перестроечный период в истории России. Он преображает нас и придаёт нам направление и силы. Честный, трудолюбивый, будучи старшим сыном в многодетной крестьянской семье, оставшейся без отца, он помог матери поднять детей. Возглавляя животноводческий комплекс, добывает-

ся таких результатов, что его руководитель, боясь конкуренции, просит уехать. Валентин отправляется в Ворошиловград к одному из своих братьев, чтобы открыть для себя, насколько лучше живут на Украине, чем в России, понять огромную помощь Советского Союза и недружелюбие Украины, мечтающей о «незалежности», будто бы «без России заживём». И после 1991 года Валентин Корнилов понимает, что живёт в чужой стране, отказавшись получать украинский паспорт. Ворошиловград вновь становится Луганском, а на улицах появляются надписи: «Кляти москали за триста лет усе сало зылы. Геть отсюда! Тикайте!», или хуже того: «Москалей на ножи!»

Возвратившись в Никишино, Корнилов узнаёт о том, что бывший председатель колхоза стал фермером, взяв лучшие земли, а кто-то покончил с собой, не приняв нового олигархического строя. Корнилову досталось неудобье, когда он решил крестьянствовать на родной земле. Никишино сгорело во время пожара в 2010 году. Корнилов находит в себе внутренние силы создать хорошее хозяйство, определиться в иерархии: земля, человек, небеса. На месте пожарища Валентин высаживает яблоневый сад одним сортом – «комсомолка». «Внизу холма на былом погорелье раскинулся шеренгами, точно в строю навтыяжку, молодой голенастый сад. Весь в переливах вызревших, ало блистающих яблок. Будто накрыл его закатный розовый туман». В любую погоду приходит Валентин Корнилов в сад и повторяет фамилии прежних жителей Никишино, называя их шёпотом. У Валентина молодой сын – помощник отцу с его укоренённостью в русской православной традиции и подлинным соответствием внутреннему миру отцов и дедов. Живительная сила родной земли укрепляет в русской семье волю, мышление, чувства как часть необъятного мира.

«Матушка»

Повесть о матушке Валентине, светлом образе, благородной женщине, которая была подвержена искушению любовью светского мужчины, с неожиданным разворотом – обретение Бога этим человеком.

Жизнь предоставила возможность Валентине для испытания её добродетелей, и она с честью их выдержала.

Володин ощутил потребность раздарить своё имущество нуждающимся и храму, став монахом Макарием. Как и в предыдущей повести, писатель вскрывает язвы общества: там детский приют, в котором живут дети алкоголиков и лишённых свободы, а в повести «Матушка» читателю открывается страшная картина больницы, где доживают свои сроки обречённые на близкую смерть дети с неизлечимыми заболеваниями – так называемый паллиативный центр. Благодаря помощи Володиной девочка по имени Марина выжила, и её удочерили новые родители. Матушка Валентина и отец Роман усыновили из этого центра и семилетнего Гошу, у которого опухоль головного мозга стала спадать под лучами заботы и любви.

Мечты о космическом Афоне, о православном храме на Луне чередуются с конкретными земными делами Божественного свойства.

Уникальное творчество Сергея Пылёва, умеющего выхватить из окружающей жизни острейшие проблемы и найти позитивный исход нравственной высотой отдельных людей – для меня как читателя – тайна. Писатель с необыкновенной чуткостью и бережностью находит людей, которые становятся его героями с тончайшей красотой русского человека, принимающего на себя ответственность за ближнего. Деятельное бытие в духовном пространстве России обретает высокий свет во Вселенной внутреннего его мира. Сюда стягиваются лучи любви, красоты природы, святой молитвы, доброты, таинство покаяния. В пустыню атеизма приходит живая вода православной веры. И автор, как и его герои, – это мужественные и величавые люди, которых Бог наделил щедрым талантом, острым умом и отзывчивостью.

«Опыты Луизы над Монтенем»

Это произведение видится мне особенно остроумной повестью Сергея Пылёва. Какой-то яростной энергией она пропитана при воспоминании о 90-х – начале нулевых годов. Олигарх, владелец АЗС, заправляющий автомобили разбавленным бензином, рядом бомжи, живущие в подвале под-

станции, городской морг и туберкулёзная больница рядышком расположились на окраине города. Уборщица на АЗС Луиза, дочь алкоголички, в прошлом торговавшая своим телом, предстаёт этакой Соней Мармеладовой среди нищеты и разрухи, вдруг однажды находит на свалке книгу «Афоризмы жителей Древнего Двуречья», которая изменила эмоциональную Луизу, ощутившую потребность в мудрости человечества. Оказалось, что двадцать тысяч лет в Двуречье рассуждали вполне современно: «только боги живут вечно под солнцем, но дни человека сочтены, все дела его – лишь ветер»; «поднимись на руины и пройдишь по ним, посмотри на черепа простых и великих; какие из них принадлежали святым, а какие грешникам?», «Лучше с умным таскать камни, чем с глупым пить вино». Луиза читает известных философов, а Монтень стал темой её бесед с Сергеем Владимировичем, который устраивается на АЗС заправщиком, работает рядом с бывшим учёным, кандидатом биологических наук, по совместительству садовником в морге, по кличке Ботаник. Сергей Владимирович обладает интеллектом и кругозором, по классификации Карла Густава Юнга, относит себя «к этическим интровертам» и глубоко убеждён, что «наказание зла равносильно его прощению. Надо дать ему возможность остаться с самим собой наедине, вкушать собственного яда».

Луиза изо всех сил лучится к Сергею Владимировичу своим мощным либидо, «которое до Фрейда числилось по разрядке блаженного Августина как срамная похоть плоти». Гибель Ботаника на АЗС в результате несчастного случая вызывает у Луизы срыв на прежний алкоголизм: «Я увидел Луизу такой, какой она будет накануне своего столетнего юбилея. Хотя было в ней что-то и от горько плачущего новорождённого ребёнка, который пришёл в отчаяние от безжалостной ссылки на планету Земля».

После увольнения с АЗС по причине конфликта с мамой владельца заправочной станции Луиза не выходила из запоя, а главному герою «всё вдруг разом обрыдло в жизни второго варианта человечества, послепотопного. Заняла реальная депрессуха». Но, как и говорил Монтень, «нередко сам порок толкает нас на добрые дела». Луиза вышла замуж за бывшего военного лётчика, контуженного «афганца». А Сергей Владимирович отправляется в Задонск примерить на себя послушание, произнося: «Здравствуй, новая жизнь!», позаимствовав фразу «то ли у Чехова, то ли у Данте, надеюсь, что они простят». Ярко зримые образы окружающего мира плотно населяют повести Сергея Пылёва и насыщают сердце талантом писателя вмещать в одну повесть мыслительную историю человечества с грустным, даже горюющим отдельным человеком, идущим по земным пределам, но поднимающим голову к небу с вопрошанием и обретением духа через душевные муки.

«Пан Пивак»

Повесть «Пан Пивак» – это история человечества, во всяком случае, западная история человечества, и тема русофобии. Первые её страницы писатель относит к периоду правления английской королевы Елизаветы, когда её посланник Джильс Флэтчер получил отказ от благочестивого царя Фёдора Иоанновича на беспощинную торговлю в Московии. И тогда «Флэтчер в сатирическом запале написал книжицу “О Русском Государстве” и наши нравы да обычаи карикатурно представил в живости». И хотя Елизавета «за перегибы» повелела книжицу запретить, русофобия пустила корни и через века пышно расцвела, например, в Украине, не замечающей того, что в течение веков «варварскую страну» безуспешно пытались «цивилизовать» огнём и мечом, танками и самолётами так называемые «просвещённые» страны.

Чувство патриотизма у писателя естественно: «свежее, явное чувство любви к Родине, и я был рад, что оно посетило меня».

Оказавшись в современной Чехии, три командированных сотрудника из журнала «Лики жизни» ощутили в себе некий социалистический геном на квантовом уровне, «энергетический след призрака коммунизма». Экскурсии, замки и обязательные в них привидения, пиво «Старосмиховское», кофе, семидесятиградусная сливовица, бехеровка. И разговоры о России, Путине, Сирии, Украине, Донбассе.

Во время поездки на место знаменитого Аустерлицкого сражения небо писателю не открылось. Как он саркастически отмечает, ведь «он не князь Андрей», но извне что-то перетекло в нас, читателей, вместе с воем собаки, тосковавшей о тысячах убитых в сражении, что-то было оживлено мановением писательской руки с художественным мастерством, потому что рядом стоят латинские

выражения древнейших римлян и досада за манекенов, одетых в форму советских солдат в чешском тире, доброжелательность и враждебность чехов, то сдержанно-приветливых, то непоправимо обречённых на свою отдельность и неслиянность ни с кем.

«Сине-антизелёный глюон»

И наконец, несколько слов о квантовой повести «Сине-антизелёный глюон».

Жили люди по общечеловеческой ньютоновской механике и вдруг – квантовая: в продолжение к ЕГЭ, к сокращению времени на изучение русской литературы и языка приезжает в педуниверситет комиссия по объединению с политехом. Именно по тому квантовому закону, что «все элементарные частицы превращаются друг в друга, и эти взаимные превращения – главный факт их существования».

Слово студент откладывалось в архив, а предлагалось слово «обучающийся».

«Костёр реформ» вызвал массовые больничные бюллетени, инсульты, попадание под машину, подобно тому же квантовому закону, что «ежесекундно только в видимой части Вселенной рождаются и умирают миллионы звёзд». Так же саркастически в повести отражается та ничтожность современной медицины, которая не только не может правильно поставить диагноз, но явно издевается над людьми, чуть ли не поголовно объявляя пациентам онкологию на фоне «дела Скрипалей, трагедии в Кемерово, ночной ракетной атаки по суверенной Сирии». И даже когда кажется, что всё благополучно, интеллигентная женщина, купив платье с вырезом на красивой спине, сталкивается с тем, что «везде, куда наши отцы и матери выбирали самое лучшее из своих гардеробов, ныне вторгся дерзкий стиль дырявых джинсов».

Тут уместно вспомнить, что даже Эйнштейна посещала мысль, что «окружающая действительность существует лишь в тот момент, пока Вы на неё смотрите».

«Духовная диффузия» приводит к едва ли не большим страданиям повествователя, чем у его жены, когда он узнаёт о её страшном диагнозе.

«Один умирает от сердечной недостаточности, другой – от сердечной избыточности», – констатирует писатель. И далее: «Я почувствовал себя словно бы точкой сингулярности. Но не той единицей пространства-времени, в которой заключалась когда-то перед Большим взрывом вся материя, наполняющая сегодня нашу Вселенную, а в которой собрана вся боль, в ней накопившаяся за пятнадцать миллиардов лет вечности».

И снова мысль из квантовой механики о том, что «Эйнштейн противился в ней только мысли о том, что в основе сущности природы лежит случайность». Можно ли надеяться на излечение? «Да кто же такое допустит? – вырывается из уст героя повести. – Иначе он всех лекарственных олигархов и их прикормышей по миру пустит. Потом же и государству невыгодно спасать. Лишние пенсионеры ему не в радость».

Рождается спасительная мысль – обратиться лишь к Богу, так как там выносятся «вердикт как всему человечеству, так и отдельным особям».

И опять душевная растрата ради усиления духа? Боже, сколько же его у нас в России!

Аннушка – то ли человек, сиротка-подросток тринадцати лет, то ли ангел, бросающийся на помощь людям-праведникам, – образ из лермонтовской поэзии на художественном полотне Сергея Пылёва не выбивается из общего фона повести, где земное и небесное тоже находится в «духовной диффузии».

Златоуст нашего времени, писатель рисует нравственно живительный мир, наполненный актуальными мыслями и человеческой теплотой, к которому читатели находят радостную дорогу. Я уже писала о миссии Сергея Пылёва как переводчика с языка Вселенной на русский, чтобы мы могли найти ту духовную изначальность, без которой душа русская лишается своего корневого начала. Упоминание в повести Большого адронного коллайдера заставляет с тревогой думать о судьбе человечества, оказавшегося в зоне риска при поиске ЦЕРНОм (Центром ядерных исследований) под руководством Фабиолы Джаниотти тёмной материи и двойника Вселенной, заявляя о новых технологиях и якобы новом качестве жизни человека, благодаря открытию элементарной частицы под названием «бозон Хиггса». На смену электронике идёт «бозоника», но станет ли отдельный человек духовно богаче и защищённее?..

Эляна Суодене – поэт и философ



И чувствую – правдива
Вселенной красота,
И золотится нива,
Как новая строка...

Эляна Суодене

ФЕСТИВАЛЬ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ «ПОКРОВА»

Мы познакомились на одном из ежегодных неповторимых, единственных фестивалей духовной поэзии «Покрова» в Каунасе. Сразу стало понятно при первой же встрече: мы с Эляной Суодене близки по духу. Её деятельность многогранна. Инициатором, вдохновителем, организатором и ведущей фестиваля русской поэзии «Покрова» в Литве является Эляна. Она член МАПП, доктор гуманитарных наук, автор 16 поэтических сборников, а также ежегодных христианских календарей. Кроме международных фестивалей поэзии «Покрова» (Каунас), она также организовала фестиваль «Многоречивая Вилия» (Вильнюс), является автором идеи проведения Международного литературного фестиваля МАПП «Балтийский гамаюн» (Вильнюс) и Форума русской поэзии стран Балтийского региона «Поэтодень» (Каунас).

Эляна руководит каунасской литературной студией «Поэтоград», создала Центр культуры им. Л. Карсавина в Каунасе, руководит проектом по изданию литературного альманаха «Oceanus sarmaticus». Награждена: «Золотое перо» Европейской академии искусств и литературы, «Золотой лауреат» Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за вклад в развитие русской культуры в Литве (2017), правительством Литовской Республики награждена серебряным Знаком чести «За заслуги» (2018).

Блестящего организатора, учёного и поэта Эляну Суодене, которая живёт в Каунасе, пишет на русском языке, хорошо знают за пределами Литвы как автора книг о поэтах и философах Серебряного века: «Метафизика вечной женственности», «Поэма о Марине Цветаевой», «Поэма о Карсавине, или Песнь Элените», «Поэма об Андрее Платонове», «Поэма об Анне Ахматовой» и других книг и статей.

Всечеловечность – девиз её фестивалей, всеединство, пассионарность, соборность. Ведь если следовать А. А. Лапшину, «конечная цель творения – во всеединстве, в стремлении к единству, независимо от национальной принадлежности». Когда звучит на «Покровах» поэзия из Литвы, Латвии, России, Беларуси, мы понимаем, что центром притяжения авторов является общество культуры имени Льва Карсавина при Каунасской Благовещенской церкви (настоятель – отец Николай Мурашов) и Каунасский клуб «Надежда» Русского собрания Литвы, но главное – ощущаем Покрова Пресвятой Богородицы, для многих любимый и сокровенный праздник. Такие встречи необходимы для гармонизации сознания, как говорит Эляна Суодене: «создавая лад строфы, художник слова возвращает миру утраченную модель гармоничной целостности Мироздания». Поддерживает это стремление и отец Николай, который считает, что творчество художника состоятельно тогда, когда оно соотносится с «постижением высших божественных смыслов», а поэт прислушивается к голосу совести.

Валерий Иванов, философ, поэт, автор известной социально-философской монографии «Нравственный крест», руководитель общественного движения РАРОГ, отметил, что фестиваль «Покрова» воспринимается через нравственный акцент. Художники и поэты – часть культуры, в которой есть место Благовещению, Любви, внутреннему свету. Здесь живут вселенский разум и истина, человек как носитель добра на святой земле.

Эльвире Поздней, поэту и главному редактору альманаха «Ступени» (Вильнюс), видятся «Покрова» как возможность найти себе единомышленников: «Каждый из нас мечтает, чтобы нас кто-то нашёл...», возможность «с другими делиться добротой».

«ПОЭМА ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ»

Поэма издана в 2019 году в Каунасе. Эпиграфом к ней Эяна Суодене взяла слова Анны Ахматовой: «В то время я гостила на земле».

Так и воспринимается поэт Анна Ахматова – гостьей на земле, «грешной и святой»:

– Откуда в гости к нам нагрязнула, с каких высот, с каких низин?

По словам Эяны, Анна Ахматова «вечной женственности муку сумела в свет преобразить», потому что пристальное внимание одной женщины и поэта направлено к другой женщине и поэту, и больше всего – именно к женской сути Анны Ахматовой.

Обращаясь к книге «Вечер», Эяна Суодене не могла пройти мимо ответа на вопрос: «С каких низин нагрязнула к нам в гости?» Низины – это когда:

Она писала об измене,
Поэтизируя её...
И образ грешной откровенно
Стал центром пламенных стихов...

Но не укрывается от глаз исследовательницы то, что «она взирает на себя спокойно и безжалостно».

Но вот у Анны Ахматовой выходит книга «Чётки», и Эяна Суодене замечает уже в новой книге новый виток женской исповедальности, она пытается приоткрыть «всеединства тайну». По-прежнему волнует Анну Ахматову суть женственности, невозможность личного счастья, постижение тайн печали, чем должен быть проявлен адамизм и акмеизм, объявленные Николаем Гумилёвым. О нём Ахматова написала: «Всё обещало мне его». Будто музыка зазвучала в её стихах.

Но пошли исторические катаклизмы России: Первая мировая война, революции, Гражданская война. И так как Эяна и мы, её современники, оказались в «эпохе перемен», перестройки, войн, отделения союзных республик и распада СССР, пережили или ещё не совсем пережили последствия этих исторических катаклизмов, то Эяна Суодене, вчитываясь в стихи Анны Ахматовой, находит полные аналогии с нашим временем.

Анна Ахматова: «Думали, нищие мы, нет у нас ничего...»

Эяна Суодене: «О как могла предугадать?», «Теперь понятно нам, насколько были мы богаты, о, как хотели мы потерь, громили зыбкие устои...»

А в стихотворении «Петроград» Ахматовой Эяна Суодене видит аналогию с днями, когда распался СССР:

Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома...

О нас это точь-в-точь.

О, «сладость хлебных корок Отчизны», которые милей «заморского изюма»...

Никто не хотел выслушать и помочь русским, оставшимся в своих домах, но с «Беловежской тризной».

Оглядываясь на 90-е годы, сравнивая с теми послевоенными и послереволюционными годами Ахматовой, Эяна Суодене приходит к выводу:

Опять, столетие спустя,
На новом круге уцелеем...
И снова тянется народ
На Запад, Родину покинув,
И только горстка не уйдёт,
Пытаясь сдерживать стихию...

Стихи, написанные Ахматовой в 1921 году, актуальны по-прежнему: «всё расхищено, предано, продано».

И наша современница Эяна Суодене не снимает нашей вины: «Над собою верша беззаконие, мы лишились огромной страны».

И может быть, лишившись её, мы ещё больше любим её и жалеем, и эта любовь к Отчизне – наше духовное укрепление, как стезя, ведущая к спасительному свету.

Что такое Божественное «избранничество»? Может быть, тяжкий рок – это Господь даёт ношу по силам? Вера, столетие спустя, на новом круге даёт возможность уцелеть, удержаться, утверждать величие человека в противовес объявленным «конкуренции», «индивидуализму» и другим сомнительным ценностям.

Эяна, обращаясь к стихотворению Ахматовой «Подвал памяти», размышляет: и мы спускались не раз в подвалы памяти и погреба, особенно в 90-е годы, когда разрушилась страна и всё переживалось остро: «что же будет с нами?» Затем грянул 2014 год, сырые тёмные подвалы гибридной войны. И намёк на дно Китежа. Да, нам тоже «мужество» необходимо.

«Путём всея земли» – так движется в стихах Ахматова, а рядом – Эяна, чтобы в поэзии стать словами «одной божественной молитвы».

Мы встали в ряды тех, чьё «сердце мужественно бьётся, / И слово подвигу сродни».

Ахматова принадлежит к тем, избранным, «от кодов многомерных», кому был дан ключ «от шифров кодовых строк», прозревая планетарность, избранность судеб России. Стремясь любимых лица от плена уберечь или оправдаться, готовясь к страшному суду, в своих поэтических строчках Ахматова видела, что Россия идёт не на Запад, а на Восток, среди пространств и эпох. Настало время метаморфоз, ощущается зыбкость этических устоев, когда ужасное и прекрасное трудно различимы. В пору фантазмагорий у человека возникает страх – быть собой... Короли, массово голые, не видят этого, «чужое выплясав либретто».

И Эяна восклицает:

О, как она могла предвидеть
Всё, что мы чувствуем сейчас?

Она обращается к строчкам Ахматовой от 1959 года: «Запад клеветал и сам же верил...»

Эяна:

Изгнанники родной земли,
Мы расселяемся по миру,
Чтоб слово русское нести,
А потому земля не сгинет.

Надо отдать должное поэту Эяне Суодене, что она глубоко проникла в мир Анны Ахматовой, идя след в след за её поэтическими интонациями, завораживая своими ассоциациями, поэтическими комментариями, поражая невероятной чуткостью к ахматовскому слову. На него вдохновляет русский язык и бессонная, слышащая, видящая жизнь духа. Строки высокого звучания даются нашей современнице, выбравшей прочтение в стихах стихов Анны Ахматовой как своё предназначение и свой долг.

Подобно Осипу Мандельштаму, Эяна могла бы сказать о себе: «Поэзия есть сознание собственной правоты», которую и мы, читатели, признаём за ней.

«Поэма об Анне Ахматовой» Эяны Суодене – это и способ запечатления исторической памяти, способ стать связующим звеном для того, чтобы сблизить разновременные пласты культуры и обнаружить их непреходящесть.

Обе поэтессы делают свой жизнеполагающий, внутренний выбор: русское слово и несение русской идеи как Креста Господнего, что и делает их поэзию всеобщим достоянием, духовной правотой в непростом времени.



Мир без границ

Берега Германии

Антонина Шнайдер-Стремякова

Российская немка. Родом из XX века – АССР НП. Детство, юность, зрелость прошли на Алтае. Образование – историко-филологический факультет БГПУ (ныне АГПУ). Лауреат фестивалей «ЛитВена-2008», «ЛитПрага-2010». Публикации: Россия, Германия, Прага, Вена, Торонто. Книги: перевод с немецкого языка на русский Антона Шнайдера «Мариенталь XVIII–XIX: Немецкое Поволжье»; дилогия «Жизнь – что простокваша»; роман «Айсберги колонизации» (изданы на русском и немецком языках); сборник рассказов «Жизнь в два листа» (С-Петербург). В 2003 году – переезд на ПМЖ в Берлин. С 2015 года – руководитель и главный редактор Интернет-портала rd-autoren.de



Мини-тюри

Я Ж РАБОТАЮ

- А почитать вас можно? – спросила парикмахерша, энергично лязгая ножницами.
- Для того и пишу.
- А книги где взять?
- Купить.
- Да-а? – зависли в воздухе короткие и ритмичные звуки.
- А как же! Вы свой труд продаёте, я – свой.
- Так я ж работаю!..

РЕВНОСТЬ

В зале ожидания на одном стуле – мама, на другом – красивый дядя. Они мило беседуют... В стойке девочка трёх лет ковыряет пальцем в носу – наблюдает...

- Мам, я сесть хочу, – подходит она.
- Садись – свободных мест много.
- На них не отдыхается.

Дядя вскакивает – мама поднимает малышку на колени. Усаживаясь с видом победительницы, она томно опрокидывает на грудь матери головку и – высовывает красивому дяде язык.

ДВЕ СТАРУШКИ

100-летняя споткнулась и упала, 80-летняя сочувственно запищала:

- Недотё-ёпы мы, на ро-овном месте спотыкаемся.
- Какие ж «недотёпы» – на своих двоих? – басом возразила 100-летняя.
- Ничего-то уже не мо-ожем...
- Падать можем, расшибаться и вставать! – выпоролла себя 100-летняя и громко рассмеялась. Мелкий бисер 80-летней составил ей компанию лишь после длинной паузы.

А КТО РИСОВАЛ?

Преподавать начала она после войны – с шестнадцати лет. К первому уроку рисовала всю ночь на тетрадном листке цветными карандашами наглядное пособие – лошадь. Утром с чувством выполненного долга прикрепила рисунок к доске.

- М. И., а кто вам коня рисовал? – ахнули ученики.

ЧЕЛОВЕК И РЕКА

Человек обуздывает реку, но, вырвавшись на волю и мстя за стремление ограничить её свободу, она всё разрушает на своём пути.

Так и человек... Вынужденно находясь в неволе, он вырывается на свободу, по существу для него дикую, а дальше – что на роду написано... Насытившись, он, как и река, возвращается либо в прежнее русло жизни, либо погружается в болото обывателя, либо испаряется – незаметно исчезает от болезней и жгучей людской жестокости.

ОЗДОРОВЛЕНИЕ

В 70 он решил заняться здоровьем.

Начал с ходьбы – километра в день. Его обгоняли дети, взрослые, старики. В 71 проходил он два километра. Его обгоняли дети, взрослые, старики. В 79 проходил девять километров. Его обгоняли...

В 80 он умер.

ЭХО

Зависть, склока, ненависть, ложь, жестокость, желчь, тьма, клевета, измена – свойства женского рода. Он убежал от них в горы, но, превратясь в ЭХО, они и здесь его настигли.

И вспомнил он средний род.

– До-бро, до-бро, – начал кричать он с гор.

– О-ро, о-ро – насмешливо вторил хор.

КАКИЕ ГЕНЫ СИЛЬНЕЕ

Светловолосая девочка с иссиня-зелёными глазами казалась в весёлой четвёрке черноволосых и черноглазых румынских малышей приёмной. Оказалось, она была похожа на прабабушку-немку, на которой в русском плену женился прадедушка.

Светлые гены напомнили о себе лишь в четвёртом поколении...

КАКАЯ В МОЗГУ ПАМЯТЬ

На одном из курортов Германии российская немка слышала русскую речь. Россиянка бросила подружку, коренную немку, с которой обычно гуляла вдоль набережной, и устремилась к родным голосам. Вернулась к немке и на русском выдала:

– Слушай, я земляков встретила.

– Ja-a, aber könnte ich doch nur ein Wort russisch! (Да-а, если б я по-русски знала хоть слово!) – засмеялась коренная.

А российская никак не могла взять в толк, отчего это подружка заговорила вдруг по-немецки.

Прошитый памятью «родины по жизни», мозг утратил память «родины по крови».

ВЕС СТРАДАНИЙ

– Ну, подумаешь, страдал!.. – возмутился он. – Какое ж это страдание? Так себе, цветочки...

Но как, скажите, измерить силу и вес страданий? Один поседел в день похорон любимого, другой – потеряв в войну хлебную карточку, третий не вынес измены...

ВЗДОХИ РАЗОЧАРОВАНИЯ

На стадионе никто не хотел пропустить встречу с броской, выточенных форм креолкой и белолицым атлетом с тёмной шевелюрой – на трибунах взгляды к ним, как присосались... Сблизившись, они затормозили, словно перед обрывом, и прокричали друг другу что-то очень злое.

Зрители разочарованно вздохнули: не оправдывалась гармония плоти...

КОШАЧЬЕ ВНИМАНИЕ

Молодой кот на согнутых задних лапах и выгнутых передних аппетитно и вожделенно следил за хозяйкой.

Муж улыбнулся и пожалел, что был глубоким уже стариком.

ИСТОРИЯ РОССИИ – СССР – XX ВЕК

В России-СССР XX столетия неугодных «уходили»:

- в 10-е годы свергали и подавляли...
- в 20-е «чистками» выявляли «вредителей»...
- в 30-е раскулачивали и расстреливали «врагов народа»...
- в 40-е ссылали «шпионов», «диверсантов» и «дезертиров»...
- в 50-е разоблачали культ и вдохновляли целинной оттепелью...
- в 60–70-е приспособляли в «психушках»...
- в 80-е дали глоток свободы...
- в 90-е бросили в беспредел...
- с 2000-х учат улыбаться – шагать в ногу...

ЛУКАВЫЙ ВОПРОС

– Вы по какой линии – по еврейской или по немецкой? – выдал он себя: российскому немцу, кроме Германии, выезжать было больше некуда.

ДИАЛОГ ЕВРЕЯ И РОССИЙСКОГО НЕМЦА

Немец (ворчливо): – Холокост.. Холокост.. А у нас что – не холокост был?

Еврей: – Докажите. Мы – доказали.

САКВОЯЖ

Высокая, некрасивая и худая, она на экскурсиях обращала на себя внимание маленьким за спиной рюкзачком и вместительным в руках саквояжем.

Всех раздирало любопытство: «Что в нём за сокровища?..»

ТРИ ГОДА ВЗДОХОВ

Черноглазый красавец, он приезжал из соседнего села по субботам на танцы. 15-летняя, она тайно по нему вздыхала. Через два года он пригласил её на вальс.

Так знакомились в середине двадцатого столетия.

СИЛА ПЛОТИ

Одинокий и далеко уже не молодой, он напросился в гости. И случилось то, что обычно происходит между мужчиной и женщиной, – нерастратенное насыщалось...

Кто благословил эту неутомимую Осень?

Вероятно, сам Господь...

ДВЕ ВЕРУЮЩИЕ

Обе молились неистово.

Первая сокрушалась, что верующие нынче «непредсказуемы», со «сложным» характером, «в глаза всё лезут да о себе всё думают» – она-де грехи их отмаливает...

Вторая молилась молча: ему виднее, кто живёт «по-божески» здесь, а кто лишь занят мыслями о «вечной жизни» там...

АЛАРМ

- Дочь помогала матери осваивать мобильник.
- Ну что, всё в порядке? – спросила дочь после работы.
 - У меня-то в порядке, а с мобильником проблемы: его вычислили.
 - Как это – «вычислили»? Кто?..
 - А кто его знает... Звонят и звонят. Через каждые пять минут.
 - Кто звонит-то?
 - Аларм какой-то. Я всё: «Алло да алло! Вам чего?..» – молчат.
 - Ма-ам! «Аларм» – это будильник! – зашла колокольчиком дочь.

НА СВОЁМ

- Ты на каком языке любишь говорить – на немецком или на русском? – спросили малышку. Она высунула язык и на чисто русском выдала:
- На своём. Вот этом.

А МЕНЯ БАБУШКА ЛЮБИТ

У книжного шкафа папа Маши беседовал с бабушкой 3-летней Сони, что росла без отца. Маша победоносно косилась на Соню с высоты папиных рук. И тогда Соня придвинула к книжному шкафу стул, взобралась на него и потянулась к бабушке, что, улыбнувшись, обняла её и поцеловала.

«А меня бабушка любит, вот...» – говорил взгляд, устремлённый на Машу.

БАБУШКА!

- Машенька, прибери игрушки. Вырастешь, кто, кроме тебя, наведёт порядок в твоём в доме?
- Бабушка!

НЕ ЧИНОВНИКИ – ГОССЛУЖАЩИЕ!

- На европейском курорте встретились две русскоговорящие: одна – низкорослая, другая – в теле.
- Вы откуда? – обрадовалась низкорослая.
 - Из России, – гордо ответила та, что «в теле».
 - Как там сейчас живётся?
 - Хорошо.
 - Лучше, чем в перестройку? – продолжала расспросы низкорослая.
 - Там и в перестройку жилось хорошо.
 - Хоро-шо-о!?. Зарплат, пенсий не выдавали, сбербанки разграбили... И – «хо-рош...»?
 - Не рассказывайте сказки! – прервали её.
 - Ска-азки!?. – возмутилась низкорослая. – А вы-ы... кем работали?
 - Мы с мужем госслужащие!
 - А-а-а, чиновники... Ну да – себя не обделят.
 - Не чиновники – госслужащие!

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

Скрестя руки на спине, Старик лениво и задумчиво брёл по плюшевому дну оврага; шагах в двадцати за ним – старая, как и он, Собака. Старик оглянулся – Собака засемила мелкой рысью, притворяясь, что догоняет. Старик повернулся и лениво продолжил путь – собака сделала то же...

Взгляд, поворот головы, дыхание, шаги – это всё слова...

НЕ СЛОВА – ЛАСКА!

По аллее парка идёт молодая мать с громко плачущим 2-3-летним малышом. Мать увещевает – он не унимается. К ним приближается женщина в шляпе. Улыбаясь, она выбрасывает руки, садится на

корточки, прижимает малыша к себе и шепчет: «Тс-с-с!» Он замолкает на полувздохе и с мокрыми от слёз глазами доверчиво прижимается к ней.

Бывает, слова не нужны – достаточно приласкать...

И РАЙОННЫЙ ЦЕНТР – РИМ

Степной Кучук – деревня на Алтае с почерневшими от давности домами, спящими и лопухом заросшими подворьями, их старожилами...

Им не до Рима, им и районный центр – Рим...

РЕНТГЕНЫ

Она вышла из подъезда, к ней из толпы детей рванул светлокудрый мальчик с фарфоровым лицом, обнял за ноги, прижался и, глядя снизу, заговорил, будто боялся, что не успеет сказать:

– Я тебя каждый день из окна вижу, когда ты выходишь на работу. Ты добрая – я знаю.

– Ты кто? – опешила она. – Учишься? В школе?

– Мне нельзя в школе. Меня дома учат.

– Дома?.. А в каком классе?

– В четвёртом.

– В четвёртом и... такой маленький?

– Я уже давно не расту.

– Поч-чему?! – выдохнула она.

– Потому что болею, – произнёс он с чувством вины.

Она опустила на корточки, со щемящим чувством обняла бледнолицего ангела, улыбнулась и спросила, стараясь не выдать смятения:

– Ты, наверное, любишь учиться?

– Очень люблю. У меня одни пятёрки. Я буду таким, как ты.

– Ты обязательно поправишься. А я... добрая не всегда.

– Неправда – твой голос добрый! Я чувствую... И ты не умеешь кричать.

Через месяц он умер. От белокровия.

Смертельно больные, как рентгены, – смотрят и видят насквозь.

ИСТИННЫЕ

Истинные не равнодушны к банальным вещам: отчего падает яблоко, отчего разноцветна земля, отчего по-разному воспринимают слова, звуки, краски...

Истинный писатель читает того, на кого махнули рукой; истинный музыкант слушает музыку уличных музыкантов; истинный художник не пройдёт мимо неизвестной картины. Истинные не зависят от чужого мнения, они просты и внутренне свободны. Зависть, равнодушие, слава – не их болезнь.

Не потому ли они гениальны?

НЕ СОШЛИСЬ ВО МНЕНИИ

На одной из улиц Потсдама спорили двое.

– Верлибры пришли к нам извне, – твердил мужчина в шляпе.

– А что, скажите, пришло не извне?

– Верлибры – это философия, а стихи – песня, – упорствовал тот, что в шляпе.

– Верлибры – тоже песня.

– Нет! – крикнула «шляпа» и зашагала прочь.

Отчего двое не могут сойтись во мнении, несмотря на одни и те же увлечения?

НЕ КРАСОТА – ПРИЯТНОЕ ПОДОБИЕ

Собачку на поводке заметила такая же собачка на поводке на противоположной стороне улицы. Обе залаяли и рванулись друг к другу... Обернувшись, 3-летний малыш нос к носу столкнулся

с 3-летней малышкой. «Ой», – сказал он и обнял её. 40-летний мужчина проводил восхищённым взглядом 40-летнюю незнакомку. 60-летний старик почтительным поклоном поздоровался с незнакомой 60-летней старушкой.

Привлекает не красота – приятное подобие.

ВРЕМЯ – УБИЙЦА

Оживлённый встречей, отец рассказывал приехавшему сыну о деревне, её жителях: «А помнишь Василиху? А многоводную речку? Помнишь?.. Помнишь...»

Слушая старческий голос и поглядывая на подоконники с неизменными геранями, на ходики с куском ржавого железа и старой гирей, сын недоумевал: «А ведь я любил этот доископаемый период...»

Пахло затхлым. Дома, стены, улицы, деревня потускнели, уменьшились в размере.

Время – убийца: отчуждает.

ВЫХЛЕБАТЬ МОЖНО, ЕСЛИ...

Её депортировали в 5-летнем возрасте. Голодала, тонула, горела, много работала – не сломалась. Она и в старости не выглядела дряхлой. От длительных трудностей мы застываем, как после длительного томления застывает холодец.

Выхлепать нас можно, лишь если разогреть...

СТРАШИЛКИ БЕССИЛЬНЫ

6-летний сын просился с отцом в город. Отец пугал:

– У въезда сидит сморщенная старуха – Баба Яга. Её надо поцеловать, а изо рта воняет. Поцелуешь в губы – разрешит проезд, не поцелуешь – не разрешит. Как – поцелуешь старуху?

– А чо – и поцелую!

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ...

В СССР её принуждали отказаться от отчества Адольфовна: пахнет гитлеризмом, имя не русское, трудно произносимое. В Германии принуждали отказаться от русской фамилии мужа: пахнет русизмом, фамилия не немецкая, трудно произносимая.

Комментарии излишни...

ТОЛЬКО СЕМЬДЕСЯТ

По скайпу разговаривают две сестры: одна – из Ганновера, другая – Лос-Анджелеса.

– Приезжай в гости, – предлагает та, что из Ганновера.

– Ну что ты!.. Я молодой приезжала, и то тяжело было, – отвечает та, что из Лос-Анджелеса.

– Что-то я не припомню, чтоб ты молодой приезжала.

– Ну как же – мне было только семьдесят.

УНАСЛЕДОВАЛИ СУДЬБУ

В России, местах депортации, на немецком до конца жизни говорили меж собой бабушки – в Германии, местах иммиграции, на русском до конца жизни говорили меж собой их внуки.

Унаследовали судьбу – навыворот...

ПАРАДОКСЫ

Он думал по-немецки в СССР дитём – по-русски на Неметчине думал стариком.

ПЕТУХИ И ПОЛИТИКИ

Петухи на окраине Берлина поют, как и петухи в селе Степной Кучук на Алтае.

У всякой твари, одной и по паре, одинаковые голоса – разные они только у политиков.

КРАПИВА – ПОМНИТ, ЛЮДИ – НЕТ

Рядом с прогулочной тропинкой для пешеходов и велосипедистов из года в год вырастает крапива, оставляя плешину на месте сливы, которую выкорчевали четыре года назад.

Крапива – помнит, люди – нет.

ВЕЧНОСТЬ-НЕВЕЧНОСТЬ

Ржавеет железо; трескается асфальт; седеют рощи, поля, люди – на невечности держится вечность.

КОКОН ЗАЩИТЫ

Три малыша играют в парке на детской площадке. За ними наблюдает молодая мама. Дети время от времени подбегают к ней – она их обнимает, целует. Зарядившись порцией любви, они снова погружаются в свои «дела».

Взаимосвязь детей и матерей – обоюдно защищающий кокон.

СТАРОСТЬ ВЫПРАШИВАЕТ ПО-ДЕТСКИ

Старик во время церковной службы многие годы сидит рядом с супругами. Перед началом службы он достаёт для пары из кармана освежитель рта – горошек «бон-бон». Не желая оставаться в долгу, жена ныряет рукой в дорогой клатч и достаёт дорогую конфету. Улыбаясь, старик долго изучает этикетку, выставляет большой палец и с возгласом «О-о-о!» блаженно кладёт её в рот.

Одинокая старость выпрашивает внимание по-детски.

СЛЁЗЫ ЗАВИСТИ

У соседки Берты – старая электроплита, у Мины – со стеклокерамическим покрытием. Увидев плиту Мины, Берта заплакала: «Твоя плита экономит электроэнергию и легко моется!»

ЧТО ДЕЛАТЬ?..

В Сингапуре на улицах города принято не плевать. А что делать тем, кто не может не плевать?..

ТОНОМ СОБСТВЕННИКА

По центру Берлина идёт китаянка с мужчиной.

– Нам сюда, – произносит Она на чисто русском языке.

– Откуда ты знаешь? – удивляется Он.

– Это мой район! – прозвучало тоном собственника.

Мини-тюрри на литературные темы

ГРАМОТЕ ВЫУЧИЛИСЬ – ПИШУТ...

В купе плацкартного вагона разговор зашёл о литературе. Говорливый Алексей недовольно зажестиковал:

– Писа-атели!.. Пи-ишут, пи-ишут, а читать нечего.

– А вы кого читали?

– Книга какая-то попалась. Прочитал листа два – ничего не понял. Пишут... О чём пишут и сами не знают. Грамоте выучились...

ЧИТАЮТ ВТОРОЕ СТОЛЕТИЕ

– Г-мм, – недобро усмехнулся он, – написал рассказик и писателем себя называет. Вот моего отца-писателя знала вся страна, но он называл себя «автор».

«Нам не дано предугадать»... «Автора» не помнят, а «рассказик» охотно читают второе столетие.

КРОВОЖАДНЫЕ ВОЖДЫ...

– Дедушка, нам сегодня учительница рассказывала про Гёте. Он поэт.

– И?..

– Я сказала, что и ты поэт.

– И?..

– Она сказала, что российский немец в Германии должен писать на немецком.

– Дура она, твоя учительница.

– Завтра я ей это скажу.

Дед обнял внучку, помолчал, вздохнул:

– Не говори – обидится. И не поймёт.

– Учительница и не поймёт, что «дура»?

– Милая моя, говорить на русском российским немцам велели кровожадные «вожди». Немцы выучили русский и забыли немецкий. Если мои стихи на русском не хочет знать Германия, значит кровожадные «вожди» есть и в этой стране. Поняла?

– Поняла.

– А учительница поймёт?

– Не знаю. А стихи... Вот выучусь и переведу их.

ИВАНОВА ЗНАЛИ В ЗАГРАНИЦАХ

Редактор обратился к дочери известного литератора:

– В этом номере хотим поставить стихи вашего отца.

– Стихи отца – ря-ядом с Ивановым?.. Ни за что!

Прошли годы. Известного литератора никто не читал и никто не знал – Иванова читали и знали в заграницах.

В МУСОР

Его романы помнят по количеству – тридцать. Вдова после его смерти выбросила рукописи в мусор...

УМНЫЙ Я, ПОНИМАЕШЬ?

– Дед, и чего ты всё пишешь?

– Умный я, понимаешь? Не напишу – умрёт всё со мной.

Внуку тоже захотелось быть умным – начал конспектировать лекции.

ТОЛЬКО СЕБЯ

Других не читал – только себя. С годами писал он всё хуже...



Мир без границ

Берега Германии

Виталий Винтер

Виталий Фёдорович Винтер (Vitalij Winter) – русскоязычный писатель-фантаст, работающий преимущественно в жанре приключенческой и научной фантастики. С 2002 года живёт и работает в городе Цойленрода-Трибес, Тюрингия, ФРГ.

Родился в городе Харцызске Донецкой области (сейчас – ДНР). Учился в СШ № 19, затем в Донецком национальном техническом университете на факультете геотехнологий и управления производством, специализация: «разработки полезных месторождений». После переезда в Германию отслужил срочную службу в Бундесвере в сапёрных войсках. После армии окончил бакалавриат в городе Йене по специальности «логист», кем в настоящее время и работает.



Степной разноцвет

Рассказ

Летним знойным днём я случайно увидел в телепрограмме новостей знакомое лицо. Всего секунду мелькнул дядя Вася в кадре. Всё та же улыбка, спрятанная в густых усах, и добрые карие глаза на загорелом дочерна лице. Вот только вместо спецовки теперь он был одет в потёртый камуфляж с таким же потёртым «калашом» через плечо.

Такие люди наверняка встречаются в жизни хоть раз каждому из нас. Добрые и свои в доску, которых сразу принимаешь такими, как они есть, и доверяешь без оглядки, хоть никак не можешь понять, завидуя по-доброму, как можно жить так запросто и оставаться чистым, настоящим человеком. Таких людей называют «не от мира сего»... Не от нашего мира.

Когда я первый раз его увидел, он просто сидел возле нашего раскопа на амвросиевской стоянке и смотрел на голубые небеса с лохмами быстро плывущих белых облаков. Его открытое лицо и добрая улыбка сразу расположили к нему. Тут мы и познакомились. Видя мой насмешливый взгляд, он по-простецки ответил, ничуть не обидевшись:

– Первое, что я помню в жизни, – это небо. Никак не могу на него насмотреться... Я много где был, но тут оно особенное.

Он был местным. Вызвался добровольно помогать археологической экспедиции. На вопрос, почему тратит на нас время, – просто ответил:

– Мне не трудно, да и отпуск у меня. Хорошее дело делаете...

Мы работали днём, задыхаясь от терпкой жары, а вечером наслаждались видами вокруг, вдыхая пряный воздух степей. Да и погода поздней весной в степях всегда радуется, словно награждая за прошедшие холодные месяцы: травы зеленеют, колышась от ветра, словно море, и тянутся к яркосинему небосводу. Эта степная бескрайность всегда одинакова, но и в то же время по-своему разная. Ничто не мешает видеть изменения света, пульсирующих трав в степях и проплывающих, шевелящихся лохм белых облаков. Мы впитывали каждый по-своему весеннюю степную жизнь.

У дяди Васи были золотые руки, и все вокруг его знали – любую проблему он мог решить своими руками или съездит договориться к знакомым на своём стареньком «жигулёнке». И знаний – удивляющих порой, странных для его кажущейся простоватости, ему хватало. И ещё чутьё на то, где нужно копать новые раскопы. Там, где он был, находили самые интересные находки.

– Это дело нехитрое, – всегда говорил он и принимался за дело.

Как-то раз, проходя мимо, он бросил через плечо, когда я рассказывал студентам-первокурсникам о кочевьях, которые мы раскапывали:

– Что тут знать? С восхода они шли... За кочевьями стад по пятам.

В последний наш вечер на раскопе, когда уже всё было упаковано и сложено в машины, готовые к утреннему отъезду, он пришёл попрощаться. Пришёл уже в сумерках. Мы сели с ним у костра, тянущего острые жёлтые языки в тёмное беззвёздное небо. Из его кармана появилась, блеснув жёлтым, стеклянная фляга.

– Что это?

– Секрет. Старый рецепт. Степной разноцвет. Не побрезгуйте...

Фляга со сладким лёгким молодым вином пошла вокруг костра. Запах пряных трав странно смешался со вкусом южного, умытого ласковым солнцем винограда – вкус самой степи. Он словно лился в нас откровением в золотой от отблеска костра жидкости, над таким же горящим звёздным небом в тот вечер.

Как-то само собой мы остались у костра вдвоём.

– Я люблю это небо и простор степи вокруг. Этот запах степи – пряный, дурманящий... Ты знаешь, он не сильно изменился с тех пор.

Он махнул в сторону раскопа.

– С тех пор?!

– Я помню, и всё тут, – он улыбнулся в усы. – И отец помнил, и дед. Не всё, но вроде как мозаикой, яркими моментами. Знаешь, как детские воспоминания – тут помню, а тут было плохое, уже и не очень помню. Возможно, из-за того тут и живу. Тянет то первое воспоминание и не отпускает, вроде как родился тут. Дед говорил: «Мы соль этой земли, её память и честь, прошлое и будущее».

– Может, просто с детства рассказывали тебе истории, а ты так запомнил. Память – штука странная, – сказал я примирительно. – Да и у каждого из нас наверняка бывали моменты в жизни, когда случалось де-жа-вю. Каждый из нас, особенно в детстве, испытывал это чувство. Словно это место, где ты первый раз, – оно тебе давно уже знакомо, и странное чувство, до мурашек по коже. Неожиданные воспоминания о том, чего не было.

– Да. Наверное, так и есть. – Вася простодушно улыбнулся и добавил серьёзно: – Некоторые же помнят немного больше....

Мы помолчали, глядя на пляшущие языки пламени.

– Я знаю, что это не фантазия. Правда, тут всё сложнее. Я отца своего помню. Смутно. Погиб тут недалеко с матерью. Курган до сих пор видно... Возле Аксая в Ростовской области.

– Там тоже стоит покопать? – уже серьёзно спросил я его.

– Не знаю. Нехорошо это, но им уже всё равно... Только мне – нет, – он ткнул в сердце. – До сих пор тут, бывало, ноет.

Он посмотрел в тёмное небо над головой и тихо запел:

В степи могила
С ветром говорила:
«Повея, ветер буйный,
Чтоб я не чернела».

– Может, так и лучше. Не стоит их, – он взглянул на тёмное, полное звёзд небо, – беспокоить. Хотя им уже всё равно. – Вася погладил свои седеющие усы. – И нам недолго осталось.

Помолчали вновь, и он, медленно подбирая слова, продолжил:

– Там весенние кочевья были. Каждую весну тут стан наш был – охотились много и опасно, но сытно было.. Я помню в подробностях такие события, а вот повседневную жизнь, быт, выживание – почти нет. Смутно очень, и мало. Как такое может быть?

– Стрессовые ситуации резче врезаются в память... – задумавшись, автоматически ответил я и, спохватившись, добавил: – Хотя, это всё ерунда, извини. Не поверю я.

– Да я и не заставляю, – обезоруживающе улыбнулся он. – Ты же учёный человек. Просто поговорить иногда охота, – он кивнул на раскоп. – Ну, и помочь надо вам, а то копошиться тут будете ещё долго и ничего не найдёте. Дело-то нужное делаете...

– Почему решил именно мне это рассказать? Сам понимаешь, мог и на смех поднять...

– Я всегда смотрю людям в глаза, по ним всё видно, в них душа. Вот в твоих глазах, когда ты смотришь в небо, отражается упорство, мечта и стремление её достичь. А когда смотришь на нашу убогую жизнь и людей, – махнул на пьяный хохот у соседних костров, – тебе больно. Видно твою волю и выбор... Выбор хорошего человека. Ты не предашь. Ты честный человек. Таких всегда не так уж и много вокруг, как кажется.

Я устало махнул рукой. Это была не лесть, а горькая правда... Подумав мгновение, ответил ему:

– Ну, хорошо. Допустим, я поверил, но как это происходит? Ты совсем не стареешь, – я хмельно хохотнул – или просто помнишь?

– Все наши беды оттого, что мы повторяем свои ошибки. Снова и снова, год за годом, век за веком. Как будто истин много и их нужно искать... – он внимательно посмотрел мне в глаза. – Память в сыновьях, детях... Так сказал мне ещё отец. Родителей и убили за это. Боялись их так, что после смерти курган насыпали. Не каждому знатному вождю так делали. А ты говоришь – поверю, не поверю... Не верь – тебе же лучше будет. Люди – они, знаешь, такие... – он покрутил пальцами над танцующими языками костра.

Вася замолчал, глядя задумчиво в пламя костра, тяжело вздохнув, продолжил:

– Здесь остро чувствуешь, что ты вырос в прекрасном, свободном месте и эту свободу сумел пронести через годы и страны, не потеряв по пути суть. И за это стоит бороться. Кто как может. Не забывая нести её по жизни, как знамя. Да, в жизни нужно уметь быть по-настоящему честным, прежде всего с собой, и ничего не бояться. Просто жить по совести и морали, не затуманивая себя выгодой – тогда в жизни всё было не зря. Деды наши смогли так жить и построили страну, а отцы наши – нет. Теперь наша очередь. Сможем ли?!

На рассвете, проговорив всю ночь, мы расстались словно старые, знающие друг друга всю жизнь друзья.

Последний раз я видел его на границе уже после начала войны. Бескрайняя, с пряными запахами трав южная степь, к сожалению, пропахла в последние годы порохом с солёным привкусом крови, и ещё острее стало тут чувство границы, словно между жизнью и смертью, землёй и небом. И оттого чувствуешь тут всё ещё живей, чётче, по-настоящему. Особенный край, с характером, – как люди, населяющие его.

Он стоял, словно могучее, загоревшее на южном зное и выпестованное годами дерево, в толпе испуганных беженцев, и тут же мелькнула его улыбка. Мы обнялись, как старые друзья. Словно мы знакомы друг с другом сто лет.

– Как ты здесь? Как я рад! С нами поедешь?!

– Нет, я вот их довёз – и сразу назад. Дружище, живы будем – не помрём. Спасибо, что помогаешь людям, приехал вот... Отвезёшь моих?..

– Всё сделаем. Не волнуйся. Устроим всех. Война эта глупая закончится быстро...

Он устало и отрешённо махнул рукой.

– Ой ли. Тяжёлые времена пришли. – И добавил странное, что я тогда не понял: – У нас так принято: мы умираем ради вас, но мы всё равно не с вами, а рядом.

Беженцы вскоре вернулись назад по домам, его семья тоже. А уже поздним летом раздался звонок. Сказали: если можете, то приезжайте на похороны, он был бы рад...

Похоронили его на Саурке – Саур-Могиле... Перезахоронили.

Стоя на вершине громадного кургана, можно было видеть синее вдали Азовское море...

Шумят вокруг степные травы. После дождей степь тут зазеленела и опять зацвела разноцветом. Жизнь приходит, как всегда, за смертью и войной. Приземистые кустики ромашки упрямо раздвигают камни на вершине Саур-Могилы. Лилово-розовый бессмертник обнимает осколки бетона в кружеве стреляных гильз. Ниже по склону у дорожки примостилась дикая мальва, беспрерывно качающаяся на ветру. Словно укоризненно кивая своими жёлтыми головками: «Люди, ну когда же вы установите мир на этой земле?»

Когда наша маленькая процессия расходилась, то я уловил взгляд его пяти-семилетнего сына –

серьёзного пацана, загоревшего дочерна. Пацан хитро прищурился, и в его взгляде промелькнуло что-то знакомое. «Неужели?.. Не может этого быть», – пронеслось у меня в голове.

Доехав до самой границы и обогнав ненадолго грозовой фронт, я остановился на обочине на склоне холма, вышел, вдохнул полной грудью пряный, дурманящий степной воздух.

Гроза за спиной быстро нагоняла – последние солнечные блики вновь наполнили машину, заиграв на грязном лобовом стекле.

Откуда же это беспокойство и тоска? Прислушиваешься к себе и не понимаешь ничего... Всё вокруг в солнечном свете и тепле, а на душе тяжело. Ещё раз всматриваешься в плывущие рядом над головой, – словно протянешь руки – дотронешься, – кружевные облака. Всё тут сквозит отстранённой бесконечностью, словно дыхание времени и вселенной чувствуешь на себе. Такое чувствуешь где-то в Египте возле пирамид или других местах с богатой историей. Вот и здесь какое-то похожее чувство бесконечной, осязаемой вечности. Чувствуешь и понимаешь: жизнь коротка, а времени сделать что-то хорошее и надолго так мало и трудно... Почти невозможно. Вечность же всё равно перешагнёт через тебя и уйдёт в низкие голубые небеса... Или всё же есть шанс?! Но пытаться нужно всегда, как же иначе? Зачем же тогда жить?

Вокруг живут люди, кто-то умирает ради них, ради идеи, но он не с ними, а рядом... Вот только мир вокруг изменился, и в нём не осталось места для старой морали, долга и чести – осталась только жажда наживы. Всем стало всё равно.

Горячий пряный ветер упруго ударил меня в лицо, словно говоря, что мне пора идти...

Ничего нового. Как и тысячи лет до того. Дикое поле позволяло жить людям – взяв взамен дань кровью. Так было и так будет. И ничего с этим поделать нельзя.

В голове пронеслась мысль, что когда-нибудь в этой или в следующей жизни мы, возможно, встретимся с ним снова. Вот только узнаю ли я его?



Мир без границ

Берега Италии

Алла Геленидзе

Родилась 18 января 1962 года в городе Очамчире (Грузинская ССР, Абхазская АССР). Училась в Москве – Институт мировой экономики и информатики. Специальность «Журналист». На данный момент проживает в Италии. Пишет прозу и стихи. Увлекается живописью.



Лучше быть здоровым

ЧАСТЬ 1. ВСТРЕЧА СО СМЕРТЬЮ

Отец всегда говорил: «Ты похож на своего дядю, моего брата, он тоже мог делать деньги из воздуха. Эх, жаль, бедняга рано умер, до сорока лет не дожил».

После этих слов мама обычно добавляла: «Да, обидно, какой красивый был парень, все знакомые девушки по нему сохли. А он даже жениться не успел, так и ушёл, не оставив на Земле своего семени... Какая всё же страшная болезнь – рак, всегда застаёт человека врасплох и расправляется с ним за короткое время».

На этом родители тяжело вздыхали и замолкали.

Так как я никогда вышеупомянутого дядю не видел, то особых переживаний по поводу его смерти не испытывал, хотя и был благодарен, что тот оставил в наследство своему племяннику «ген богатства».

Ещё в школьные годы мне удалось сколотить небольшой капиталчик, зарабатывая на платных отзывах в Интернете. А затем, поняв возможности Глобальной сети, стал делать деньги и другими способами. Постепенно у меня появились помощники, а вернее сказать, наёмные работники, а потом и несколько бизнес-партнёров.

Но однажды безоблачному существованию пришёл конец, всё началось со смерти родителей – сначала отец, как и его брат, умер от онкологического заболевания, а потом у мамы от горя «разорвалось» сердце.

* * *

Смерть родителей меня «подкосила». Хотя я старался не показывать на людях своего горя, но в душе постоянно скорбел. Самыми тяжёлыми были первые сорок дней, а затем – первый год. Потом острота переживаний пропала, но тяжесть утраты не давала вернуться к обычной жизни. И, наверное, именно поэтому я сам пропустил первые признаки страшного заболевания.

Началось с того, что любимые, но немного узкие джинсы как-то сразу стали велики, а не проходящее чувство усталости заставляло засыпать в самых неподходящих местах. Если честно, потеря «лишних килограммов» сначала меня даже обрадовала, а вечную сонливость друзья списывали на ментальное переутомление, чему я, естественно, с охотой верил. Однако когда сонливость сменилась на бессонницу, а к этому прибавилась тошнота, неспособность проглотить даже кусок хлеба и ещё некоторые весьма неприятные симптомы, я всё же обратился к врачу. Диагноз был неутешительным – рак.

Уверив себя в том, что тбилисские врачи решили заработать на мне деньги, я, недолго думая, рванул в самую дорогую американскую онкологическую клинику. К сожалению, там диагноз подтвердился полностью, но врач сказал, что есть и хорошие новости. Увидев удивление на моём лице (что может быть хорошего после того, как человеку сообщили, что у него неоперабельная опухоль?), доктор рассмеялся:

– Дорогой, вы успеете привести свои дела в порядок. Например, написать завещание, разделить

имущество между детьми так, как вы этого желаете, обеспечить жену, родителей... И не думайте, что я шутил, говоря, что это хорошее известие, – многие даже на такое не могут рассчитывать.

- Да, конечно. И сколько времени у меня осталось?
- Месяцев шесть, максимум – год.
- Спасибо, доктор, вы меня обрадовали...

Эх, откуда было знать американскому врачу, что у меня кроме денег никого и ничего не было – жениться и обзавестись детьми к своим сорока годам я не успел. А родители... Царство Небесное... хорошо, что не дожили до этого дня.

* * *

Вернувшись в Тбилиси, я рассказал о своей беде другу детства, адвокату по профессии. Тот был очень расстроен и спросил:

- Неужели нет никакой надежды?
- Врач сказал, что могу надеяться только на Бога.

Друг встрепнулся:

- А что если построить храм, может, Бог действительно услышит тебя и спасёт?
- Э, меня уже ничего не спасёт, да и не успею я...

– Да, точно... слушай, у тебя всё равно нет семьи, возьми все деньги, какие сможешь собрать, и пожертвуй церкви.

- Но мои деньги все в бизнесе. Партнёры не разрешат их оттуда «вытащить».
- Это мы ещё увидим! Я выжму из них всё, что они смогут дать.

Уж не знаю, как мой друг действовал, – я находился в полной прострации и ничем не интересовался. Но месяца через четыре он пришёл ко мне с предложением от компаньонов, которое гласило, что я могу вывести из дела 3/4 своей доли, но деньги будут поступать на мой счёт поэтапно, в течение трёх лет, или же я получу меньше половины, но сразу, в течение двух месяцев.

Других вариантов не было, и с мыслью, что деньги «прибудут» точно к похоронам, мне пришлось согласиться на второе предложение.

* * *

К счастью, я всё же дожил до того дня, когда друг, обналичив остатки капитала, принёс деньги в небольшой спортивной сумке. Бросив баул на диван, он сказал:

– На! Ты не представляешь, сколько нервов я потратил, чтобы вырвать эти «бабки» у банка. Пока ты здесь лежал, заживо похоронив себя, я несколько дней дежурил у дверей кабинета банкира, требуя выдать весь вклад сразу. Пришлось поклясться мамой (бедная моя мама!), что через несколько дней ты положишь в его банк ещё большую сумму. В общем, мужик буквально плакал, но всё выдал.

Я не стал поддерживать весёлое настроение друга, сохраняя остатки сил на то, чтобы пересчитать деньги – даже в таком урезанном виде моё состояние выражалось в пятизначной цифре. Адвокат замолчал и спокойно ждал, пока я, путаясь и начиная сначала, наконец закончил «аудиторскую проверку».

- Всё правильно, завтра приходи с нотариусом. Приведи самого лучшего – есть чем платить.
- Но зачем?
- Завтра узнаешь, а сейчас уходи, я устал.

* * *

На другой день адвокат с нотариусом, устроившись за невероятно дорогим столом в моём кабинете, ждали, когда я соизволю изъяслять свою волю. Выглядели эти люди очень смешными, считая, что разговаривают практически с покойником.

– Ладно, господин нотариус. Не надо смотреть на меня с такой жалостью. Лучше займитесь своим делом.

- Но что я должен сделать? Вы же не сказали...
- Да? А, точно. Оформляйте дарственную на эту квартиру.

Нотариус разложил на столе какие-то бумажки и спросил:

– На кого оформлять дарственную?
– Что?
– Кому, говорю, дарите квартиру?
– Разве вы не знаете?
– Нет...
– Ему! – я кивнул на адвоката.
Мой друг подскочил как ошпаренный:
– Э, брат, да ты с ума сошёл? Я не возьму этого подарка...
– Ладно, не причитай, ещё как возьмешь... ты же с семьёй живёшь на съёмной квартире...
– Да...
– Ну вот, через шесть месяцев переберётесь сюда. Живите... и хоть иногда вспоминайте меня... на кладбище приходите...
Адвокат даже поперхнулся:
– Что ты такое говоришь?!
– Ладно, не переживай.
Обернувшись к нотариусу, я сказал:
– В общем, оформите документы так, чтобы он через шесть месяцев получил всё мое недвижимое имущество, вплоть до нижнего белья, – я подмигнул другу.
Нотариус, помявшись, спросил:
– Может быть, лучше не указывать сроков. Просто уточнить, что после вашей кончины?..
– Нет! Укажите срок – шесть месяцев.
Подмигнув другу ещё раз, я зло засмеялся:
– Правильно ведь, а то вдруг передумаю умирать, и тебе придётся ждать квартиру до старости, а?..
– Ну что ты такое говоришь, брат?! – Адвокат весь покраснел: – Не нужна мне твоя квартира!
– Нужна, нужна, – я похлопал расстроенного парня по плечу, – ладно, не обижайся на умирающего дурака...
– Ну всё! Хватит! Я уйду!
– Вах! Что ты как девчонка ведёшь себя. Уже и пошутить нельзя? Сядь.
Силы оставляли меня. Поэтому, обратившись к нотариусу со словами: «Надо отдохнуть. Когда документы будут готовы, принесите подписать, а сейчас пойду, посплю». Я отправился в спальню и, уже укладываясь в кровать, добавил: «Всё ему, всё, кроме машины».

ЧАСТЬ 2. ВСТРЕЧА С ЖИЗНЬЮ

Закончив оформлять бумаги на передачу квартиры и отдохнув два дня, я решил, что пора переходить ко второму, заключительному этапу своей предсмертной жизни. Что ж, сказано – сделано.

Встав поутру и закинув сумку с деньгами на переднее сиденье машины, я поехал в церковь. Казалось бы, что может быть легче, чем пойти в церковь, – в Тбилиси церковью не сосчитать. Однако это оказалось не таким простым делом. Впрочем, по порядку...

Остановившись у первой, встретившейся на моем пути, церкви (она, кстати, была в ста метрах от дома), я долго сидел в машине, а потом двинулся дальше. Так продолжалось несколько часов. Я кружил по городу, останавливаясь у каждого храма, но не решался выйти.

Уже смеркалось, когда я обнаружил, что давно выехал за город. Первой реакцией было – повернуть назад, но тут послышался одинокий удар небольшого колокола. Всмотревшись вдаль, увидел церквушку и понял, что нахожусь в какой-то деревне недалеко от города. «Надо зайти», – мелькнула мысль. Я подъехал к церкви и вошёл в неё.

К удивлению, церковь была заполнена людьми. Шла служба. Пели певчие. Никто не обратил на меня внимания. Присев на лавочку у стены, подумал: «Наверное, для таких, как я, – немощных...»

Певчие пели так сладко, голос священника был таким умиротворяющим, а люди молились так душевно, что на меня снизошло умиротворение. Не могу сказать, что я спал, потому что видел и слышал всё, что происходило вокруг. Но в то же время мой разум как бы существовал отдельно от тела и ему впервые не было страшно умирать.

Служба закончилась, понемногу все разошлись, а я всё сидел на лавочке. Через некоторое время ко мне подошёл молодой служка и спросил, всё ли в порядке. Я ответил, что да, попрощался и вышел. Сел за руль, раскрыл сиденье и, вытянувшись, впервые за многие месяцы, спокойно уснул.

На улице стояла ночь.

* * *

Проснувшись, по привычке посмотрел на запястье левой руки, но, вспомнив, что мой Rolex унаследовал «удачливый адвокат», засмеялся. Впрочем, солнце стояло высоко, и было понятно, что уже давно за полдень. Потянувшись, присел и выглянул в открытое окно – в сторонке, из-за большого камня, на меня смотрели два светло-карих глаза.

– Эй, пацан, иди сюда.

Ребёнок не шелохнулся.

– Не бойся, иди сюда.

Никакой реакции.

Я покопался в своей сумке, показал мальчугану двадцатидолларовую купюру и позвал ещё раз:

– Иди сюда, смотри, что дам.

Из-за камня появился сопливый конопатый нос, а потом и вся голова.

– Зачем мне? – спросила голова. – Если ты такой добрый, маме моей дай.

– А где твоя мама?

– Там, – голова махнула, появившейся из-за камня рукой, в сторону виднеющейся деревни.

– Ну, садись в машину, поехали к твоей маме.

– Нет, не сяду. К чужим в машину садиться нельзя. – Малыш полностью вылез из-за камня. Это был ярко-рыжий парень лет шести – бедно одетый, в меру грязный, смыслённый мальчишка.

– Молодец! Беги впереди. Я поеду за тобой. Познакомимся с твоей мамой.

* * *

Подъехав к калитке, в которую вбежал мальчишка, я был поражён видом вросшего в землю деревянного дома, из которого вышла удивлённая, неопределённого возраста женщина.

– Здравствуйте, извините, что беспокою. Можно попросить у вас воды?

– Конечно, – женщина сразу успокоилась и пригласила подождать во дворе, пока она будет доставать воду из колодца.

Сев на принесённый вышедшей за матерью девочкой табурет, я стал рассматривать двор: «Даааа, так сказать, бедненько, но чистенько».

Женщина подала запотевший стакан с водой и с удивлением смотрела, как я его опустошал.

– Чему вы удивляетесь?

– Это так заметно? – Женщина смутилась: – Просто, иногда проезжающие останавливаются у нашего дома и просят попить, но когда я выношу им воду, всегда спрашивают – кипяченая ли она и уверена ли я, что эту воду можно пить. А вы ничего не спросили. Почему?

Я подмигнул окружившим меня детям, их было человек пять – мал мала меньше:

– Потому что я ничего не боюсь. Это ваши дети?

– Да.

– А муж где? На работе?

– Нету...

– То есть как? Умер?

– Нет. Что ему делается? Уехал на заработки. Сказал – в Россию, потом кто-то видел его во Франции.

– Ну и? Зарабатывает?

– Не знаю. Нам ничего не присылает.

– Давно уехал?

– Да, уже года четыре.

– Маленький, – она кивнула на моего знакомого, – вообще его не помнит.

– Но как вы выживаете?

– До недавнего времени я держала двух коров, так что не голодали и даже оставалось на одежду

и школьные принадлежности. Но случился мор, вот уже два месяца, как коровы подошли. Теперь не знаю, что будем делать.

Я только сейчас заметил, что женщина нет-нет да поглядывает на зажатую в моей руке двадцатидолларовую купюру.

– Ох, извините, это ваш мальчуган заработал, – я протянул купюру женщине.

– Как заработал?

– Не дал мне умереть от жажды, – пошутил я.

Женщина с плохо скрываемой радостью схватила деньги.

– Может быть, перекусите? – нерешительно сказала она.

– Нет, спасибо, но воды ещё выпью. А сколько денег вам надо для полного счастья?

– Счастье у меня уже есть, – она одной рукой погладила рыжую голову, а другой указала на остальных детей.

– Извините, я хотел спросить, сколько денег надо, чтобы купить двух коров, и где вы их купите?

– Ох, были бы деньги, а коров куплю за один день, здесь же, в селе.

– И сколько надо?

– Ой, даже боюсь сказать...

– Ну, всё же...

– Наверное, десять тысяч лари хватит...

– Ясно, – я пошёл к машине, отсчитал пять тысяч долларов, потом подумал, добавил ещё две тысячи, поковырялся в бардачке, нашёл какой-то бланк и вернулся к женщине.

– Сударыня, я являюсь представителем... эээ... Всегрузинского фонда помощи... эээ... покинутым жёнам. От имени этого фонда передаю вам семь тысяч долларов. На эти деньги вы должны купить две коровы, отремонтировать комнаты детей, у детей есть свои комнаты?

– Да, две.

– Вот, а на остальные деньги купить дрова, муку, ну, в общем, что надо. Хватит?

– Да. Конечно!!!

– Назовите вашу фамилию, имя и дату рождения.

Женщина назвалась.

Я быстро записал все данные на клочке бланка. Дал ей расписаться и проговорил строгим тоном:

– Через полгода или год к вам приедут наши представители. Проверят, куда вы потратили деньги. Так что не делайте ненужных покупок, потому что придётся за всё отчитываться.

– Нет, что вы, – женщина была на грани истерики. – Клянусь, ничего не потрачу зря. Всё сделаю, как вы сказали.

– Это будет очень хорошо, – ответил я, махнул детям рукой и пошёл к машине.

* * *

Итак, способ избавиться от денег был найден. Я ездил по самым плохим дорогам, выбираясь на трассу только для того, чтобы заправиться.

Обычно подъезжал к самым бедным домам. Иногда отдавал деньги без всяких нравоучений и фальшивых расписок, иногда, наоборот, читал долгую лекцию, прежде чем передать человеку определённую сумму. Ночевал в машине. Мылся во встречных речонках. Почти ничего не ел и превратился в ходячий скелет. Когда боли становились невыносимыми, принимал обезболивающие таблетки. Лекарство приходилось экономить, так как его становилось всё меньше и меньше, а возвращаться за ним в город, от которого уезжал всё дальше и дальше, я не собирался.

Как-то раз, передав последнюю большую сумму очередной бедной семье и заметив, что заканчивается бензин, я стал по бездорожью пробираться к шоссе. Однако с новой силой нахлынувшая боль заставила остановить машину. Открыв дверь, в бурьяне заметил покосившуюся лавчонку, почти ползком пробрался к ней, прилёг и застонал в голос.

– Что, сынок, болит?

– Вы кто? – сквозь пелену боли увидел, что у меня в ногах сидит маленький, белый как снег старичок.

– Я? Хозяин этой развалюхи, – кивнул старичок куда-то в заросли.

– А... – я застонал ещё громче.

- Поздравляю тебя, сынок.
- С чем?
- Как с чем? С тем, что болит.
- Вы шутите?
- Совсем не шучу. Раз болит, значит ты живой. У живого человека всегда что-то болит, ничего не болит только у мёртвого.
- Спасибо, – сквозь зубы проговорил я, – мне тоже приятно быть живым, но всё же предпочёл бы, чтобы Жизнь напоминала мне об этом не так больно.
- Э, сынок, на то она и Жизнь – одной рукой ласкает, другой – бьёт. Полежи, полежи, сейчас станет легче.
- Действительно, через некоторое время боль утихла, хоть и не прошла совсем.
- Я с трудом поднялся и пошёл к машине.
- Куда ты, сынок?
- Погодите, сейчас вернусь.
- Вывернув сумку, когда-то набитую деньгами, с ужасом понял, что она пуста. В панике я почти крикнул: «Только не это, Господи, только не это!!!» И, о да! Какой же я болван, забыл, что в бардачке лежат пятьдесят лари на бензин. Схватив грязную купюру, еле таща ноги, вернулся к старику:
- Вот, возьмите, вам передали, – пихнув деньги старцу в руку, я с трудом повернулся и, цепляясь за кусты, чтобы не упасть, потащился к машине.
- Кто передал, сынок?
- Бог! Извините, мне надо идти, – обернуться не было сил.
- Иди-иди, сынок, только не останавливайся.
- Не останавлиюсь, – прошептал я.

ЧАСТЬ 3. ВСТРЕЧА С БОГОМ

Не знаю, как я умудрился заблудиться. Правда, меня мучили сильные боли и жажда, но всё же могу точно сказать – я был в состоянии мыслить и точно следовать указаниям GPS-навигатора, который обещал, что машина вот-вот выедет на шоссе. Но вместо шоссе появилась какая-то заросшая просёлочная дорога.

«Слишком заросшая, – подумал я, – здесь уже давно никто не ходил, не то чтобы ездил». Впрочем, это уточнение не имело никакого значения, так как мой железный конь заглох навсегда. «Бак пуст», – подумалось без всяких эмоций.

Я отпустил руль и, облокотившись на спинку кресла, задремал. Разбудил меня холод, что, впрочем, неудивительно, ведь стояла поздняя осень. Открыв глаза, даже не понял сразу, где нахожусь, – не было видно ни зги, невозможно было разглядеть собственную руку, поднесённую к самим глазам. На ощупь, открыв дверцу машины, поднял голову, чтобы посмотреть на небо. Надо мной висела чернота – ни месяца, ни звёзд.

Зубы стучали от холода, хотелось пить, боль давала о себе знать всё сильнее и сильнее. Я понял, что если останусь здесь, то не переживу эту ночь.

* * *

Вылезши из машины и сделав два шага, вдруг почувствовал, что стою в одной туфле и без куртки. «Если развернусь, упаду, если упаду, не встану. Надо идти!» И я пошёл наобум, волоча ноги по бездорожью.

Не знаю, сколько продолжалось это путешествие, по моим подсчётам – вечность. Вторую туфлю я тоже потерял. Но больше всего угнетала мысль, что нет никакого ориентира. «Хожу по кругу», – думал я, но продолжал тащить своё тощее тело неизвестно куда.

Два раза мне почудилось, что вдали мелькнул свет, однако сколько я ни шёл в ту сторону, ничего не появлялось. Иногда казалось, что я умер и просто не понимаю этого, ведь не может быть на белом свете так темно.

В конце концов ноги стали отказывать до такой степени, что пропала даже боль в израненных

ступнях, просто подгибались колени и хотелось упасть. «Если упаду – поползу», – на кого-то рассердился я. Но ползти не пришлось. Внезапно, как иногда рисуют в мультиках, я на что-то натолкнулся. Ощупав преграду, понял – деревянный забор. Стал стучать, сначала руками, а потом – лбом. И вдруг откуда-то сбоку послышался голос:

– Эй, ты кто?

Я повернул голову в сторону голоса, но увидел только свет свечи:

– Путник...

– Ну, заходи, путник.

– Не могу идти...

– Ну, как хочешь...

Свеча стала удаляться. Наверное, от испуга, что снова придётся остаться одному, я собрал последние силы и пошёл за свечой.

Идти пришлось недалеко. Через метров десять появились приоткрытые ворота, в которые удалась свеча. Я последовал за ней.

За воротами оказался большой монастырский двор, неплохо освещённый прикрепленными тут и там факелами. Прищурившись, я посмотрел в сторону своего спасителя, это был высокий черноволосый монах, одетый в чёрную рясу, – именно поэтому его не было видно в непроглядной ночи.

– Можешь идти?

– Могу... – Я чуть не поперхнулся от своих слов, так как всё мое тело кричало: «Нет, нет и нет, только не идти».

– Ну, пошли, счастливый человек.

Увидев мою усмешку, монах продолжил:

– Да-да, счастливчик! Сейчас ты будешь присутствовать при действе, которое происходит раз в сто лет.

– Мы зашли в небольшую часовню, в центре я увидел открытое надгробие, около которого стояли ещё двое молодых монахов.

– Здесь покоится первый настоятель нашего монастыря. Каждые сто лет монахи открывают надгробье и меняют саван на нетленном теле, – сказал мне монах, отворивший ворота, а потом обратился к другим присутствующим со словами: – Можете снять старый саван.

Те последовали приказу. Убрав остатки разложившейся материи, все трое приступили к молитве. Я стоял, потупив глаза, но мне очень хотелось взглянуть на нетленное тело. Не справившись со своим неуместным любопытством, придвинулся к открытой могиле, и, Боже, передо мной лежал старик, с которым познакомились давеча. Я смотрел на спокойное, благородное белое лицо, обрамлённое белыми волосами и белой бородой, и не мог поверить в происходящее. Из оцепенения меня вывел голос старшего монаха, который приказал накрыть тело новым саваном и закрыть надгробье.

– Ну что, сын мой, тяжело?

Видимо, все «процедуры» были закончены, и монах обращался ко мне.

– Да, – ответил я с трудом.

– Ну, ничего, потерпи немного, скоро отдохнёшь.

Я промолчал.

* * *

Со скоростью черепахи мы шли через монастырский двор.

Монах вновь заговорил:

– Эх, когда думаю, как сражались с супостатом молодые монахи во главе со своим ещё более молодым настоятелем и как сложили они голову за веру, аж сердце щемит.

– Вы это о ком?

– О том, в чью могилу ты сегодня смотрел.

Я чуть не упал:

– Что значит – молодой?

– То и значит. Настоятель был совсем молодым. Да ты и сам видел, за столько веков даже волосы не посветлели, каким был черноволосым, чернобровым богатырём, таким и остался... нетленным.

Сказать, что у меня случился шок, это ничего не сказать, так как я точно знал, что видел. Хотелось крикнуть – вы что, меня за дурака здесь держите? Но не было сил даже слова вымолвить...

Мы подошли к какой-то двери, выходящей прямо во двор.

– Вот, переночуешь здесь.

Я облокотился об косяк и стал левой рукой ощупывать стену внутри комнаты.

– Что ты там ищешь? – спросил монах.

– Включатель лампочки.

Монах от души рассмеялся:

– Вот тебе лампочка, – он подал мне свечу, – а вот и включатель, – и протянул что-то типа огнива. – Топчан – в углу, вода для питья – рядом с топчаном, в кувшине, вода для омовения – в бочке за углом, отхожее место – за огородами.

Я взял свечу и огниво, пробрался к топчану, упал на него и провалился в небытие.

* * *

Иногда моё сознание прояснялось, обычно это происходило тогда, когда кто-то вливал мне в рот какую-то, до омерзения горькую, жидкость. Бывало, я осознавал, что ещё жив, чувствуя, как меня ворочают, передевают или обмывают. И вот однажды, вдруг очнувшись окончательно, увидел склонённое надо мной улыбающееся лицо.

– Привет, – сказал молоденький монах, – с возвращением.

– Привет.

Я как-то сразу пошёл на поправку и уже через несколько дней грелся на солнышке, усевшись на пень возле кельи.

Как оказалось, зима прошла и на дворе стояла весна – я «проспал» три месяца.

А ещё через некоторое время мне уже давали поручения по работе в монастыре, и я их с радостью выполнял. Кстати, работы было немало. И хоть в монастыре служило всего три человека, два монаха и отец-настоятель (тот, который впустил меня в ворота), угодья имелись обширные. Как я понял, извне в монастырь ничего не доставляли. Питались обитатели тем, что произрастало на огороде, поэтому работать приходилось днём и ночью.

Постепенно мне стала нравиться эта простая размеренная жизнь, и однажды я решил поговорить с настоятелем:

– Отец-настоятель, хочу остаться у вас навсегда.

– Зачем тебе это?

– Ну, не знаю, в благодарность за то, что Господь смилостивился надо мной...

– Можно быть благодарным и в Миру. Есть ещё что-то, что подвигает тебя принять постриг?

– Не знаю...

– Сын мой! Монашество – призвание, с которым надо родиться, у тебя такого призвания нет. Это не плохо и не хорошо. Просто, ты родился, чтобы жить в Миру. В общем, говоря коротко, монахом можешь ты не быть, но хорошим человеком быть обязан, – на этих словах собеседник по-мальчишески подмигнул мне. – Так что живи спокойно, а когда придёт время уйти, я тебе скажу.

* * *

Прошло ещё два месяца. Был самый разгар лета. И однажды после вечерней службы настоятель подозвал меня к себе:

– Твоё время пришло, сын мой. Собирайся.

Сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

– Ладно, отец, завтра с утра...

– Нет, не завтра, сейчас. Иди в свою келью, тебе принесут одежду, – он похлопал меня по плечу, – иди-иди...

Я пошёл в келью и сел на топчан. В голове был настоящий кавардак. Вошёл молодой монах.

– Брат, вот твоя одежда, – он положил на грубо сколоченный стол мои чистые, аккуратно сложенные брюки и рубашку, на пол поставил туфли. В голове промелькнуло: «Наверное, нашли за стенами монастыря».

Монах сказал:

– Поспеши, отец-настоятель ждёт тебя у ворот.

Быстро одевшись, я направился к выходу:

– Куда мне идти, отец?

– Иди вперёд, только не останавливайся, – с этими словами настоятель вытолкнул меня за ворота, в темноту.

ЧАСТЬ 4. ВСТРЕЧА СО СЧАСТЬЕМ

И я пошёл. Вокруг стояла такая же тёмная ночь, как тогда, когда я оказался у монастырской ограды. Но эта темнота была... дружелюбной.

Воздух свободы так освежал, что я почти бежал... и неожиданно напоролся на что-то. Подумав, что надо отдохнуть и дождаться рассвета, сел на невидимую преграду и сразу уснул.

Меня разбудил несильный удар по голове. Открыв глаза и жмурясь от яркого солнечного света, я увидел Рыжего, который уже целился в меня другим камушком.

– Э, ты что делаешь, пацан? – сказал я весело.

– А чего ты вечно спишь?

– Ну... я такой... соня...

– Вот мама обрадуется, что приехал ты, а не они, – сказал Рыжий.

– Кто они?

– Ну, эти, как их... комиссия.

– А, – я понял, о чём говорил мальчишка.

– А почему мама боится комиссии?

– Ну, ты же сказал, что ерунду покупать нельзя, а она всё равно покупает нам конфеты и потому боится этих... как их... комиссию. Говорит, лучше бы проверять ты приехал, потому что ты добрый и, может быть, не будешь ругаться. Ты не будешь ругаться?

– Конечно, нет, пойдём.

* * *

Мы шли по дороге, и я вдруг спросил:

– Слушай, Рыжий, ты уже взрослый мужчина, всё в округе знаешь.

– Да.

– Слушай, где-то здесь есть монастырь, большой, но там служат всего три монаха. Может, подскажешь, как к нему пройти.

– Не.

– Что «не»?

– Нет здесь никакого монастыря, и никогда не было.

Я почувствовал, что кровь отливает от лица:

– Ну, возможно, ты не знаешь точно, не такой уж ты и большой.

– Знаю! Я сам слышал, как священник кому-то говорил, что хорошо было бы, если бы здесь был хоть небольшой монастырь. Тогда бы сюда приезжали паломники и местные жители могли бы на этом немного зарабатывать.

Мальчишка хлюпнул носом, помолчал и сказал:

– Дай конфетку.

– Нет у меня.

– Ну, дай что-нибудь.

– Да нет у меня ничего, – с этими словами я вывернул карманы брюк, и в дорожную пыль упала грязная купюра в пятьдесят лари.



Мир без границ

Берега Литвы

Лайма Дебесюнене



Родилась в 1962 году в Каунасе. Окончила факультет Литовского языка и литературы Вильнюсского государственного педагогического института. Работала учительницей. Сейчас – стилист-корректор в газете «XXI amžius», руководит литературным приложением «Oazė». Пишет статьи, стихи, рассказы на литовском и русском языках, занимается переводами. Стихи переводились на английский, венгерский, сербский, польский, украинский, узбекский, таджикский языки и иврит. Проза отмечена дипломом фестиваля «Балтийский гамаюн» (2019). Результат сотрудничества с венгерским поэтом Ароном Гаалом – книга «Rugpjūčio vakaras ir naktis» (2017). Печаталась в альманахах и журналах Литвы, Латвии, России, Венгрии и Киргизии. Член оргкомитета фестиваля духовной поэзии «Покрова» и МАПП.

Не только о «Покровах»

С 2013 года в Кафедральном соборе Воскресения Христа в Каунасе ежегодно проводится фестиваль духовной поэзии «Покрова». С 2018 года он переместился в Центр культур разных народов. Инициатором и руководителем проекта является Эляна Суодене, доктор филологических наук, поэтесса, председатель клуба «Надежда» Русского собрания Литвы. Покровитель – отец Николай Мурашов, настоятель Каунасской Благовещенской церкви. Каждый год в октябре на фестиваль собираются русскоязычные поэты из Литвы, а также из Латвии, России (Калининградской области, Подмосковья), Белоруссии. Не менее важен синтез различных видов искусства, языков и религий. В этом торжестве духовного поэтического слова участвуют и художники, музыканты. Характерной особенностью является тот факт, что представители именно разных религиозных конфессий читают свои произведения. На одном из фестивалей «Покрова» несколько лет назад присутствовала скульптор Тамара Янова. Самые знаковые в литературном сообществе гости, почтившие своим вниманием «Покрова», – всемирно известный венгерский поэт Арон Гаал (1952–2019), приезжавший на фестиваль в 2015 и 2016 годах, американская поэтесса Элен Кофман (р. 1971) – в 2016 и 2017 годах, а также вокальный дуэт «Остров» из Подмосковья (в 2017 и 2018 годах). Тогда в Вильнюсе проводились приуроченные к фестивалю литературные форумы, и с творчеством гостей могла познакомиться общественность столицы. Подобный фестиваль, аккумулирующий столь высокие духовные смыслы, – единственный в Прибалтике. Международный фестиваль духовной поэзии «Покрова» поддерживает Департамент национальных меньшинств при Правительстве Литовской Республики.

Возможно, несколько необычное название фестиваля для католиков... У них нет такого праздника и называется праздником Пресвятой Девы Марии защитницы. Праздник «Покрова» пришёл в Россию из Византии. Люди в церкви прятались от врагов и молились о помощи Пресвятой Девы Марии. Мать Божия окутала церковь волшебным полотном и спасла... Такой Её видели люди. Такой Она изображена на иконах. Эту историю в летописи прочитал Владимирский князь Андрей Боголюбский. Это произвело на него огромное впечатление, и он решил этот праздник отмечать в своём княжестве. Затем он распространился по всей России и за её пределами. Покрова – встреча осени и зимы, когда работа на полях закончена, когда люди могут быть вместе, общаться. Каунасский Международный фестиваль духовной поэзии «Покрова» всегда проходит в первое воскресенье после 14 октября и празднования Покрова в православной церкви.

20 октября 2019 года состоялся седьмой фестиваль духовной поэзии «Покрова». Поэты из России (Калининградская область), Латвии и Белоруссии снова собрались вместе.

Э. Суодене начала фестиваль вступительным словом. Всех собравшихся поздравил Дайнюс Бабилас, директор Каунасского Центра культур разных народов. Потом было предоставлено слово делегации из Калининграда. С приветственной речью выступила кандидат философских наук, главный редактор литературного журнала «Берега», прозаик, обладатель Золотого пера Руси и множества других достойных наград Лидия Довыденко. Почётная гостья фестиваля особо подчеркнула, что людей объединяют творчество, поиск добра, красоты и правды. Другой гость из Калининграда Владимир Вахрамеев – писатель и журналист, автор многочисленных книг, исследователь литературы, создаваемой на русском языке в странах Прибалтики, – пожелал участникам фестиваля хорошего настроения и новых идей для творчества. Молодой поэт Евгений Журавли читал стихи. Было приятно слушать, потому что он много экспериментирует, виртуозно играет словами. Маленькая делегация из Калининградской области своим выступлением оставила неизгладимое впечатление.

Вице-президент Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП) и председатель литовского отделения Лев Месенгисер, обладатель Серебряного пера Руси, отметил важность фестиваля для русскоязычной литературы Прибалтики.

Людмила Рябенко-Зон, председатель Русского собрания Литвы, обратила особое внимание на высокий морально-художественный уровень литературного альманаха «Покрова». Гость из Латвии поэт Иван Кунцевич уже не первый раз привозит огромные связки альманахов «Покрова» и «Oceanus Sarmaticus», а также издаваемого в Риге журнала «Корни». В личных беседах его спрашивали о святом Иосфате. Оказывается, что не только совпадают их имена и фамилии, они родом из тех же мест (из Витебской области Белоруссии), но никто ещё не исследовал их родственную связь. К сожалению, в этом году не смог приехать поэт Александр Якимов, депутат парламента Латвии, поэтому Иван Кунцевич был единственным гостем из этой страны. О нём душевно заботились поэты из Белоруссии не только во время фестиваля, но и на следующее утро они пригласили его вместе позавтракать и осмотреть Старый город Каунаса. Все они остановились в гостинице «Вилла Кауненсис» и были в восторге от внимания персонала гостиницы и атмосферы фестиваля.

Поэтесса Эльвира Поздня прочитала отрывки из её последних книг, одного за другим представляла поэтов из Вильнюса. Их было немало, каждый уникальный и интересный, но всех очаровала самая младшая – Елена Жолонко, которая пишет стихи не только на русском, но и на литовском языке. Она получила предложение вступить в МАПП.

Последними свои произведения читали хозяева фестиваля – каунасские поэты. С песнями выступали ансамбль «Надежда» и бард из Алитуса Нериус Чекавичюс. После всего этого было застолье. Всех угощали Вера Свинцова, Александра Красивова, Валентина Ракаускене, Валентина Качанаускене. Снимали Валерий Иванов из Вильнюса и Александр Илларионов из Алитуса. В Интернете можно свободно найти фильм. В заключение Э. Суодене поблагодарила всех, кто помогал подготовить фестиваль, особенно редактора альманахов «Покрова» и «Oceanus Sarmaticus», изданных в Риге, Альберта Снегирёва и всех членов редакции за кропотливый труд. Куратора фестиваля «Покрова» отца Николая Мурашова Эяна поблагодарила земным поклоном за духовную поддержку.

Фестиваль состоялся после того, как министр культуры Литвы Миндаугас Кветкаускас утвердил концепцию репрезентации истории национальных меньшинств. Это состоялось 2 октября 2019 года, ещё до фестиваля, но оргкомитет не знал об этом и не почувствовал каких-либо положительных изменений. Кстати, речь должна идти не только об истории, но и о настоящем. В конце концов, национальные меньшинства также создают литературу на своих языках, организуют мероприятия международного уровня, развивают международные отношения, занимаются переводами и стремятся этим заинтересовать мир. Это подтверждает не только «Покрова», но и другой привлекательный фестиваль – «Многоречивая Вилия», который в 2020 году отпразднует свой первый юбилей (5 лет). Он организован Вильнюсским литературным объединением «Логос», Каунасским клубом «Надежда» при Русском собрании Литвы и музеем Адама Мицкевича в Вильнюсе. Кстати, там звучат стихи не только на литовском, русском, польском, украинском,

белорусском, но и на иврите (благодаря гостю из Израиля). С самого первого фестиваля акцентируется идея литературного критика Александра Краснова, которую он высказал ещё в советское время, что литература, созданная на разных языках в Литве и на литовском языке за пределами Литвы, является частью её культуры (термины «литовская литература» и «литература Литвы» имеют различные значения). Таким образом, описываемые фестивальные события и национальные меньшинства являются частью литовской культуры. К сожалению, литовскоязычная публика (подавляющее большинство населения страны) мало об этом знает, поэты не участвуют в фестивалях, потому что практически нет рекламы и возможностей для неё. Пресса, выходящая в больших тиражах, создаёт нереальные условия, а у выходящей в мелких тиражах есть свои проблемы. Даже государственная газета забывает о своём статусе. Барьер языка, проблема перевода, поиск того, кто может напечатать информацию, отнимают очень много времени. Информация приходит к читателю со значительным опозданием и потеряв актуальность (кстати, пресса, выходящая на негосударственном языке, реагирует мгновенно и без каких-либо требований или условий). В результате национальные меньшинства практически изолированы. Это – около 432 700 человек. Кстати, это – максимальное число, в реальности меньше, но точно подсчитать нет возможности. Кроме того, нет информационной связи и между самими национальными меньшинствами Литвы, а основная часть литовского населения ими вообще не интересуется. Эти проблемы нужно срочно решать. Очень приятно, что это будет сделано, что на государственном уровне проявится забота о национальных меньшинствах.

Зигмас Зинкявичюс (1925–2018), министр просвещения, профессор Вильнюсского университета, лингвист, первым начал решать эти проблемы после восстановления независимости и делал это успешно. В 2012 году усилия министра просвещения Гинтараса Степонавичюса оказались безуспешными, так как некоторые интеграцию приняли за ассимиляцию. Поэт, председатель Союза независимых писателей Литвы Владас Бурагас (1953–2017) отлично понял мысль А. Краснова и хотел под крылом этой организации сплотить усилия литераторов Литвы, пишущих на разных языках, но ему сильно мешало отсутствие социальных связей и тяжёлая болезнь. Каждое национальное меньшинство интегрируется в культурную жизнь страны настолько, насколько хочет, но это невозможно без изучения государственного языка. Основные этнические меньшинства – русские и поляки – идут разными путями к интеграции. Поляки образовали партию, участвуют в выборах. Российское национальное меньшинство организует культурные мероприятия и стремится мобилизовать все национальные меньшинства. Оба этих национальных ареала в Литве свободно создают литературу на своих языках. Совсем недавно были изданы антологии. Удивило то, что у поляков есть много сильных авторов и переводчиков, растёт талантливая молодёжь. Жаль, но мы почти ничего не знаем о современной литературе других национальных меньшинств Литвы. К сожалению, недостаточно просто сосредоточиться на истории и включить вопрос о национальных меньшинствах в школьные программы, ибо будет преподаваться устарелый материал, а важные новости текущих дней останутся в стороне, и поистине толерантных людей мы дождёмся не раньше чем через 10 лет. Трудно сказать, сколько пользы принесут несколько уроков истории о жизни национальных меньшинств. Поэтому министр культуры сделал очень важный шаг в объявлении концепции, но ясно, что этого недостаточно. Национальные меньшинства должны создавать свои организации и в Интернете информировать о себе на национальном и государственном языках, ведь настоящее постепенно становится историей. Проблема национальных меньшинств важна не только в Литве, но и в каждой стране. Это очевидно каждому, кто пишет об этом.



Бережок

Вениамин Гумаров

Родился на Вологодчине в небольшой деревеньке Арсенка. Образование высшее юридическое. После службы в рядах Советской армии работал народным судьёй Череповецкого городского суда, в народном хозяйстве в течение 25 лет – адвокатом. В настоящее время пенсионер.

Печатался в периодической печати, журналах: «Окраина», «Нахалёнок», «Воскресенский проспект» (г. Череповец), в 2008 году в книге «Шаг в бессмертие», посвящённой подвигу 6-й роты 104-го гвардейского парашютно-десантного Краснознамённого полка, г. Псков. В 2017 году – в журнале «Берега» № 6(24). Издал ряд поэтических сборников, три детские книжечки. На стихи автора написано более 15 песен, которые исполняют местные певцы.



Хлеб и золото

Сказка

Много лет в маленькой деревушке жил охотник. Он был очень жадным. О нём говорили: «У него даже снега зимой не выпросишь».

Пуще всего на свете почитал он деньги. Когда кто-либо из соседей с уважением отзывался о простом ржаном хлебе, смеялся: «Глупцы, нашли чему поклоняться. Деньги – вот величайшая ценность». И не было человека, способного его переубедить.

Но вот однажды с ним случилась беда. Ушёл он на охоту – да и заблудился. Много дней плутал по лесу, питаясь только ягодами да грибами, но дороги всё не было. Одежда на нём порвалась, висела ключьями, лицо осунулось, ноги покрылись мозолями. Ему страшно хотелось есть, и уже ни грибы, ни ягоды не могли заглушить голод.

И вот наконец, когда дорога уже была найдена, силы совсем покинули охотника. Он понимал, что если сейчас же не съест хотя бы корочку хлеба, то непременно умрёт. Но где взять хлеб, который он ещё совсем недавно так презирал? Охотник знал, что в кармане у него лежит целая горсть золотых монет, но сейчас они были просто металлом, бесполезно отягощавшим карман.

– Какой я был глупец, – простонал обессиленный охотник, вспомнив своё недавнее отношение к хлебу, и заплакал.

В последний раз он отчаянно обшарил карманы, походную сумку и обнаружил на дне её маленький кусочек чёрствого ржаного хлеба.

О, если бы кто видел, какими глазами охотник посмотрел на него, с какой жадностью стал надкусывать хрустящий бочок! Съев хлеб, он напился воды из лесного ручья и, почувствовав, что силы возвратились, благополучно добрался до деревни. С этого дня хлеб в его доме занял самое почётное место.

Солнышко

Высоко-высоко, в голубом бездонном небе, живёт румяное розовощёкое Солнышко. В течение дня оно освещает Землю и щедро обогревает её своим теплом. Ночью же, устав от работы, уплывает на покой. С уходом Солнышка на Землю опускается мгла и прохлада. Вместе с Солнышком засыпают ребята в своих мягких уютных постельках. Утром же Солнышко вновь выплывает из-за горизонта на небосвод и вновь освещает Землю и обогревает всё живое на ней. Вместе с Солнышком

просыпаются птицы, а затем и детишки в своих уютных, тёплых постельках. И так продолжается изо дня в день, из года в год, и пусть никогда не будет этому конца.

Волшебная коляска

Сказка

Однажды мужик по имени Ермолай пас коров, погода стояла жаркая, и он не заметил, как заснул. В это время рядом находилась колдунья, в считанные минуты превратившая оставленных без присмотра коров в полевые цветы. Проснулся мужик, а коров и след простыл, словно сквозь землю провалились. Совсем отчаялся было пастух, да глядь, подходит к нему старушка росту маленького, с длинным носом и одним-единственным зубом во рту.

– Здравствуй, мил человек! – поприветствовала его незнакомка. – Никак стадо проспал?

– А тебе что за дело, карга старая? – рассердился мужик.

– погоди браниться, – остановила его старушка, – лучше послушай, что скажу. Коров своих тебе не сыскать вовек, хоть всю землю переверни наизнанку, но я готова тебе помочь, если окажешь мне небольшую услугу. А услуга заключается в том, что сегодня ночью, как только стрелки часов покажут полночь, ты взойдёшь на высокую гору за деревней, там найдёшь пещеру, в которой стоит сундук с золотыми монетами и детская коляска. Возьми монет, сколько твоей душе угодно, а коляску отдай мне. Но помни, если что-то сделаешь не так, то все золотые монеты, что ты там наберёшь, превратятся в обычную речную гальку.

– Зачем тебе детская коляска? – полюбопытствовал пастух.

– Много будешь знать – скоро состаришься! – проворчала старуха. – Ну, так как, договорились?

– Хорошо, – согласился Ермолай, – выполню твою просьбу.

– Давно бы так! – обрадовалась колдунья и стукнула три раза о землю палкой, что держала в руках.

И в тот же миг пастух увидел перед собой пропавших коров.

– И вот ещё что, – сказала колдунья. – Возьми в подарок от меня нож-складенец. Этот нож не простой, а волшебный. Стоит сказать в минуту опасности: «Нож-складенец, выручай!», как он тут же поразит твоего противника своим острым лезвием.

– Ну и фокусница же ты, – удивился мужик. – Чисто колдунья!

– А я и есть колдунья, – призналась незнакомка и тут же пропала.

– Вот беда, – затужил пастух, – не ведал, не гадал – с нечистой силой связался. Однако делать нечего, раз дал слово – надо его держать.

Ровно в полночь Ермолай взял фонарь, позвал с собой собаку и стал забираться на вершину горы. Идти было трудно и страшно. Ветер то и дело гасил фонарь, залеплял пылью и песком глаза, где-то совсем рядом выли волки, ухал филин, наводя ужас на всё живое в округе. Казалось, что ещё немного – и мужик не выдержит, повернёт назад. Но вот и вершина горы. Здесь ветер особенно сильно неистовствовал, норовил во что бы то ни стало сбросить с горы. Однако Ермолай уже заметил вход в пещеру и шагнул внутрь. Пещера, освещённая фонарём, показалась ему небольшой. В углу её действительно стояла покрытая паутиной детская коляска, а посередине – большой, доверху набитый золотыми монетами сундук. Монеты поблёскивали под светом фонаря и притягивали к себе его заворожённый взгляд.

– Не обманула старая, – прошептал мужик, кладя первую горсть монет в карман.

Но вдруг что-то очень упругое и холодное обвило грудь и шею Ермолая, и он стал задыхаться. Собака бросилась было ему на помощь, но Удав (а это был именно он) приподнял её под самый потолок пещеры и швырнул в детскую коляску. Собака жалобно заскулила и замолкла.

– Попался вор! – зашипел Удав – Многие и до тебя пытались поживиться моим богатством, но от них остались только косточки, то же будет и с тобой, несчастный!

Мужик вспомнил о лежащем у него в кармане ноже-складенце и, теряя сознание от нехватки кислорода, прошептал: «Нож-складенец, выручай!»

И случилось чудо. Путы, душившие ещё секунду назад, ослабели, к ногам Ермолая упала голова Удава, и он понял, что свободен.

Не раздумывая, пастух набрал полные карманы золотых монет, взял детскую коляску и вышел из пещеры. Над лесом разливалась румяная розовощёкая заря, освещавшая окрестность причудливым волшебным светом, на небе гасли звёзды, наступало раннее летнее утро.

Мужик заглянул на дно детской коляски и опешил. В коляске лежал маленький беззащитный щенок и жалобно скулил. А ведь ещё совсем недавно это был большой лохматый пёс, гроза местных собак и кошек.

«Вот так чудо! – воскликнул Ермолай. – Коляска-то, оказывается, не простая, так вот почему она потребовалась колдунье – омолодиться хочет старая и дальше творить своё безобразие на земле».

Не бывать этому, решил мужик, иначе житья не будет от этой болотной, речной и лесной нечисти. Он подошёл к краю горы и сбросил вниз детскую коляску. Коляска ударилась о камни и рассыпалась на мелкие кусочки.

Ветер подхватил эти кусочки и разбросал их по всей земле. Там, где они упали, люди и поныне находят удивительное растение, дарящее им жизненную силу, бодрость и долголетие. Имя этого растения – ЖЕНЬШЕНЬ.

Золото же, лежавшее в карманах у Ермолая и в пещере, превратилось в обычную речную гальку, но он об этом не жалел, так как был уверен, что, пока у него есть здоровье и сила, заработает себе на пропитание своими руками.



Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» (Москва): <http://ekogradmoscow.ru/novosti/> / [novosti-press-sluzhb / zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii](http://novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii)
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnarodom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл. ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гондарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск), <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» гл. ред. Тамара Малеевская (Австралия), <http://zhemchuzhina.yolasite.com>,

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счет: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru